

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
Royallib.com: <http://royallib.com>

Все книги автора: http://royallib.com/author/leblan_moris.html

Эта же книга в других форматах:
[http://royallib.com/book/leblan_moris/arsen_lyupen__dgentlmengrabitel_sbo
rnik.html](http://royallib.com/book/leblan_moris/arsen_lyupen__dgentlmengrabitel_sbornik.html)

Приятного чтения!

Морис Леблан

Арсен Люпен – джентльмен-грабитель (сборник)

© М. Брыных, составление, 2014

© DepositPhotos / exmatrix3 / dabooost / megin / Rumpelstiltskin / stokkete
/ axysew, обложка, 2014

© Nemiroltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод, 2014

* * *

Очарование воровства

Первый рассказ о похождениях Арсена Люпена был напечатан во французском журнале «Je Sais Tout» в 1905 году. Его автор, 39-летний Морис Леблан, был в то время «широко известен в узких кругах» – и не столько благодаря своим скромным успехам на литературном поприще, как в роли старшего брата Жоржетты Леблан (оперной певицы и близкой подруги Метерлинка).

Французам был необходим свой Шерлок Холмс.

Впрочем, не только французам: во многих странах появились свои «пинкертон» и «картеры». Их создатели смешивали в разных пропорциях черты хорошо известных публике «криминальных талантов» – от сыщика Каффа Уилки Коллинза и агента сыскной полиции Лекока (героя романов Эмиля Габорио) до «героев-разбойников» вроде Рокамболя, но центром этой все разрастающейся детективной вселенной неизменно оставался персонаж Дойла.

Убедившись, что даже простодушное изготовление дубликатов «детектива № 1» – дело коммерчески выгодное, издатели вполне удовлетворились «творчеством» подражателей. При этом жанр, у истоков которого стояли

классики мировой литературы (Эдгар По, Чарльз Диккенс, Роберт Льюис Стивенсон), скатывался в пропасть низкосортной пошлятины.

Как ни странно, Арсен Люпен обязан своей популярностью в равной степени Шерлоку Холмсу и вкусам подворотни.

По гениальному замыслу Мориса Леблана, новый французский герой ни в чем не похож на Холмса, более того, он – полная ему противоположность. Если Холмс всегда на стороне закона и справедливости, то Люпен при знакомстве с читателем... отправляется напрямик в тюрьму. Он закоренелый вор, «прирожденный преступник». Надменный и самоуверенный. Эгоист и мизантроп. Общественные устои вызывают у Люпена лишь снисходительную насмешку. И в то же время Морис Леблан осмеливается утверждать, что «его остроумие, веселый нрав, непредсказуемость, гениальная изобретательность и таинственная жизнь нравились толпе». В этом парадоксе, видимо, и кроется разгадка популярности Люпена: публике надоели картонные, однотипные герои, чьи действия всегда предсказуемы.

Было бы ошибкой утверждать, что Арсен Люпен сделан из того же теста, что и Робин Гуд, – он лишь использует личину «благородного преступника» как наиболее выгодный для себя образ в массовом сознании. На самом же деле Люпен не нуждается в моральном оправдании. Он – первый в мире преступник, осознавший, насколько важен в его деле хороший пиар. Не обязательно раздавать награбленное бедным – в XX веке это ни к чему. Достаточно заявить о своих благих поступках как можно громче. Поэтому Люпен инвестирует деньги в газету «Эко де Франс», чья главная забота – превозносить его благодеяния (в большинстве своем мнимые), умалчивая об их темной стороне.

Если присмотреться, то этот «джентльмен-грабитель» во многом напоминает профессора Мориарти: он тоже создает достаточно могущественную преступную организацию с огромным бюджетом, точно так же бессильны перед ним полиция и представители власти. Но Люпен нашупал тот общественный компромисс, о котором лондонский злодей мог бы только мечтать. Он артист, а не злой гений. Деньги и власть ему необходимы, чтобы поддерживать свою империю, но и только – личное обогащение его почти не интересует. Но самое главное: каждое преступление Люпен совершает не столько ради наживы, сколько ради славы и, как ни странно это звучит, признания.

Иными словами, Люпен – это один из первых удачных опытов по созданию «героя с отрицательной харизмой».

Даже следователь Ганимар, по долгу службы отчаянно преследующий Люпена, не скрывает своего восхищения этим человеком, для которого нет ничего невозможного. Всячески превознося таланты своего героя в сборнике рассказов «Арсен Люпен – джентльмен-грабитель» (1907), Морис Леблан ведет к тому, что во Франции ему нет равных, никто не может противостоять его затеям. А значит, Люпен неизбежно станет на пути лучшего из лучших. Конечно же, речь о Шерлоке Холмсе!

Артур Конан Дойл был, мягко говоря, не в восторге от этой идеи. Но Леблан уже не мог отказаться от замысла представить публике «матч века», в котором имя победителя было предопределено.

Повесть «Арсен Люпен против Херлока Шолмса» – ярчайший образец сатирического детектива. С одной стороны, Леблан неумоимо нахваливает достоинства английского корифея криминалистики, но с другой – создает явно карикатурные образы Шолмса и Вилсона. Для Люпена это даже не поединок, а чистая забава.

Морис Леблан скептически оценивал «логическую» начинку сочинений Дойла, а дедуктивный метод и в грош не ставил. Поэтому Люпен никогда не грешит сложными умозаключениями – он человек действия. Столкнувшись с загадкой, Шолмс хватается трубку и усаживается в кресло. Люпен же узнает ответ намного быстрее – для этого у него есть целая армия соглядатаев, информаторов, агентов.

Арсен Люпен, конечно же, не первый и не последний противник Холмса в детективной литературе, прославивший в свое время победителем. С тех пор Шерлок взял убедительный реванш, даже не приложив к этому никаких усилий, – время отлично умеет расставлять все по своим местам.

Впрочем, не существует такого порядка, который невозможно было бы нарушить, – хотя бы просто шутки ради. Доказано Арсеном Люпенем, самым остроумным и благородным вором в мире.

Арсен Люпен – джентльмен-грабитель

Посвящается Пьеру Лафиту

Мой дорогой друг!

Ты побудил меня ступить на путь, по которому, как мне казалось, я не должен был идти. И на этом пути я открыл для себя столько литературных удовольствий и увеселений, что мне представляется справедливым, если я напишу твое имя в самом начале этого произведения и выражу тебе свое искреннее признание и огромную благодарность.

М. Л.

Предисловие

– Так поведайте же нам вы, столь прекрасный рассказчик, историю о ворах.

– Хорошо, – ответил Вольтер или любой другой философ XVIII века, поскольку этот анекдот связывают со многими несравненными рассказчиками.

И он начал:

– Жил-был однажды генеральный откупщик...

Автор «Приключений Арсена Люпена», который тоже умеет хорошо рассказывать, начал по-другому:

– Жил-был однажды благородный грабитель...

Это столь парадоксальное начало заставило ошеломленных слушательниц встрепнуться. Приключения Арсена Люпена, такие же невероятные и увлекательные, как приключения Артура Гордона Пима, сделали свое дело. Они не только заинтересовали салоны, но и вызвали восторг толпы. С того самого дня, когда этот странный персонаж появился на страницах «Же сэ ту» («Я все знаю»), он продолжает пугать, очаровывать, забавлять сотни и тысячи читателей. А теперь, в виде нового сборника, триумфально войдет в библиотеки, предварительно покорив иллюстрированные журналы.

Эти истории детективов или светских и уличных апашей всегда удивительным образом притягивают к себе внимание. Бальзак, расставшись с госпожой де Морсо, жил драматической жизнью полицейского шпика. Он оставил лилию долины ради строптивого ручья. Виктор Гюго выдумал Жавера, охотившегося за Жаном Вальжаном точно так же, как другой «инспектор» преследовал Вотрена. И они оба думали о Видоке, этом странном хищнике, ставшем сторожевой собакой, о котором поэт «Отверженных» и романист «Рюбампре» сумел собрать сведения. Позднее господин Лекок пробудил любопытство страстных поклонников детективных романов, а господин Бисмарк и господин де Бейст – эти два противника, один неистовый, второй духовный – нашли до и после битвы при Садове то, что их меньше всего разделяло: рассказы Габорио.

Иногда писатель встречается на своем жизненном пути персонаж, которого он превращает в типаж. И этот типаж помогает своему творцу нажать литературное состояние. Счастлив тот, кто из кусочков создает существо, такое живое, как все живущие на земле: Делобеллу или Приолу! Английский романист прославил Шерлока Холмса. Господин Морис нашел своего Шерлока Холмса. Полагаю, после подвигов знаменитого английского сыщика никакие другие приключения не вызывали в мире такого же любопытства, как подвиги Арсена Люпена. И сегодня вереница поступков превратилась в книгу.

Успех рассказов господина Леблана имел, можно сказать, оглушительный успех у читателей, которые прежде довольствовались тривиальными интригами романа-фельетона, который публиковался в ежемесячном журнале. Теперь читатели откроют (весьма значимая эволюция) литературу, которая развлекает, оставаясь в то же время настоящей литературой.

Господин Леблан дебютировал лет десять назад, если я не ошибаюсь, в газете «Жиль Блаз», где его оригинальные, сдержанные и мощные новеллы сразу же поставили своего автора в ряд лучших рассказчиков. Выходец из Нормандии, уроженец Руана, автор, вне всякого сомнения, принадлежит к числу славных потомков Флобера, Мопассана, Альбера Сореля (который был тоже новеллистом). Его первый роман «Женщина» был сразу же замечен. После многих психологических этюдов «Дело Смерти», «Армель и Клод», «Энтузиазм», «Жалость» – пьеса в трех действиях, которой рукоплескали «У Антуана», дополнили список небольших произведений, вышедших из-под изящного пера Мориса Леблана.

Надо обладать особенным даром, живым воображением, чтобы отыскать эти драмы в миниатюре, эти новости, сказанные скороговоркой, в которых содержится полновесная субстанция для книг, равно как виньетки на полях заключают в себе готовые картины. Эти редкие качества рассказчика неизбежно должны были найти более широкое поле для выражения. И вскоре автор «Женщины» сконцентрировался на главном, после того как разбрасывал свой талант по оригинальным историям.

Именно тогда он познакомился с восхитительным, всегда непредсказуемым Арсеном Люпенем.

Нам известна история бандита XVIII века, который грабил людей с манжетами, как писал Бюффон в своей «Естественной истории». Арсен Люпен приходится внучатым племянником этому негодяю, который внушал страх, мило улыбаясь испуганным и соблазненным им маркизам.

– Можете сравнить, – сказал Марсель Л’Эрё, показывая мне корректуру своего собрата и номера «Же сэ ту», где были описаны подвиги Арсена Люпена, – да, вы можете сравнить Шерлока Холмса с Люпенем и Конан Дойла с Морисом Лебланом. Несомненно, у этих писателей есть много точек соприкосновения. Та же мощь письма, та же ловко закрученная интрига, та же таинственность, та же строгая цепь фактов, те же скромные средства. Но какое превосходство в выборе сюжетов, даже в самом качестве драмы! И заметьте: с Шерлоком Холмсом мы всегда сталкиваемся с новой кражей и новым преступлением. Здесь же мы заранее знаем, что Арсен Люпен виновен. Мы знаем, что, распутав таинственные нити интриги, окажемся лицом к лицу со знаменитым благородным грабителем! Разумеется, подводные камни всегда будут. Но их обойдут. И невозможно обойти их с большей ловкостью, чем это делает Морис Леблан. При помощи приемов, которых не замечает даже самый искушенный читатель, автор держит нас в напряжении вплоть до самой развязки каждого приключения. До самой последней строчки читатель пребывает в неуверенности, любопытстве, тревоге. И развязка всегда бывает неожиданной, потрясающей и смущающей. На самом деле Арсен Люпен – это типаж, типаж, уже ставший легендарным. И таковым он останется. Живой, молодой, веселый, неожиданный, ироничный. Вор и грабитель, мошенник и жулик – все, что вы хотите. Но какой он симпатичный, этот бандит! А с какой непринужденностью он действует! Сколько иронии, сколько очарования, какой ум! Он дилетант. Он артист! Запомните: Арсен Люпен не ворует; он забавляется, воруя. Он выбирает. В случае необходимости он возвращает. Он благородный и очаровательный, он рыцарь, он вежливый. И я вновь подчеркиваю: он симпатичный. Все, что он делает, кажется правильным. И мы вопреки всем своим ожиданиям желаем ему удачи, радуемся его успехам и считаем, что сама мораль переходит на его сторону. Хочу еще раз повторить: все это потому, что Люпен является созданием художника, потому что, создавая книгу, Морис Леблан давал волю своему воображению. Морис Леблан ни на минуту не забывал, что прежде всего был писателем во всех смыслах этого слова!

Так говорил господин Марсель Л’Эрё, судья, понимающий толк в деле, знающий цену роману, поскольку сам создал немало замечательных произведений. И я присоединился к его мнению, прочитав эти иронические, забавные страницы, отнюдь не аморальные, несмотря на парадокс, наделяющим таким очарованием джентльмена, грабящего своих современников. Разумеется, я не присужу премию Монтюна этому соблазнительному Люпену. Но разве не

увенчали короной за добродетель Фра-Дьяволо, который очаровывал наших бабушек в «Опера-Комик» в те далекие времена, когда еще не были придуманы символы Ариана и Синей Бороды?

И вот он идет... С красным пером на шляпе...

Арсен Люпен – это Фра-Дьяволо, вооруженный не мушкетом, а револьвером, одетый не в романтическую бархатную куртку, а в безукоризненный смокинг. И я хочу, чтобы он пользовался таким же более чем столетним успехом, каким пользуется неукротимый разбойник, воспетый господином Обером.

Ну что же! Мне нечего пожелать Арсену Люпену. Он при жизни стал знаменитым. И эта книга будет способствовать популярности, зародившейся на страницах иллюстрированного журнала.

Жюль Кларети

Арест Арсена Люпена

Странное путешествие! А как хорошо оно началось! Что касается меня, то прежде я никогда не пускался в путь в столь счастливый час. «Прованс» был комфортабельным быстроходным трансатлантическим кораблем, управляемым самым любезным из людей. На корабле собралось избранное общество. Тут же стали завязываться знакомства, одно развлечение сменяло другое. У нас сложилось восхитительное впечатление, будто мы полностью отрезаны от остального мира, предоставлены самим себе, как на незнакомом острове, и поэтому просто обязаны сблизиться.

И мы сближались...

Задумывались ли вы когда-нибудь, что есть оригинального и неожиданного в этих сообществах людей, которые вчера еще не были знакомы друг с другом и которые в течение нескольких дней будут жить тесным мирком между бесконечным небом и бескрайним морем, бросать вызов разбушевавшемуся океану, ужасающему натиску волн, злобным бурям и подозрительному спокойствию спящей воды?

По сути, это сама жизнь, прожитая в своего рода трагической миниатюре, жизнь со своими бурями и своим величием, монотонностью и разнообразием. И поэтому, возможно, мы с лихорадочной поспешностью и неистовым сладострастием наслаждаемся коротким путешествием, конец которого видим в тот самый момент, когда оно начинается.

Но в течение последних лет кое-что происходит и странным образом усиливает чувства, рождающиеся во время путешествия. Маленький плавающий остров по-прежнему зависит от мирка, который считает себя освобожденным. Связь продолжает существовать, лишь немного ослабевая посреди океана, а потом, постепенно, посреди того же океана, снова заявляет о себе. Беспроволочный телеграф! Сообщение из другой вселенной, откуда можно получить новости самым таинственным образом! Воображению больше нет

необходимости представлять железную проволоку, по которой передается невидимое послание. Какая непостижимая, какая поэтическая тайна! И чтобы объяснить это новое чудо, нужно прибегнуть к помощи ветра.

Итак, в первые часы мы чувствовали, что за нами следит, нас сопровождает и даже опережает этот далекий голос, который время от времени нашептывал одному из нас слова, долетевшие оттуда. Со мной говорили два друга. Десять, двадцать других прислали всем сквозь пространство грустные или радостные слова прощания.

На второй день, когда мы находились в пятистах милях от французских берегов, к вечеру, когда разразилась буря, телеграф доставил нам депешу следующего содержания:

В этот самый момент в темном небе прогремел оглушительный раскат грома. Электрические волны остановили свой бег. Конец депеши до нас не дошел. Нам стала известна только первая буква фамилии, под которой путешествовал Арсен Люпен.

Если бы речь шла о любой другой новости, то я нисколько не сомневалась, что служащие телеграфа, бортовой комиссар и капитан свято сохранили бы ее содержание в глубокой тайне. Но присутствие Арсена Люпена было одним из тех событий, которые заставляют напрочь забыть о сдержанности. В тот же день мы все знали, что знаменитый Арсен Люпен прячется среди нас. Правда, никто не мог сказать, каким образом эта новость получила огласку.

Арсен Люпен среди нас! Неуловимый грабитель, о смелых выходках которого на протяжении многих месяцев писали газеты! Загадочный персонаж, с которым старина Ганимар, наш лучший полицейский, вел смертельную дуэль, перипетии которой были такими захватывающими! Арсен Люпен, этот непредсказуемый джентльмен, который орудовал только в замках и салонах и который однажды ночью проник к барону Шорману и ушел оттуда с пустыми руками, оставив записку: «Арсен Люпен, благородный грабитель, вернется, когда мебель будет подлинной». Арсен Люпен, принимавший тысячи обликов: он был то шофером, то тенором, то букмекером, то сыном благородных родителей, то подростком, то стариком, то коммивояжером из Марсея, то русским врачом, то испанским тореадором!

Запомните это хорошенько: Арсен Люпен бродил по ограниченному пространству трансатлантического корабля! Это я вам говорю! По палубе, где находились каюты первого класса, где мы все в любой момент могли оказаться в столовой, салоне, курительной! Возможно, Арсеном Люпеном был вот этот господин... или вот этот... мой сосед по столу... мой сосед по каюте...

– И это будет длиться еще пять раз по двадцать четыре часа! – воскликнула на следующий раз мисс Нелли Андердаун. – Это невыносимо! Надеюсь, его скоро арестуют. – И, обратившись ко мне, она добавила: – Послушайте, господин д'Андреази, вы ведь в хороших отношениях с капитаном? Вы что-нибудь знаете?

Как бы мне хотелось что-либо знать, чтобы угодить мисс Нелли! Она была из тех очаровательных созданий, которые сразу, где бы ни находились, занимают видное место. Их красота, равно как и состояние, приводят в восторг. У них есть двор, поклонники, обожатели.

Она жила в Париже вместе с матерью-француженкой, а теперь ехала к отцу, богатейшему Андердауну из Чикаго. Сопровождала мисс Нелли одна из ее подруг, леди Джерланд.

С самой первой минуты я настроился на легкий флирт. Но в интимной обстановке путешествия ее очарование сразу же поразило меня. Я чувствовал себя немного взволнованным для флирта, когда ее огромные черные глаза ловили мой взгляд. Впрочем, мисс Нелли благосклонно относилась к тому, что я ухаживал за ней. Она изволила смеяться над моими шутками, проявляла интерес к анекдотам, которые я рассказывал. Казалось, ответом на услужливость, которую я свидетельствовал ей, была едва заметная симпатия.

Меня волновал, возможно, единственный соперник. Довольно красивый молодой человек, элегантный, собранный. Похоже, она, скорее, предпочитала его молчаливое настроение, чем мои немного «показные» выходки парижанина.

Этот молодой человек был в числе почитателей, окружавших мисс Нелли, когда она обратилась ко мне с вопросом. Мы находились на палубе, где удобно расположились в креслах-качалках. После вчерашней бури небо прояснилось. Стояла восхитительная погода.

– Я не знаю ничего конкретного, мадемуазель, – ответил я. – И разве мы не можем сами провести расследование, как это сделал бы старина Ганимар, личный враг Арсена Люпена?

– О! О! Вы слишком многого хотите!

– Почему? Разве это так уж сложно?

– Очень сложно.

– Но вы забываете, что у нас есть данные, которые помогут решить проблему.

– Какие данные?

– Во-первых, Люпен называет себя «господин Р...».

– Расплывчатая подсказка.

– Во-вторых, он путешествует один.

– Если бы этой особенности было достаточно!

– В-третьих, у него светлые волосы.

– И что?

– Нам надо просто свериться со списком и действовать путем исключения.

Этот список лежал у меня в кармане. Я вытащил его и пробежал глазами.

– Хочу обратить ваше внимание на то, что есть всего лишь тринадцать пассажиров, первая буква фамилии которых заслуживает нашего внимания.

– Только тринадцать?

– В первом классе – да. Из этих тринадцати господ девять, как вы сами можете убедиться, едут с женами, детьми и слугами. Остаются четыре человека. Маркиз де Равердан..

– Секретарь посольства, – перебила меня мисс Нелли. – Я его знаю.

– Майор Роусон...

– Это мой дядюшка, – раздался чей-то голос.

– Господин Риволта...

– Я здесь, – воскликнул один из нас, итальянец, лицо которого скрывала иссиня-черная борода.

Мисс Нелли рассмеялась.

– Да, этот господин явно не блондин.

– Тогда, – продолжал я, – мы должны сделать вывод, что последний в нашем списке и есть виновный.

– То есть?

– То есть господин Розен. Кто-нибудь знает господина Розена?

Все молчали. Но мисс Нелли, сверля взглядом молчаливого молодого человека, ухаживавшего за ней, что заставляло меня страдать, спросила:

– Ну, господин Розен, почему вы не отвечаете?

Все посмотрели на молодого человека. У него были светлые волосы.

Признаюсь, мне стало немного нехорошо. А воцарившееся тягостное молчание подсказало мне, что все остальные тоже почувствовали легкий шок. Впрочем, это было абсурдно, поскольку ничто в поведении молодого человека не позволяло его подозревать.

– Почему я не отвечаю? – сказал он. – Потому что, приняв во внимание мое положение одинокого путешественника и цвет моих волос, я тоже провел подобное расследование и пришел к такому же результату. Я уверен, что меня арестуют.

Произнося эти слова, он странно выглядел. Его тонкие губы, похожие на две прямые черты, стали еще тоньше и побелели. Белки глаз покрылись красными прожилками.

Разумеется, он шутил. Однако его лицо, да и весь внешний вид произвели на нас сильное впечатление. Мисс Нелли наивно спросила:

– Но у вас ведь нет шрама?

– Вы правы, – ответил он, – не хватает шрама.

Нервным жестом он засучил рукав, обнажив руку. И тут меня поразила одна мысль. Мои глаза встретились с глазами мисс Нелли: он показывал нам левую руку!

Честное слово, я уже собирался сказать об этом вслух, как один инцидент отвлек наше внимание. На палубу прибежала леди Джерланд, подруга мисс Нелли.

Она была взволнована до глубины души. Все столпились вокруг нее. Лишь после нескольких усилий ей удалось выговорить:

– Мои драгоценности, мой жемчуг... Их украли!

Нет, их не украли, как мы узнали впоследствии. Произошла более любопытная вещь: их выбрали!

Из бриллиантовой звезды, из кулона с рубином в форме кабошона, из кольца и разбитых браслетов были украдены не самые крупные, а самые изящные, самые ценные камни, то есть те, которые стоят дороже, но при этом занимают мало места. Оправы лежали на столе. Я видел их. Мы все их видели. Эти оправы, из которых выпотрошили камни. Они походили на цветы, у которых оборвали яркие, сверкающие лепестки.

Чтобы совершить это преступление, в то время как леди Джерланд пила чай, надо было в разгар дня, когда по палубе прогуливаются пассажиры, взломать дверь каюты, найти маленькую сумочку, спрятанную на дне шляпной коробки, открыть ее и выбрать нужное!

Мы все вскрикнули, как один человек. Все пассажиры, узнав о краже, были единодушны: это дело рук Арсена Люпена. Это была его сложная, таинственная, непостижимая... и вместе с тем логичная манера, поскольку было очень трудно спрятать громоздкую грудку драгоценностей, а вот маленькие камни, отделенные друг от друга, все эти жемчужины, изумруды и сапфиры, не доставляли лишних хлопот своему новому владельцу.

Во время ужина два места, справа и слева от Розена, оставались пустыми. Вечером мы узнали, что его вызвал к себе капитан.

Его арест, в котором никто из нас не сомневался, принес нам огромное облегчение. Мы наконец вздохнули спокойно. Вечером мы развлекались, танцевали. Мисс Нелли была особенно весела. По ее поразительной радости я понял, что она забыла об уходе Розена, которые, вероятно, вначале ей нравились. Я был окончательно покорен ее грациозностью. Около полуночи при безмятежном свете луны я засвидетельствовал ей свою преданность с чувством, которое пришлось ей по вкусу.

Но на следующий день мы с изумлением узнали, что Розен был освобожден, поскольку улики против него оказались недостаточны.

Сын крупного торговца из Бордо, он представил документы, бывшие в полном порядке. К тому же на его руках не было шрамов.

– Документы! Свидетельство о рождении! – восклицали недруги Розена. – Да Арсен Люпен представит вам столько документов, сколько вы пожелаете! Что касается шрама... Значит, он не был ранен... Или уничтожил следы ранения!

Им возражали, что во время кражи Розен – а это было доказано – прогуливался по палубе. Но недруги упорствовали:

– Разве такой человек, как Арсен Люпен, обязан присутствовать при краже, которую он совершает?

К тому же, если отбросить все досужие рассуждения, был один пункт, который даже скептики не могли опровергнуть. Кто, кроме Розена, путешествовал в одиночестве, был блондином и носил фамилию, начинающуюся на букву «Р»?

Когда за несколько минут до завтрака Розен отважно направился в сторону нашей группы, мисс Нелли и леди Джерланд встали и удалились.

Они просто испугались.

Уже через час все находившиеся на корабле – обслуживающий персонал, матросы и пассажиры всех классов – передавали из рук в руки записку: господин Луи Розен обещал выплатить десять тысяч франков тому, кто разоблачит Арсена Люпена или найдет обладателя украденных камней.

– Если никто не поможет мне поймать этого бандита, – заявил Розен капитану, – я сам вступлю с ним в схватку.

Розен против Арсена Люпена или, как говорили между собой пассажиры, Сам Арсен Люпен против Арсена Люпена. Борьба обещала быть интересной.

Борьба продолжалась в течение двух дней. Все видели, как Розен рыскал направо и налево, бродил среди обслуживающего персонала, расспрашивал, вынюхивал. Ночью можно было заметить, как его тень кралась по палубе.

Капитан тоже развил бурную энергию. Он приказал обыскать «Прованс» сверху донизу, заглянуть во все уголки. Обыск был проведен во всех каютах без исключения под тем справедливым предлогом, что украденные драгоценности могли быть спрятаны где угодно, кроме каюты преступника.

– В конце концов они же найдут что-нибудь, правда? – спросила меня мисс Нелли. – Пусть он дьявол во плоти, но не может же он сделать бриллианты и жемчуг невидимыми.

– Может, – ответил я. – Или придется вспороть подкладки наших головных уборов и пиджаков, да и всего, что на нас надето.

И я показал мисс Нелли свой «кодак», которым без устали фотографировал ее в разных позах.

– Знаете, все драгоценные камни леди Джерланд поместятся вот в таком аппарате. Нужно просто сделать вид, что фотографируешь, и дело сделано.

– Однако я слышала, что все вору оставляют за собой какие-нибудь следы.

– Все, кроме одного. Кроме Арсена Люпена.

– Почему?

– Почему? Потому что он думает не только о краже, которую совершает, но и обо всех обстоятельствах, которые могут его выдать.

– Вначале вы были более доверчивы.

– Но с тех пор я видел, как он работает.

– И что вы думаете?

– Я думаю, что мы зря теряем время.

Действительно, поиски не дали никаких результатов. Вернее, результаты, которые они дали, не соответствовали общим ожиданиям: у капитана украли часы.

Разгневанный капитан удвоил усилия и стал еще пристальнее следить за Розеном, с которым имел несколько бесед. А на следующий день по очаровательной иронии судьбы часы нашлись среди пристежных воротничков помощника капитана.

Все это было похоже на чудо и свидетельствовало о насмешливой манере Арсена Люпена, конечно, грабителя и в то же самое время дилетанта. Арсен Люпен работал не только по призванию, по влечению, но и ради удовольствия. Он был похож на господина, который забавляется, заставляя окружающих разыгрывать пьесу. А сам, стоя за кулисами, от души смеется над придуманными им самим шутками и ситуациями.

Безусловно, он был мастером своего дела. Когда я наблюдал за мрачным и упрямым Розеном, то думал о двойной роли, которую, вне всякого сомнения, играл этот тип, и не мог не думать о нем с восхищением.

Предпоследней ночью вахтенный офицер услышал какой-то шум в самом темном месте палубы и подошел ближе. Какой-то мужчина лежал там. Голова его была обмотана толстым серым шарфом, а руки связаны тонкой веревкой.

Несчастливого освободили от пут, подняли и оказали ему необходимую помощь.

Этим мужчиной оказался Розен.

Во время очередных поисков кто-то напал на Розена, оглушил и ограбил его. На визитной карточке, приколотой булавкой к одежде, было написано:

«Арсен Люпен с благодарностью принимает десять тысяч франков от господина Розена».

На самом деле в украденном бумажнике лежали двадцать тысяч франков.

Разумеется, несчастного обвинили в симулировании нападения. Однако было просто невозможно связать себя подобным образом. К тому же почерк, каким были написаны слова на визитной карточке, разительно отличался от почерка Розена и походил – а в этом нельзя было ошибиться – на почерк Арсена Люпена, образец которого приводила старая газета, найденная на корабле.

Значит, Розен не был Арсеном Люпеном. Розен был Розеном, сыном крупного торговца из Бордо! А Арсен Люпен вновь заявил о своем присутствии, да еще самым преступным способом!

На корабле царил ужас. Никто не осмеливался оставаться в одиночку в каюте и уж тем более бродить по уединенным местам. Все старались держаться около надежных людей. И вновь инстинктивное недоверие разделило самых близких, ведь угроза исходила не от одинокого, находящегося у всех на виду персонажа, а следовательно, менее опасного. Теперь Арсеном Люпеном были... все. Наше возбужденное до крайности воображение приписывало Арсену Люпену чудесную безграничную власть. Его считали способным принимать самые неожиданные обличья, быть по очереди майором Раусоном или благородным маркизом де Раверданом или – в том случае, если никто не обращал внимания на уличающую первую букву, – тем или иным хорошо знакомым пассажиром, имеющим жену, детей, слуг.

Первые беспроводные депеши не принесли никаких новостей. По крайней мере капитан нам ничего не сообщил, и подобное молчание не могло нас успокоить.

Итак, последний день показался бесконечным. Мы жили в тревожном предчувствии беды. На этот раз мы ждали не кражу, не простое нападение. Это должно быть настоящее преступление, убийство. Никто не допускал мысли, что Арсен Люпен ограничится этими незначительными кражами. Абсолютный хозяин корабля, сделавший официальные власти совершенно беспомощными, ему стоило только пожелать. Все ему было позволено. Он располагал всем нашим имуществом и даже нашими жизнями.

Для меня это были восхитительные часы, должен признаться, поскольку они позволили мне завоевать доверие мисс Нелли. Испуганная происшедшими событиями, нервная от природы, она инстинктивно искала у меня защиты, безопасности, и я был счастлив ей это предоставить.

В глубине души я благословлял Арсена Люпена. Разве не он способствовал нашему сближению? Разве не благодаря ему я удостоился права предаваться самым прекрасным мечтам? Любовным грёзам и менее химерическим мечтам, почему бы не признаться? Андреси принадлежали к старинному славному роду из Пуатье, однако их герб немного потускнел. Мне казалось недостойным джентльмена думать о том, как бы вернуть нашему имени утраченный блеск.

Я чувствовал, что эти мечты отнюдь не оскорбляли мисс Нелли. Ее смеющиеся глаза позволяли мне мечтать. Ее нежный голосок заставлял меня надеяться.

До самого последнего момента мы, облокотившись о леер, стояли рядом. А вдаль уже показалась линия американского побережья.

Обыски больше не проводились. Все ждали. Все пассажиры, от первого класса до нижней палубы, где ютились эмигранты, ждали минуты, когда наконец разрешится неразрешимая загадка. Кто был Арсеном Люпенем? Под каким именем, под какой личиной скрывался знаменитый Арсен Люпен?

И наконец эта минута наступила. Даже если мне придется прожить еще сто лет, я все равно не забуду эту историю.

– Какая вы бледная, мисс Нелли, – обратился я к своей спутнице, которая опиралась на мою руку.

– А вы? – ответила она. – Ах, как вы изменились!

– Разумеется. Какая знаменательная минута! Я счастлив быть рядом с вами! Мне кажется, что и ваша память...

Мисс Нелли, задыхающаяся, дрожащая, не слушала. Спустили сходни. Но прежде, чем мы получили право сойти на берег, на борт поднялись таможенники, какие-то люди в форме, почтальоны.

Мисс Нелли пробормотала:

– Сейчас выяснится, что Арсен Люпен сбежал во время плавания. И я не удивлюсь этому.

– Возможно, он предпочел смерть бесчестию и бросился в волны Атлантического океана, чтобы не быть арестованным.

– Не надо смеяться, – обиженно сказала она.

Я вздрогнул, а когда мисс Нелли спросила, что со мной, ответил:

– Видите пожилого господина, который стоит у сходней?

– С зонтиком и в оливковом рединготе?

– Это Ганимар.

– Ганимар?

– Да, знаменитый полицейский, поклявшийся лично арестовать Арсена Люпена. А-а, я так понимаю, на этом побережье никаких сведений о нем нет. И Ганимар приехал! Он не любит, когда вмешиваются в его делишки.

– Значит, Арсена Люпена наверняка арестуют?

– Кто знает? Ганимар никогда не видел Арсена Люпена, а тот, похоже, гримируется и переодевается. Если только он не знает его теперешнего имени...

– Ага! – сказала она с жестоким любопытством женщины. – Если бы я могла присутствовать при его аресте!

– Надо набраться терпения. Нет никаких сомнений, что Арсен Люпен уже заметил, что его враг здесь. И предпочтет сойти с корабля последним, когда глаз старика притупится.

Путешественники начали сходить на берег. Опираясь на зонтик, напустив на себя равнодушный вид, Ганимар, казалось, не обращал внимания на пассажиров, столпившихся между двумя поручнями. Я заметил, что офицер с корабля, стоявший за полицейским, время от времени что-то говорил ему.

Маркиз де Равердан, майор Раунсон, итальянец Риволта спокойно сошли на берег вслед за другими пассажирами... Наступила очередь Розена.

Бедный! Казалось, он так и не оправился от своих злоключений.

– Возможно, это все-таки он, – сказала мисс Нелли. – Как вы думаете?

– Я думаю, что будет очень интересно запечатлеть их вместе. Ганимар и Розен рядом. Возьмите фотоаппарат, у меня и так много вещей.

Я отдал ей фотоаппарат, но слишком поздно, чтобы она сумела им воспользоваться. Офицер что-то прошептал Ганимару на ухо, тот пожал плечами, и Розен спокойно сошел на берег.

Но, бог ты мой, кто же Арсен Люпен?

– Да, – громко сказала мисс Нелли, – кто же он?

Осталось человек двадцать. Мисс Нелли следила за ними, смутно опасаясь, как бы он не оказался среди них.

Я сказал:

– Мы не можем больше ждать.

Мисс Нелли пошла вперед. Я последовал за ней. Мы не сделали и десяти шагов, как Ганимар преградил нам дорогу.

– В чем дело? – воскликнул я.

– Минуточку, сударь, куда вы так торопитесь?

– Я сопровождаю барышню.

– Минуточку, – настойчиво повторил Ганимар и, глядя мне в глаза, произнес: – Арсен Люпен, не так ли?

Я рассмеялся.

– Нет, Бернар д'Андреzi.

– Бернар д'Андреzi умер три года назад в Македонии.

– Если бы Бернар д'Андреzi умер, меня на этом свете не было бы. Вы ошибаетесь. Вот мои документы.

– Это его документы. Буду весьма признателен, если вы объясните, как сумели их заполучить.

– Вы сошли с ума! Арсен Люпен поднялся на борт под фамилией, начинающейся на букву Р.

– Это еще одна из ваших проделок, ложный след, по которому вы нас пустили. Да, это вам под силу, мой дорогой. Но на этот раз удача отвернулась от вас. Ну же, Люпен, покажите, что вы хороший игрок.

Я колебался лишь мгновение. И тут он резко ударил по моей правой руке. Я закричал от боли. Ганимар попал по еще не зажившей ране, о которой говорилось в телеграмме.

Оставалось смириться. Я повернулся к мисс Нелли. Она слушала наш разговор, мертвенно-бледная, едва держась на ногах.

Ее взгляд встретился с моим, потом перешел на «кодак», который я ей отдал. Мисс Нелли вздрогнула, и у меня сложилось впечатление, нет, я проникся уверенностью, что она все поняла. Да, между узкими стенками, обитыми черной шагреновой кожей, внутри этого небольшого предмета, который я так предусмотрительно отдал ей, лежали двадцать тысяч франков Розена, жемчуг и бриллианты леди Джерланд.

Ах! Готов поклясться, что в этот торжественный момент, когда Ганимар и его приспешники окружили меня, я вдруг стал равнодушен и к своему аресту, и к враждебности окружающих – ко всему, кроме одного: я хотел знать, какое решение примет мисс Нелли относительно того, что я ей доверил.

То, что это столь убедительное доказательство обернется против меня, не вызывало никаких сомнений. Но отважится ли мисс Нелли предоставить им его?

Предаст ли она меня? Погубит ли? Поступит ли как беспощадный враг или как женщина, которая помнит о моей симпатии, и способно ли это чувство смягчить ее, сделать чуть более снисходительной?

Мисс Нелли прошла мимо, и я беззвучно попрощался с ней. Смешавшись с другими пассажирами, она направилась к сходням с моим «кодаком» в руке.

Разумеется, думал я, она не решится сделать это при людях. Она отдаст фотоаппарат через час, через мгновение...

Но, дойдя до середины сходень, мисс Нелли вдруг, сделав неловкое движение, уронила его в воду, между парашютом набережной и бортом корабля.

Я смотрел, как она удалялась.

Ее милый силуэт то терялся в толпе, то вновь показывался и снова исчезал. Все было кончено. Кончено навсегда.

Минуту я стоял неподвижно. Мне было грустно, и в то же время я чувствовал невыразимую нежность. Потом, к великому удивлению Ганимара, я улыбнулся:

– Все же плохо не быть честным человеком...

Вот так однажды зимним вечером Арсен Люпен поведал мне историю своего ареста. Случайная череда происшествий, о которых я когда-нибудь напишу, помогла нам наладить отношения... Дружеские, могу ли я так сказать? Да, я склонен думать, что Арсен Люпен достаивает меня дружбы и что именно во имя этой дружбы он порой неожиданно заходит ко мне, привнося в тишину моего кабинета юношескую веселость, сияние своей бурной жизни, здоровый юмор человека, которого судьба осыпает милостями и которому улыбается.

Его портрет? Но как я могу его описать? Двадцать раз я видел Арсена Люпена, и двадцать раз передо мной предстал другой человек... Вернее, тот же самый, но отражавшийся в двадцати зеркалах, которые являли моему зору искаженные образы. И каждый раз у него были другие глаза, другой овал лица, другие жесты, другой силуэт и даже характер.

– Я сам, – однажды сказал он мне, – не знаю, кто я такой. Я больше не узнаю себя в зеркале.

Разумеется, это было остроумной шуткой, парадоксом, но сущей правдой для тех, кто встречал Арсена Люпена, ничего не зная о его бесконечных возможностях, терпении, искусстве гримироваться, удивительной легкости, с которой он изменял даже лицо, нарушая пропорции своих черт.

– Почему, – продолжал он, – я должен иметь неизменную внешность? Почему бы мне не избежать опасности быть всегда одним и тем же? Мои поступки и так выдают меня. – И он с гордостью уточнил: – Тем лучше, если никто никогда не сможет с уверенностью сказать: «Это Арсен Люпен». Главное, чтобы все, не боясь ошибиться, говорили: «Это дело рук Арсена Люпена».

Я попытаюсь восстановить некоторые его поступки и приключения, основываясь на откровениях, которыми Арсен Люпен удостоил меня зимними вечерами в тишине кабинета.

Арсен Люпен в тюрьме

Турист не достоин так называться, если не знает берегов Сены, если он, бредя от руин Жюмьера к руинам Сен-Вандриля, не заметил причудливый небольшой феодальный замок Малаки, так горделиво возвышающийся на скале посередине реки. Арочный мост связывает его с дорогой. Основания его темных башен сливаются с гранитом, на котором они стоят, с этой огромной глыбой, отколовшейся от неведомо какой горы и брошенной туда благодаря

какому-то невероятному толчку. Вокруг спокойные воды большой реки плещутся среди камышей, а трясогузки прыгают по влажным камням.

История Малаки так же сурова, как само название, такая же стойкая, как его силуэт. Она состоит из сражений, осад, приступов, грабежей и убийств. По вечерам на посиделках жители края Ко с содроганием вспоминают о преступлениях, совершенных здесь, и рассказывают множество таинственных историй. Люди судачат о знаменитом подземном ходе, который в былые времена вел в аббатство Жюмьер и в мануарий Агнессы Сорель, прекрасной подружки Карла VII.

В этом древнем логовище героев и разбойников жил барон Натан Каорн, барон Сатана, как некогда звали его на бирже, играя на которой он внезапно разбогател. Разорившиеся сеньоры Малаки были вынуждены продать ему за краюшку хлеба обитель своих предков. Там он разместил свои восхитительные коллекции мебели и картин, фаянса и резного дерева. Он жил один с тремя старыми слугами. Никто никогда не входил в его замок. Никто никогда не любовался в этих древних залах тремя полотнами Рубенса, двумя картинами Ватто, креслом с высокой спинкой работы Жана Гужона и многими другими чудесами, вырванными с помощью банковских билетов из рук самых богатых завсегдатаев публичных торгов.

Натан Каорн боялся. Не столько за себя, сколько за сокровища, накопленные с удивительно стойкой страстью и с такой прозорливостью любителя, что, говоря о бароне, даже хитрые торговцы не могли похвастаться, будто ввели его в заблуждение. Барон Сатана любил свои безделицы. Он любил их жадно, как скупец, ревностно, как влюбленный.

Каждый день перед заходом солнца четыре окованные железом двери, расположенные по краям моста и при входе во внутренний дворик, запирались на множество запоров и засовов. При малейшем шуме тишину разрывали электрические звонки. Со стороны Сены опасаться было нечего: там возвышалась острокопечная скала.

И вот однажды в пятницу сентября на мосту, как всегда, появился почтальон. И по заведенному правилу тяжелую дверь приоткрыл сам барон.

Он внимательно оглядел почтальона с ног до головы, словно прежде никогда не видел добродушное лицо и насмешливые глаза крестьянина. Тот, смеясь, сказал:

– Это я, господин барон. И никто другой не мог взять мою куртку и фуражку.

– Кто знает... – пробормотал Каорн.

Почтальон вручил барону стопку газет. Потом добавил:

– А теперь, господин барон, у меня есть новость.

– Новость?

– Письмо... к тому же заказное.

Живущий уединенно, не имевший друзей или знакомых, которые могли бы проявить к нему интерес, барон никогда не получал писем. Ему это письмо сразу же показалось дурным предзнаменованием, и он встревожился. Кто был таинственный корреспондент, который побеспокоил его?

– Надо расписаться, господин барон.

Пробурчав что-то невнятное, барон расписался. Затем взял письмо, подождал, пока почтальон исчезнет за поворотом дороги, и, сделав несколько шагов, облокотился о парапет моста. Разорвав конверт, он вытащил квадратный лист бумаги, сверху которого было от руки написано: «Тюрьма Санте, Париж». Барон посмотрел на подпись: «Арсен Люпен». Ошеломленный Натан Каорн прочитал:

«Господин барон!

В галерее, соединяющей две гостиные, висит картина кисти Филиппа из Шампани, которая мне очень понравилась. Картины Рубенса тоже пришлись мне по вкусу, а также картины Ватто. В правой гостиной я хочу отметить сервант в стиле Людовика XIII, гобелены Бове, круглый столик в стиле ампира с подписью «Жакоб» и сундук в стиле Ренессанса. В левой гостиной стоит стеклянный шкаф с драгоценностями и миниатюрами.

На этот раз я довольствуюсь этими предметами, которые, по моему мнению, легко сбыть. Прошу вас упаковать их надлежащим образом и отослать на мое имя (оплаченным платежом) на вокзал Батиньоль не позднее чем через неделю... В противном случае мне придется самому заняться их перевозкой в ночь со среды 27 на четверг 28 сентября. И, желая вознаградить себя за труды, я не ограничусь указанными предметами.

Прошу простить за беспокойство, которые я вам причинил, и принять мои уверения в глубочайшем почтении.

Арсен Люпен

P.S. Главное, не присылайте мне самую большую картину Ватто. Хотя вы заплатили за нее тридцать тысяч франков на публичных торгах, это всего лишь копия. Оригинал сжег Баррас во время одной из оргий, при Директории. Посмотрите неизданные «Мемуары» Гара.

Тем более я не претендую на шейную цепь в стиле Людовика XV. Ее подлинность представляется мне сомнительной».

Письмо потрясло барона Каорна. Если бы под ним стояла другая подпись, барон и то встревожился бы. Но там стояла подпись Арсена Люпена!

Прилежный читатель газет, барон знал обо всем, что творится в мире воров и преступников, и, разумеется, о так называемых подвигах адского грабителя. Естественно, барон знал, что Люпен, арестованный в Америке его

врагом Ганимаром, сейчас находится в тюрьме и вскоре должен состояться суд над ним.

Но барон знал также, что от Арсена Люпена можно было ждать чего угодно. Впрочем, точное знание замка, расположения картин и мебели уже само по себе было грозным признаком. Кто мог рассказать Люпену о вещах, которые тот никогда не видел?

Барон поднял глаза, любуясь суровым силуэтом Малаки, его крутым подножием, глубокой водой. Потом пожал плечами. Нет, решительно никакой опасности нет. Никто в мире не в состоянии проникнуть в неприкосновенное святилище, где хранились его коллекции. Никто, да. Но Арсен Люпен... Разве для Арсена Люпена существуют двери, подъемные мосты, стены? К чему самые невероятные препятствия и тщательно разработанные меры предосторожности, если Арсен Люпен решил достичь своей цели?

В тот же вечер барон написал в Руан, прокурору Республики. Он вложил в конверт письмо, полное угроз, и просил о помощи и защите.

Ответ не заставил себя ждать. Названный Арсен Люпен находится в настоящее время в Санте под строжайшим наблюдением. У него нет никакой возможности написать письмо, которое, скорее всего, было мистификацией. Об этом свидетельствовало все: логика, здравый смысл и реальность фактов. Тем не менее, желая перестраховаться, прокурор Республики назначил экспертизу почерка. И эксперт заявил, что, несмотря на несколько аналогий, почерк не принадлежал заключенному.

«Несмотря на несколько аналогий...» Барон запомнил только эти пугающие слова, в которых усмотрел признание в сомнениях. По его мнению, одного этого было достаточно, чтобы правосудие вмешалось. Его страхи усилились. Он то и дело перечитывал письмо: «В противном случае мне придется самому заняться их перевозкой». И эта точная дата: в ночь со среды 27 на четверг 28 сентября!..

Недоверчивый, скрытный барон не решался довериться даже своим слугам, преданность которых казалась ему вне всяких подозрений. Тем не менее впервые за многие годы он почувствовал необходимость поговорить с кем-нибудь, попросить совета. Брошенный на произвол судьбы правосудием своего края, он не надеялся защитить себя собственными средствами и собирался поехать в Париж, чтобы попросить помощи у какого-нибудь отставного полицейского.

Прошло два дня. На третий день, читая газеты, барон вздрогнул от радости. «Ревей де Кодебек» опубликовал короткую заметку:

«Скоро исполнится три недели, как мы имеем удовольствие принимать у себя главного инспектора Ганимара, одного из ветеранов служб Сюрте. Господин Ганимар, которому его последний подвиг, а именно арест Арсена Люпена, помог завоевать европейскую известность, отдыхает после трудов праведных, ловя пескаррей и уклеек».

Ганимар! Вот в чьей помощи нуждается барон Каорн! Кто лучше, чем изворотливый и терпеливый Ганимар, сумеет расстроить планы Люпена?

Барон ни секунды не колебался. Его замок от небольшого городка Кодебека отделяли шесть километров. И он преодолел их, как человек, преисполненный надежды на спасение.

После нескольких безуспешных попыток узнать, где остановился главный инспектор, барон направился в редакцию газеты «Ревей», расположенную посредине набережной. Там он встретился с редактором заметки, который, подойдя к окну, воскликнул:

– Ганимар? Да вы наверняка встретите его на набережной с удочкой в руках! Именно там мы и познакомились. Я случайно прочитал его фамилию, вырезанную на удочке. Смотрите, это он, старичок под деревьями променада.

– В рединготе и соломенной шляпе?

– Совершенно верно! Ах! Станный тип, неразговорчивый, ворчливый.

Через пять минут барон подошел к знаменитому Ганимару, представился и попытался завязать разговор. Потерпев полное фиаско, он решил прямо изложить проблему.

Ганимар слушал неподвижно, не теряя из виду поплавок. Потом, повернувшись к барону, смерил его взглядом с головы до пят и с жалостью в голосе произнес:

– Сударь, воры не предупреждают людей, которых собираются ограбить. В частности, Арсен Люпен никогда не совершает подобных просчетов.

– Тем не менее...

– Сударь, если бы у меня были хоть малейшие сомнения, поверьте, удовольствие, с каким я бы засадил этого милейшего Люпена, одержало бы верх над всеми прочими моими чувствами. К сожалению, этот молодой человек уже за решеткой.

– А если он сбежит?

– Из Санте нельзя сбежать.

– Но ему...

– Ни ему, ни кому-либо другому.

– Однако...

– Ну что же. Если он сбежит, тем лучше. Я его сцапаю. А пока спите спокойно и не пугайте уклеек.

Разговор был окончен. Барон вернулся в замок, немного успокоенный уверенностью Ганимара. Он проверил запоры и принялся исподтишка следить за слугами. Прошло еще два дня, в течение которых барону почти удалось

убедить себя, что его страхи были сильно преувеличены. Нет, право же, как сказал Ганимар, людей, которых хотят ограбить, не предупреждают.

Назначенная дата приближалась. Во вторник утром, накануне 27 числа, ничего особенного не происходило. Но в три часа позвонил какой-то мальчишка. Он принес телеграмму:

И вновь барон обезумел до такой степени, что начал спрашивать себя, не уступить ли требованиям Арсена Люпена.

Барон помчался в Кодебек. Ганимар, сидя на складном стуле, удил рыбу на том же месте. Не говоря ни слова, барон протянул ему телеграмму.

– И что? – спросил инспектор.

– Как что? Но ведь завтра...

– Что?

– Произойдет кража. У меня украдут мою коллекцию!

Ганимар отложил удочку, повернулся к барону и, скрестив руки на груди, нетерпеливо воскликнул:

– А-а, значит, вы думаете, что я буду заниматься этой глупой историей?

– Какое вознаграждение вы хотите получить за то, что проведете в моем замке ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое сентября?

– Ни су. Оставьте меня в покое.

– Назовите свою цену. Я богат, очень богат!

Грубое предложение оскорбило Ганимара, и он, стараясь не терять хладнокровия, продолжил:

– Я здесь в отпуске и не имею права вмешиваться...

– Никто ничего не узнает. Что бы ни случилось, я буду хранить молчание.

– О! Ничего не случится!

– Ладно. Допустим, три тысячи франков. Этого достаточно?

Инспектор понюхал щепотку табака, подумал и сказал:

– Будь по-вашему. Только должен вас предупредить, что эти деньги будут выброшены на ветер.

– Мне все равно.

– В таком случае... Впрочем, никогда не знаешь, что ждать от этого чертова Люпена! Вероятно, он возглавляет целую шайку... Вы уверены в своих слугах?

– Бог ты мой...

– Значит, не стоит рассчитывать на них. Я пошлю телеграмму двум своим приятелям, эдаким крепким парням. Так будет надежнее... А теперь уходите, не надо, чтобы нас видели вместе. До завтра. Я приеду около девяти часов.

На следующий день при приближении часа, назначенного Арсеном Люпенем, барон Каорн взял со щита ружье, начистил его до блеска и принялся прогуливаться в окрестностях Малаки. Ничего подозрительного он не заметил. Вечером, в половине девятого, барон отпустил слуг. Они жили в крыле, фасад которого выходил на дорогу, но в самом конце замка. Оставшись один, он осторожно открыл все четыре двери и немного погодя услышал шаги.

Ганимар представил барону своих помощников, двух дюжих парней с бычьей шеей и мощными руками, а после обратился к нему с несколькими вопросами. Узнав о расположении замка, он тщательно закрыл и забаррикадировал все выходы, через которые можно было попасть в залы, которым грозила опасность быть обокраденными. Он постучал по всем стенам, приподнял гобелены и ковры, а затем оставил своих помощников в центральной галерее.

– Никаких глупостей, поняли? Вы здесь не для того, чтобы спать. При малейшей тревоге открывайте окна, выходящие во двор, и зовите меня. Обращайте внимание и на ту сторону, что выходит к воде. Таких дьяволов не остановят десять метров отвесной скалы.

Он запер их, взял ключи с собой и сказал барону:

– А теперь займем наши места.

Для этого он выбрал небольшое помещение в толще крепостной стены, между двумя главными дверьми. Прежде там находился пост часового. Одно смотровое окошечко выходило на мост, другое – во двор. В углу виднелось отверстие колодца.

– Вы сказали, господин барон, что некогда этот колодец был единственным входом в подземный ход, но, насколько вы себя помните, он был забит.

– Да.

– Значит, мы можем быть спокойны, если только нет другого хода, о котором не знает никто, кроме Арсена Люпена.

Ганимар составил три стула, удобно растянулся на них, раскурил трубку и вздохнул:

– Право, господин барон, я согласился на столь элементарную работу только потому, что мне очень хочется пристроить еще один этаж к дому, в котором

я собираюсь закончить свои дни. Я расскажу об этой истории нашему славному Люпену, и он живот надорвет от смеха.

Барону было не до веселья. Он весь обратился во внимание, со все возрастающей тревогой вслушиваясь в тишину. Время от времени он склонялся над колодцем и с беспокойством всматривался в чернеющую дыру.

Одиннадцать часов... Полночь...

Пробил час.

Вдруг барон схватил Ганимара за руку, и тот сразу же проснулся.

– Вы слышите?

– Да.

– Что это?

– Это я храплю!

– Да нет же, послушайте.

– А-а, в самом деле. Это клаксон автомобиля.

– И что?

– А то, что маловероятно, чтобы Люпен воспользовался автомобилем, как тараном, чтобы разрушить ваш замок. Так вот, господин барон, на вашем месте я бы поспал... чем я и собираюсь вновь заняться. Доброй ночи!

Это был единственный тревожный сигнал. Ганимар вновь погрузился в сон, и барон не слышал больше ничего, кроме его громкого, раскатистого храпа.

На рассвете они покинули наблюдательный пост. Замок был окутан безмятежностью, тишиной утра, зарождающегося на берегах прохладной реки. Каорн сиял от радости, Ганимар сохранял спокойствие. Они неторопливо поднялись по лестнице. Ни звука. Ничего подозрительного.

– Ну, что я вам говорил, господин барон? По сути, мне не надо было соглашаться... Мне так стыдно...

Вытащив из кармана ключи, он вошел в галерею.

На стульях, спорбившись, спали помощники Ганимара.

– Разрази меня гром! – рявкнул инспектор.

И в тот же миг барон закричал:

– Мои картины! Мой сервант!

Он, задыхаясь, что-то бормотал, показывая дрожащей рукой на пустые места, на голые стены, где виднелись гвозди и висели ставшие бесполезными шнуры.

Исчезла картина Ватто! Были украдены полотна Рубенса! Гобелены были сняты! Витрины лишились своих драгоценностей!

– Мои канделябры в стиле Людовика XVI! Подсвечник эпохи Регентства! А Мадонна XII века!

Барон, обезумевший, впавший в отчаяние, бегал из угла в угол. Он вспоминал цены, которые заплатил за свои сокровища, подсчитывал понесенные убытки, складывал цифры, и все это как-то вперемешку, бормоча под нос неразборчивые слова, незаконченные фразы. Он дрожал и судорожно изгибался. Он чуть с ума не сошел от ярости и боли. Он был похож на разорившегося человека, которому не осталось ничего другого, кроме как застрелиться.

Единственное, что немного утешало барона, так это вид оторопевшего Ганимара. В отличие от барона, инспектор застыл на месте. Он словно оцепенел. Обводя комнату рассеянным взглядом, он размышлял. Окна? Закрыты. Дверные замки? Не взломаны. Ни одной дыры на потолке. Никакого пролома в полу. Всюду царил совершенный порядок. Кража была совершена методично, в соответствии с логичным, безжалостным планом.

– Арсен Люпен... Арсен Люпен... – бормотал Ганимар.

Внезапно он набросился на своих помощников и в ярости принялся толкать их и трясти, осыпая проклятиями. Но они не просыпались!

– Черт возьми! Разве это случайно? – не мог успокоиться он.

Нагнувшись над дюжими парнями, Ганимар начал внимательно рассматривать их. Они спали, но каким-то неестественным сном.

– Их усыпили, – сказал он.

– Но кто?

– Он, черт возьми! Или шайка, которую он возглавляет. Это его стиль. Хищника по когтям видно.

– В таком случае, я проиграл. Ничего не поделаешь.

– Ничего не поделаешь.

– Но это ужасно, чудовищно!

– Подайте жалобу.

– Зачем?

– Черт возьми! Хотя бы попытайтесь... У правосудия есть возможности.

– Правосудие! Да это по вам видно... Даже сейчас, когда нужно искать улики, пытаться что-нибудь обнаружить, вы даже не шевелитесь.

– Обнаружить что-то, имея дело с Арсеном Люпеном?! Нет, уважаемый, Арсен Люпен не оставляет следов! С Арсеном Люпеном никаких случайностей просто не может быть! Я вот все думаю, уж не сознательно ли Арсен Люпен позволил мне арестовать себя?

– Значит, я должен отказаться от своих картин, от всего! Но он украл жемчужины моей коллекции. Я отдам состояние, чтобы их вернуть. Если с ним нельзя ничего сделать, пусть он назовет свою цену!

Ганимар пристально посмотрел на барона.

– Разумные слова. Вы не заберете их назад?

– Нет, нет и нет. Да и зачем?

– Мне в голову пришла одна мысль.

– Какая мысль?

– Мы обсудим ее, если следствие зайдет в тупик. Только ни слова обо мне, если хотите, чтобы я одержал победу. – И он сквозь зубы добавил: – К тому же мне нечем гордиться.

Оба помощника постепенно приходили в себя. Они выглядели одурманенными, только что очнувшимися от гипнотического сна. С удивлением открыв глаза, они пытались понять, что происходит. Ганимар принялся их расспрашивать, но они ничего не помнили.

– Но ведь должны же вы были кого-то видеть!

– Нет.

– Вспоминайте!

– Нет, нет, нет.

– Вы что-нибудь пили?

Они задумались, потом один из них ответил:

– Да, я выпил немного воды.

– Из этого графина?

– Да.

– Я тоже, – добавил второй.

Ганимар понюхал воду, попробовал ее на язык. У воды не было ни специфического запаха, ни особенного вкуса.

– Ну, – произнес Ганимар, – мы просто теряем время. За пять минут невозможно решить проблемы, созданные Арсеном Люпенем. Но, черт возьми, клянусь, я достану его! Он бросает мне вызов. Я принимаю его!

В тот же день барон Каорн подал жалобу, обвинив в квалифицированной краже Арсена Люпена, находящегося в тюрьме Санте!

Барон пожалел о поданной жалобе, едва увидел Малаки, отданный во власть жандармов, прокурора, судебного следователя, журналистов, всех любопытных, которые находились всюду, где их вообще не должно было быть.

Дело взбудоражило общество. Кража произошла при особенных обстоятельствах, а имя Арсена Люпена настолько возбуждало воображение, что самые невероятные истории мгновенно заполнили страницы газет, причем читатели верили им всем сердцем. Первое письмо Арсена Люпена, опубликованное в «Эко де Франс», – так и не было установлено, кто передал его газете, – то самое письмо, в котором барона Каорна дерзко предупреждали о нависшей над ним угрозе, вызвало всеобщее волнение. Выдвигались самые невероятные гипотезы и предположения. Разумеется, вспомнили о знаменитом подземном ходе. И прокуратура, поддавшись общим настроениям, начала расследование в этом направлении.

Замок тщательно обыскивали, внимательно простучав каждый камень, изучив все деревянные панели и камины, рамы зеркал и потолочные балки. При свете факелов жандармы спустились в огромное подземелье, где в былые времена сеньоры Малаки хранили свои припасы. Не забыли даже о подводной скале. Все напрасно! Никаких намеков на существование подземного хода – которого, вероятно, просто не было!

Хорошо, возражали скептики, но мебель и картины не могут исчезнуть, словно привидения. Их выносят через двери и окна, а люди, которые этим занимаются, тоже входят и выходят через двери и окна. Что это за люди? Как они проникли в замок? Как они вышли оттуда?

Прокуратура Руана, признавшись в собственной несостоятельности, обратилась за помощью к парижским полицейским. Господин Дюдуа, начальник Сюрте, прислал лучших сыщиков и даже сам провел два дня в Малаки. Но и ему не удалось ничего выяснить.

Ганимар молча выслушал указания своего начальника, а потом, покачив головой, заявил:

– Думаю, мы на ложном пути и напрасно обыскиваем замок. Решение находится в другом месте.

– Где же?

– У Арсена Люпена.

– У Арсена Люпена?! Но в таком случае вы должны признать, что это он совершил кражу.

– Я это допускаю. Более того, я в этом совершенно уверен.

– Послушайте, Ганимар, но это глупо. Арсен Люпен сидит в тюрьме.

– Арсен Люпен сидит в тюрьме, согласен. За ним ведется пристальное наблюдение, в этом я тоже не сомневаюсь. Но даже если бы у него на ногах были кандалы, а руки связаны веревкой, я все равно не изменил бы своего мнения.

– Но почему вы так упорствуете?

– Потому что только Арсен Люпен способен провернуть подобное дело, разработав такой хитрый план, чтобы все прошло без сучка и задоринки.. Впрочем, так оно и было.

– Ганимар, это все слова!

– Это реальность. Так вот, не стоит искать подземный ход, выворачивая камни, и заниматься другими подобными глупостями. Арсен Люпен не прибегает к столь устаревшим методам. Он живет настоящим, вернее, будущим.

– И какой вывод вы делаете?

– А вот такой. Я прошу вас разрешить мне провести с ним один час.

– В камере?

– Да. Мы вместе возвращались из Америки, и за время столь длительного плавания мне удалось установить с ним превосходные отношения. Осмелюсь вам сказать, что Арсен Люпен проникся симпатией к человеку, который сумел его арестовать. Если он сможет просветить меня, не ставя себя под удар, то без колебаний сделает это.

Было уже за полдень, когда Ганимар вошел в камеру. Люпен, лежавший на койке, повернул голову и вскрикнул от радости:

– А-а, вот уж настоящий сюрприз! Мой дорогой Ганимар, вы здесь!

– Да, я собственной персоной.

– Я мечтал о многом в этом унылом пристанище, которое сам выбрал... Но никак не надеялся, что мне выпадет счастье принимать вас здесь.

– Вы очень любезны.

– Нет, я действительно питаю к вам глубочайшее уважение.

– Весьма польщен.

– Я всегда утверждал, что вы, Ганимар, наш лучший детектив. Вы почти стеснительны – как видите, я честен! – Херлока Шолмса. По правде говоря, мне очень жаль, что я могу предложить вам только эту табуретку. И никаких напитков! У меня нет даже пива. Простите, но я тут проездом.

Ганимар, улыбнувшись, сел. Узник, довольный тем, что у него появился собеседник, продолжил:

– Боже мой! Как я рад, что моему взору предстал порядочный человек! Мне так надоели все эти рожи шпигов и флигов, которые десять раз в день обшаривают мои карманы и обыскивают эту скромную камеру, чтобы убедиться, что я не готовлю побег. Черт возьми, как высоко меня ценит наше правительство!

– Для этого у правительства есть все основания.

– Нет же! Я был бы счастлив, если бы меня оставили в покое и позволили жить в каком-нибудь тихом уголке.

– На деньги других.

– Неужели? Это было бы хорошо! Но я разговорился. Несу всякий вздор, а вы, возможно, торопитесь. Так чем же я обязан такой чести?

– Делу Каорна, – без обиняков заявил Ганимар.

– Погодите! Минутку! У меня было столько дел! Сначала я должен отыскать в своей памяти досье с делом Каорна... А-а, вот! Дело Каорна, замок Малаки, департамент Нижняя Сена. Две картины Рубенса, одна картина Ватто и несколько других незначительных предметов.

– Незначительных?!

– О! Честное слово, все это не имеет особого значения. Там были вещи получше. Тем не менее этого вполне достаточно, чтобы дело заинтересовало вас... Рассказывайте, Ганимар.

– Должен ли я объяснять вам, на какой стадии находится расследование?

– Не стоит. Я читал утренние газеты. Позволю себе заметить, что вы не особо продвинулись.

– Именно по этой причине я обращаюсь к вашей любезности.

– Я целиком и полностью в вашем распоряжении.

– Скажите, ведь план разработали вы?

– От первой до последней буквы.

– Заказное письмо? Телеграмма?

– Их послал ваш покорный слуга. У меня даже где-то сохранились квитанции.

Арсен Люпен выдвинул ящик небольшого деревянного столика, который вместе с койкой и табуретом составлял всю обстановку камеры, вынул оттуда два листа бумаги и протянул их Ганимару.

– Прекрасно! – воскликнул Ганимар. – Я-то думал, что вас все время держат под наблюдением и обыскивают при малейшем подозрении! А вы читаете газеты, храните почтовые квитанции...

– Ба! Эти люди такие глупые! Они распарывают подкладку моего пиджака, отрывают подметки, простукивают стены.. Но им и в голову не приходит, что Арсен Люпен слишком хитер, чтобы выбрать тайник, который так легко обнаружить. На это я и рассчитывал.

Ганимар, забавляясь, воскликнул:

– А вы странный парень! Вы изумляете меня. Ладно, расскажите об этом деле.

– О, вы слишком многого хотите! Чтобы я посвятил вас в свои секреты.. Рассказал о своих маленьких проделках.. Это слишком рискованно!

– Значит, я ошибся, рассчитывая на вашу любезность?

– Нет, Ганимар, и поскольку вы настаиваете...

Арсен Люпен прошелся по камере и, остановившись, сказал:

– Что вы думаете о моем письме барону?

– Я думаю, что вы хотели немного позабавиться, сыграть на публику.

– О, сыграть на публику! Уверю вас, Ганимар, я был лучшего о вас мнения. Чтобы я, Арсен Люпен, занимался такими глупостями?! Никогда! Зачем писать барону письмо, если я мог и так его ограбить, без всякого предупреждения? Поймите же и вы, и все остальные, что это письмо было необходимой точкой отсчета, пружиной, которая привела в действие весь механизм. Ладно, обо всем по порядку. Если хотите, давайте вместе разработаем план ограбления Малаки.

– Я слушаю вас.

– Итак, представим себе замок, недоступный со всех сторон, хорошо защищенный, такой, каким был замок барона Каорна. Стал бы я отступать и отказываться от столь вожаемых сокровищ под тем предлогом, что в замок, где они находятся, невозможно проникнуть?

– Разумеется, нет.

– Попытаюсь ли я пойти на приступ, встав во главе шайки авантюристов, как в былые времена?

– Это ребячество!

– Попытаюсь ли я проникнуть туда тайком?

– Это невозможно.

– Остается один способ, единственный на мой взгляд. Я должен заставить владельца замка пригласить себя в гости.

– Весьма оригинальный способ.

– А какой простой! Предположим, в один прекрасный день владелец замка получает письмо, в котором говорится, что некий Арсен Люпен, известный грабитель, собирается обчистить его. Как поступит владелец замка?

– Он отошлет письмо прокурору.

– Который посмеется над ним, поскольку Люпен находится в настоящее время в тюрьме. Но владелец замка настолько обезумел от страха, что готов обратиться за помощью к первому попавшемуся, не так ли?

– Вне всякого сомнения.

– И тут он читает бульварный листок, в котором говорится, что знаменитый полицейский отдыхает в соседнем городке...

– Он непременно обратится за помощью к этому полицейскому.

– Вы сами это сказали. Но, с другой стороны, предположим, что Арсен Люпен, предвидевший этот неизбежный демарш, свяжется с одним из своих самых ловких приятелей, попросит его приехать в Кодебек, чтобы встретиться с редактором «Ревей», газеты, на которую подписывается барон, и дать ему понять, что он и есть тот самый знаменитый полицейский. Что тогда произойдет?

– Редактор опубликует в газете, что в Кодебек приехал этот самый полицейский.

– Замечательно. Из двух одно: либо рыба, то есть Каорн, не клюнет на приманку, и тогда ничего не произойдет, либо, а это наиболее вероятное предположение, он, дрожа от страха, примчится в Кодебек. И будет просить одного из моих друзей помочь ему в борьбе со мной!

– Очень оригинально.

– Разумеется, псевдополицейский сначала откажется. И тут приходит телеграмма от Арсена Люпена. Барон пугается еще сильнее, вновь умоляет моего приятеля помочь и даже предлагает определенную сумму за то, чтобы тот провел ночь в его замке. Мой приятель соглашается, приводит с собой двух молодцов из нашей шайки, которые ночью, когда Каорн находится рядом со своим так называемым охранником, через окно спускают на веревках предметы прямо в небольшую лодку, взятую напрокат. Все просто, как Люпен.

– И чертовски умно! – воскликнул Ганимар. – Невозможно перехвалить смелость и гениальность плана, тщательно продуманного в деталях. Однако я не знаю столь знаменитого полицейского, имя которого могло бы привлечь внимание барона.

– Есть такой полицейский. Один-единственный.

– И кто же это?

– Самый известный полицейский, личный враг Арсена Люпена, словом, инспектор Ганимар.

– Я?!

– Вы, Ганимар! И вот что самое восхитительное: если вы решите отправиться в замок и барон согласится с вами поговорить, то в конце концов вы поймете, что ваш долг заключается в том, чтобы арестовать самого себя, как вы арестовали меня в Америке. Э! Реванш превратился в комедию: я заставлю Ганимара арестовать Ганимара!

И Арсен Люпен от души рассмеялся. Оскорбленный инспектор поджал губы. Шутка не показалась ему смешной.

Появление надзирателя позволило Ганимару немного прийти в себя. Надзиратель принес Арсену Люпену, которому была сделана особая поправка, обед из соседнего ресторана. Поставив поднос на стол, он удалился. Арсен Люпен сел, разломил хлеб на кусочки и, съев два-три из них, продолжил:

– Не волнуйтесь, мой дорогой Ганимар, вы не поедете туда. Сейчас я сообщу нечто, что изумит вас: дело Каорна скоро будет закрыто.

– Хм!

– Скоро будет закрыто, уверяю вас.

– Послушайте, но я только что встречался с начальником Сюрте...

– Ну и что? Разве господин Дюдуа знает обо мне больше, чем я? Скоро вы узнаете, что Ганимар – о, простите! – псевдо-Ганимар полюбовно расстался с бароном. Главная причина молчания барона заключается в том, что он попросил так называемого полицейского выполнить весьма деликатную миссию: связаться со мной и вступить в переговоры. Вполне вероятно, что в этот самый момент барон, заплативший определенную сумму, уже получил назад свои дорогие игрушки. А из этого следует, что он отзовет свою жалобу. Нет жалобы, нет кражи. И поэтому прокуратура прекратит...

Ганимар изумленно смотрел на узника.

– Но откуда вы обо всем этом знаете?

– Я только что получил телеграмму, которую ждал.

– Вы получили телеграмму?

– Только что, друг мой. Из вежливости я не стал читать ее в вашем присутствии. Но если вы позволите...

– Вы издеваетесь надо мной, Люпен!

– Будьте любезны, дорогой друг, осторожно разбейте это яйцо всмятку. И вы сами убедитесь, что я не издеваюсь над вами.

Ганимар машинально послушался, разбил яйцо ножом и тут же вскрикнул от изумления. В пустой скорлупе лежал голубой лист бумаги. По просьбе Люпена

Ганимар развернул его. Это была телеграмма, вернее, часть телеграммы, от которой оторвали номер почтового отделения. Ганимар прочитал:

«Сделка состоялась. Сто тысяч франков получено. Все на мази».

– Сто тысяч франков? – переспросил он.

– Да, сто тысяч франков. Это мало, но сейчас настали трудные времена... И я тоже несу непосильные расходы! Вы же знаете мой бюджет... бюджет большого города!

Ганимар встал. Его плохое настроение улетучилось. Погрузившись в размышления, он мысленно перебирал все детали дела, пытаясь найти в нем слабое место, потом произнес тоном, в котором отчетливо слышалось восхищение знатока:

– К счастью, таких, как вы, не больше десятка. Иначе пришлось бы закрыть лавочку.

Арсен Люпен, скромно потупившись, ответил:

– Ба! Хотелось развлечься, занять себя чем-нибудь... Тем более что дело могло выгореть только в том случае, если бы я был в тюрьме.

– Как? – воскликнул Ганимар. – Ваш процесс, ваша защита, следствие – всего этого недостаточно, чтобы развлечь вас?

– Нет, я решил не присутствовать на своем процессе.

– О-о!

Арсен Люпен твердо повторил:

– Я не буду присутствовать на своем процессе.

– Правда?

– Ах, мой дорогой Ганимар! Неужели вы думаете, что я собираюсь гнить на этой сырой соломе? Вы оскорбляете меня. Арсен Люпен сидит в тюрьме столько, сколько ему угодно, и ни минутой больше.

– Возможно, было бы разумнее вообще не попадать в тюрьму, – заметил инспектор с усмешкой.

– Ах, господин полицейский изволит шутить? Разве господин полицейский забыл, что он имел честь арестовать меня? Знайте же, мой уважаемый друг, что никто – ни вы, ни кто-либо другой! – не схватил бы меня, если бы в тот критический момент мною не двигал более существенный интерес.

– Вы удивляете меня.

– На меня смотрела женщина, Ганимар, и я любил ее. Понимаете ли вы, что значит, когда на вас смотрит женщина, которую вы любите? Клянусь, все остальное не имело для меня никакого значения. И только поэтому я здесь!

– И уже давно, позвольте вам заметить.

– Сначала я хотел забыть... Не смейтесь! Приключение было очаровательным, и я до сих пор храню о нем самые нежные воспоминания... К тому же я в определенной мере неврастеник. В наши дни жизнь такая напряженная! Иногда надо делать то, что называется лечением одиночеством. Это место вполне подходит для подобного режима. Здесь всем прописывают курс лечения для поправки здоровья[1 – Название тюрьмы – Санте – в переводе означает «здоровье». – Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.].

– Арсен Люпен, – заметил Ганимар, – вы смеетесь надо мной.

– Ганимар, – ответил Люпен, – сегодня у нас пятница. В следующую среду я приду к вам на улице Перголез в четыре часа дня, чтобы выкурить сигару.

– Арсен Люпен, я вас жду.

Они обменялись рукопожатием, словно добрые друзья, знающие друг другу цену. Полицейский направился к двери.

– Ганимар!

Тот обернулся.

– Что?

– Ганимар, вы забыли свои часы.

– Мои часы?

– Да, они случайно оказались в моем кармане. – Люпен с извинениями протянул ему часы. – Простите. Дурная привычка... Но я лишил вас часов вовсе не потому, что они забрали мои. Тем более что в моем распоряжении хронометр, на который мне нечего жаловаться. Он вполне удовлетворяет мои потребности.

И Люпен вытащил из ящика большие, толстые золотые часы на тяжелой цепочке.

– И из чьего кармана к вам попали эти часы? – спросил Ганимар.

Арсен Люпен небрежно посмотрел на инициалы.

– Ж. Б. Черт возьми, что это означает? А-а, вспомнил! Жюль Бувье, следовательно, очаровательный человек...

Побег Арсена Люпена

В тот момент, когда Арсен Люпен, закончив обедать, вынул из кармана дорогую сигару с золотым ободком и стал с удовольствием ее рассматривать, дверь камеры отворилась. Люпен успел бросить сигару в ящик и закрыть его. В камеру вошел надзиратель. Это был час прогулки.

– Я ждал вас, мой дорогой друг! – воскликнул Арсен Люпен, пребывавший в хорошем настроении.

Они вышли. Едва Люпен и надзиратель исчезли за поворотом, как в камеру вошли двое мужчин и приступили к тщательному обыску. Одним из них был инспектор Дъёзи, вторым – инспектор Фоланфан.

Они хотели покончить со всем раз и навсегда, ведь никто не сомневался, что Арсен Люпен поддерживал связи с внешним миром и общался со своими сообщниками. Накануне в печатном издании «Гран Журналь» было опубликовано письмо, адресованное репортеру, ведущему раздел судебной хроники:

«Милостивый государь!

В статье, появившейся на днях, вы пишете обо мне в словах, которые нельзя ничем оправдать. За несколько дней до начала моего процесса я приду к вам и потребую сатисфакции.

С совершенным почтением,

Арсен Люпен»

Это был, безусловно, почерк Арсена Люпена. Значит, он отправлял письма. Значит, он получал их. Значит, можно было с уверенностью утверждать, что он готовит побег, о котором объявил в столь дерзкой манере.

Положение становилось невыносимым. С согласия следователя глава Сюрте господин Дюдуа приехал в Санте, чтобы лично изложить директору тюрьмы меры, которые было необходимо принять. Едва приехав, он послал двух своих людей провести обыск в камере задержанного.

Инспекторы разворотили все плиты, разобрали койку, сделали все, что положено делать в подобных случаях, но так ничего и не обнаружили. Они уже хотели отказаться от дальнейших поисков, как прибежавший надзиратель сообщил им:

– Ящик... Посмотрите в ящике стола. Когда я вошел, мне показалось, что он задвигал его.

Они посмотрели, и Дъёзи воскликнул:

– Боже, на этот раз мы возьмем его, нашего клиента.

Фоланфан остановил коллегу:

– Подожди, малыш, пусть начальник сам обыщет.

– Но эта дорогая сигара...

– Оставим «Гавану» и предупредим начальника.

Через две минуты господин Дюдуа осматривал ящик. Он нашел стопку статей, вырезанных из газеты «Аргюс де ла Пресс», в которых говорилось об Арсене Люпене, кисет с табаком, трубку, фиолетово-розовую бумагу и две книги.

Дюдуа прочитал названия. Это были английское издание «Культа героев» Карлайла и очаровательный эльзевир в старинном переплете – «Учебник» Эпиктета, немецкий перевод, опубликованный в Лейдене в 1634 году. Все страницы пестрели пометками, комментариями. Были ли эти записи условными знаками или доказательствами усердия, с которым Люпен читал?

– Потом посмотрим внимательнее, – сказал господин Дюдуа.

Он осмотрел кисет с табаком, трубку, а затем, схватив сигару с золотым кольцом, воскликнул:

– Черт возьми, да наш приятель ни в чем себе не отказывает! Это «Анри Клет».

Машинально, жестом заядлого курильщика господин Дюдуа поднес сигару к уху, слегка сжал ее и вскрикнул от удивления. Сигара рассыпалась. Он принялся внимательно рассматривать ее и вскоре между листьями табака увидел нечто белое. Осторожно, с помощью иголки, он вытащил рулончик очень тонкой бумаги, едва ли толще зубочистки. Это была записка. Развернув ее, господин Дюдуа прочитал слова, выведенные миниатюрным женским почерком:

«Одна корзина заняла место другой. Восемь из десяти готовы. Если нажать на внешнюю подножку, планка поднимается. Л.-С. Будет ждать каждый день с двенадцати до шестнадцати. Но где? Ответьте немедленно. Не волнуйтесь, подруга следит за вами».

Немного поразмыслив, господин Дюдуа сказал:

– Это достаточно ясно... Корзина... Восемь отделений... С двенадцати до шестнадцати, то есть с полудня до четырех часов вечера...

– Но этот Л.-С., который будет ждать?

– В данном случае под Л.-С. должен подразумеваться автомобиль. Разве на языке спортсменов Л.-С. не означает лошадиную силу, то есть мощность мотора? Двадцать четыре часа Л.-С. – это автомобиль мощностью в двадцать четыре лошадиные силы. – Поднявшись, господин Дюдуа спросил: – Задержанный обедал?

– Да.

– А поскольку он не прочитал записку, о чем свидетельствует состояние сигары, вполне вероятно, что он только что ее получил.

– Как?

– Вместе с продуктами. Например, в хлебе или в картошке, откуда мне знать?

– Это невозможно. Нам разрешили приносить ему пищу только для того, чтобы заманить в ловушку. И мы ничего не нашли.

– Сегодня вечером мы будем искать ответ Люпена. А пока подержите его где-нибудь в другом месте, не в камере. Записку я отнесу господину следователю. Если он придерживается того же мнения, что и я, мы сфотографируем ее, и через час вы сможете положить в ящик такую же сигару, содержащую оригинал записки. Надо сделать так, чтобы у подозреваемого не возникло никаких подозрений.

Не без любопытства господин Дюдуа явился вечером вместе с инспектором Дъёзи в каптерку Санте. В углу, на плите, стояли три тарелки.

– Он ужинал?

– Да, – ответил директор тюрьмы.

– Дъёзи, будьте любезны, разрежьте на очень тоненькие кусочки остатки макарон и разломите этот хлебный мякиш... Что?

– Ничего, шеф.

Господин Дюдуа внимательно осмотрел тарелки, вилку, ложку, нож. Это был обыкновенный нож с закругленным верхом. Он повернул рукоятку налево, потом направо. И тут она поддалась и отвалилась. Рукоятка оказалась полой. Нож служил футляром для записки.

– Уф! – удивился он. – Вообще-то, это слишком просто для такого хитреца, как Арсен Люпен. Но не будем терять время. Дъёзи, отправляйтесь в ресторан и все выясните.

Потом он прочитал:

«Полностью полагаюсь на вас. Л.-С. будет каждый день следовать на небольшом расстоянии. Я пойду вперед. До скорой встречи, дорогая и обожаемая подруга».

– Ну, – воскликнул господин Дюдуа, потирая руки, – полагаю, дело в шляпе. Небольшое усилие с нашей стороны, и побег удастся... Это поможет нам сцапать его сообщников.

– А если Арсен Люпен ускользнет от вас? – с сомнением спросил директор.

– Мы задействуем как можно меньше людей. Однако если он проявит ловкость... Честное слово, тем хуже для него! Что касается шайки, то если главарь отказывается говорить, значит, заговорят другие.

В самом деле, Арсен Люпен не был разговорчивым. Вот уже в течение многих месяцев господин Жюль Бувье, следователь, старался изо всех сил, но напрасно. Допросы свелись к лишенным всякого интереса беседам между следователем и мэтром Данвалем, звездой адвокатуры, который знал об обвиняемом ровно столько, сколько знал о нем первый встречный.

Время от времени Арсен Люпен ронял:

– Да, господин следователь, мы согласны: ограбление банка «Лионский кредит», кража на улице Бабилон, выпуск фальшивых банковских билетов, дело о страховых полисах, ограбление замков Армениль, Гуре, Эмблебен, Грозелье, Малаки – все это на совести вашего покорного слуги.

– Тогда можете ли вы объяснить...

– Бесполезно. Я признаюсь сразу во всем. И даже в десять раз больше, чем вы предполагаете.

Это была вялотекущая война. Следователь прекратил набившие оскомину допросы, но, ознакомившись с двумя перехваченными записками, возобновил их. Каждый день в полдень Арсена Люпена привозили из Санте в прокуратуру в тюремной карете вместе с другими заключенными, и все они возвращались в тюрьму около трех или четырех часов.

Но однажды возвращение происходило в особенных условиях. Допрос других заключенных еще не закончился, и было принято решение отвезти сначала Арсена Люпена. Так он оказался в карете один.

В тюремных каретах, называемых в народе корзинками для салата, было десять отделений – пять справа и пять слева, двери которых открывались в общий проход. В каждом из них было сиденье, рассчитанное на одного узника. Таким образом, пять заключенных находились рядом друг с другом, но разделенные перегородкой. Сидевший в конце прохода стражник наблюдал за порядком.

Арсена Люпена посадили в третье отделение справа, и карета тронулась с места. Он понял, что они покинули набережную Орлож и сейчас проезжают мимо Дворца правосудия. Когда тюремная карета оказалась посередине моста Сен-Мишель, он осторожно надавил правой ногой на заднюю стенку своего отделения. Раздался щелчок, и она чуть сдвинулась в сторону. Он увидел, что находится как раз между двух колес.

Арсен Люпен застыл в напряженном ожидании. Карета медленно ехала по бульвару Сен-Мишель. На перекрестке Сен-Жермен она остановилась – там упала лошадь, запряженная в грузовую повозку. Движение застопорилось, возникла пробка из фиакров и омнибусов.

Арсен Люпен выглянул в образовавшуюся дыру. Рядом стояла другая тюремная карета. Он еще больше расширил проем, опустил ногу на колесо и спрыгнул на землю.

Кучер, увидев беглеца, сначала рассмеялся, потом попытался позвать на помощь, но его голос утонул в уличном гуле.

Арсен Люпен пробежал несколько метров по тротуару, затем остановился, перевел дыхание и осмотрелся, словно человек, который не знает, куда идти. Потом, решившись, сунул руки в карманы и с беззаботным видом прогуливающегося прохожего продолжил путь по бульвару.

Стояла прекрасная погода, благословенная осенняя пора. Кафе были переполнены. Арсен Люпен присел за столик на одной из террас, заказал кружку пива и пачку сигарет. Выпив пиво и не спеша выкурив сигарету, он закурил вторую, а после, поднявшись, попросил официанта позвать управляющего.

Когда управляющий пришел, Арсен Люпен громко, чтобы все слышали, сказал:

– Мне очень жаль, сударь, но я забыл бумажник дома. Возможно, мое имя настолько хорошо известно, что вы согласитесь выделить мне кредит на несколько дней? Меня зовут Арсен Люпен.

Управляющий уставился на посетителя, решив, что тот его разыгрывает. Но Арсен Люпен продолжал:

– Люпен, содержащийся в тюрьме Санте, сбежал. Осмелюсь думать, это имя внушает вам полнейшее доверие.

И под громкий смех присутствующих он удалился. Управляющий даже не пытался его задержать.

Арсен Люпен пересек улицу Суфло и вышел на улицу Сен-Жак. Он шел спокойно, останавливаясь перед витринами и покуривая сигареты. На бульваре Пор-Рояль он, оглядевшись, направился прямо к улице Санте. Вскоре показалось мрачное здание тюрьмы. Идя вдоль стены, Арсен Люпен добрался до дежурившего муниципального гвардейца и, сняв шляпу, спросил:

– Это и есть тюрьма Санте?

– Да.

– Я хотел бы вернуться в свою камеру. Тюремная карета потеряла меня по дороге, и я не хотел бы злоупотреблять...

– Послушайте, дружище, идите своей дорогой, и побыстрее, – проворчал гвардеец.

– Простите, еще раз простите, но моя дорога лежит через эту дверь. И если вы помешаете Арсену Люпену войти, вас ждут крупные неприятности, друг мой.

– Арсен Люпен?! Да что вы такое говорите?!

– Очень жаль, но у меня нет с собой визитной карточки, – сказал Люпен, роясь в карманах.

Изумленный гвардеец смерил его недоверчивым взглядом с ног до головы. Потом, не говоря ни слова, потянул за шнур звонка. Металлическая дверь приоткрылась.

Через несколько минут разъяренный директор тюрьмы ворвался в каптерку, возмущенно размахивая руками. Арсен Люпен улыбнулся.

– Полно, господин директор, не стоит лукавить. Сами посудите! Вы предусмотрительно поместили меня одного в карету и устроили дорожную пробку, видимо, решив, что я сломя голову помчусь к своим друзьям. А двадцать агентов Сюрте, которые сопровождали нас пешком, в фиакрах и на велосипедах? Нет, они хорошенько отделали бы меня! Из такой передрыги я бы живым не вышел! Скажите, господин директор, может быть, вы на это и рассчитывали? – Пожав плечами, он добавил: – Прошу вас, господин директор, не стоит больше заниматься мной. В тот день, когда я захочу совершить побег, посторонняя помощь мне не понадобится.

На следующий день газета «Эко де Франс», которая, право же, становилась официальным летописцем подвигов Арсена Люпена (можно было подумать, что он стал одним из ее основных акционеров), во всех подробностях описала эту попытку бегства. Она сообщила буквально обо всем: о содержании записок, которыми обменялись заключенный и его таинственная подруга, о способах передачи этой корреспонденции, о пособничестве полиции, о прогулке по бульвару Сен-Мишель и даже об инциденте в кафе на улице Суфло. Как выяснилось, все усилия инспектора Дьёзи, который подверг официантов ресторана пристрастному допросу, ни к чему не привели. Зато стало известно об одной удивительной вещи, свидетельствовавшей о бесконечном разнообразии средств, к которым прибегал этот человек: карета, в которой везли Арсена Люпена, была ненастоящей. Члены шайки Люпена подменили одну из тех шести, что обычно обслуживали тюрьмы.

Теперь никто не сомневался в том, что Арсен Люпен действительно собирается бежать. Впрочем, он сам недвусмысленно заявил об этом господину Бувье. Когда следователь принялся высмеивать его поражение, Арсен Люпен посмотрел на него и холодно сказал:

– Послушайте меня, сударь, и поверьте на слово: эта попытка была частью моего плана побега.

– Не понимаю вас, – усмехнулся следователь.

– А вам и не надо понимать.

Когда следователь во время допроса, протокол которого мгновенно был опубликован в «Эко де Франс», вновь принялся задавать вопросы, Арсен Люпен устало воскликнул:

– Боже мой, боже мой, зачем все это? Все эти вопросы не имеют никакого значения!

– Как это не имеют значения?

– Разумеется, не имеют, поскольку я не буду присутствовать на своем процессе.

– Вы не будете присутствовать?

– Не буду. Это окончательное решение. И ничто не заставит меня отказаться от него.

Подобная уверенность, необъяснимые утечки информации в прессу, происходившие каждый день, раздражали блюстителей правопорядка и выводили из себя. Но разгадку этих тайн знал только Арсен Люпен. Никто, кроме него, не мог предавать факты огласке. Но с какой целью он это делал? И как?

Арестованного перевели в другую камеру. Однажды вечером он спустился этажом ниже. Следователь завершил расследование и передал дело в Обвинительную палату.

Наступила тишина, которая длилась два месяца. Арсен Люпен провел их, лежа на кровати, почти всегда повернувшись лицом к стене. Казалось, перевод в другую камеру подействовал на него угнетающе. Он по-прежнему отказывался встречаться с адвокатом и едва обменивался несколькими словами с надзирателями.

За две недели до начала процесса Арсен Люпен повеселел, но начал жаловаться, что ему не хватает воздуха. Его стали ранним утром выводить во двор в сопровождении двух надзирателей.

Тем не менее любопытство публики не ослабевало. Каждый день все ждали сообщения о бегстве Арсена Люпена. Все даже хотели этого, настолько он нравился толпе благодаря своему остроумию, веселости, изобретательности и таинственной жизни. Арсен Люпен должен был убежать. Это казалось неизбежным. Все даже удивлялись, почему он медлит. Каждое утро префект полиции спрашивал у своего секретаря:

– Ну, он еще не сбежал?

– Нет, господин префект.

– Значит, это произойдет завтра.

Накануне процесса какой-то господин пришел в редакцию «Гран Журналь», попросил проводить его к редактору отдела судебной хроники и, бросив ему в лицо визитную карточку, удалился. На карточке было написано: «Арсен Люпен всегда держит свои обещания».

Вот в каких условиях начались судебные прения.

Зал судебных заседаний был переполнен. Все хотели видеть знаменитого Арсена Люпена и уже заранее радовались шутке, которую тот сыграет с председателем суда. Адвокаты и магистраты, хроникеры и репортеры,

артистический мир и светские женщины – словом, весь Париж заполонил скамьи зала.

Шел дождь, день был сумрачным. Публика плохо разглядела Арсена Люпена, когда его ввели в зал. Однако походка, то, как он грузно опустился на стул, полное равнодушие и безразличие не свидетельствовали в его пользу. Несколько раз адвокат – один из секретарей мэтра Данваля, считавший себя недостойным той роли, которую ему навязали, – обращался к Арсену Люпену. Но тот лишь качал головой и молчал.

Секретарь суда зачитал обвинительное заключение, потом председатель суда произнес:

– Обвиняемый, встаньте. Назовите вашу фамилию, имя, возраст и профессию. – Не получив ответа, он повторил: – Ваша фамилия? Я спрашиваю, как ваша фамилия?

Уставший густой голос произнес:

– Бодрю Дезире.

По залу прокатился шепот. Но председатель суда продолжал:

– Бодрю Дезире? Хорошо. Это восьмое имя, каким вы себя называете и которое, несомненно, такое же вымышленное, как и все остальные, но мы присоединим его, если вы так уж настаиваете, к имени Арсена Люпена, под которым вы более известны. – Председатель суда сверился со своими записями и произнес: – Несмотря на все усилия, следствию не удалось установить вашу личность. В современном обществе вы являетесь собой весьма оригинальный случай, не имеющий аналогов в прошлом. Мы не знаем, кто вы, где родились, где проходило ваше детство, – короче, ничего. Три года назад вы неожиданно возникли неизвестно откуда и сразу стали Арсеном Люпенем, то есть странным сочетанием ума и извращенности, аморальности и щедрости. Данные, которыми мы располагаем о вас до этого периода, можно назвать скорее предположениями. Вполне возможно, что некий Роста, который восемь лет назад работал у иллюзиониста Диксона, и есть Арсен Люпен. Также вполне возможно, что Арсеном Люпенем является русский студент, который шесть лет назад посещал лабораторию доктора Альтье в больнице Святого Людовика и удивлял наставника своими гениальными прогнозами в области бактериологии и смелыми экспериментами при лечении кожных заболеваний. Арсеном Люпенем может быть и тренер по японской борьбе, который обосновался в Париже задолго до того, как здесь заговорили о джиу-джитсу. Мы также предполагаем, что Арсен Люпен – это велосипедист, выигравший Гран-при Всемирной выставки, получивший десять тысяч франков, а затем исчезнувший. Или человек, который спас во время пожара множество народу через окно универсального магазина «Базар де ла Шарите», а затем... обчистил их карманы. – Сделав паузу, председатель суда добавил: – Мне представляется, что описанное время было лишь тщательной подготовкой к борьбе, которую вы повели против общества, методичной учебой, благодаря которой вы довели свою силу, энергию и ловкость до совершенства. Вы признаете изложенные мною факты?

Во время речи председателя суда обвиняемый сидел прямо, положив ногу на ногу, безвольно опустив руки. При более ярком освещении стали заметны его

худоба, впалые щеки, странно выступающие скулы, лицо землистого цвета с небольшими красными пятнами, редкая неопрятная бородка. В тюрьме он заметно состарился и потерял прежний лоск. В нем невозможно было распознать элегантную фигуру и молодое лицо, хорошо известные по портретам, которые так часто публиковали газеты.

Можно было подумать, что обвиняемый не слышал вопроса. Председатель суда дважды повторил его. Тогда мужчина поднял голову, на мгновение задумался, а потом, сделав неимоверное усилие, прошептал:

– Бодрю Дезире.

Председатель суда рассмеялся.

– Арсен Люпен, я не совсем понимаю систему защиты, которую вы выбрали. Если вы хотите и впредь валять дурака и строить из себя сумасшедшего, пожалуйста. Я же, не обращая внимания на ваши причуды, перейду прямо к делу.

И председатель суда принялся подробно рассказывать о кражах, мошенничестве и жульничестве, вменяемых в вину Арсену Люпену. Иногда он задавал обвиняемому вопросы. Тот либо ворчал, либо вовсе не отвечал.

Потом начали выступать свидетели. Одни свидетельские показания были незначительными, другие более серьезными, но все они противоречили друг другу. Прения протекали как-то вяло, но когда для дачи показаний был вызван главный инспектор Ганимар, публика вновь оживилась.

Однако старый полицейский, едва появившись, вновь вызвал некое разочарование. Нет, он не оробел, ведь ему приходилось видеть на своем веку многое, но выглядел взволнованным и смущенным. Несколько раз он с явным недоумением бросал взор на обвиняемого. Тем не менее, вцепившись двумя руками в барьер, отделяющий публику от судьи, он рассказал обо всех инцидентах, к которым был причастен обвиняемый, о его поездке по Европе и о прибытии в Америку. Публика с жадностью ловила каждое его слово. Так слушают рассказ о самых невероятных приключениях. Но перейдя к своим беседам с Арсеном Люпенем, Ганимар дважды умолкал, словно в нерешительности. Было очевидно, что ему не давала покоя какая-то мысль.

Председатель суда даже сказал:

– Если вам плохо, можете прервать дачу показаний.

– Нет, только... – Ганимар помолчал и наконец заявил: – Я прошу разрешения посмотреть на обвиняемого вблизи. Тут есть некая тайна, которую необходимо прояснить.

Он подошел ближе и, сосредоточившись, принялся рассматривать подсудимого, а после, вернувшись к барьеру, торжественным тоном заявил:

– Господин председатель суда, я утверждаю, что человек, находящийся здесь, не является Арсеном Люпенем.

В зале воцарилась тишина.

Председатель суда опешил, а едва придя в себя, воскликнул:

– Да что вы такое говорите! Вы сошли с ума!

Главный инспектор степенно повторил:

– С первого взгляда небольшое сходство может ввести в заблуждение, я это признаю. Однако если присмотреться внимательнее... Нос, рот, волосы, цвет кожи... Да что там говорить, это не Арсен Люпен! А глаза? Разве у него когда-нибудь были глаза алкоголика?!

– Допустим, но давайте разберемся. Итак, свидетель, что вы хотите этим сказать?

– Если бы я знал! Вероятно, Арсен Люпен заменил себя на этого бедолагу, которому должны были вынести приговор вместо него... Если только это не его сообщник...

Заявление полицейского произвело настоящий фурор. Со всех сторон слышались крики, смех, восклицания. Председатель суда велел вызвать следователя, директора Санте, надзирателей и объявил перерыв.

При очной ставке с обвиняемым господин Бувье и директор Санте заявили, что между Арсеном Люпенем и этим человеком есть лишь легкое сходство.

– Тогда, – раскричался председатель суда, – кто этот человек? Откуда он взялся? Как он оказался в руках правосудия?

Были вызваны два надзирателя Санте. И они тут же узнали в этом человеке заключенного, за которым по очереди наблюдали. Председатель суда вздохнул с облегчением.

Но тут один из надзирателей сказал:

– Да, я думаю, что это он.

– Что значит «я думаю»?

– Черт возьми, да я его только мельком видел. Мне его передали вечером, и он в течение двух месяцев лежал лицом к стене.

– А до этого?

– А до этого он не занимал камеру номер двадцать четыре.

Директор тюрьмы уточнил:

– После попытки побега мы перевели заключенного в другую камеру.

– Но вы, господин директор... вы видели заключенного в течение этих двух месяцев?

– У меня не было повода прийти к нему... Он вел себя спокойно.

- Так этот человек - не заключенный, которого передали вам?
- Нет.
- Тогда кто это?
- Не могу знать.
- Таким образом, мы столкнулись с заменой, которая произошла два месяца назад. Как вы это можете объяснить?
- Это невозможно.
- Следовательно?

В отчаянии председатель суда повернулся к заключенному и ласково спросил:

- Послушайте, обвиняемый! Вы можете объяснить нам, как и когда попали в руки правосудия?

Похоже, благожелательный тон обезоружил неизвестного, развеял его подозрительность, и он попытался ответить. Председатель суда умело и ненавязчиво принялся задавать вопросы. В конце концов мужчине удалось произнести несколько фраз, из которых следовало, что два месяца назад его доставили в тюрьму предварительного заключения при префектуре. Там он провел ночь и утро. При себе у него было семьдесят пять сантимов, и его отпустили. Но когда он шел по двору, двое охранников взяли его под руки и посадили в тюремную карету. С тех пор он жил в камере № 24, причем неплохо. Его хорошо кормили. Он крепко спал. Словом, он не протестовал.

Все это выглядело вполне правдоподобно. Под громкий смех председатель суда отправил дело на доследование с тем, чтобы рассмотреть его на другом заседании.

Следствие сразу же установило факт, занесенный в тюремную книгу: восемь недель назад некий Дезире Бодрю провел ночь в тюрьме предварительного заключения при префектуре. Освобожденный на следующий день, он покинул тюрьму в два часа. Но в тот же день в два часа Арсен Люпен вышел с последнего допроса и уехал в Санте в тюремной карете.

Допустили ли тюремщики ошибку и, введенные в заблуждение внешним сходством, по невнимательности подменили своего узника этим человеком? Мысль о потворстве была недопустима, ведь их должностные обязанности просто не допускали этого.

Планировалось ли совершить подмену заранее? Само место делало подмену почти невозможной, если только Дезире Бодрю не был сообщником и не позволил арестовать себя, преследуя вполне конкретную цель: занять место Арсена Люпена. Но каким чудом этот план, основанный исключительно на серии неправдоподобных удач, неожиданных встреч и неслыханных ошибок, мог быть реализован?

Дезире Бодрю передали сотрудникам антропометрической службы, но они не нашли карточки, соответствующей его описанию. Впрочем, следы его отыскивали легко. Бодрю хорошо знали в Курбеуа, Аньере и Левалуа. Он жил на подаяния и спал в одной из халуп старьевщиков, которые теснились на границах Тернской заставы. Год назад он исчез.

Нанял ли его Арсен Люпен? Ничто не позволяло поверить в это, но, как бы то ни было, о побеге больше ничего не удалось узнать. Чудо оставалось чудом. Из двадцати предположений, пытавшихся его объяснить, ни одно не могло считаться удовлетворительным. Сомнений не вызывал лишь сам побег, непонятный и впечатляющий. Не только слуги правосудия, но и публика чувствовала, что побег готовился давно, что череда чудесным образом следовавших друг за другом событий была тщательно обдумана, поскольку развязка оправдывала горделивое предсказание Арсена Люпена: «Я не буду присутствовать на своем процессе».

Через месяц тщательных поисков загадка по-прежнему оставалась неразгаданной. Однако этого чертова Бодрю нельзя было держать в тюрьме до бесконечности. Его процесс был бы смешным: какие улики против него имелись? Следовательно подписал ордер на освобождение, но начальник Скурте решил установить за ним активное наблюдение.

Эту мысль подал Ганимар. По его мнению, здесь не было ни сообщничества, ни случайности. Бодрю служил инструментом, которым Арсен Люпен виртуозно воспользовался. Оказавшись на свободе, он невольно поможет полиции выйти на Арсена Люпена или какого-то другого члена шайки. В помощь Ганимару дали двух инспекторов – Фоланфана и Дьёзи.

И вот однажды январским туманным утром перед Бодрю Дезире распахнулись двери тюрьмы.

Сначала Бодрю выглядел озадаченным. Он шел, как человек, который не знает, чем себя занять. Он миновал улицу Санте, потом улицу Сен-Жак. Дойдя до лавки старьевщика, он снял пиджак и жилет, продал жилет за несколько су, надел пиджак и зашагал дальше.

Он перешел через Сену. Около Шатле его догнал омнибус. Он хотел сесть в него, но свободных мест не было. Контролер посоветовал ему взять талон. Бодрю вошел в зал ожидания.

Ганимар тут же подозвал своих людей и, не спуская глаз с зала ожидания, торопливо распорядился:

– Остановите автомобиль... нет, лучше два. Я последую за ним с кем-то из вас.

Инспекторы остановили машины, однако Бодрю все не появлялся. Ганимар зашел в зал ожидания. Никого.

– Какой же я идиот! – прошептал полицейский. – Я забыл о втором выходе.

Действительно, внутренний коридор соединял этот зал ожидания с залом ожидания на улице Сен-Мартен. Ганимар бросился бежать. Он успел вовремя и заметил Бодрю на империале омнибуса, следовавшего по маршруту «Батиньоль

– Ботанический сад». Омнибус поворачивал на улицу Риволи. Ганимар догнал его, но при этом потерял своих инспекторов. Теперь ему приходилось продолжать преследование в одиночку.

Разгневанный главный инспектор был готов схватить Бодрю за шиворот без всяких формальностей. Разве этот так называемый полоумный, прибегнув к хитрости, не разлучил его с полицейскими агентами?

Ганимар посмотрел на Бодрю, который дремал на скамье. Голова его покачивалась из стороны в сторону, рот был приоткрыт, что придавало лицу глупое выражение. Нет, он не был противником, способным обвести старого Ганимара вокруг пальца! Ему просто помог случай, вот и все.

На перекрестке Галери-Лафайет Бодрю вышел из омнибуса и сел в трамвай, идущий к Мюэт. Трамвай ехал по бульвару Осман, затем по авеню Виктора Гюго. Бодрю сошел только на остановке Мюэт и беззаботно углубился в Булонский лес.

Он бродил по аллеям, возвращался назад и снова шел вперед. Что он искал? Была ли у него какая-то цель?

После часа прогулки Бодрю, казалось, чуть не падал с ног от усталости. Увидев скамью, он сел. Место недалеко от Отея, на берегу небольшого озера, окруженного деревьями, было безлюдным. Сгоравший от нетерпения Ганимар решил вступить с преследуемым в разговор.

Он подошел, сел рядом с Бодрю и, закулив сигарету, принялся концом трости чертить на земле круги, а потом сказал:

– Не слишком-то жарко.

Ответом ему было молчание. И вдруг это молчание разорвал смех. Радостный, счастливый смех – смех человека, которому вдруг стало безумно весело и он не смог сдержаться. Ганимар явственно почувствовал, как его волосы встали дыбом. Смех, этот адский смех, который он так хорошо знал!

Ганимар резко схватил Бодрю за отвороты пиджака и стал пристально, жадно, еще внимательнее, чем в зале судебных заседаний, вглядываться в него. Нет, это был не тот человек, которого он видел. Вернее, тот, но одновременно другой, подлинный.

Словно силой воли он сбросил маску дряхлости, вызвал к жизни плоть под увядшей кожей, вновь обрел сверкающие глаза и возродил прежние губы, уничтожив оскал, уродовавший их. Это были глаза другого, губы другого... Но главное, пронзительное, живое, насмешливое, одухотворенное, такое светлое, такое молодое выражение!

– Арсен Люпен, Арсен Люпен... – пробормотал главный инспектор.

И вдруг, охваченный яростью, схватил Люпена за горло и попытался повалить его на землю. Несмотря на свои пятьдесят лет, Ганимар еще обладал незаурядной силой. Казалось, его противник в незавидном положении. И если Ганимару удастся взять Люпена, какой это будет удачей!

Борьба длилась недолго. Арсен Люпен едва сопротивлялся, но вдруг ударил Ганимара настолько сильно, что тот ослабил хватку. Правая рука его стала какой-то тяжелой и безжизненно повисла.

– Если бы на набережной Орфевр учили приемам джиу-джитсу, – заявил Люпен, – то вы знали бы, что по-японски этот прием называется уди-сиги. – И холодно добавил: – Еще секунда, и я сломал бы вам руку. Впрочем, вы получили бы то, что заслужили. Как вы, старый друг, которого я уважаю, перед которым открылся, как вы могли злоупотребить моим доверием? Это плохо... Ну, что там у вас?

Ганимар молчал. Побег, за который он считал себя ответственным, – разве не он ввел в заблуждение суд своим сенсационным заявлением? – этот побег стал постыдным клеймом на его карьере. Слеза скатилась по щеке к седым усам.

– Ох, Ганимар, не расстраивайтесь! Если бы вы не заговорили, я сделал бы так, чтобы заговорил кто-нибудь другой. Послушайте, разве я мог допустить, чтобы Дезире Бодрю вынесли приговор?

– Значит, – прошептал Ганимар, – значит, это вы были там? И здесь... это тоже вы!

– Я, всегда я, только я.

– Разве такое возможно?

– Для этого не надо хватать звезд с неба. Достаточно, как сказал славный председатель суда, готовиться в течение лет десяти-двенадцати, чтобы уметь противостоять любым случайностям.

– Но ваше лицо, ваши глаза...

– Поймите же, если я работал восемнадцать месяцев в больнице Святого Людовика у доктора Альтье, то вовсе не ради любви к искусству. Я полагал, что тот, кто в один прекрасный день удостоится чести называть себя Арсеном Люпенем, не должен подчиняться обычным законам внешности и идентичности. Внешность? Да ее изменяют по собственному усмотрению! Подкожная инъекция парафина приподнимает кожу до нужного уровня. Пирогаллол превращает вас в мотылька. Сок большого чистотела самым действенным образом украшает всевозможными лишаями и язвами. Одно химическое вещество действует на рост волос и бороды, другое изменяет голос. Прибавьте к этому два месяца диеты в камере номер двадцать четыре, упражнения, которые я делал тысячу раз, чтобы мой рот искажался в оскале, голова клонилась вниз, а спина горбилась. Наконец, пять капель атропина, чтобы сделать взгляд блуждающим, и делу конец!

– Я не понимаю, как надзиратели...

– Изменения происходили постепенно. Они не могли их заметить.

– Но Дезире Бодрю?

– Дезире Бодрю существует. Это невинный бедолага, которого я встретил в прошлом году. Он действительно немного похож на меня. Предвидя, что меня могут арестовать в любой момент, я поместил его в надежное место и сразу же принялся подмечать различия, чтобы сгладить их у себя, насколько это возможно. Мои друзья устроили так, что он провел ночь в камере предварительного заключения при префектуре и вышел оттуда примерно в то же время, что и я. Надо было, чтобы наше сходство все заметили. Обратите внимание, я хотел, чтобы вы легко обнаружили его следы, иначе правосудие задумалось бы над вопросом: а кем же был он? Представив правосудию этого столь примечательного Бодрю, я знал, что оно непременно – понимаете, непременно! – набросится на него. Причем, несмотря на непреодолимые трудности подмены, правосудие предпочтет поверить в нее, но уж никак не распишется в своем бессилии.

– Да, в самом деле, – прошептал Ганимар.

– К тому же, – воскликнул Арсен Люпен, – у меня на руках был восхитительный козырь, карта, которую я подсунул с самого начала: все ждали моего будущего бегства. И вот вы и все остальные допустили грубейшую ошибку в азартной игре, которую я вел с правосудием, поставив на кон свою свободу: вы в очередной раз предположили, что я действую из бахвальства, что я, словно желторотый юнец, ослеплен своими победами. Но чтобы я, Арсен Люпен, так мелко плавал! И так же, как в деле Каорна, вы сказали себе: «Раз Арсен Люпен кричит на весь мир о своем побеге, значит, у него есть весомые причины для этого». Но, черт возьми, поймите же: чтобы убежать... не убегая, необходимо заставить всех без исключения поверить в это бегство. Мой побег должен был стать абсолютной догмой, истиной, непреложной, как солнце. Так оно и произошло благодаря моей воле. Арсен Люпен сбежит, Арсен Люпен не будет присутствовать на своем процессе. А когда вы встали и сказали: «Этот человек не является Арсеном Люпенем», было бы противоестественно, если бы хоть один человек тут же не поверил, что я и Арсен Люпен – разные люди. Если бы хоть у кого-то возникли сомнения, если бы кто-нибудь сказал: «А вдруг это действительно Арсен Люпен?», в ту же минуту я бы погиб. Достаточно было наклониться ко мне, но не с уверенностью, что я не Арсен Люпен, как это сделали вы и прочие, а с мыслью, что я мог бы быть Арсеном Люпенем, несмотря на все меры предосторожности, меня узнали бы. Но я был спокоен. Логически и психологически эта простая мысль не могла никому прийти в голову. – Вдруг Арсен Люпен схватил Ганимара за руку. – Послушайте, признайтесь, что всю неделю после нашей беседы в Санте вы ждали меня у себя дома в четыре часа, как я и обещал?

– Но тюремная карета? – спросил Ганимар, избегая ответа.

– Блеф! Мои друзья починили списанную и заменили ее настоящую. Они хотели выручить меня. Но я понимал, что без благоприятного стечения обстоятельств это ни к чему не приведет. Однако я счел полезным изобразить попытку побега и придать ей широкую огласку. Дерзкий первый побег придавал реальность второму.

– Таким образом, сигара...

– Я сам вложил в нее записку, равно как и в нож.

– Но кто писал записки?

– Я.

– А таинственная корреспондентка?

– Мы с ней составляем одно целое. Я могу писать любым почерком.

Ганимар немного поразмыслил и возразил:

– Но как получилось, что сотрудники антропометрической службы, достав карточку Бодрю, не заметили, что она в точности соответствует карточке Арсена Люпена?

– Карточки Арсена Люпена не существует.

– Надо же!

– Или она фальшивая. Я долго изучал этот вопрос. Система Бертильона основывается прежде всего на визуальном описании. Как вы сами видите, этот метод не безупречен. Затем идут различные измерения: головы, пальцев, ушей и так далее. Здесь уж ничего не поделаешь.

– И что?

– Пришлось заплатить. Еще до моего возвращения из Америки один из сотрудников службы согласился занести ложные данные в мою карточку прежде, чем меня обмеряли с ног до головы. Этого оказалось достаточно, чтобы вся система рухнула и карточка попала в другой ящик, а не в тот, куда должна была попасть. Таким образом, карточка Дезире Бодрю не могла соответствовать карточке Арсена Люпена.

Вновь воцарилось молчание. Затем Ганимар спросил:

– И что же вы теперь собираетесь делать?

– Теперь, – воскликнул Арсен Люпен, – я собираюсь хорошенько отдохнуть, отъестся и постепенно стать самим собой. Конечно, хорошо побыть Бодрю или кем-нибудь другим, изменить личность, как меняешь рубашку, выбрать новую внешность, новый голос, новый взгляд, новый почерк. Но порой после всего этого бывает очень трудно узнать самого себя, что весьма прискорбно. Сейчас же я испытываю нечто подобное тому, что испытывает человек, потерявший свою тень. Я собираюсь отправиться на поиски... и найти самого себя.

Дневной свет угасал, сменяясь сумерками. Арсен Люпен прошелся взад-вперед и, остановившись перед Ганимаром, спросил:

– Полагаю, нам больше не о чем разговаривать?

– Почему же? – ответил инспектор. – Я хотел бы знать, откроете ли вы всю правду о своем побеге. Ошибка, которую я допустил...

– О, никто и никогда не узнает, что на свободе оказался Арсен Люпен. У меня есть достаточно веских причин для того, чтобы окружить свою особу самыми невероятными тайнами. И поэтому я хочу, чтобы этот побег был подобен чуду. Не бойтесь, дружище. И прощайте. Сегодня вечером я ужинаю в городе. Мне еще надо переодеться.

– А я думал, что вы мечтаете об отдыхе.

– Увы! Есть светские обязанности, от которых невозможно увильнуть. Отдых начнется завтра.

– И где же вы ужинаете?

– В английском посольстве.

Таинственный пассажир

Накануне я распорядился, чтобы мой автомобиль отогнали в Руан по шоссе. Сам же я собирался поехать туда на поезде, а потом должен был отправиться к друзьям, жившим на берегах Сены.

В Париже, за несколько минут до отправления поезда, мое купе буквально захватили семеро мужчин, пятеро из которых курили. И какой бы короткой ни была поездка в скором поезде, перспектива провести все это время в подобном обществе не представлялась мне заманчивой, тем более в этом вагоне старой конструкции не было коридора. Взяв пальто, газеты и путеводитель, я перешел в другое купе.

Это купе занимала дама. Увидев меня, она так поморщилась от досады, что я не мог этого не заметить. Потом она наклонилась к мужчине, стоявшему на подножке вагона. Наверно, это был муж дамы, который проводил ее до вокзала. Мужчина внимательно посмотрел на меня. Видимо, осмотр закончился благоприятно для меня, поскольку он тихо заговорил с женой, ласково улыбаясь, словно успокаивая испуганного ребенка. Дама тоже улыбнулась и дружески посмотрела на меня, будто внезапно поняла, что я принадлежу к тому типу галантных мужчин, с которыми женщина может находиться в запертой камере площадью в шесть квадратных футов, ничего не опасаясь.

Муж сказал даме:

– Не сердись, дорогая, у меня срочная встреча. Я не могу больше задерживаться.

Он нежно поцеловал ее и ушел. Жена послала ему в окно несколько воздушных поцелуев и промокнула глаза носовым платком.

Раздался свисток, и поезд тронулся.

В этот момент, несмотря на протесты железнодорожных служащих, дверь открылась и в наше купе ворвался мужчина. Моя спутница, раскладываявшая свои вещи в сетке, вскрикнула от ужаса и упала на сиденье.

Я не из трусливых, но, признаюсь вам, подобные вторжения в последнюю минуту производят на меня тягостное впечатление. Они кажутся мне двусмысленными, неестественными. В них кроется какой-то подвох, иначе почему...

Тем не менее внешность нового пассажира и его манеры немного сгладили первое неприятное впечатление. Корректный, даже элегантный, хорошо подобранный галстук, чистые перчатки, волевое лицо... Но, черт возьми, где же я видел это лицо?! У меня не было ни малейших сомнений: я его видел. Вернее, в моей памяти всплыло нечто похожее на воспоминание. Обычно такие ощущения оставляет многократное созерцание портрета, оригинал которого так и не удалось увидеть. В то же время я чувствовал, что рыться в памяти бесполезно, настолько расплывчатым и смутным было это воспоминание.

Но, посмотрев на даму, я поразился ее бледности. Даже черты ее лица исказились. Она смотрела на своего соседа, сидевшего рядом, с нескрываемым ужасом. Я заметил, что дрожащая рука дамы потянулась к небольшому саквою, который лежал в двадцати сантиметрах от нее. В конце концов она схватила его и нервно прижала к себе.

Наши взгляды встретились. В ее глазах я прочел такую боль и тревогу, что не выдержал и спросил:

– Вам плохо, сударыня? Может, открыть окно?

Ничего не ответив, она испуганно взглянула на нашего спутника. Я улыбнулся той же улыбкой, что и муж дамы, пожал плечами и знаками показал, что ей нечего бояться, что я рядом. Впрочем, этот господин казался мне вполне безобидным.

В эту минуту он обернулся к нам, оглядел нас по очереди с ног до головы и забился в угол. Больше он не шевелился.

Воцарилась тишина. Но дама, видимо, собрав все силы перед решительным поступком, едва слышно прошептала:

– Знаете ли вы, что он в нашем поезде?

– Кто?

– Он... Он... Уверяю вас.

– Но кто?

– Арсен Люпен.

Она не сводила глаз с пассажира. И это ужасное имя, сказанное по слогам, было адресовано скорее ему, чем мне.

Пассажир надвинул шляпу на лицо. Хотел ли он скрыть свое смущение или просто решил поспать?

Я возразил:

– Вчера Арсена Люпена заочно приговорили к двадцати годам каторжных работ. Поэтому маловероятно, что уже сегодня он проявит неосторожность, показавшись на людях. К тому же, насколько мне известно, газеты писали, что после знаменитого побега из Санте его видели этой зимой в Турции.

– Он едет в нашем поезде, – повторила дама чуть громче, явно для того, чтобы наш спутник ее услышал. – Мой муж является заместителем начальника Службы исполнения наказаний, и сам комиссар вокзала сообщил нам, что Арсена Люпена ищут.

– Это еще не доказывает...

– Его видели в зале ожидания. Он купил билет до Руана, в первый класс.

– Но ведь тогда его было легко арестовать...

– Он исчез. Контролер, стоявший при входе в зал ожидания, не видел его. Полагают, что он прошел по перронам, где останавливаются пригородные поезда, и поднялся в экспресс, который отходит на десять минут позже нашего поезда.

– Вот там его, вероятно, и сцапали.

– А если в последний момент он выпрыгнул из экспресса и сел в наш поезд? Это вполне возможно... даже вполне вероятно...

– В таком случае его сцапят здесь. Железнодорожные служащие и полицейские не могли не заметить человека, перебежавшего из одного поезда в другой. Когда мы прибудем в Руан, его возьмут тепленьким.

– Его? Да никогда! Он найдет способ сбежать.

– Тогда я желаю ему приятного путешествия.

– Но до Руана он многое может натворить!

– Что именно?

– Откуда мне знать? Надо быть готовыми ко всему!

Дама была крайне взволнована. Сама обстановка в определенной степени способствовала этому нервному возбуждению. Я машинально заметил:

– Действительно, бывают любопытные совпадения... Но успокойтесь. Даже если предположить, что Арсен Люпен едет в нашем поезде, держаться он будет осмотрительно. Ему незачем навлекать на себя новые неприятности, поэтому он станет думать только о том, как бы избежать опасности.

Мои слова не убедили даму, тем не менее она промолчала, не желая, несомненно, показаться бестактной.

Я развернул газеты и принялся читать отчеты о процессе Арсена Люпена. Поскольку в них не содержалось ничего нового, они не вызвали у меня

особого интереса. К тому же я устал и не выспался. Я чувствовал, как мои веки смыкаются, а голова падает на грудь.

– Нет, сударь, не надо спать!

Дама вырвала из моих рук газеты и с возмущением посмотрела на меня.

– Разумеется, не надо, – ответил я. – Я и не собираюсь спать.

– Это было бы крайне неосмотрительно, – заявила она.

– Крайне неосмотрительно, – повторил я.

Я отчаянно боролся со сном, цепляясь взглядом за пейзаж, за облака, плывшие по небу. Но вскоре все это словно растворилось, образы взбудораженной дамы и дремлющего господина исчезли из моего сознания, и меня окутала полнейшая, глубокая сонная тишина.

Вскоре эту тишину нарушили легкие смутные сны, в которых определенное место занимал некий субъект по имени Арсен Люпен, игравший в них не последнюю роль. Вот он уходил за горизонт, неся на спине мешок с драгоценностями, перелезал через стены и выносил мебель из замков...

И тут силуэт этого человека, который больше не был Арсеном Люпен, обозначился яснее. Он шел мне навстречу, становясь все больше и больше, с невероятной ловкостью заскочил в вагон и повалился прямо на меня.

Острая боль... Пронзительный крик... Я проснулся. Этот человек, пассажир, сжимал мне горло, придавив коленом грудь.

Я видел все это смутно, поскольку мои глаза были налиты кровью. Я также видел даму, корчившуюся в углу в нервном припадке. Я даже не пытался оказать сопротивление. Впрочем, у меня на это не было сил. Кровь стучала в висках, я задышался... Я хрипел... Еще минута... И я задохнулся бы.

Вероятно, мужчина это почувствовал, поскольку ослабил хватку. Не отходя от меня, он правой рукой вытащил веревку с заранее приготовленной скользящей петлей и резким движением связал мне руки. В одну минуту я оказался обездвижен и с кляпом во рту.

Все это он проделал самым естественным образом, с ловкостью, выдававшей знатока, профессионала, поднаторевшего в кражах и прочих преступлениях. Ни одного слова, ни одного лишнего движения. Хладнокровие и смелость. И вот я лежал на скамье, словно мумия. Я, Арсен Люпен!

По правде говоря, ситуация выглядела комичной. Несмотря на серьезное положение дел, я не мог не признать, что тут пахло пикантной иронией. Арсена Люпена провели, как новичка! Арсена Люпена обчистили, как первого встречного, поскольку бандит, разумеется, избавил меня от кошелька и бумажника! Арсен Люпен стал жертвой! Его одурачили, победили... Какое приключение!

Оставалась дама. Но на нее он даже не обратил внимания, только поднял сумочку, валявшуюся на ковре, вытащил оттуда драгоценности, портмоне,

золотые и серебряные безделушки. Дама, приоткрыв один глаз, задрожала от ужаса, сама сняла с пальцев кольца и протянула их мужчине, словно хотела избавить его от лишних усилий. Он взял кольца и посмотрел на даму – она тут же лишилась чувств.

По-прежнему молчаливый и спокойный, не обращая на нас внимания, он сел на свое место, закурил сигарету и принялся рассматривать похищенные сокровища. Похоже, осмотр его полностью удовлетворил.

Я же отнюдь не был удовлетворен. Я не говорю о двенадцати тысячах франков, которых меня столь дерзко лишили. С этой утратой я смирился, поскольку рассчитывал, что эта сумма вернется ко мне в самое ближайшее время, как и очень важные бумаги, лежавшие в моем бумажнике: планы, расчеты, адреса, списки корреспондентов, компрометирующие письма. В данный момент у меня был более насущный и серьезный повод для беспокойства.

Что произойдет дальше?

Как вы понимаете, суматоха, вызванная моим появлением на вокзале Сен-Лазар, не ускользнула от моего внимания. Будучи приглашенным к друзьям, которых я посещал под именем Гиойма Берла и для которых мое сходство с Арсеном Люпенем служило поводом для беззлобных шуток, я не мог хорошенько заgrimироваться. Разумеется, меня заметили. К тому же все видели мужчину, несомненно, Арсена Люпена, который перебежал из экспресса в скорый поезд. Значит, комиссар полиции Руана, предупрежденный телеграммой, неизбежно, фатально явится в сопровождении многочисленных полицейских на вокзал к приходу поезда, будет допрашивать всех подозрительных пассажиров и прикажет тщательно обыскать вагоны.

Все это я предвидел, но не особенно волновался, уверенный в том, что полиция Руана не проникательнее парижской полиции. Я не сомневался, что сумею пройти незамеченным. Разве недостаточно будет небрежно показать при выходе депутатскую карточку, благодаря которой я уже внушил полное доверие контролеру вокзала Сен-Лазар? Но как все изменилось! Меня лишили свободы. Я не мог применить ни один из своих обычных трюков. В одном из вагонов комиссар обнаружит господина Арсена Люпена, которого ему преподнесет счастливый случай, да еще связанного по рукам и ногам, кроткого, как агнец Божий, упакованного, готовенького. Комиссару останется только получить груз, как получают на вокзале почтовые посылки, корзины с дичью, овощами или фруктами.

Но как я, опутанный веревкой, мог избежать столь прискорбной развязки?

Скорый поезд, проскочив мимо Вернона и Сен-Пьера, мчался в сторону Руана, единственной и уже такой близкой остановки.

Была еще одна проблема, интриговавшая меня. Ко мне она прямого отношения не имела, но ее решение вызывало у меня профессиональный интерес. Что намеревался делать наш спутник?

Если бы я был один, то в Руане он успел бы спокойно покинуть поезд. Но дама? Едва он откроет дверь, как дама, в данный момент столь послушная и тихая, наверняка закричит, начнет метаться и звать на помощь.

Вот это меня и удивляло. Почему он не обездвигил ее, как и меня? Ведь это позволило бы ему незаметно исчезнуть до того, как будет обнаружено это двойное преступление.

Пассажир по-прежнему курил, уставившись в окно, по которому косыми линиями медленно стекали капли дождя. Один раз он все же обернулся, схватил мой путеводитель и что-то проверил по нему.

Дама старательно изображала обморок, чтобы обмануть врага. Но кашель, вызванный табачным дымом, выдавал ее.

Мне же было очень плохо, тело ныло от боли. И я все размышлял... прикидывал...

Пон-де-л'Арш, Уассель... Скорый поезд мчался, словно опьянев от скорости.

Сент-Этьен... Мужчина встал и сделал два шага в нашу сторону, на что дама поспешила ответить новым вскриком и непритворным обмороком.

Но что он задумал? Пассажир опустил окно с нашей стороны, дождь яростно хлестал. Мужчина был явно раздражен тем, что у него нет ни зонтика, ни пальто. Бросив взгляд на сетку, он увидел там дамский зонтик и взял его. Потом надел мое пальто.

Поезд мчался по мосту через Сену. Мужчина закатал брюки, затем, перегнувшись, поднял щеколду с наружной стороны.

Уж не собирается ли он прыгать? При такой скорости прыжок означает верную смерть. Поезд ворвался в туннель под холмом Сен-Катрин. Мужчина приоткрыл дверцу и нащупал ногой верхнюю ступеньку. Какое безумие! Темнота, дым, грохот – все это делало его попытку бредовой. Но вдруг поезд замедлил ход, тормоза сдерживали стремительное движение колес. Через минуту состав шел уже еле-еле. Вне всякого сомнения, в этой части туннеля велись ремонтные работы. Вероятно, они начались несколько дней назад, и наш спутник знал об этом.

Ему оставалось только поставить другую ногу на верхнюю ступеньку, спуститься на вторую, а затем спокойно уйти. Правда, он не забыл закрыть дверь и опустить щеколду.

Едва он исчез, в окно хлынул дневной свет. Поезд выехал в долину. Еще один туннель, и мы прибудем в Руан.

Дама тут же пришла в себя и первым делом принялась оплакивать свои украденные драгоценности. Я взглядом молил ее о помощи. Она поняла и вытащила кляп, мешавший мне нормально дышать. Она также хотела распутать веревку, но я остановил ее:

– Нет, нет! Пусть полиция увидит все, как есть. Я хочу, чтобы полицейские поняли, какой он негодяй!

– А если я нажму «тревожную кнопку»?

- Поздно! Надо было об этом подумать, когда он напал на меня!

- Но тогда он убил бы меня! Ах, сударь, разве я не предупреждала вас, что он едет в нашем поезде? Я сразу же узнала его по портрету. И вот он сбежал с моими драгоценностями...

- Не волнуйтесь, его найдут.

- Найдут Арсена Люпена? Да никогда!

- Все зависит от вас, сударыня. Когда мы прибудем в Руан, встаньте около двери и зовите на помощь, кричите как можно громче. Полицейские и железнодорожные служащие сразу же прибегут. Вы должны рассказать им обо всем, что видели, в нескольких словах, о том, что я стал жертвой нападения, и о бегстве Арсена Люпена. Опишите его. Он в мягкой шляпе, с зонтиком, с вашим зонтиком, и в приталенном пальто...

- В вашем пальто, - уточнила она.

- В моем? Нет, в своем. У меня не было пальто.

- Мне показалось, что он, когда вошел, тоже был без пальто.

- Да, конечно... Возможно, кто-нибудь забыл это пальто. Но он убежал в пальто, и это главное... В сером приталенном пальто, запомните... А-а, чуть не забыл! Сначала скажите, как вас зовут. Должность, занимаемая вашим мужем, усилит рвение этих господ.

Поезд прибыл в Руан. Дама уже стояла около двери. Я заговорил твердым, почти повелительным тоном, чтобы мои слова хорошенько запечатлелись у нее в памяти:

- Назовите и мое имя: Гийом Берла. При необходимости скажите, что вы знаете меня... Это позволит нам выиграть время... Необходимо, чтобы они как можно скорее начали предварительное расследование... Сейчас самое важное - не упустить Арсена Люпена... Ваши драгоценности... Вы не ошибетесь, не так ли? Гийом Берла, приятель вашего мужа.

- Договорились... Гийом Берла...

Она уже звала на помощь, отчаянно жестикулируя. Едва поезд остановился, как в купе поднялся какой-то мужчина в сопровождении еще нескольких человек. Наступил критический момент.

Задыхаясь, дама воскликнула:

- Арсен Люпен... Он напал на нас... Украл все мои драгоценности... Я госпожа Рено... Мой муж - заместитель директора Службы исполнения наказаний... А вот и мой брат, Жорж Ардель, директор «Руанского кредита»... Вы должны его знать. - Дама поцеловала подошедшего молодого человека, с которым поздоровался комиссар, и плачущим голосом продолжила: - Да, Арсен Люпен... Пока этот господин спал, он схватил его за горло... Это господин Берла, друг моего мужа...

Комиссар спросил:

– Но где же Арсен Люпен?

– Он выпрыгнул из поезда в туннеле, за Сеной.

– Вы уверены, что это был он?

– Уверена ли я? Я прекрасно его узнала! Впрочем, его видели на вокзале Сен-Лазар. Он был в мягкой шляпе...

– Нет... В жесткой фетровой шляпе, как вот эта, – поправил ее комиссар, указывая на мою шляпу.

– В мягкой шляпе, я это утверждаю! – повторила мадам Рено. – И в сером приталенном пальто.

– Действительно, – пробормотал комиссар, – в телеграмме говорилось о сером пальто с черным бархатным воротником.

– Именно так, с черным бархатным воротником! – торжествующе воскликнула мадам Рено.

Я с облегчением вздохнул. Ах, моя славная, моя прелестная спутница!

Полицейские освободили меня от пут. Я искусал себе губы так, что потекла кровь. Согнувшись вдвое, поднеся носовой платок ко рту, как и подобает человеку, долгое время занимавшему неудобное положение и хранящему на лице кровавые следы от кляпа, я слабым голосом сказал комиссару:

– Сударь, это был Арсен Люпен, тут нет сомнений... Если вы поторопитесь, то поймаете его... Полагаю, я могу оказаться вам полезным...

Вагон, которому предстояло стать объектом расследования, отцепили. Поезд отправился в Гавр. Сквозь толпу любопытных, собравшихся на перроне, нас проводили в кабинет начальника вокзала.

И тут я заколебался. Под каким-нибудь благовидным предлогом я мог уйти, найти свой автомобиль и скрыться. Ждать было слишком опасно. Если произойдет что-либо неожиданное или из Парижа придет телеграмма, я погиб.

Конечно, но грабитель? Вынужденный рассчитывать лишь на собственные силы, да еще в незнакомом месте, я вряд ли смогу его разыскать.

«Ба, попытаем удачу, – сказал я сам себе, – и останемся. Партию трудно выиграть, но она такая увлекательная! И ставки того стоят».

Нас попросили еще раз повторить показания, но тут я воскликнул:

– Господин комиссар, сейчас Арсен Люпен опережает нас! Мой автомобиль стоит во дворе. Если вам будет угодно сесть в него, мы попытаемся...

Комиссар хитро улыбнулся.

– Неплохая мысль... Настолько неплохая, что уже осуществляется.

– Вот как!

– Да, сударь, двое полицейских уже отправились на велосипедах... какое-то время назад.

– Но куда?

– К выходу из туннеля. Там они соберут улики, снимут показания и нападут на след Арсена Люпена.

Я не удержался и пожал плечами.

– Ваши полицейские не соберут никаких улик и не найдут ни одного свидетеля.

– Да что вы?

– Арсен Люпен устроит так, что никто не увидит, как он выходит из туннеля. Он доберется до ближайшей дороги, а оттуда...

– А оттуда направится в Руан, где мы его и схватим.

– Он не направится в Руан.

– Значит, останется в окрестностях города, где мы чувствуем себя еще увереннее...

– Он не останется в окрестностях.

– О! И где же он будет прятаться?

Я вытащил свои часы.

– В настоящее время Арсен Люпен бродит недалеко от вокзала Дарнеталя. Без десяти одиннадцать, то есть через двадцать две минуты, он сядет в поезд, который с Северного вокзала Руана отправится в Амьен.

– Вы полагаете? Но почему вы так в этом уверены?

– О, все очень просто. В купе Арсен Люпен рассматривал мой путеводитель. Зачем? Не проходила ли другая ветка недалеко от того места, где он исчез? Не было ли на этой ветке вокзала? Останавливался ли на этом вокзале какой-нибудь поезд? Я тоже сверился с путеводителем и все понял.

– Право же, сударь, – заметил комиссар, – какой великолепный вывод! Какая осведомленность!

Но, увлекшись, я допустил оплошность, продемонстрировав свою осведомленность. Комиссар с удивлением смотрел на меня. Мне показалось, что у него возникли кое-какие подозрения. О, очень смутные, потому что на фотографиях, разосланных прокуратурой по всей стране, Арсен Люпен разительно отличался от человека, стоявшего сейчас перед ним. Комиссар

никак не мог меня узнать. И все же он сомневался, испытывал смутную тревогу.

Воцарилась тишина. Какая-то двусмысленность, неуверенность мешали продолжить разговор. Я даже вздрогнул, настолько мне стало не по себе. Неужели удача отвернулась от меня? Взяв себя в руки, я рассмеялся.

– Боже мой, неужели вы не понимаете, что я хочу вернуть украденный бумажник? Мне представляется, что если бы вы соизволили дать мне в помощь двух полицейских, то вместе мы, вероятно, смогли бы..

– О, прошу вас, господин комиссар, – воскликнула госпожа Рено, – послушайте господина Берла!

Вмешательство моей замечательной спутницы сыграло решающую роль. Произнесенная женой влиятельного чиновника фамилия «Берла» становилась действительно моей и удостоверяла мою личность настолько убедительно, что не оставалось места никаким подозрениям. Комиссар встал.

– Господин Берла, поверьте, я был бы рад, если бы вам сопутствовал успех. Я, как и вы, крайне заинтересован в аресте Арсена Люпена.

Комиссар проводил меня до автомобиля. Полицейские, которых он мне представил, Оноре Массоль и Гастон Деливе, заняли свои места. Я сел за руль. Механик крутанул ручку, заводя мотор. Через несколько минут мы покинули вокзал. Я был спасен.

Ах! Признаюсь, проезжая по бульварам, опоясывавшим старинный нормандский город, на огромной скорости, которую развили тридцать пять лошадиных сил моего «моро-лептона», я испытывал определенную гордость. Мотор ровно урчал. Справа и слева от нас проносились деревья. Свободный, вне опасности, я думал только о том, как при помощи двух достойных представителей власти уладить свои личные дела. Арсен Люпен отправлялся на поиски Арсена Люпена!

Скромные защитники общественного порядка, Гастон Деливе и Оноре Массоль, как я высоко ценил вашу помощь! Что бы я делал без вас? Не будь вас, сколько бы раз я свернул на перекрестках не туда? Не будь вас, Арсен Люпен заблудился бы, а тот, другой, убежал!

Но это был еще не конец. Далеко нет. Сначала мне предстояло догнать этого типа, а потом завладеть бумагами, которые он украл у меня. Ни за что на свете мои помощники не должны были хотя бы краем глаза видеть эти документы, а уже тем более брать их в руки. Использовать полицейских, но действовать без них – вот чего я хотел. Но это было не так просто.

В Дарнеталь мы прибыли через три минуты после ухода поезда. Правда, я немного успокоился, узнав, что тип в сером приталенном пальто с черным бархатным воротником купил билет до Амьена в купе второго класса и сел на поезд. Решительно, мои первые шаги в качестве полицейского были многообещающими.

Деливе сказал:

– Это экспресс, он остановится только в Монтеролье-Бюши через девятнадцать минут. Если мы не опередим Арсена Люпена, он может добраться до Амьена, затем пересест в поезд, идущий в Клер, и уехать в Дьепп или в Париж.

– Сколько километров до Монтеролье?

– Двадцать три.

– Двадцать три километра за девятнадцать минут... Мы приедем раньше, чем он.

Захватывающая гонка! Никогда прежде верный «моро-лептон» не откликался на мое нетерпение с таким пылом и чуткостью. Мне казалось, что я напрямую передавал ему свою волю, без посредничества рычагов и тумблеров. Он разделял все мои желания, одобрял мое упорство. Он понимал мою злость на этого мерзавца Арсена Люпена. Негодяй! Предатель! Сумею ли я одолеть его? Посмеется ли он еще раз над авторитетом, воплощением которого я был?

– Направо! – кричал Деливе. – Налево! Прямо!

Мы летели над землей. Дорожные указатели казались маленькими зверушками, которые при нашем появлении испуганно падали в обморок. И вдруг на повороте показалось облако дыма. Это был Северный экспресс.

На протяжении километра шла борьба, бок о бок. Неравная борьба, исход которой был предreshен. К моменту прибытия мы обогнали его на двадцать корпусов.

Через три секунды мы уже стояли перед купе второго класса. Двери открылись. С поезда сошли несколько пассажиров. Но моего вора не было. Мы осмотрели купе. Никаких следов Арсена Люпена.

– Черт возьми! – воскликнул я. – Вероятно, он заметил меня в автомобиле и узнал, когда мы ехали рядом. Он спрыгнул!

Начальник поезда подтвердил мое предположение. Он видел человека, скатившегося по насыпи в двухстах метрах от вокзала.

– Смотрите, вон туда... Он переходит железнодорожный переезд.

Я бросился вперед, помощники поспешили за мной, вернее, один помощник, поскольку Массоль оказался великолепным бегуном, не только быстрым, но и выносливым. За несколько секунд расстояние, отделявшее его от беглеца, заметно сократилось. Тот заметил преследователя, перепрыгнул через изгородь, помчался к холму и взобрался на него. Мы издали видели, как он бросился в небольшой лесок.

Мы добрались до леса. Массоль уже ждал нас. Он решил, что не стоит углубляться туда, иначе может потерять нас.

– Поздравляю вас, мой дорогой друг, – обратился я к нему. – После подобной гонки наш молодчик наверняка выдохся. Мы схватим его.

Я осмотрел окрестности, размышляя, как бы самому настигнуть беглеца, чтобы отобрать у него похищенные вещи, чего не допустили бы стражи правопорядка без предварительных многочисленных и к тому же неприятных расспросов. Затем вернулся к своим спутникам.

– Все очень просто. Вы, Массоль, стойте слева. А вы, Деливе, справа. И следите за дальней опушкой. Он не сможет пройти незамеченным, если только не выберет овраг, но там буду я. Если он не выйдет, мне придется углубиться в лес и выгнать его к одному из вас. Вам остается лишь ждать. Да, чуть не забыл! В случае тревоги я выстрелю.

Массоль и Деливе заняли свои места. Как только они скрылись, я углубился в лесок, стараясь идти крайне осторожно, чтобы меня не было ни видно, ни слышно. Я пробирался через густые заросли, где были проложены узкие охотничьи тропы. Идти там можно было лишь согнувшись, словно по зеленому подземному ходу.

Одна из тропинок вывела меня на поляну. На мокрой траве еще сохранились чьи-то следы. Я пошел по ним, пробираясь через подлесок. Следы привели меня к подножию небольшого холма, на вершине которого стояла полуразвалившаяся лачуга, возведенная из строительных отходов.

«Он должен быть здесь, – подумал я. – Хороший наблюдательный пункт».

Я пробрался ближе к лачуге. Легкий шорох выдал чье-то присутствие. Действительно, через дверной проем я увидел мужчину. Он стоял ко мне спиной.

В два прыжка я набросился на него. Мужчина попытался наставить на меня револьвер, который держал в руке, но я помешал этому, повалив его на пол. Потом я скрутил ему руки за спиной и надавил коленом на грудь.

– Послушай, малыш, – шепнул я ему на ухо, – я Арсен Люпен. Ты немедленно и добровольно вернешь мой бумажник и сумочку дамы. За это я вырву тебя из лап полиции и зачислю в разряд своих друзей. Только одно слово: да или нет?

– Да, – прошептал он.

– Тем лучше. Сегодня утром ты красиво сделал свое дело. Мы договоримся.

Я встал. Он сунул руку в карман, выхватил нож и попытался меня ударить.

– Идиот! – воскликнул я.

Одной рукой я парировал удар, другой же изо всех сил ударил по сонной артерии... Он упал как подкошенный.

Открыв свой бумажник, я увидел, что все документы и банковские билеты целы. Из любопытства я взял его кошелек и на конверте, который обнаружил там, прочитал имя: Пьер Онфрэ.

Я вздрогнул. Пьер Онфрэ, убийца с улицы Лафонтена в Отёе! Пьер Онфрэ, перерезавший горло госпоже Дельбуа и двум ее дочерям. Я склонился над

ним. Да, это было то самое лицо, которое в купе вызвало у меня смутное воспоминание о чертах, которые я когда-то мельком видел.

Но время шло. Я положил в конверт две банкноты достоинством в сто франков и визитную карточку, на которой написал: «Арсен Люпен – своим славным коллегам Оноре Массолу и Гастону Деливе в знак признательности». Конверт я оставил на видном месте посредине комнаты, а рядом – сумочку мадам Рено. Как я мог не вернуть сумочку своей замечательной спутнице, которая оказала мне огромную помощь? Однако, каюсь, я все же вынул из сумочки все, что представляло определенный интерес, оставив лишь черепаховый гребень, губную помаду фирмы «Дорин» и пустой кошелек. Черт возьми, дело есть дело. К тому же ее муж занимается постыдным ремеслом!

Но что делать с этим человеком? Он начал шевелиться. Как поступить? У меня не было никакого желания ни спасти его, ни выносить приговор.

Я отобрал у него нож и револьвер и выстрелил в воздух.

«Сейчас примчатся те двое, – подумал я, – и пусть он сам выкручивается! Все произойдет так, как предназначено судьбой».

И я пустился бежать по тропинке на дне оврага.

Через двадцать минут проселочная дорога, которую я заметил во время преследования, вывела меня к автомобилю.

В четыре часа дня я телеграфировал своим друзьям в Руан, что непредвиденные обстоятельства вынудили меня отложить визит. Между нами говоря, я боюсь, что после того, как они узнают подробности, его придется отложить на неопределенное время. Какое жестокое разочарование их ждет!

В шесть часов я вернулся в Париж через Иль-Адам, Энгиен и ворота Бино.

Из вечерних газет я узнал, что полицейским удалось схватить Пьера Онфрэ.

На следующий день – не стоит пренебрегать достоинствами умной рекламы – газета «Эко де Франс» опубликовала следующую сенсационную заметку:

«Вчера в окрестностях Бюши после многочисленных инцидентов Арсен Люпен организовал арест Пьера Онфрэ. Убийца с улицы Лафонтена ограбил в поезде Париж – Гавр госпожу Рено, жену заместителя директора Службы исполнения наказаний. Арсен Люпен вернул госпоже Рено сумочку, в которой лежали ее драгоценности, и щедро наградил двух полицейских Сюрте, которые помогли ему осуществить столь драматический арест».

Колье королевы

Два-три раза в год по случаю грандиозных торжеств, таких как балы в австрийском посольстве или суаре леди Биллингстоун, графиня де Дрё-Субиз украшала свою белоснежную грудь «Колье королевы».

Это было то самое знаменитое, легендарное кольцо, которое придворные ювелиры Бёмер и Бассанж сделали для фаворитки короля дю Барри. Потом кардинал де Роан-Субиз намеревался преподнести кольцо королеве Франции Марии-Антуанетте, а авантюристка Жанна де Валуа, графиня де Ламот, вместе со своим мужем и их сообщником Рето де Вилетом разобрала его в один из февральских вечеров 1785 года.

По правде говоря, подлинной оставалась лишь оправа. Ее сохранил Рето де Вилет, в то время как господин де Ламот и его супруга промотали столь варварским образом вынутые камни, эти великолепные камни, так тщательно подобранные Бёмером. Позднее, в Италии, Рето де Вилет продал оправу Гастону де Дрё-Субизу, племяннику и наследнику кардинала, который спас дядю от разорения во время скандального банкротства дома Роан-Гемене и в память о нем выкупил несколько бриллиантов, оказавшихся у английского ювелира Джеффриса, дополнил их другими, такого же размера, но менее ценными, и сумел воссоздать чудесное кольцо-эсклаваж таким, каким оно вышло из рук Бёмера и Бассанжа.

Почти целый век род Дрё-Субизов гордился этим историческим колье. И хотя в силу различных обстоятельств состояние Дрё-Субизов значительно уменьшилось, они предпочли сократить расходы на дом, чем расстаться с королевской драгоценной реликвией. Последний граф де Дрё-Субиз дорожил колье, как дорожат наследием предков. Из предосторожности он арендовал сейф в «Лионском кредите» и хранил его там. Когда жена собиралась надевать кольцо, он лично ходил за ним, а на следующий день возвращал обратно.

В тот вечер на приеме в Кастильском дворце графиня пользовалась огромным успехом. Сам король Кристиан, в честь которого было устроено торжество, обратил внимание на ее ослепительную красоту. На изящной шее сверкали, обвивая ее, драгоценные камни. Тысячи граней бриллиантов сияли, переливаясь, как языки пламени, в лучах света. Казалось, никто, кроме графини, не сумел бы с такой непринужденностью и благородством носить столь драгоценную тяжесть.

Это был двойной триумф. Граф де Дрё наслаждался им в полной мере, а когда они вошли в спальню их старинного особняка в Сен-Жерменском предместье, он откровенно торжествовал. Он гордился своей женой и, наверно, ничуть не меньше кольцо, овевавшим славой вот уже четыре поколения их рода. Графиня немного по-детски выражала свою радость. Впрочем, это было свидетельством ее гордого нрава.

Не без сожаления она сняла кольцо и протянула его мужу, который с восхищением принялся его разглядывать, словно прежде никогда не видел. Затем, положив кольцо в красный кожаный футляр с гербом кардинала, граф вошел в соседний кабинет, вернее, небольшой альков, полностью изолированный от спальни. Единственный вход в этот альков находился у подножия супружеского ложа. Как всегда, граф спрятал футляр на довольно высокой полке, среди шляпных коробок и стопок белья. Затем он закрыл дверь и разделся.

Утром граф встал около девяти часов, намереваясь до завтрака посетить «Лионский кредит». Он оделся, выпил чашечку кофе и прошел в конюшню. Здесь он отдал несколько распоряжений. У него вызвала беспокойство одна из лошадей, и он приказал вывести ее во двор и пустить рысью. Потом он вернулся к жене.

Графиня еще не покидала спальни. При помощи горничной она укладывала волосы.

– Вы уходите?

– Да... По этому делу...

– Ах, в самом деле... Так будет надежнее.

Граф вошел в кабинет. Через несколько секунд он спросил, впрочем, без всякого удивления:

– Вы взяли его, дорогая?

Графиня ответила:

– Что? Нет, я ничего не брала.

– Вы его переложили?

– Вовсе нет... Я даже не открывала эту дверь.

В смятении чувств граф появился на пороге и еле слышно пробормотал:

– Вы не брали его? Это не вы? Тогда...

Графиня подбежала к мужу, и они лихорадочно принялись за поиски, бросая на пол шляпные коробки и белье. Граф все повторял:

– Бесполезно... Все, что мы делаем, бесполезно... Вот сюда, я положил его вот сюда, на эту полку...

– Вы могли ошибиться.

– Я положил его вот сюда, на эту полку и ни на какую другую.

Они зажгли свечу, поскольку в помещении было довольно темно, и вынесли все белье и вещи, мешавшие им. Когда в кабинете больше ничего не осталось, они были вынуждены с отчаянием признать, что знаменитое кольцо, «Колье королевы», исчезло.

Будучи женщиной решительной, графиня, не теряя времени на напрасные причитания, послала за комиссаром, господином Валорбом, проницательность и здравый смысл которого они уже имели возможность оценить. После того как его во всех подробностях ввели в курс дела, комиссар спросил:

– Вы уверены, господин граф, что ночью никто не проходил через вашу спальню?

– Абсолютно уверен. Я чутко сплю. Более того, дверь спальни была заперта на засов. Сегодня утром, когда жена звонком вызвала горничную, я отодвинул его.

– А нельзя ли проникнуть в кабинет каким-нибудь другим путем?

– Это невозможно.

– Там есть окно?

– Есть, но оно загорожено.

– Я хотел бы сам в этом убедиться.

Зажгли свечи. Господин Валорб тут же заметил, что окно было загорожено лишь наполовину комодом, который к тому же не касался рамы.

– Комод стоит достаточно близко к окну, – возразил господин де Дрё. – Его невозможно сдвинуть с места без грохота.

– А куда выходит это окно?

– Во внутренний дворик.

– И ниже есть еще этаж?

– Два этажа. Но на окнах этажа, отведенного для прислуги, установлены густые решетки. Именно поэтому у нас темновато.

Впрочем, когда комод отодвинули, все убедились, что окно было закрыто, а этого не могло быть в том случае, если бы кто-то проник в помещение снаружи.

– Если только, – заметил граф, – этот кто-то не прошел через нашу спальню.

– Но в таком случае дверь спальни не была бы заперта на засов.

Немного подумав, комиссар обратился к графине:

– Знали ли в вашем окружении, сударыня, что вы собирались надеть это кольцо вчера вечером?

– Разумеется, я этого не скрывала. Но никто не знал, что мы запираем его в кабинете.

– Никто?

– Никто... Если только...

– Прошу вас, сударыня, уточните. Это очень важный момент.

- Я подумала об Анриетте, - сказала графиня мужу.
- Об Анриетте? Да ей, как и другим, ничего об этом не известно.
- Ты уверен?
- Кто эта дама? - спросил господин Валорб.
- Подруга по монастырю. Она порвала со своей семьей, чтобы выйти замуж чуть ли не за рабочего. После смерти ее мужа я приютила Анриетту вместе с сыном и предоставила им жилье в особняке. - И с некоторым смущением графиня добавила: - Она мне оказывает кое-какие услуги. Руки у нее просто золотые.
- На каком этаже она живет?
- На нашем... Чуть дальше... В конце коридора... Я даже думаю... окно ее кухни...
- Выходит в этот же дворик, не так ли?
- Да, как раз напротив нашего окна.

После этих слов воцарилось молчание.

Потом господин Валорб попросил отвести его к Анриетте.

Они застали подругу графини за шитьем. Рядом читал книгу ее сын Рауль, мальчуган лет шести-семи. Комиссар удивился, увидев жалкое жилье, состоявшее из одной комнаты без камина и закутка, служившего кухней. Потом он принялся расспрашивать женщину. Казалось, она была потрясена, узнав о краже. Вчера вечером она помогала графине одеваться и сама застегнула кольцо.

- Господи! - воскликнула она. - Кто бы мог подумать...
- У вас есть какие-нибудь подозрения? Или сомнения? Вполне возможно, что преступник прошел через вашу комнату.

Анриетта искренне рассмеялась, даже не допуская мысли, что на нее могут пасть подозрения.

- Но я никуда не выходила из своей комнаты! Я никогда никуда не выхожу. Впрочем, посмотрите сами.

Анриетта открыла окно кухонного уголка.

- Смотрите, до подоконника напротив никак не меньше трех метров.
- Но кто вам сказал, что, по нашей версии, кража совершена именно так?
- Но... Разве кольцо находилось не в кабинете?
- Откуда вы это знаете?

– Господи! Я всегда знала, что на ночь его прячут там.. Об этом столько раз говорили в моем присутствии..

Ее лицо, еще молодое, но поблекшее от страданий и переживаний, выражало глубочайшую нежность и смирение. Но вдруг при полном молчании на этом лице отразился страх, словно женщина почувствовала грозившую ей опасность. Анриетта прижала сына к себе. Ребенок взял ее за руку и нежно поцеловал.

– Надеюсь, – сказал господин де Дрё комиссару, когда они остались одни, – надеюсь, вы ее не подозреваете? Я ручаюсь за нее. Она воплощение порядочности.

– О, я целиком разделяю ваше мнение, – подтвердил господин Валорб. – Я лишь подумал о неосознанном сообщничестве. Но, признаюсь, эту гипотезу придется отбросить... Тем более что она никак не поможет решить проблему, с которой мы столкнулись.

Комиссар больше не занимался расследованием, которое продолжил и дополнил в последующие дни следователь. Были опрошены слуги, проверено состояние засова, проведены эксперименты с окном кабинета, тщательным образом обследован внутренний дворик... Все было напрасно. Засов был исправен. Окно снаружи нельзя было ни открыть, ни закрыть.

Особенно пристрасно проверяли Анриетту, поскольку, несмотря ни на что, все сводилось к ней. Ее жизнь исследовали, словно под микроскопом. Было установлено, что за последние три года она выходила из особняка лишь четыре раза и всегда за покупками, о которых было хорошо известно. На самом деле она служила горничной и портнихой госпожи де Дрё, которая обращалась с ней чрезвычайно строго, о чем тайком сообщили остальные слуги.

– Впрочем, – говорил следователь, который через неделю пришел к тому же выводу, что и комиссар, – даже если бы мы нашли виновного, а мы его не нашли, нам все равно не удалось бы узнать, каким образом была совершена кража. И справа, и слева мы наталкиваемся на две преграды: запертая дверь и закрытое окно. Двойная загадка! Как вор мог проникнуть в помещение и как он мог покинуть его – что гораздо труднее, – оставив за собой запертую на засов дверь и закрытое окно?

Через четыре месяца у следователя возникла тайная мысль. Он решил, что супруги де Дрё, испытывавшие финансовые трудности, причем весьма значительные, продали «Колье королевы», и закрыл дело.

Кража столь ценного украшения нанесла супругам де Дрё-Субиз удар, от которого они долго не могли оправиться. Своеобразный резерв в виде сокровища больше не обеспечивал им кредита. Заимодавцы стали более требовательными и менее благосклонными. Супругам пришлось принимать срочные меры, отчуждать собственность, закладывать имущество. Словом, они разорились бы, если бы их не спасли два крупных наследства, полученных от дальних родственников.

Гордость супругов также пострадала, словно они лишились одного колена в своей дворянской родословной. Как ни странно, но графиня ополчилась на свою бывшую подругу по пансиону. Она испытывала к Анриетте настоящую ненависть и открыто обвиняла ее в краже. Сначала Анриетту переселили на этаж, отведенный слугам, а затем и вовсе указали на дверь.

Жизнь текла своим чередом. Никаких особенных событий не происходило. Супруги много путешествовали.

Но один факт, имевший место в этот период, заслуживает внимания. Через несколько месяцев после ухода Анриетты графиня получила от бывшей подруги письмо, вызвавшее у нее чрезвычайное удивление:

«Сударыня!

Не знаю, как благодарить Вас. Ведь это Вы, не правда ли? Вы прислали мне это? Это могли быть только Вы. Никто другой не знает, что я веду уединенный образ жизни в этой маленькой деревушке. Если я ошибаюсь, прошу простить меня. По крайней мере примите уверения в моей признательности за Вашу прошлую доброту...»

Что Анриетта хотела сказать этим письмом? Настоящая или прошлая доброта графини к ней сводилась к многочисленным несправедливым поступкам. Что означали эти уверения в признательности?

От Анриетты потребовали объяснений, и она ответила, что получила по почте обычным, не заказным и не ценным, письмом две банкноты достоинством в тысячу франков. На конверте, который Анриетта приложила к своему письму, стоял парижский штамп, а ее адрес был написан явно измененным почерком. Больше на конверте не было никаких пометок.

Откуда взялись эти две тысячи франков? Кто их послал? Делом заинтересовалось правосудие. Но разве можно отыскать хотя бы какой-нибудь след в таких потемках?

Через двенадцать месяцев произошло то же самое. Потом в третий, четвертый раз. Все повторялось каждый год в течение шести лет, с той лишь разницей, что на пятый и шестой раз сумма оказалась вдвое больше, что позволило Анриетте, внезапно заболевшей, лечиться должным образом.

Существовала еще одна особенность: когда администрация почты задержала одно из писем под тем предлогом, что не была объявлена его ценность, два последних письма были отправлены как положено. Первое – из Сен-Жермена, второе – из Сюрени. Сначала отправитель подписался фамилией Анкети, потом Пешар. Обратные адреса, указанные на конвертах, оказались ложными.

Через шесть лет Анриетта умерла. Загадка осталась неразгаданной.

Публике хорошо известны эти события. Эта кража не могла не взбудоражить общественное мнение. Странная судьба этого кольца, история которого

потрясла Францию в конце восемнадцатого века, вызвала небывалый всплеск эмоций и столетие спустя. Но я собираюсь поведать о том, что не известно никому, кроме главных заинтересованных лиц и нескольких особ, которых граф настоятельно попросил хранить все в глубочайшей тайне. Но поскольку велика вероятность, что рано или поздно они нарушат клятву, я без малейших угрызений совести срываю завесу. Вместе с тем мы получим и ключ к разгадке, и раскроем тайну письма, опубликованного в газетах позавчера утром, этого удивительного письма, которое только усилило – если таковое еще возможно – путаницу и таинственность, окутывавшую эту драму.

Произошло это пять дней назад. В числе гостей, обедавших у господина де Дрё-Субиза, были две его племянницы и кузина, а из мужчин – президент парламента Эссавиля депутат Боша, шевалье Флориани, с которым граф познакомился на Сицилии, и генерал маркиз де Рузьер, старый друг семьи.

После обеда дамы пили кофе, а мужчинам позволили выкурить по сигарете при условии, что они не покинут гостиную. Завязалась беседа. Одна из молодых девиц в шутку предложила погадать на картах и предсказать будущее. Потом речь зашла о громких преступлениях. В связи с этим господин де Рузьер, никогда не упускавший случая поддразнить графа, напомнил ему об истории с колье. Господин де Дрё ненавидел эту тему.

Все принялись высказывать свое мнение, излагать собственную версию. Разумеется, все гипотезы противоречили друг другу, все они были несостоятельными.

– А вы, сударь, – обратилась графиня к шевалье Флориани, – что вы думаете по этому поводу?

– О, сударыня, я ничего не думаю.

Все разом запротестовали. Дело в том, что шевалье только что красноречиво поведал им о различных происшествиях, которыми занимался со своим отцом, магистратом Палермо. Его умение разбираться в подобных историях и тяга к ним были очевидны.

– Признаюсь, – сказал шевалье, – мне случалось добиваться успеха в делах, от которых отказывались знатоки. Но не стоит считать меня Херлоком Шолмсом... К тому же я толком не представляю, о чем идет речь...

Гости посмотрели на хозяина дома. Тот с неохотой изложил факты. Шевалье внимательно выслушал рассказ, задумался, задал несколько вопросов, а потом прошептал:

– Странно... но на первый взгляд загадка кажется мне не такой уж сложной.

Граф пожал плечами. Гости же окружили шевалье, и он продолжил немного категоричным тоном:

– Как правило, чтобы добраться до виновника преступления или кражи, надо понять, каким образом были совершены это преступление или эта кража. Или, по крайней мере, как они могли бы быть совершены. Данный случай представляется мне весьма простым, поскольку перед нами не множество версий, а единственно верное предположение. Оно заключается в следующем:

человек мог проникнуть туда только через дверь спальни или через окно кабинета. Но дверь, запертую на засов, невозможно открыть с другой стороны. Значит, он проник через окно.

– Окно было закрыто, и следствие в этом убедилось, – возразил господин де Дрё.

– Для этого, – продолжал Флориани, не обращая внимания на реплику графа, – необходимо перекинуть мостик – доску или лестницу – между балконом кухни и подоконником окна. И как только футляр...

– Но я повторяю: окно было закрыто! – нетерпеливо воскликнул граф.

На этот раз Флориани пришлось ответить. Что он и сделал с величайшим спокойствием, как человек, которого столь несущественные замечания не могут смутить.

– Я допускаю, что оно было закрыто, но разве там не было форточки?

– Откуда вы знаете?

– Во-первых, почти во всех окнах особняков того времени были форточки. Во-вторых, не было бы форточки, не было бы кражи. Иначе кражу никак не объяснишь.

– Действительно, форточка есть, но она была закрыта, как и окно. На форточку никто не обратил внимания.

– Это ошибка. Если бы форточку осмотрели, то сразу же увидели бы, что ее открывали.

– Но как?

– Полагаю, эта форточка, как и все остальные, открывается с помощью плетеной металлической проволоки, к нижнему концу которой прикреплено кольцо?

– Да.

– И это кольцо висело между окном и комодом?

– Да, но я не понимаю...

– Вот. Через щель, проделанную в окне, можно при помощи какого-нибудь инструмента, например железной палочки с крючком на конце, подцепить кольцо, нажать на него и открыть форточку.

Граф рассмеялся.

– Замечательно! Замечательно! Как у вас все легко и просто! Вы только забыли об одном, сударь: в окне не было щели.

– Щель была.

– Да будет вам! Ее бы увидели.

– Чтобы увидеть, надо смотреть, вот только никто не смотрел. Щель существует, практически исключено, чтобы ее не было... между оконным стеклом и замазкой... по всей вертикали, разумеется.

Граф встал. Он был крайне взволнован. Нервно пройдясь два-три раза по гостиной, он подошел к Флориани.

– С того дня наверху ничего не изменилось... В кабинет никто не входил.

– В таком случае, сударь, вы можете убедиться сами, что мое объяснение полностью соответствует действительности.

– Оно не соответствует ни одному факту, установленному следствием. Вы ничего не видели, вы ничего не знаете, но ваши слова противоречат всему, что мы видели и что нам известно.

Казалось, Флориани не замечает раздражения графа. Улыбаясь, он сказал:

– Боже мой, сударь! Я попытался воочию представить себе, как произошла кража. Если я ошибаюсь, докажите.

– Я сделаю это безотлагательно. Признаюсь, ваша самоуверенность...

Господин де Дрё неразборчиво пробормотал еще несколько слов, а затем порывисто направился к двери и вышел.

Больше не было произнесено ни слова. Все замерли в тревожном ожидании, словно вот-вот должна была открыться частичка истины. Стояла гнетущая тишина.

Наконец в дверном проеме показался граф, бледный, чрезвычайно возбужденный. Дрожащим голосом он произнес, обращаясь к своим друзьям:

– Прошу простить меня... Открытия, сделанные господином Флориани, столь неожиданные... Я никогда бы не подумал...

Жена нетерпеливо перебила его:

– Скажи... Умоляю тебя... Что там?

Граф пробормотал:

– Трещина существует... в указанном месте... вдоль оконного стекла... – Он схватил шевалье за руку и повелительным тоном сказал: – А теперь, сударь, продолжайте... Признаюсь, до сих пор вы были правы, но теперь... История не окончена... Отвечайте... Что, по вашему мнению, произошло?

Флориани осторожно высвободил руку и через мгновение сказал:

– Так вот, по-моему, произошло следующее. Человек, зная, что госпожа де Дрё, отправляясь на бал, наденет колье, перебросил мостик во время вашего

отсутствия. Он следил за вами через окно и видел, как вы прячете драгоценность. Как только вы ушли, он вынул стекло и потянул за кольцо.

– Предположим. Но расстояние слишком велико, чтобы он смог через форточку дотянуться до ручки окна.

– Если он не смог открыть окно, значит, он пролез через форточку.

– Это невозможно. Нет таких худых мужчин, чтобы пролезть через форточку.

– Значит, это был не мужчина.

– Как?!

– Ну, разумеется. Если отверстие слишком узкое для мужчины, значит, это был ребенок.

– Ребенок?!

– Но разве вы не говорили, что у вашей подруги Анриетты был ребенок?

– Действительно... Сын по имени Рауль.

– Вполне возможно, что Рауль и совершил кражу.

– У вас есть доказательства?

– Доказательства? Доказательств хватает. Вот, например... – Флориани замолчал, погрузившись на несколько секунд в размышление, потом продолжил: – Вот, например, этот мостик. Трудно представить, чтобы ребенок мог притащить его откуда-то и унести так, чтобы никто этого не заметил. Он должен был использовать то, что находилось у него под рукой. В уголке, где Анриетта готовила, несомненно, у стены была полка из досок, на которую она ставила кастрюли.

– Двух досок, если я не ошибаюсь.

– Нужно проверить, действительно ли эти доски прикреплены к деревянным консолям. В противном случае придется предположить, что ребенок открепил их, а затем связал друг с другом. Возможно также, что около плиты найдется кочерга, с помощью которой он открыл окно.

Не говоря ни слова, граф вышел. Сейчас присутствующие уже не ощущали такого сильного волнения, как в первый раз, ожидая развязку. Они знали, знали абсолютно точно, что все предположения Флориани справедливы. От этого человека исходила столь непреклонная уверенность, что все слушали его затаив дыхание. Казалось, он не выводит один факт из другого, а излагает события так, что их подлинность легко проверить.

Никто не удивился, когда граф заявил:

– Это ребенок. Это точно он, все свидетельствует об этом.

– Вы видели доски... кочергу?

– Я видел... оторванные доски... кочергу...

Госпожа де Дрё-Субиз воскликнула:

– Это он! Вернее, его мать. Анриетта, она единственная виновна. Она заставила сына...

– Нет, – прервал ее шевалье, – мать тут ни при чем.

– Да полно вам! Они жили в одной комнате, ребенок не мог ничего сделать без ведома Анриетты.

– Да, они жили в одной комнате, но все произошло в соседнем помещении, ночью, когда мать спала.

– А колье? – спросил граф. – Тогда его нашли бы в вещах ребенка.

– Прошу прощения! Но он-то выходил. Утром, когда вы застали его за рабочим столом, он уже вернулся из школы. Возможно, правосудие, вместо того чтобы тратить силы на допросы невинной матери, должно было поискать там, в парте ребенка, среди его книг и учебников.

– Допустим. Но разве две тысячи франков, которые Анриетта получала каждый год, не служат лучшим доказательством ее сообщничества?

– Если бы она была сообщницей, разве стала бы она благодарить вас за эти деньги? Кроме того, за ней следили, правда? А ребенок был свободен. Он совершенно спокойно мог добраться до соседнего города, договориться там с каким-нибудь перекупщиком и продать ему по смехотворной цене бриллиант или, в случае необходимости, два бриллианта... при одном условии: деньги должны быть посланы из Парижа, тогда он на следующий год принесет ему еще один бриллиант.

Супругам де Дрё-Субиз и их гостям вдруг стало неловко. Право, тон и манеры Флориани изменились. В них больше не было той уверенности, которая вначале так раздражала графа. В них чувствовалась ирония, скорее злая, чем добродушная и дружеская, какой она должна была бы быть.

Граф деланно рассмеялся.

– Ваша гениальность восхищает, примите мои поздравления. Какое блестящее воображение!

– Нет, вовсе нет! – воскликнул Флориани. – Я ничего не выдумал, просто изложил события, которые происходили так, как я их себе представлял.

– Но что вам известно?

– Только то, о чем вы мне рассказали. Я представил себе, как жилось матери с ребенком в глухой провинции. Мать заболевает, и малышу приходится изворачиваться, прибегать к различным уловкам, чтобы продать драгоценные камни и спасти мать или, по крайней мере, облегчить последние мгновения ее жизни. Но болезнь уносит мать. Она умирает. Проходят годы.

Ребенок вырастает, становится мужчиной. И вот тут, признаюсь, я даю волю своему воображению. Предположим, этот человек почувствовал необходимость вернуться в те места, где прошло его детство. Он хочет увидеть их, встретиться с теми, кто подозревал его мать, выдвигал против нее нелепые обвинения... Только представьте, какой жгучий интерес могла пробудить в нем встреча в старинном доме, где разыгрались перипетии той драмы!

Несколько секунд слова Флориани звучали в тревожной тишине. На лицах супругов де Дрё-Субиз читалось отчаянное желание понять, что происходит, но вместе с тем и страх, что они вот-вот все поймут. Граф прошептал:

– Кто вы, сударь?

– Я? Я шевалье Флориани, с которым вы познакомились в Палермо и которого любезно неоднократно приглашали к себе.

– Но тогда что означает вся эта история?

– О-о, ничего! Это просто игра. Я пытаюсь представить себе, с какой радостью сын Анриетты, если он еще жив, сказал бы вам, что он единственный виновный, что он совершил кражу, потому что его мать была несчастна, боялась потерять место... прислуги, которое давало ей средства к существованию, и ребенок страдал, видя, как мучается его мать.

Флориани говорил со сдержанным волнением, слегка привстав и наклонившись к графине. Все сомнения развеялись. Шевалье Флориани был не кем иным, как сыном Анриетты. Все в его поведении и словах буквально кричало об этом. Впрочем, разве быть узанным именно таким образом не входило в его очевидные намерения, не было его твердой волей?

Граф колебался. Как следовало повести себя с этим отважным человеком? Позвать слуг? Устроить скандал? Разоблачить того, кто некогда обокрал его? Но прошло столько времени! И кто поверит в эту абсурдную историю о виновном ребенке? Нет, лучше уж оставить все как есть, притвориться, будто он не понимает истинного смысла сказанного. И граф, подойдя к Флориани, с наигранной веселостью произнес:

– Какую забавную, любопытную историю вы поведали нам. Уверяю вас, она меня захватила. Но как по-вашему, что стало с этим славным молодым человеком, этим примерным сыном? Надеюсь, он не остановился на столь достойном пути.

– О нет, разумеется!

– Еще бы! После столь успешного дебюта! Украсть в шесть лет «Колье королевы», самое знаменитое кольцо, о котором мечтала Мария-Антуанетта!

– И украсть его, – заметил Флориани, – вступив в борьбу с графом, украсть, не причинив себе никаких неприятностей. Ведь никому не пришлось в голову осмотреть оконные стекла или обратить внимание на то, что подоконник был слишком чистым, поскольку мальчик вытер его, уничтожая свои следы, оставшиеся на толстом слое пыли... Согласитесь, у ребенка его возраста голова могла пойти кругом. Разве это легко? Неужели надо просто захотеть и протянуть руку? Честное слово, он захотел...

– И он протянул руку.

– Две руки, – поправил графа смеющийся шевалье.

Граф вздрогнул. Какую тайну хранил этот так называемый Флориани? Какой невероятной, судя по всему, была жизнь этого авантюриста, уже в шесть лет гениального вора, который сегодня в поисках изощренного наслаждения или, вернее, ради удовлетворения чувства злобы пришел в дом своей жертвы, чтобы бросить ей вызов, отважно, безумно и одновременно корректно, как галантный гость!

Флориани встал и подошел к графине, чтобы откланяться. Она невольно отпрянула. Он улыбнулся:

– О сударыня, вы боитесь! Неужели я зашел слишком далеко, разыгрывая роль салонного колдуна?

Графиня совладала со своими чувствами и ответила с такой же немного насмешливой непринужденностью:

– Нисколько, сударь. Напротив, легенда об этом добром сыне вызвала у меня неподдельный интерес. Я рада, что мое кольцо положило начало столь блестящей карьеры. Но не думаете ли вы, что сын этой... женщины, Анриетты, просто следовал своему призванию?

Он вздрогнул, задетый за живое, и ответил:

– Я в этом уверен и даже считаю, что, не будь его призвание столь серьезным, ребенок потерял бы к нему интерес.

– Почему же?

– Понимаете ли, большинство камней оказались фальшивыми. Настоящими были только бриллианты, купленные у английского ювелира. Остальные владельцы продавали по одному камню, когда оказывались в стесненных жизненных обстоятельствах.

– И все же, сударь, это было «Колье королевы», – высокомерно сказала графиня. – И мне кажется, что сын Анриетты не мог этого не осознавать.

– Он, вероятно, осознавал, сударыня, что, подлинное или фальшивое, кольцо служило прежде всего для того, чтобы выставлять его напоказ, было парадной вывеской.

Господин де Дрё нетерпеливо махнул рукой, но графиня опередила его.

– Сударь, – сказала она, – если у человека, на которого вы намекаете, осталась хотя бы капля совести...

Она замолчала, смущенная спокойным взглядом Флориани.

Он повторил:

– Если у этого человека осталась хотя бы капля совести...

Графиня почувствовала, что ничего не добьется, говоря таким тоном. И, несмотря на гнев и возмущение, дрожа от унижения, почти вежливо продолжила:

– Сударь, по легенде Рето де Вилетт, заполучивший «Колье королевы», вынул из него при помощи Жанны де Валуа все бриллианты, но не осмелился тронуть оправу. Он понял, что бриллианты были только дополнением, что главным в изделии была оправа, настоящее произведение искусства, и он сохранил ее. Как вы думаете, тот человек тоже это понял?

– Я не сомневаюсь, что оправа существует. Ребенок сохранил ее.

– Так вот, сударь, если вы встретитесь, скажите ему, что он не имеет никакого права хранить у себя одну из реликвий, которые являются собственностью и славой отдельных семей. Он, конечно, сумел вынуть камни, но из-за этого «Колье королевы» не перестало принадлежать дому де Дрё-Субизов. Оно принадлежит нам, как наше имя, как наша честь.

Шевалье просто ответил:

– Я скажу ему, сударыня.

Он поклонился графине, простился с графом и остальными гостями и вышел.

Через четыре дня госпожа де Дрё нашла на своем столике в спальне футляр из красной кожи с гербом кардинала. Она открыла футляр. Там лежало колье-эсклаваж королевы.

Но поскольку в жизни человека, следующего законам единства и логики, все должно подчиняться одной цели, а реклама никогда не наносит вреда, на следующий день газета «Эко де Франс» опубликовала следующую сенсационную заметку:

«"Колье королевы", знаменитая историческая драгоценность, украденная некогда у семьи Дрё-Субизов, была найдена Арсеном Люпенем. Арсен Люпен поспешил вернуть его законным владельцам. Можно лишь приветствовать столь деликатный и рыцарский поступок».

Семерка червей

Мне часто задают вопрос, как я познакомился с Арсеном Люпенем.

Никто не сомневается, что мы знакомы. Известные только мне подробности жизни этого удивительного человека, приводимые мною достоверные сведения, новые доказательства, которые я время от времени представляю, моя собственная интерпретация его поступков, о которых прежде судили лишь по

внешним проявлениям, не вникая в тайные причины и невидимый механизм, – все это свидетельствует о том, что мы с ним если не близкие друзья, что при образе жизни Арсена Люпена было бы невозможно, то, во всяком случае, нас связывают дружеские и доверительные отношения.

Но как я с ним познакомился? Почему мне была оказана честь стать его биографом? Почему мне, а не кому-либо другому?

Ответ прост: только случай определил этот выбор, и моей заслуги тут нет. Именно случай вывел меня на путь, по которому шел Арсен Люпен. Именно волею случая я оказался причастен к одной из его самых странных и самых таинственных авантур и так же случайно стал действующим лицом в драме, поставленной этим замечательным режиссером, в таинственной и запутанной драме, настолько богатой перипетиями, что даже теперь я чувствую растерянность, приступая к рассказу о них.

Первый акт разыгрался в ту пресловутую ночь с 22 на 23 июня, о которой так много говорили. Хочу оговориться сразу: свое не совсем нормальное поведение в тех обстоятельствах я объясняю необычным умонастроением, в котором я пребывал, возвращаясь домой. Мы с друзьями ужинали в ресторане «Каскад» и весь вечер, покуривая и слушая, как цыганский оркестр исполнял меланхолические мелодии, говорили лишь о преступлениях и кражах, о жутких и запутанных историях. А они никоим образом не способствуют хорошему сну.

Сен-Мартены уехали на автомобиле. Ночь была темной и теплой. Мы с Жаном Даспри, с этим очаровательным и беззаботным Даспри, которому через полгода было суждено погибнуть при трагических обстоятельствах на границах Марокко, возвращались домой пешком. Когда мы подошли к небольшому особняку на бульваре Майо, где я жил вот уже год после переезда из Нёйи, он спросил меня:

– Вам никогда не бывает страшно?

– Что за странная мысль!

– Черт возьми! Но ведь ваш особняк стоит на отшибе! Соседей у вас нет... кругом одни пустыри... Право, я не трус, тем не менее...

– Разумеется! Вы же весельчак!

– О! Я сказал об этом просто так. Рассказы Сен-Мартенов о разбойниках произвели на меня неприятное впечатление.

Пожав мне руку, он ушел. Я вынул ключ и открыл дверь.

– Ох, надо же! – прошептал я. – Антуан забыл зажечь свечу.

И тут я вспомнил, что Антуана в доме нет, я сам отпустил его.

И сразу темнота и тишина неприятно поразили меня. Я на ощупь как можно быстрее поднялся в свою спальню и, вопреки обыкновению, тут же повернул ключ в замочной скважине и запер дверь на засов.

Пламя свечи вернуло мне хладнокровие. Тем не менее я предусмотрительно вынул из кобуры свой большой дальнобойный револьвер и положил его рядом с кроватью. Эта мера предосторожности окончательно успокоила меня. Я лег и, как всегда, чтобы заснуть, взял с ночного столика книгу, которая каждый вечер ждала меня там.

И тут меня постигло удивление. Вместо разрезного ножа, который я накануне использовал вместо закладки, я обнаружил конверт с пятью красными восковыми печатями. Я тут же схватил его. На конверте были указаны мои фамилия и имя, а также имелась пометка «Срочно».

Письмо! Письмо на мое имя! Но кто мог положить его сюда? Занервничав, я разорвал конверт и прочитал:

«С того момента, как вы распечатали это письмо, что бы ни случилось, что бы вы ни услышали, не шевелитесь, не делайте никаких движений, не кричите. В противном случае вы погибли».

Нет, я тоже не трус и, как любой другой человек, умею противостоять реальной опасности или смеяться над призрачными страхами, поражающими наше воображение. Но, повторяю, в голове моей все смешалось, мысли путались, нервы были напряжены до предела. И разве не было во всем этом чего-то тревожного и необъяснимого, что могло бы внести сумятицу в душу самого отважного человека?

Мои пальцы лихорадочно сжимали лист бумаги, а глаза вновь и вновь перечитывали пугающие строки: «Не делайте никаких движений... не кричите... в противном случае вы погибли».

«Ну, хватит! – подумал я. – Это просто шутка, дурацкий розыгрыш».

Я едва не рассмеялся, мне очень хотелось громко рассмеяться. Но что меня остановило? Какой смутный страх сдавил мне горло?

По крайней мере я должен задуть свечу. Нет, я не мог этого сделать. Ведь в письме было написано: «никаких движений... в противном случае вы погибли».

Да и зачем бороться с предчувствиями, порой более настойчивыми, чем реальные факты? Надо просто закрыть глаза. И я закрыл глаза.

В тот же миг в тишине раздался легкий шорох, потом скрип. Мне показалось, что эти звуки доносились из большой соседней комнаты, которую я превратил в рабочий кабинет. От спальни ее отделяла только прихожая.

Приближение настоящей опасности взбудоражило меня. Казалось, я сейчас встану, схвачу револьвер и брошусь в ту комнату. Но я даже не привстал: одна из занавесок левого окна, напротив меня, зашевелилась.

Сомнений не оставалось. Занавеска шевелилась. Вот она опять шевелится! И я увидел – о, я отчетливо увидел – в узком пространстве между занавесками и окном человеческую фигуру, слишком большую, отчего ткань топорщилась.

Этот человек тоже видел меня сквозь крупное плетение ткани. И тогда я все понял. В то время как другие уносили добычу, этот человек стоял на страже и следил за мной. Встать? Схватить револьвер? Невозможно... Он был здесь! Малейшее движение, малейший крик – и я пропал!

От неистового толчка дом содрогнулся, затем последовали удары послабее, по два-три подряд, словно кто-то стучал молотком по гвоздям. По крайней мере именно такая картина возникла в моем разгоряченном мозгу. К ударам молотка примешивались другие громкие звуки. Стоял настоящий грохот, свидетельствующий о том, что воры, ничего не опасаясь, действовали без всякого стеснения.

Они оказались правы: я не двигался. Было ли это с моей стороны трусостью? Нет, скорее всего, я просто оцепенел, был не в состоянии пошевелить рукой или ногой. И, конечно, я прислушался к здравому смыслу. В конце концов, зачем бороться? Этот человек действовал не один. На его зов примчались бы десять других. Стоило ли рисковать жизнью, чтобы спасти ковры и безделушки?

Эта пытка длилась всю ночь. Невыносимая пытка, жуткая тревога! Шум стих, но я все время ждал, что он возобновится. А этот человек! Человек, который следил за мной с оружием в руках! Я не сводил с него испуганных глаз. А как билось мое сердце! Пот ручьями тек по моему лбу, да и всему телу!

И вдруг меня охватило невыразимое блаженство: по бульвару проехала повозка молочника. Я узнал ее по скрипу колес. В то же самое время мне показалось, что забрезжили первые утренние лучи, пробиваясь сквозь закрытые жалюзи, что уже начало светлеть.

И тут день ворвался в мою спальню. По мостовой проехали другие повозки. Все ночные фантомы исчезли.

Тогда я медленно, с опаской протянул руку к ночному столику. Напротив ничто не шевельнулось. Я впился глазами в складку занавески, в то самое место, куда надо было целиться. Я хладнокровно рассчитал движения и, схватив быстро револьвер, выстрелил.

С радостным криком облегчения я вскочил с кровати и бросился к занавеске. Ткань была пробита, стекло тоже. Что касается человека, то я не мог попасть в него... по той простой причине, что его там не было.

Никого! Значит, это складка занавески гипнотизировала меня всю ночь! А в это время злоумышленники... В яростном порыве, который ничто не могло остановить, я повернул ключ в замочной скважине, распахнул дверь, пересек прихожую, открыл вторую дверь и хотел уже устремиться в соседнюю комнату.

Но от удивления застыл на пороге. Я чуть не задохнулся от волнения и оторопел, увидев то, что поразило меня гораздо сильнее, чем отсутствие того человека: ничего не пропало. Все вещи, которые я считал

украденными, – мебель, картины, старинный бархат и шелк, – все они находились на своих местах!

Непонятное зрелище! Я не верил своим глазам! Но этот грохот, этот шум, словно кто-то переставлял мебель... Я обошел комнату, осмотрел стены, пересчитал все предметы, которые так хорошо знал. Ничего не пропало! Но больше всего меня озадачило то, что я не нашел никаких следов, оставленных злоумышленниками, никаких улик, ни одного сдвинутого стула, ни одного отпечатка ног.

– Ну полно, полно! – говорил себе я, обхватив руками голову. – Я же не сумасшедший! Я все отчетливо слышал!..

Дюйм за дюймом я скрупулезно осмотрел комнату. Мои поиски ничего не дали. Вернее... Но можно ли считать это находкой? Под небольшим персидским ковром, лежащим на полу, я нашел карту, игральную карту. Это была семерка червей, похожая на все семерки червей из любой французской колоды. Однако мое внимание привлекла довольно странная особенность. На острие каждого из семи красных знаков в форме сердечка была проделана дырочка, ровная, круглая дырочка, какую оставляет жало шила.

Вот и все. Игральная карта и письмо, обнаруженное в книге. Больше ничего. Было ли этого достаточно, чтобы утверждать, что все это мне не приснилось?

Весь день я вел поиски в гостиной. Это была непропорционально большая для такого скромного особняка комната, декор которой свидетельствовал о странном вкусе ее создателя. Пол был выложен мозаикой из маленьких разноцветных камней, образующих широкие симметричные орнаменты. Такая же мозаика украшала стены, но в виде панно: это были аллегории в стиле фресок Помпеи, византийские композиции, средневековые фрески. Вакх сидел на винной бочке. Император в золотой короне и с пышной бородой держал меч в правой руке.

В потолке было сделано широкое окно, словно в мастерских художника. По ночам это окно всегда было открыто. Вероятно, через него и проникли злоумышленники, воспользовавшись лестницей. Но и этого я не мог утверждать с полной уверенностью. От лестницы должны были остаться следы на утоптанной земле двора. Но следов не оказалось. Трава на пустыре, окружавшем двор, тоже должна была бы быть примятой, но она оказалась нетронутой.

Признаюсь, я и не думал обращаться в полицию, настолько факты, которые предстояло мне изложить, выглядели безосновательными и абсурдными. Надо мной просто посмеялись бы. Но через день настала моя очередь писать в раздел «Хроника» газеты «Жиль Блаз», где я тогда работал. Преследуемый мыслью о своем злочлении, я подробно описал его.

Заметка не осталась незамеченной. Однако я понял, что ее не приняли всерьез и считали скорее выдумкой, чем реальной историей. Сен-Мартены подняли меня на смех. Но Даспри, немного разбиравшийся в делах подобного рода, пришел ко мне, попросил изложить все в деталях, попытался разобраться... однако тоже безрезультатно.

А как-то утром у калитки зазвенел колокольчик. Антуан сообщил, что пришедший господин хотел бы поговорить со мной. Имени своего он не назвал. Я велел Антуану провести незнакомца к себе.

Это был мужчина лет сорока, жгучий брюнет с волевым лицом. Его опрятная, но поношенная одежда свидетельствовала о претензии на элегантность, которая контрастировала с его вульгарными манерами.

Без лишних слов он сказал хриплым голосом, с интонациями, выдававшими его социальное положение:

– Сударь, я здесь проездом... В кафе мне на глаза попала газета «Жиль Блаз». Я прочитал вашу заметку, и она... заинтересовала меня.

– Благодарю вас.

– И вот я пришел к вам.

– А-а...

– Да, чтобы поговорить с вами. Ведь все факты, приведенные вами, точны?

– Абсолютно точны.

– И вы не выдумали ни одну подробность?

– Ни одну.

– В таком случае я могу вам кое-что сообщить.

– Слушаю вас.

– Нет.

– Что значит «нет»?

– Прежде чем сообщить вам эти сведения, я должен проверить, достоверны ли они.

– А как вы сможете это сделать?

– Мне необходимо побыть одному в этой комнате.

Я с изумлением посмотрел на него.

– Я вас не понимаю...

– Эта мысль пришла мне в голову, когда я читал вашу заметку. Несколько деталей удивительным образом совпадают с другим приключением, о котором я узнал случайно. Если я ошибаюсь, то будет лучше, если я промолчу. И единственный способ проверить свои догадки, это остаться одному...

Что скрывалось за этим предложением? Позднее я вспомнил, что, излагая свою просьбу, мужчина заметно волновался, а лицо его приняло встревоженное выражение. Но в тот момент, хотя меня и удивила его просьба, все же я не нашел в ней ничего сверхнеобычного. К тому же меня распирало от любопытства.

И я ответил:

– Хорошо. Сколько времени вам понадобится?

– О, минуты три, не больше. Через три минуты я вернусь к вам.

Я вышел из комнаты. Спустившись вниз, я достал часы. Прошла минута, две минуты... Но что же меня беспокоит? Почему эти мгновения показались мне такими торжественными?

Две с половиной минуты... Две минуты и три четверти... И вдруг раздался выстрел.

Перескакивая через несколько ступенек, я взбежал по лестнице и ворвался в комнату. Из моей груди вырвался крик ужаса.

Посредине комнаты на левом боку неподвижно лежал человек. Кровь с кусочками мозга текла из его головы. Рядом с его рукой валялся еще дымившийся револьвер.

Тело содрогнулось в конвульсиях, и все было кончено.

Но гораздо сильнее, чем это ужасное зрелище, меня поразило другое обстоятельство, из-за которого я не принялся тут же звать на помощь, не упал на колени, чтобы проверить, дышит ли еще человек. В двух шагах от него на полу лежала семерка червей!

Я поднял карту. Семь острых кончиков семи красных знаков были проколоты.

Через полчаса прибыл комиссар полиции Нёйи, потом судебный медик, за ним глава Сюрте господин Дюдуа. Я, разумеется, не дотрагивался до трупа. Ничто не должно было мешать первичному осмотру.

Осмотр длился недолго, поскольку сначала ничего не нашли. Вернее, почти ничего. В карманах покойного не было обнаружено никаких документов, на одежде не было меток, на белье не стояли инициалы. Словом, ни одного признака, который мог бы помочь установить личность погибшего. В комнате все оставалось в прежнем порядке. Мебель не была сдвинута, все предметы находились на своих местах. Однако не пришел же ко мне этот человек с единственным намерением покончить с собой, посчитав, что мой дом лучше всего подходит для этой цели! Наверняка какая-то причина толкнула его на этот отчаянный поступок, и этой причиной стал некий новый факт, который он обнаружил за те три минуты, что оставался в комнате один!

Какой факт? Что он увидел? Что вызвало у него удивление? В какую жуткую тайну он проник? У меня не было никаких предположений.

Но в последний момент произошел инцидент, показавшийся нам чрезвычайно важным. Когда два полицейских нагнулись, чтобы поднять труп и унести его на носилках, они заметили, что левая ладонь, до сих пор сжатая в кулак, разжалась. И из нее выпала помятая визитная карточка.

На визитной карточке было написано: Жорж Андермат, улица Берри, 37.

Что это означало? Жорж Андермат был крупным парижским банкиром, основателем и президентом Металлургического банка, немало способствовавший развитию металлургической промышленности во Франции. Он жил на широкую ногу, имел собственную почтовую карету, владел несколькими автомобилями и скаковой конюшней. Посещать его приемы считалось большой честью, а госпожа Андермат славилась своим изяществом и красотой.

– Так звали покойного? – прошептал я.

Глава Скурте нагнулся над ним.

– Это не он. У господина Андермата бледная кожа и волосы с проседью.

– Но визитная карточка?..

– Сударь, у вас есть телефон?

– Да, в вестибюле. Если хотите, я покажу.

Глава Скурте нашел нужную фамилию в справочнике и попросил соединить его с номером 415-21.

– Господин Андермат дома? Будьте любезны сказать ему, что господин Дюдуа просит его немедленно приехать на бульвар Майо, 102. Это очень срочно.

Через двадцать минут господин Андермат вышел из своего автомобиля. Ему изложили причины, потребовавшие его присутствия, затем подвели к трупу.

Его лицо на мгновение исказилось от сильного волнения, затем он тихо, словно неохотно, произнес:

– Это Этьен Варен.

– Вы его знаете?

– Нет... Вернее, да... но только в лицо. Его брат...

– У него есть брат?

– Да, Альфред Варен... Он приходил ко мне, что-то просил... Но я уже и не помню что...

– Где он живет?

– Братья жили вместе... на улице Прованс, кажется...

– И вы не догадываетесь, почему он покончил жизнь самоубийством?

– Нет, совершенно не догадываюсь.

– Но как ваша визитная карточка оказалась у него? Ваша карточка с вашим адресом!

– Ничего не понимаю. Очевидно, случайно. Полагаю, следствие разберется.

Я подумал, что это была весьма любопытная случайность, и тут же почувствовал, что у всех присутствующих сложилось аналогичное мнение.

На следующий день эту же мысль высказали газеты и все мои друзья, которым я рассказал о происшествии. Дело выглядело таинственным и запутанным. Но после того, как были найдены так поразившие всех две семерки червей с семью проколами, а в моем доме, словно в театре, разыгрались две загадочные драмы, эта визитная карточка казалась открытием, способным пролить немного света на столь непонятные события. С ее помощью можно было докопаться до истины.

Однако вопреки нашим предположениям господин Андермат не дал никаких объяснений.

– Я сказал все, что мне известно, – повторял он. – Чего вы от меня хотите? Я больше других удивлен, что моя визитная карточка оказалась у этого человека. И я, как и все остальные, надеюсь, что данное обстоятельство прояснится.

Но этого не произошло. Следствие установило, что братья Варен, швейцарцы по происхождению, под разными именами вели довольно бурную жизнь, посещали притоны, поддерживали контакты со многими иностранцами. За братьями вела наблюдение полиция, но они бесследно исчезли после серии краж. Впрочем, их причастность к этим преступлениям была установлена намного позднее. В доме № 24 по улице Прованс, где братья Варен действительно жили шесть лет назад, ничего не было известно об их дальнейшей судьбе.

Признаюсь, дело казалось настолько запутанным, что я не верил, что оно когда-нибудь будет раскрыто. И поэтому старался не думать о нем. Однако Жан Даспри, с которым я тогда часто встречался, напротив, с каждым днем все больше и больше увлекался им.

Именно Даспри показал мне заметку в иностранной газете, которую перепечатали и прокомментировали все наши печатные издания:

«Скоро в присутствии императора состоятся первые испытания подводной лодки, которая произведет революцию в тактике морского боя. Место испытаний до последнего момента будет держаться в тайне. Но утечка информации позволила нам узнать название подводной лодки: “Семерка червей”».

Семерка червей! Неужели это случайное совпадение? Или все же есть связь между названием подводной лодки и происшествиями, о которых мы говорили? Но что за связь? То, что произошло здесь, никоим образом не могло быть связано с тем, что происходило там.

– Откуда мне знать? – говорил Даспри. – Часто самые несопоставимые события вызваны одной и той же причиной.

На следующий день в газетах появилась еще одна заметка:

«Предполагают, что конструкция “Семерки червей”, подводной лодки, испытания которой пройдут в самое ближайшее время, была разработана французскими инженерами. Эти инженеры, тщетно искавшие поддержки у своих соотечественников, видимо, обратились за помощью – впрочем, тоже безрезультатно – в английское Адмиралтейство. Мы сообщаем эти новости, не ручаясь за их достоверность».

Я не считаю необходимым долго останавливаться на этих столь деликатных фактах, вызвавших, насколько я помню, широкий общественный резонанс. Однако теперь, когда больше нет опасности все усложнить, мне хочется рассказать о статье в «Эко де Франс», которая наделала тогда много шума и внесла в дело «Семерки червей», как его называли, определенную ясность... правда, тоже вызвавшую путаницу.

Вот эта статья, появившаяся за подписью некого Сальватора:

Дело о “Семерке червей”

Завеса тайны немного приоткрылась.

Мы будем коротки. Десять лет назад молодой горный инженер по имени Луи Лакомб, мечтавший посвятить свое время и состояние исследованиям, которыми занимался, подал в отставку и снял на бульваре Майо, 102 небольшой особняк, незадолго до этого построенный и обставленный одним итальянским графом. Благодаря посредничеству двух братьев Варен из Лозанны, один из которых ассистировал при проведении опытов в качестве лаборанта, а второй искал командитистов, он познакомился с господином Жоржем Андерматом, недавно основавшим Металлургический банк.

После нескольких встреч инженеру удалось заинтересовать господина Андермата проектом подводной лодки, над которым он работал. Они договорились, что, как только проект будет полностью завершен, господин Андермат воспользуется своим влиянием и постарается убедить министерство военно-морского флота провести серию испытаний.

В течение двух лет Луи Лакомб регулярно посещал особняк Андермата, знакомя банкира с улучшениями, которые он вносил в свой план. Так продолжалось вплоть до того дня, когда инженер, удовлетворенный

собственной работой, нашел окончательную формулу и попросил господина Андермата предпринять обещанные шаги.

В тот день Луи Лакомб ужинал у Андермата. Вечером, около половины двенадцатого, он ушел. Больше его никто не видел.

Перечитывая газеты того времени, можно узнать, что семья молодого человека обратилась за помощью к правосудию и что этим делом заинтересовалась прокуратура. Однако это не привело к каким-либо результатам. Все пришли к выводу, что Луи Лакомб, считавшийся большим оригиналом и фантазером, отправился в путешествие, никого не поставив в известность.

Примем на веру эту гипотезу...хотя и неправдоподобную. Однако встает вопрос, имеющий первоочередное значение для нашей страны: что стало с чертежами подводной лодки? Увез ли их с собой Луи Лакомб? Были ли они уничтожены?

Проведенное нами серьезное расследование показало, что чертежи существуют. Они попали в руки братьев Варен. Но каким образом? Мы не смогли этого установить. Точно так же мы не знаем, почему они не попытались их как можно скорее продать. Может, они боялись, что их спросят, как эти чертежи оказались у них? В любом случае подобные страхи удерживали их недолго. И мы со всей уверенностью можем утверждать следующее: чертежи Луи Лакомба стали собственностью иностранной державы. Мы имеем возможность опубликовать переписку, которую вели братья Варен с представителем этой державы. В настоящее время "Семерка червей", разработанная Луи Лакомбом, построена нашими соседями.

Оправдывает ли действительность оптимистические прогнозы тех, кто был причастен к этому предательству? У нас есть все основания надеяться на противоположное. Мы многого ждем от события, которое не замедлит произойти».

В постскриптуме сообщалось:

«Новость последнего часа. Мы не зря надеялись. Наши специальные информаторы разрешили нам сообщить, что испытания "Семерки червей" оказались неудачными. Вполне возможно, что в чертежах, переданных братьями Варен, не хватало последнего документа, который Луи Лакомб принес господину Андермату в вечер своего исчезновения, документа, необходимого для целостного понимания проекта, своего рода резюме, в которое включены окончательные выводы, расчеты и измерения, содержащиеся в других бумагах. Без этого документа планы остаются незаконченными, так же как без чертежей этот документ теряет свою ценность.

Итак, еще есть время, чтобы приступить к решительным действиям и вернуть себе то, что нам принадлежит. В этом довольно щекотливом деле мы рассчитываем на помощь господина Андермата. Он, скорее всего, посчитает своим долгом объяснить необъяснимую позицию, которую занял с самого начала. Он не только расскажет, почему умолчал о том, что ему было

известно в момент самоубийства Этьена Варена, но также о том, почему никогда не заявлял об исчезновении известных ему документов. Он, наконец, объяснит, почему в течение шести лет нанятые им сыщики следили за братьями Варен.

Мы ждем от него не слов, а действий. В противном случае...»

Угроза была бесцеремонной. Но в чем она заключалась? Какими средствами для устрашения господина Андермата располагал Сальватор... вернее, анонимный автор статьи?

Толпы репортеров осаждали банкира. Из десяти интервью становилось понятно, с каким презрением банкир относился к этой угрозе. На что корреспондент «Эко де Франс» отреагировал следующими строчками:

«Хочет того господин Андермат или нет, но с настоящего момента он является нашим соратником в проводимом расследовании этого дела».

В тот день, когда появилось это сообщение, я обедал вместе с Даспри. Вечером, разложив газеты на столе, мы обсуждали дело и рассматривали его со всех сторон с тем раздражением, которое охватывает людей, вынужденных брести в потемках и постоянно наталкиваться на одни и те же препятствия.

И вдруг, хотя слуга не докладывал, а колокольчик не звонил, дверь открылась. В комнату вошла дама, лицо ее было скрыто под густой вуалью.

Я тут же встал и подошел к даме. Она сказала:

– Сударь, это ваш дом?

– Да, сударыня, но, признаться, я...

– Калитка, выходящая на бульвар, оказалась не запертой, – объяснила она.

– Но входная дверь?

Дама ничего не ответила. Я подумал, что она, вероятно, обогнула дом и вошла через черный ход. Но, значит, она знала дорогу?

Воцарилось неловкое молчание. Дама посмотрела на Даспри. Машинально, как сделал бы в любой гостиной, я представил его. Потом предложил даме сесть и объяснить цель своего визита.

Дама подняла вуаль. Я увидел, что она брюнетка, с правильными чертами лица, если не красавица, то, по крайней мере, весьма очаровательная женщина. И это очарование исходило в основном из ее глаз, таких серьезных и печальных.

– Я госпожа Андермат, – просто сказала она.

– Госпожа Андермат! – повторил я, не переставая удивляться.

Вновь воцарилось молчание. Она тихо продолжила, постепенно обретая спокойствие:

– Я пришла по поводу этого дела... ну, вы знаете... Я подумала, что, вероятно, смогу получить от вас определенные разъяснения...

– Боже мой, сударыня, я знаю не больше, чем написано в газетах. Извольте уточнить, как именно я могу быть вам полезен.

– Не знаю... Не знаю...

И только тогда я почувствовал, что ее спокойствие было наигранным, что под этой личиной полнейшего самообладания скрывается бесконечное волнение. Мы оба, смутившись, замолчали.

Но Даспри, не сводивший с дамы глаз, подошел к ней и сказал:

– Вы позволите, сударыня, задать вам несколько вопросов?

– О да, да! – воскликнула она. – Так я смогу вам все рассказать.

– Вы будете говорить... какие бы вопросы вам ни задавали?

– Я отвечу на любые вопросы.

Даспри подумал и произнес:

– Вы знали Луи Лакомба?

– Да, через своего мужа.

– Когда вы видели его в последний раз?

– В тот вечер, когда он ужинал у нас.

– В тот вечер ничто не наводило вас на мысль, что вы его больше не увидите?

– Нет. Он действительно намекнул на путешествие в Россию, но так ненавязчиво!

– Значит, вы рассчитывали его вновь увидеть?

– Через день за ужином.

– И как вы объясняете его исчезновение?

– Никак не объясняю.

– А господин Андермат?

– Не знаю.

- Тем не менее...
- Не спрашивайте меня об этом.
- Похоже, в статье, опубликованной в «Эко де Франс», говорится...
- Там говорится о том, что братья Варен причастны к его исчезновению.
- И вы тоже так думаете?
- Да.
- На чем основано ваше убеждение?
- Уходя от нас, Луи Лакомб держал в руках портфель, в котором лежали все документы, касающиеся его проекта. Через два дня мой муж встретился с одним из братьев Варен, с тем, что жив. И во время этой встречи получил доказательство того, что документы попали в руки братьев.
- И он не выдал их полиции?
- Нет.
- Почему?
- Потому что в портфеле находились не только бумаги Луи Лакомба.
- И что же?

Дама немного поколебалась, хотела было ответить, но в конце концов промолчала. Даспри продолжал:

- Вот, значит, почему ваш муж, ничего не сообщая в полицию, установил слежку за обоими братьями. Он надеялся вернуть бумаги и одновременно эту вещь... нечто компрометирующее, что позволило бы братьям манипулировать им, прибегнув к своего рода шантажу...
- Да, шантажировать... его и меня.
- А-а, и вас тоже?
- Главным образом меня.

Эти три слова дама произнесла сдавленным голосом. Даспри прошелся по комнате и вернулся к ней.

- Вы писали Луи Лакомбу?
- Разумеется... Мой муж был связан...
- А кроме официальных писем вы не писали Луи Лакомбу... другие? Простите меня за настойчивость, но я должен знать правду. Вы писали письма иного содержания?

Покраснев до корней волос, она прошептала:

– Да.

– И именно эти письма оказались в руках братьев Варен?

– Да.

– Значит, господин Андермат знает об этом?

– Он не видел писем, но Альфред Варен сообщил ему об их существовании, угрожая опубликовать письма, если мой муж предпримет против них какие-либо меры. Мой муж запаниковал... И отступил, испугавшись скандала.

– Однако он решил использовать все средства, чтобы вернуть письма.

– Да. Он пустил в ход все средства, чтобы вернуть письма... По крайней мере я так предполагаю, поскольку с той последней встречи с Альфредом Вареном, после того как он в весьма грубых словах изложил мне суть разговора, между мной и мужем больше нет никакой близости, никакого доверия. Мы живем как посторонние друг другу люди.

– В таком случае вам нечего терять. Но чего вы боитесь?

– Пусть теперь он относится ко мне безразлично, но я по-прежнему остаюсь той, которую он любил, которую еще смог бы вновь полюбить. О, я уверена, – страстно прошептала она, – что он до сих пор любил бы меня, если бы ему в руки не попали эти проклятые письма.

– Как! Ему удалось... Но ведь братья действовали очень осторожно!

– Разумеется, они даже хвастались тем, что у них есть надежный тайник.

– И что же?

– У меня есть все основания полагать, что муж нашел этот тайник!

– Надо же! И где же он находится?

– Здесь.

Я вздрогнул.

– Здесь?!

– Да, я всегда это подозревала. Луи Лакомб был гениальным человеком, страстно увлекающимся механикой. И в свободное время для развлечения он делал различные потайные сейфы и замки с секретом. Вероятно, за этим занятием его как-то раз и застали братья Варен, а потом решили использовать один из тайников для хранения писем... и, несомненно, других вещей.

– Но они же здесь не жили! – воскликнул я.

– Вы поселились здесь четыре месяца назад, а до этого особняк стоял пустым. Вполне возможно, они приходили сюда. Более того, они полагали, что ваше присутствие несколько не помешает им в тот день, когда у них возникнет необходимость забрать бумаги. Но они не принимали в расчет моего мужа. А он в ночь с двадцать второго на двадцать третье июня взломал потайной сейф, взял... то, что искал, и оставил свою визитную карточку, чтобы показать братьям, что он их больше не боится и что они поменялись местами. Через два дня Этьен Варен, прочитавший статью в газете «Жиль Блаз», поспешил прийти к вам, остался один в гостиной, нашел тайник пустым... и покончил с собой.

Через секунду Даспри спросил:

– Это простое предположение, не так ли? Господин Андермат ничего вам не рассказывал?

– Нет, ничего.

– Не изменилось ли его отношение к вам? Не кажется ли вам, что он стал более угрюмым, более озабоченным?

– Нет.

– И вы думаете, что он мог бы вести себя подобным образом, если бы нашел письма?! По моему мнению, писем у него нет. И я уверен, что приходил сюда вовсе не он.

– Но кто же тогда?

– Таинственный человек, который управляет этим делом и держит в своих руках все нити. Он преследует цель, о которой мы только начинаем догадываться, преодолевая множество препятствий. Таинственный человек, очевидное влияние и могущество которого мы заметили с самого начала. Это он с друзьями проник в особняк двадцать второго июня, это он обнаружил тайник, это он оставил визитную карточку господина Андермата, наконец, это он завладел письмами и нашел доказательства предательства братьев Варен.

– Но кто он? – нетерпеливо спросил я.

– Корреспондент «Эко де Франс», черт возьми! Этот самый Сальватор! Когда все так очевидно, мы становимся слепыми! Разве он не упоминает в своей статье подробности, которые может знать только человек, проникший в тайны братьев?

– В таком случае, – прошептала госпожа Андермат в ужасе, – мои письма тоже находятся у него. И теперь он угрожает моему мужу! Боже, что делать?

– Написать ему, – твердо заявил Даспри, – полностью довериться ему, рассказать обо всем, что вы знаете и что можете узнать.

– Да что вы такое говорите!

– Ваши интересы совпадают. Вне всяких сомнений, его действия направлены против брата, оставшегося в живых. Он ищет оружие, чтобы сразиться не с господином Андерматом, а с Альфредом Вареном. Так помогите же ему!

– Но как?

– У вашего мужа есть документ, который позволит дополнить и использовать чертежи Луи Лакомба?

– Да.

– Сообщите об этом Сальватору. В случае необходимости попытайтесь достать для него этот документ. Словом, вступите с ним в переписку. Чем вы рискуете?

Совет был дерзким и даже, на первый взгляд, опасным, но у госпожи Андермат не было выбора. Впрочем, как и говорил Даспри, чем она рисковала? Если незнакомец был врагом, подобный демарш не мог осложнить положение. Если же он был посторонним человеком, преследующим собственные цели, он не должен был придавать этим письмам особого значения.

Как бы там ни было, появилась хрупкая надежда, и госпожа Андермат в смятении чувств с радостью ухватила за нее. Поблагодарив от всей души меня и Даспри, она пообещала держать нас в курсе событий.

И в самом деле, вскоре она прислала нам записку, которую получила в ответ на свое письмо:

«Писем там не было. Но я разыщу их, не беспокойтесь. Я слежу за всем. С.»

Я взял записку. Она была написана тем же почерком, что и письмо, которое я нашел в книге вечером 22 июня.

Значит, Даспри был прав. Великим организатором этого дела был Сальватор.

По правде говоря, мы начали различать слабые проблески в окружавшей нас тьме. Более того, отдельные детали предстали перед нами в неожиданном свете. Но сколько оставалось еще неразгаданного, например две семерки червей! Что касается меня, то я все время думал о них. Возможно, меня даже сильнее, чем надо, интриговали эти две карты, поскольку семь дырочек в семи маленьких знаках бросились мне в глаза при столь волнующих обстоятельствах. Какую роль играли карты в этой драме? Какое значение следовало им придавать? Какие выводы напрашивались из того факта, что подводная лодка, построенная по чертежам Луи Лакомба, называлась «Семерка червей»?

Даспри же мало занимали эти две карты. Он с головой погрузился в изучение другой проблемы, решение которой казалось ему более важным: он без устали искал пресловутый тайник.

– Кто знает, – говорил он, – вдруг я найду там письма, которые не обнаружил Сальватор... возможно, по недосмотру! Вряд ли братья Варен убрали из места, которое они считали недоступным, столь грозное оружие, ведь они понимали всю его ценность.

И Даспри искал. Вскоре в большом зале для него не осталось тайн, и он перенес свои поиски в другие комнаты особняка. Он обследовал их снаружи и изнутри, тщательно осмотрел каменную и кирпичную кладку стен, приподнял черепицу на крыше.

Однажды Даспри пришел с киркой и лопатой. Лопату он вручил мне, оставив себе кирку, и сказал, показывая рукой на пустырь:

– Идем туда.

Я последовал за ним без особого восторга. Он разделил пустырь на несколько участков и один за другим обследовал их. Вдруг его внимание привлекло нагромождение бутовых камней и булыжников, покрытое зарослями ежевики и густой травы. И Даспри принялся раскидывать камни.

Мне пришлось ему помогать. В течение целого часа под лучами палящего солнца мы трудились не покладая рук, но безрезультатно. Но когда, раскидав камни, мы все же добрались до земли и начали копать ее, кирка Даспри наткнулась на кости, человеческие останки, вокруг которых еще болтались куски одежды.

И вдруг я почувствовал, что бледнею. Я заметил вдавленную в землю небольшую железную прямоугольную пластинку. Мне показалось, что я различаю на ней красные пятна. Я нагнулся. Так и есть. Пластинка была размером с игральную карту, а красных пятен, этих пятен цвета сурика, местами проржавевших, было семь. Расположены они были как знаки семерки червей, причем на каждом острие сердечка имелась небольшая дырочка.

– Послушайте, Даспри, Мне уже осточертели все эти истории. Если они вам интересны, тем лучше. Но я больше вам не помощник.

Может, всему виной было нервное напряжение? Или усталость, вызванная тяжелой работой под жаркими лучами палящего солнца? Так или иначе, но на обратном пути меня шатало из стороны в сторону. Дома я был вынужден лечь в постель и провести в ней двое суток. Меня лихорадило, я весь горел, упорно отбиваясь от скелетов, которые кружили вокруг меня и бросали друг другу в головы свои окровавленные сердца.

Даспри оказался преданным другом. Каждый день он посвящал мне три-четыре часа. Правда, проводил он их в большом зале. Он по-прежнему рыскал по всем углам, простукивал стены.

– Письма здесь, в этой комнате, – время от времени сообщал он мне. – Они здесь, готов дать руку на отсечение!

– Оставьте меня в покое, – с раздражением отвечал я.

На утро третьего дня я встал. Я был еще очень слаб, но чувствовал себя здоровым. Плотный завтрак придал мне свежих сил. Но небольшое послание,

полученное около пяти часов, позволило мне окончательно выздороветь, поскольку мое любопытство опять, несмотря ни на что, разыгралось.

В письме, пришедшем по пневматической почте, сообщалось:

«Милостивый государь!

Драма, первый акт которой был разыгран в ночь с 22 на 23 июня, близится к развязке. Сложившиеся обстоятельства даже вынуждают меня предстать перед лицом обоих действующих лиц этой драмы. Крайне необходимо, чтобы эта встреча состоялась у вас. Я был бы вам бесконечно благодарен, если бы вы предоставили свой дом в мое распоряжение сегодня вечером. Было бы также желательно, чтобы ваш слуга отсутствовал с десяти до одиннадцати часов. Вас же я прошу оказать мне чрезвычайную любезность, предоставив противникам свободу действий. Как вы смогли убедиться в ночь с 22 на 23 июня, я весьма щепетильно отношусь ко всему, что принадлежит вам. Со своей стороны я счел бы оскорбительным для вас малейшее подозрение в том, что вы можете обмануть доверие нижеподписавшегося лица.

Преданный вам Сальватор»

Послание было написано с такой куртуазной иронией, а изложенная просьба казалась мне настолько забавной, что я пришел в восторг. Какая очаровательная бесцеремонность! Как твердо был уверен корреспондент в моем согласии! Ни за что на свете я не хотел бы разочаровать его или заплатить за его доверие неблагодарностью.

В восемь часов мой слуга, которому я подарил билет в театр, ушел. Мгновением позже появился Даспри. Я показал ему письмо.

– И что? – спросил он.

– Как что? Я оставляю калитку сада открытой, чтобы он смог войти.

– А сами уйдете?

– Ни за что!

– Но вас же просят...

– Меня просят не мешать. И я не буду мешать. Но я непременно хочу увидеть, что произойдет.

Даспри рассмеялся.

– Честное слово, вы правы. Я тоже останусь. У меня такое ощущение, что скучать нам не придется.

И тут зазвенел колокольчик.

– Они уже здесь? – прошептал он. – На двадцать минут раньше! Немыслимо!

Пройдя в вестибюль, я потянул за шнур, открывавший калитку. По саду шла женская фигура. Это была госпожа Андермат.

Казалось, она была чем-то глубоко взволнована и, задыхаясь, пробормотала:

– Мой муж... он идет... у него назначена встреча... ему должны отдать письма...

– Но как вы об этом узнали? – спросил я.

– Случайно. Из записки, которую мой муж получил во время ужина.

– По пневматической почте?

– Нет, это была телефонограмма. Слуга по ошибке отдал ее мне. Муж выхватил ее из моих рук, но слишком поздно... Я успела ее прочитать.

– Вы прочитали...

– Там было написано примерно так: «Сегодня вечером в девять часов будьте на бульваре Майо вместе со всеми документами, имеющими отношение к делу. В обмен получите письма». После ужина я поднялась к себе, а затем вышла из дома.

– Без ведома господина Андермата?

– Да.

Даспри посмотрел на меня.

– Что вы об этом думаете?

– То же самое, что и вы: господин Андермат является одним из вызванных противников.

– Кем? С какой целью?

– Именно это нам и предстоит узнать.

Я проводил их в большой зал.

В крайнем случае мы могли разместиться втроем под колпаком камина и спрятаться за бархатными занавесями. Мы так и сделали. Госпожа Андермат села между нами. Сквозь просветы в занавесях мы могли видеть всю комнату.

Пробило девять часов. Через несколько секунд заскрипели петли садовой калитки.

Признаюсь, я испытывал некую тревогу, разжигаемую доселе незнакомым мне трепетным волнением. Я должен был вот-вот узнать разгадку! Сбивающая с толку авантюра с удивительными перипетиями, свидетелем которых я был на протяжении нескольких недель, должна была наконец приобрести свой истинный смысл. И решающее сражение произойдет на моих глазах!

Даспри схватил госпожу Андермат за руку и прошептал:

– Главное, не двигайтесь! Что бы вы ни увидели и ни услышали, сидите тихо.

Кто-то вошел. Я тут же узнал Альфреда Варена по удивительному сходству с его братом Этьеном. Та же тяжелая походка, то же землистое лицо, заросшее бородой.

Варен вошел, тревожно озираясь, как человек, который привык бояться расставленных всюду ловушек и поэтому нутром чует их. Он окинул комнату взглядом, и у меня сложилось впечатление, что камин, загороженный бархатными занавесями, показался ему подозрительным. Он сделал три шага в нашу сторону. Но какая-то мысль, несомненно более важная, отвлекла его внимание. Он повернулся к стене и остановился около мозаичного старого короля с пышной бородой и сверкающим мечом. Взобравшись на стул, он долго рассматривал его, обводя пальцем контуры плеч и лица, простукивая отдельные части изображения.

Вдруг он резко спрыгнул со стула и отскочил от стены. Раздались шаги. На пороге появился господин Андермат.

Банкир вскрикнул от изумления:

– Вы? Вы! Так это вы меня вызвали?

– Я? Вовсе нет, – возразил Варен хриплым голосом, напоминающим голос брата. – Я пришел сюда из-за вашего письма.

– Из-за моего письма?!

– Из-за письма, подписанного вами, в котором вы мне предлагаете...

– Я не писал вам.

– Как? Вы мне не писали?!

Инстинктивно Варен насторожился, опасаясь, видимо, не банкира, а неизвестного врага, который и заманил его в эту ловушку. Он второй раз посмотрел в нашу сторону, а потом стремительно направился к двери.

Господин Андермат преградил ему дорогу.

– Что вы собираетесь делать, Варен?

– Мне не нравятся эти штучки. Я ухожу. До свидания.

– Минуточку!

– Послушайте, господин Андермат, не стоит настаивать. Нам нечего сказать друг другу.

– Мы должны многое сказать друг другу, да и случай подходящий.

– Позвольте пройти.

– Нет, нет и нет! Не позволю!

Варен отступил, напуганный решительным поведением банкира, и пробормотал:

– Хорошо, давайте поговорим. Только побыстрее, и дело с концом!

Но одно обстоятельство вызывало у меня удивление. Я не сомневался, что мои спутники тоже были разочарованы. Почему здесь не оказалось Сальватора? Неужели в его планы не входило вмешаться? Неужели он просто хотел столкнуть банкира с Вареном? Неужели этого ему казалось достаточным? Я пребывал в полной растерянности. Из-за отсутствия Сальватора эта дуэль, подстроенная им, придавала трагическую окраску событиям, которые возникают и следуют друг за другом по непреклонной воле судьбы, и сила, сведшая этих людей лицом к лицу, производила особенно сильное впечатление оттого, что не зависела от них.

Через минуту господин Андермат подошел к Варену вплотную и, глядя ему в глаза, сказал:

– Теперь, когда прошло столько лет и вам больше нечего бояться, ответьте мне честно, Варен. Что вы сделали с Луи Лакомбом?

– Ну и вопрос! Словно я могу знать, что с ним стало!

– Вы знаете это! Знаете! Вы с братом ходили за ним по пятам, вы жили чуть ли не в его доме, том самом доме, где сейчас мы с вами находимся. Вы были в курсе всех его работ, всех планов. И в последний вечер, Варен, когда я провожал Луи Лакомба до дверей, я заметил два силуэта, притаившихся в тени. Я готов в этом поклясться.

– И что будет потом, после того как вы поклянетесь?

– Это были ваш брат и вы, Варен.

– Докажите.

– Лучшим доказательством служит тот факт, что через два дня вы сами показали мне бумаги и чертежи, которые нашли в портфеле Лакомба, и предложили купить их. Как эти бумаги оказались у вас?

– Я уже говорил вам об этом, господин Андермат. Мы нашли их на столе Луи Лакомба на следующее утро после его исчезновения.

– Неправда.

– Докажите.

– Правосудие могло бы доказать.

– Так почему же вы не обратились за помощью к правосудию?

– Почему? Ах, почему...

Господин Андермат замолчал, лицо его помрачнело. Варен продолжил:

– Видите ли, господин Андермат, будь вы хотя бы чуточку уверены в том, что говорите, вам наверняка не помешала бы ничтожная угроза...

– Какая угроза? Эти письма? Неужели вы думаете, что я хоть на мгновение мог поверить...

– Если вы не верили в существование этих писем, почему тогда предлагали мне сотни и тысячи за то, чтобы я отдал их вам? И почему с тех пор вы травили меня с братом, словно диких зверей?

– Чтобы получить чертежи, которыми я очень дорожу.

– Да будет вам! Вы хотели получить письма. А едва заполучив их, вы бы нас выдали. В тот же миг, когда я выпустил бы их из своих рук! – Варен расхохотался, но вдруг резко оборвал смех. – Довольно. Не стоит повторять одни и те же слова, мы ни о чем не сможем договориться. А раз так, остановимся на этом.

– Мы не остановимся на этом, – возразил банкир. – И поскольку вы заговорили о письмах, вы не уйдете отсюда до тех пор, пока не отдадите их мне.

– Нет, уйду!

– Нет, нет и нет!

– Послушайте, господин Андермат, я советую вам...

– Вы не уйдете.

– Это мы еще посмотрим, – произнес Варен с такой яростью, что госпожа Андермат тихо вскрикнула.

Вероятно, Варен услышал этот крик, поскольку силой попытался проложить себе дорогу. Господин Андермат оттолкнул его. И тут я увидел, что Варен опустил руку в карман своего пиджака.

– В последний раз!

– Сначала письма!

Варен вытащил из кармана револьвер и направил его на господина Андермата.

– Да или нет?

Банкир резко нагнулся.

Раздался выстрел. Револьвер выпал из руки Варена.

Я был поражен. Пуля просвистела совсем рядом со мной. Это Даспри, выстрелив из пистолета, выбил оружие из руки Альфреда Варена!

Даспри, проворно встав между противниками лицом к Варену, усмехнулся:

– Вам повезло, друг мой, чертовски повезло. Я целился в вашу руку, но попал в револьвер.

Банкир и Варен остолбенели, растерянно глядя на Даспри. Он обратился к банкиру:

– Прошу прощения, сударь, за то, что вмешиваюсь не в свои дела. Но, право, вы неумело ведете свою игру. Позвольте мне перетасовать колоду. – Потом Даспри повернулся к Варену. – Сыграем вдвоем, приятель. И без глупостей, прошу вас. Козырь – черви, я хожу семеркой.

И Даспри помахал перед носом Варена железной пластинкой с семью красными знаками.

Никогда прежде мне не приходилось видеть такого потрясения. Мертвенно-бледный, выпучив глаза, с лицом, искаженным от животного страха, Варен, казалось, был заморожен человеком, стоявшим перед ним.

– Кто вы? – пробормотал он.

– Я уже сказал: господин, который вмешивается в чужие дела... и который пристально ими занимается.

– Что вы хотите?

– Все, что ты принес.

– Я ничего не принес.

– Принес, иначе ты не пришел бы сюда. Сегодня утром ты получил записку, в которой тебя приглашали прийти сюда в девять часов. Ты должен был захватить с собой все бумаги, имеющиеся в твоём распоряжении. И ты пришел. Где бумаги?

В голосе и поведении Даспри появилась властность, которая повергла меня в недоумение. Этот человек, обычно столь беззаботный и мягкий, теперь держался совершенно иначе. Смирившись с неизбежным, Варен указал на один из своих карманов.

– Бумаги там.

– Все?

– Да.

– Все бумаги, которые ты нашел в портфеле Луи Лакомба, а затем продал майору фон Лебену?

– Да.

– Копии или оригиналы?

- Оригиналы.
- Сколько ты за них хочешь?
- Сто тысяч.

Даспри расхохотался.

- Ты сошел с ума! Майор заплатил тебе только двадцать тысяч. Двадцать тысяч, которые были выброшены на ветер, поскольку испытания прошли неудачно.
- Они не сумели воспользоваться чертежами.
- Там были не все чертежи.
- Тогда зачем вы требуете их у меня?
- Они мне нужны. Я предлагаю тебе пять тысяч. И ни су больше.
- Десять тысяч. И ни су меньше.
- Договорились.

Даспри повернулся к господину Андермату.

- Будьте любезны выписать чек, сударь.
- Но... дело в том, что у меня нет...
- Вашей чековой книжки? Вот она.

Ошеломленный господин Андермат дотронулся до чековой книжки, которую протянул ему Даспри.

- Да, это моя книжка... Но как?..
- Не надо лишних слов, прошу вас, сударь. Просто поставьте свою подпись.

Банкир достал ручку и подписал чек. Варен протянул руку.

- Убери лапы, - велел Даспри. - Это еще не конец. - Обратившись к банкиру, он продолжил: - Кажется, речь шла о письмах, которые вы хотели вернуть?
- Да, о пачке писем.
- Варен, где они?
- У меня их нет.
- Где они, Варен?
- Не знаю. Письмами занимался мой брат.

- Они спрятаны здесь, в этой комнате.
- В таком случае вы сами знаете, где они.
- Откуда мне знать?
- Черт возьми, разве это не вы добрались до тайника? Вы кажетесь таким же осведомленным... как и Сальватор.
- В тайнике писем нет.
- Они там.
- Открой тайник.

Варен недоверчиво посмотрел на Даспри. Неужели Даспри и Сальватор – одно и то же лицо, как все позволяло думать? Если да, он ничем не рисковал, показывая уже известный тайник. Если нет, было бесполезно...

- Открой тайник, – повторил Даспри.
- У меня нет семерки червей.
- Есть. Вот она, – ответил Даспри, протягивая пластинку.

Варен в ужасе отпрянул назад.

- Нет... Нет... Я не хочу...
- Ну, была не была...

Даспри направился к старому монарху с пышной бородой, встал на стул и приложил семерку червей к основанию меча около гарды так, что края пластинки точно совпали с краями меча. Затем шилом, вставленным поочередно в каждую из семи дырочек, сделанных на кончиках сердечек, он нажал на семь маленьких камешков мозаики. Едва он нажал на седьмой камешек, как что-то щелкнуло, и фигура короля стала поворачиваться, открывая большое отверстие, сделанное в виде сейфа, с железной обшивкой и двумя блестящими стальными полками.

- Сам видишь, Варен, тайник пуст.
- В самом деле. Значит, письма забрал мой брат.

Даспри опять подошел к Варену и сказал:

- Не думай, что ты хитрее меня, существует и другой тайник. Где он?
- Другого тайника не существует.
- Ты опять хочешь денег? Сколько?
- Десять тысяч.

– Господин Андермат, десять тысяч – приемлемая для вас цена за эти письма?

– Да, – громко ответил банкир.

Варен закрыл сейф, не без видимого отвращения взял семерку червей и приложил ее к мечу, на этот раз к гарде. Он последовательно нажал шилом на семь дырочек, сделанных у кончиков сердечек. Опять что-то щелкнуло, но на этот раз случилось неожиданное: повернулась лишь часть сейфа, открывая небольшой тайник, обустроенный в толще дверцы, закрывавшей большой сейф.

Пачка писем, перевязанная и запечатанная, лежала там. Варен протянул ее Даспри. Тот спросил:

– Господин Андермат, чек готов?

– Да.

– И у вас есть последний документ, переданный вам Луи Лакомбом, тот самый, который дополняет чертежи подводной лодки?

– Да.

Состоялся обмен. Даспри положил документ и чек в карман и протянул письма господину Андермату.

– Вот то, что вы хотели получить, сударь.

Банкир немного поколебался, словно ему было страшно дотрагиваться до этих проклятых страниц, которые он с таким упорством разыскивал. Потом нервным движением он схватил их.

Рядом со мной послышался тихий стон. Я сжал руку госпожи Андермат. Рука была ледяной.

– Полагаю, сударь, наш разговор окончен, – сказал банкиру Даспри. – О, не стоит благодарностей, прошу вас. Просто случаю было угодно, чтобы я оказался вам полезен.

Господин Андермат ушел, унося письма, которые его жена писала Луи Лакомбу.

– Замечательно! – с восторгом воскликнул Даспри. – Все уладилось как нельзя лучше. Теперь нам остается лишь завершить дело, приятель. Бумаги с тобой?

– Вот они все.

Даспри проверил, все ли документы в наличии, внимательно просмотрел их и спрятал в карман.

– Замечательно, ты сдержал слово.

– Но...

– Что «но»?

– Два чека... Деньги...

– Какой же ты настырный, уважаемый! Да как ты смеешь требовать?

– Я требую то, что мне причитается!

– Причитается за бумаги, которые ты украл?

Но Варен уже потерял над собой контроль. Он дрожал от ярости, глаза налились кровью.

– Деньги... Двадцать тысяч... – заикаясь, повторял он.

– Это невозможно. Я сам знаю, как их потратить.

– Деньги!

– Да полно тебе! Будь благоразумен! И не надо размахивать кинжалом.

Даспри так резко схватил Варена за руку, что тот завопил от боли.

Потом он добавил:

– Убирайся, приятель. Свежий воздух приведет тебя в чувство. Если хочешь, я провожу тебя. Мы пойдем через пустырь, и я покажу тебе грудку камней, под которыми...

– Это неправда! Это неправда!

– Нет, это правда! Эта небольшая железная пластинка с семью красными знаками найдена именно там. Луи Лакомб с ней никогда не расставался, припоминаешь? Вы с братом зарыли ее вместе с трупом... и с другими вещами, которые очень заинтересуют правосудие.

Варен закрыл лицо двумя яростно сжатыми кулаками. Потом он произнес:

– Пусть так. Меня облапошили. Не будем больше об этом говорить. Впрочем, одно слово... Одно-единственное слово... Мне хотелось бы знать...

– Я слушаю.

– Была ли в тайнике, в том, что побольше, шкатулка?

– Да.

– Когда вы пришли сюда, в ночь с двадцать второго на двадцать третье июня, шкатулка там была?

– Да.

– И в ней лежали...

– Все, что спрятали туда братья Варен... Весьма милую коллекцию драгоценностей, бриллиантов и жемчуга, которые упомянутые братья стащили отовсюду, откуда могли.

– И вы ее взяли?

– Черт возьми! Поставь себя на мое место!

– Тогда... мой брат убил себя, обнаружив, что шкатулка пропала?

– Вероятно. Исчезновения переписки с майором фон Лебеном было бы для этого недостаточно. Но исчезновение шкатулки... И это все, что ты хочешь у меня спросить?

– Я еще хочу спросить, как вас зовут.

– Ты произнес это так, словно хочешь взять реванш.

– Черт возьми! Удача переменчива. Сегодня вы оказались сильнее. Завтра...

– Сильным будешь ты.

– Я на это очень рассчитываю. Как вас зовут?

– Арсен Люпен.

– Арсен Люпен?!

Варен чуть не упал, словно оглушенный дубиной. Можно было подумать, что эти два слова лишили его последней надежды. Даспри рассмеялся.

– Ну и ну! Неужели ты думаешь, что некий Дюран или Дюпон провернул подобное дельце? Нет, брось! Для этого требуется Арсен Люпен. А теперь, когда ты все узнал, малыш, отправляйся готовить реванш. Арсен Люпен будет ждать тебя.

И Даспри вытолкал Варена прочь, не прибавив больше ни слова.

– Даспри, Даспри! – закричал я, невольно назвав его именем, к которому привык.

Я раздвинул занавеси. Он прибежал.

– Что? Что случилось?

– Госпоже Андермат плохо.

Даспри засуетился, дал ей понюхать соль. Хлопоча вокруг госпожи Андермат, он спросил:

– Но что произошло?

– Письма, – ответил я, – письма к Луи Лакомбу, которые вы передали ее мужу...

Даспри хлопнул себя по лбу.

– Она решила, что я сделал это? Да, конечно, она вполне могла так подумать! Какой же я дурак!

Госпожа Андермат, придя в себя, внимательно слушала Даспри. Он вытащил из бумажника небольшую пачку, ничем не отличавшуюся от той, что унес господин Андермат.

– Вот ваши письма, сударыня, подлинные.

– Но... те, другие?

– Те почти такие же, как эти. Только этой ночью я переписал их и кое-что исправил. Ваш муж будет необычайно счастлив, прочитав их. Он не догадается о подмене, поскольку все происходило на его глазах...

– Но почерк...

– Нет такого почерка, которого нельзя было бы подделать.

Госпожа Андермат поблагодарила Даспри, произнеся слова признательности, с которыми обратилась бы к любому человеку своего круга. Я понял, что она явно не расслышала последних фраз, которыми обменялись Варен и Арсен Люпен.

Я же не без замешательства смотрел на него, не зная, что сказать своему давнему другу, который предстал передо мной в столь неожиданном свете. Арсен Люпен! Это был Арсен Люпен! Мой приятель по клубу оказался не кем иным, как Арсеном Люпенем! Я не мог прийти в себя от изумления. Он же, ничуть не смущаясь, сказал:

– Вы можете попрощаться с Жаном Даспри.

– А-а...

– Да, Жан Даспри отправляется в путешествие. Я отправляю его в Марокко. Вполне возможно, там он найдет конец, достойный его. Признаюсь даже, таково его намерение.

– Но Арсен Люпен остается с нами?

– О, разумеется! Арсен Люпен только начинает свою карьеру и рассчитывает...

Я больше не мог сдерживать свое любопытство. Бросившись к Даспри, я отвел его на некоторое расстояние от госпожи Андермат.

– Значит, вы все-таки нашли второй тайник, тот самый, где лежали письма?

– Да, пришлось потрудиться! Я нашел его только вчера вечером, когда вы спали. Хотя, боже мой, до чего все было просто! Но о самых простых вещах всегда думаешь в последнюю очередь!

Показывая мне семерку червей, он добавил:

– Я сразу догадался, что открыть большой сейф можно, нажав картой на меч этого мозаичного старичка...

– Но как вы догадались?

– Очень просто. От своих информаторов я знал, придя сюда ночью двадцать второго июня...

– После того как расстались со мной...

– Да, и после того, как, направив разговор в нужное мне русло, привел вас в определенное состояние духа, чтобы такой нервный и впечатлительный человек, как вы, безропотно позволил мне действовать по своему усмотрению и не вставал с кровати.

– Ваш расчет оказался верным.

– Итак, я, придя сюда, знал, что в сейфе с секретным замком спрятана шкатулка, что ключом к этому замку, его отмычкой служит семерка червей. Мне оставалось только наложить эту семерку на предназначенное ей место. Мне хватило часа поисков.

– Одного часа!

– Посмотрите внимательно на мозаичного старичка.

– На старого императора?

– Этот старый император, Карл Великий, является точной копией червового короля из любой колоды.

– В самом деле... Но почему семерка червей открывает то большой сейф, то маленький? И почему вы сначала открыли большой сейф?

– Почему? Да потому, что я упорно накладывал семерку червей в одном и том же положении. И только вчера я заметил, что если перевернуть ее, то есть когда острое седьмого сердечка, того, что в середине, окажется вверх, а не вниз, расположение всех семи знаков изменится.

– Черт возьми!

– Вот именно «черт возьми»! Но до этого надо было додуматься.

– И вот еще что. Вы не знали о письмах до тех пор, пока госпожа Андермат...

– Заговорила о них при мне? Да, не знал. В сейфе помимо шкатулки я нашел переписку братьев, из которой узнал об их предательстве.

– Словом, вы по чистой случайности восстановили сначала историю братьев, а затем занялись поисками чертежей и документов, относящихся к подводной лодке?

– Да, по чистой случайности.

– Но какую цель вы преследовали?

Даспри прервал меня, рассмеявшись:

– Господи, как же вас заинтересовало это дело!

– Оно захватило меня.

– Ну хорошо. Чуть позже, после того как я провожу госпожу Андермат и отнесу в «Эко де Франс» заметку, которую сейчас собираюсь написать, я вернусь и мы подробно все обсудим.

Он сел и написал одну из тех коротеньких заметок, где автор дает волю фантазии. Все помнят, какая шумиха поднялась после ее опубликования:

«Арсен Люпен разгадал загадку, которую недавно поставил Сальватор. Разыскав оригиналы документов и чертежей инженера Луи Лакомба, он передал их министерству военно-морского флота. В связи с этим он объявляет подписку, чтобы передать государству первую подводную лодку, построенную по этим чертежам. И сам первым подписывается на сумму в двадцать тысяч франков».

– Двадцать тысяч франков, полученных по чекам господина Андермата? – спросил я, когда он дал мне прочитать заметку.

– Совершенно верно. Будет справедливо, если Варен частично компенсирует свое предательство.

Вот так я познакомился с Арсеном Люпенем. Вот так я узнал, что Жан Даспри, мой приятель по клубу, светский знакомый, был не кем иным, как Арсеном Люпенем, благородным грабителем. Вот так я завязал весьма приятные дружеские отношения с нашим великим человеком и постепенно благодаря доверию, которого он удостоил меня, стал его покорнейшим, вернейшим и признательнейшим историографом.

Сейф госпожи Эмбер

В три часа утра перед одним из особнячков художников, образовавших единственную сторону бульвара Бертье, еще стояло с полдюжины экипажей. Дверь особняка открылась, и на улицу вышла группа гостей – мужчины и женщины. Четыре экипажа разъехались направо и налево. На авеню остались

лишь два господина. На углу улицы Курсель, где жил один из них, они расстались. Второй решил идти пешком до ворот Майо.

Он пересек авеню Вилье и зашагал по тротуару, шедшему параллельно крепостной стене. В эту прекрасную зимнюю ночь, такую холодную и свежую, прогулка доставляла истинное удовольствие. Дышалось легко. Звук шагов весело раздавался в ночной тишине.

Но через несколько шагов у мужчины возникло неприятное ощущение, что за ним кто-то идет следом. Обернувшись, он заметил тень человека, мелькнувшую между деревьев. Он был не из трусливых, однако ускорил шаг, чтобы как можно быстрее добраться до Тернской заставы. Но тот, другой, пустился бегом. Разволновавшись, он решил дать отпор преследователю и вытащил револьвер.

Но выстрелить он не успел. Мужчина набросился на него. На безлюдном бульваре завязалась борьба, рукопашная схватка. Он сразу почувствовал, что сила на стороне нападавшего, и принялся звать на помощь. Он отчаянно отбивался, но противник повалил его на груды камней, схватил за горло и заткнул рот носовым платком. Его глаза закрылись, в ушах зазвенело. Он чуть не потерял сознание, но вдруг хватка ослабела. Мужчина, всем телом навалившийся на него, вскочил, чтобы в свою очередь защититься от неожиданного нападения.

Удар тростью по запястью, удар сапогом по щиколотке... Мужчина дважды взвыл от боли и убежал, хромя и ругаясь.

Незнакомец, не собиравшийся преследовать его, наклонился и спросил:

– Вы ранены, сударь?

Он был не ранен, а сильно оглушен и не мог держаться на ногах. К счастью, на крики прибежал один из служащих заставы. Нашли экипаж. Господин сел в него вместе со своим спасителем. Экипаж отвез их до особняка на улице Великой Армии.

На пороге хозяин особняка, полностью пришедший в себя, рассыпался в благодарностях.

– Я обязан вам жизнью, сударь. Поверьте, я никогда об этом не забуду. Сейчас я не хочу пугать жену, но я настаиваю, чтобы она сегодня же могла выразить вам нашу признательность.

И он, пригласив незнакомца на обед, назвал свое имя: Людовик Эмбер. Потом добавил:

– Могу ли я узнать, с кем имею честь...

– Разумеется, – ответил незнакомец и представился: – Арсен Люпен.

В то время Арсен Люпен еще не обладал широкой известностью, которую принесли ему дело Каорна, побег из тюрьмы Санте и множество других не менее громких подвигов. Он даже не был Арсеном Люпенем. Это имя, которому

будущее готовило ослепительную славу, специально придумал для своего спасителя господин Эмбер. Можно сказать, что именно в этом деле оно получило боевое крещение. Всегда готовый к борьбе, полностью вооруженный, но, по правде говоря, без средств к существованию, без власти, которую приносит успех, Арсен Люпен был всего лишь учеником в профессии, которой вскоре мастерски овладеет.

Как же он дрожал от радости, когда, проснувшись, вспомнил о ночном приглашении! Наконец-то он приблизился к своей цели! Наконец-то он займется делом, достойным его сил и таланта! Миллионы Эмберов! Какая восхитительная добыча для его appetitов!

Он оделся должным образом: потертый редингот, поношенные брюки, немного порывшая шелковая шляпа, обтрепанные манжеты и пристежные воротнички. Одежда была чистой, но от нее так и веяло бедностью. Вместо галстука он надел черный бант, заколотый булавкой с большим фальшивым бриллиантом, который ювелиры называют «крупный орех». Облечившись таким образом, он спустился по лестнице дома на Монмартре, где и жил. На четвертом этаже, не останавливаясь, он постучал набалдашником трости по створке закрытой двери. Выйдя на улицу, он направился к внешнему кольцу бульваров. Мимо шел трамвай. Он взобрался в салон. Некто, шедший следом, а именно жилец с четвертого этаж, сел рядом.

Через секунду мужчина спросил:

– Как дела, патрон?

– Прекрасно, дело сделано.

– Как?

– Я у них обедаю.

– Вы обедаете у них?!

– Надеюсь, тебе не хотелось бы, чтобы я тратил свое драгоценное время впустую? Я вырвал господина Людовика Эмбера из лап смерти, которую ты ему уготовил. Господин Людовик Эмбер – человек признательный, и он пригласил меня отобедать у них.

Воцарилось молчание, потом мужчина спросил:

– Так вы не отказались от этой затеи?

– Малыш, – ответил Арсен, – если сегодня ночью я подстроил это жалкое нападение, если я взял на себя труд в три часа утра недалеко от крепостной стены огреть тебя тростью по запястью и дать пинка по ноге, рискуя нанести увечье своему единственному другу, то делал это, разумеется, не для того, чтобы сейчас отказываться от преимуществ, которые сулит мне столь хорошо организованное спасение.

– Но об их состоянии ходят нехорошие слухи...

– Ну и пусть ходят. Я занимаюсь этим делом вот уже на протяжении шести месяцев, и все это время собираю сведения, изучаю, расставляю сети, расспрашиваю слуг, заимодавцев и подставных лиц. Все эти шесть месяцев я живу в тени супружеской четы. И знаю, какой линии поведения мне следует придерживаться. Неважно, досталось ли им это состояние от старика Брофорда, как они утверждают, или происходит из другого источника. Я пребываю в полной уверенности, что оно существует. А раз оно существует, значит, принадлежит мне.

– Черт, сто миллионов!

– Положим, десять или даже пять, велика важность! В сейфе лежат толстые пачки ценных бумаг. Разрази меня гром, если в один прекрасный день я не доберусь до ключа.

Трамвай остановился на площади Звезды. Мужчина прошептал:

– А что сейчас делать?

– Пока ничего. Я дам тебе знать. У нас еще есть время.

Через пять минут Арсен Люпен поднимался по величественной лестнице особняка Эмберов. Людовик представил его жене. Жервеза оказалась добродушной дамой, пухленькой, очень болтливой. Она приняла Арсена Люпена с сердечной любезностью.

– Я настояла, чтобы на торжестве, устроенном в честь нашего спасителя, больше никого не было, – сказала она.

С самого начала они относились к «нашему спасителю», как к старинному другу. Арсен Люпен рассказал им о своей жизни и о жизни отца – неподкупного магистрата, о детских горестях, о трудностях, которые ему ныне приходится преодолевать. Жервеза же вспоминала о своей молодости, о замужестве, о доброте старика Брофорда, об унаследованных ею ста миллионах, о препятствиях, мешавших незамедлительно вступить в права наследства, о займах, которые она была вынуждена взять под баснословные проценты, о бесконечных тяжбах с племянниками Брофорда. А все эти конфликты! Секвестры! И тому подобное...

– Представьте себе, господин Люпен, бумаги здесь, рядом, в кабинете моего мужа, но если мы возьмем хотя бы один купон, то потеряем все! Они там, в нашем сейфе, а мы не имеем права дотрагиваться до них!

Господин Люпен слегка вздрогнул, услышав о таком соседстве. И явственно осознал, что душа господина Люпена никогда не поднимется до таких высот, чтобы испытать щепетильность, свойственную этой славной даме.

– А-а, они здесь, – прошептал он. Во рту у него пересохло.

– Да, они здесь.

Отношения, начавшиеся при столь благоприятных обстоятельствах, не могли не завязаться в более прочный узел. После нескольких деликатных вопросов Арсен Люпен признался, что живет в нищете. И тут же несчастный молодой

человек получил должность личного секретаря обоих супругов с ежемесячным жалованьем в сто пятьдесят франков от каждого из них. Он будет жить у себя дома, но ему вменяется в обязанность приходить каждый день за распоряжениями. Для удобства ему выделяют одну из комнат третьего этажа под рабочий кабинет.

Комнату он выбрал сам. По какой-то невероятной случайности она оказалась над кабинетом Людовика.

Арсен Люпен сразу же заметил, что должность секретаря сильно смахивает на синекуру. За два месяца он переписал два незначительных письма, и только один раз патрон вызвал его к себе в кабинет, что позволило молодому человеку на законных основаниях рассмотреть сейф. Кроме того, он также заметил, что обладатель этой синекуры считался недостойным чести находиться в обществе депутата Анкети или председателя коллегии адвокатов Грувеля, поскольку его забывали приглашать на знаменитые светские приемы.

Однако он на это не жаловался, предпочитая не предавать огласке свое скромное положение и держаться в тени. Впрочем, даром времени он не терял. Прежде всего, он несколько раз тайком наведывался в кабинет Людовика, чтобы засвидетельствовать свое почтение сейфу, который, к сожалению, так и оставался наглухо закрытым. Сейф представлял собой огромную, с виду неприступную, глыбу из чугуна и стали, которую нельзя было одолеть ни напильником, ни буром, ни фомкой.

Но Арсен Люпен не был ограниченным человеком.

– Где сила терпит поражение, там побеждает хитрость, – сказал он себе. – Главное, надо наострить глаза и уши.

И Арсен Люпен принял все необходимые меры. После тщательного, трудоемкого осмотра пола в своей комнате он просунул свинцовую трубку в отверстие между двумя лепными узорами на потолке кабинета. Через эту трубку, служившую ему слуховой и одновременно подзорной трубой, он надеялся все видеть и слышать.

Отныне Арсен Люпен жил, распластавшись на полу. Он часто видел, как Эмберы что-то обсуждали, стоя около сейфа, проверяли регистрационные книги, перебирали бумаги. Когда они последовательно поворачивали четыре рукоятки, закрывающие замок, он старался угадать цифры, считая количество перемещающихся рисок. Он вглядывался в жесты Эмберов, вслушивался в их слова. Но куда они девали ключ? Где прятали его?

Однажды Арсен Люпен, увидев, что Эмберы вышли из кабинета, не закрыв сейф, поспешно спустился вниз и решительным шагом вошел. Но они уже вернулись.

– О, простите! – извинился он. – Я ошибся дверью.

Но Жервеза бросилась к нему, увлекая за собой.

– Входите же, господин Люпен, входите же. Разве вы не у себя дома? Вы сможете дать нам совет. Какие ценные бумаги лучше продать? Акции иностранных компаний или правительственные облигации?

– Но запрет? – удивившись, возразил Арсен Люпен.

– О, он касается не всех бумаг.

Жервеза приоткрыла створку. На полках лежали папки, перевязанные ремешками. Жервеза схватила одну из папок. Но муж возразил:

– Нет, нет, Жервеза! Это безумие – продавать акции зарубежных компаний! Они еще повысятся в цене. А вот правительственные облигации достигли своего потолка. Что вы об этом думаете, дорогой друг?

Дорогой друг ничего не думал, но посоветовал пожертвовать правительственными облигациями. Тогда Жервеза взяла другую связку и наугад вытащила оттуда лист бумаги. Это была трехпроцентная акция стоимостью в 1374 франка. Людовик положил ее в карман. Во второй половине дня он вместе со своим секретарем продал ее маклеру и получил сорок шесть тысяч франков.

Но что бы ни говорила Жервеза, Арсен Люпен не чувствовал себя как дома. Напротив, его не переставало удивлять положение, которое он занимал в особняке Эмберов. Много раз ему приходилось убеждаться, что слуги не знают его имени. Они называли его просто господином. Людовик всегда говорил так: «Предупредите господина... Господин пришел?» К чему такая загадочность?

Впрочем, утихли и первоначальные восторги. Эмберы почти не разговаривали с ним. Конечно, они обращались с ним учтиво, как и подобает обращаться с благодетелем, но практически не обращали на него внимания. Складывалось впечатление, что они считают его оригиналом, который не любит, когда ему надоедают. Они уважали его уединение, словно он сам установил такие правила игры, словно это было его прихотью. Однажды, проходя по вестибюлю, Арсен Люпен услышал, как Жервеза говорила каким-то двум мужчинам:

– Он такой дикарь!

«Ну и пусть! – подумал Арсен Люпен. – Да, дикарь».

Не собираясь докапываться до сути столь странного поведения этих людей, Арсен Люпен продолжал претворять в жизнь свой план. Он убедился, что не стоит рассчитывать ни на случай, ни на забывчивость Жервезы, которая всегда носила ключ от сейфа с собой. Более того, Жервеза никогда не уносила ключа, не переставив буквы в замке. Значит, ему надо было действовать.

Но тут произошло событие, ускорившее ход событий: газеты развернули яростную кампанию против Эмберов. Их обвиняли в мошенничестве. Арсен Люпен пристально наблюдал за перипетиями драмы и поведением супругов. И понял, что потеряет все, если будет медлить.

Пять дней подряд Арсен Люпен запирался в своей комнате, вместо того чтобы, как обычно, уходить домой в шесть часов. Но все думали, что он ушел. Он же, распластавшись на полу, следил за кабинетом Людовика.

За все эти пять дней благоприятного случая, на который так надеялся Арсен Люпен, не представилось, и он ночью уходил через маленькую дверь, ведущую во двор. Ключ от нее у него был.

Но на шестой день Арсен Люпен узнал, что Эмберы в ответ на злобные инсинуации своих врагов решили открыть сейф, чтобы составить полную опись его содержимого.

«Все решится сегодня вечером», – подумал он.

И действительно после ужина Людовик ушел в свой кабинет. К нему присоединилась Жервеза. Они вместе начали листать регистрационные книги.

Прошел час, другой... Арсен Люпен слышал, как слуги ложились спать. Теперь на втором этаже никого не осталось. Пробила полночь. Эмберы продолжали заниматься своим делом.

– Пора, – прошептал Арсен Люпен.

Он открыл окно, выходящее во двор. На небе не было ни луны, ни звезд. Двор окутывала кромешная темнота. Арсен Люпен вытащил из шкафа веревку с узлами и привязал к балконной ограде, перелез через нее и медленно спустился, держась одной рукой за водосточный желоб, до окна, расположенного под окном его комнаты. Это было окно кабинета, зашторенное плотными шерстяными занавесями. Несколько минут он неподвижно стоял на балконе, чутко прислушиваясь и всматриваясь в темноту.

Все было тихо. Успокоившись, он слегка толкнул створки окна. Если никто не удосужился проверить, заперто ли окно, оно должно было открыться, поскольку вечером он повернул шпингалет так, чтобы тот не вошел в паз.

Окно поддалось. Тогда с величайшей осторожностью Арсен Люпен растворил его шире. Просунув голову в проем, он замер. Через щель между неплотно сдвинутых занавесей струился слабый свет. Он увидел Жервезу и Людовика, сидящих около сейфа.

Они изредка очень тихо обменивались словами, поглощенные своей работой. Арсен Люпен прикинул расстояние, отделявшее его, точно рассчитал движения, которые ему понадобятся сделать, чтобы обездвигить обоих, не дать возможности позвать на помощь. Он уже собирался броситься вперед, как Жервеза сказала:

– Как вдруг холодно стало! Пойду, пожалуй, лягу. А ты?

– Мне хотелось бы закончить.

– Закончить? Да тут работы на целую ночь!

– Да нет, на один час, не больше.

Жервеза ушла. Прошло двадцать минут, тридцать. Арсен Люпен распахнул окно шире. Занавеси заколыхались. Он сильнее толкнул створки. Людовик обернулся и, увидев раздувшиеся от ветра занавески, встал, чтобы закрыть окно...

Не было ни криков, ни даже подобия борьбы. Несколькими точными ударами, не причинив своему сопернику никакой боли, Арсен Люпен оглушил его, замотал голову занавеской и связал. И он все это проделал так ловко, что Людовик даже не успел заметить лица нападавшего.

Затем Арсен Люпен быстро направился к сейфу, схватил две папки, сунул их под мышку, спустился по лестнице, пересек двор и открыл заднюю калитку. На улице стоял экипаж.

– Возьми это, – обратился Арсен Люпен к кучеру, – а потом иди за мной.

Он вернулся в кабинет. Они вместе опустошили сейф за два приема. Затем Арсен Люпен поднялся в свою комнату, отвязал веревку и уничтожил следы своего присутствия. Все было кончено.

Через несколько часов Арсен Люпен с помощью сообщника принялся разбирать папки. Он не испытал ни малейшего разочарования, удостоверившись, что состояние Эмберов было не так велико, как считалось. Он это предвидел. Миллионы не исчислялись сотнями и даже десятками. Но в целом состояние Эмберов оценивалось в кругленькую сумму. Деньги были вложены в ценные бумаги, облигации железнодорожных компаний, государственные облигации, фондовые бумаги Парижской биржи, акции Суэцкого канала, рудников Севера и так далее.

Арсен Люпен удовлетворенным тоном заметил:

– Разумеется, убытки будут значительными, когда придет время торговаться. Мы столкнемся с трудностями, нам не раз и не два придется продавать бумаги по смешным ценам. Но это не имеет значения. Благодаря этому первоначальному капиталу я смогу жить так, как хочу... и воплотить в жизнь кое-какие мечты, столь любезные моему сердцу.

– А остальное?

– Можешь счесть, малыш. Эта груда бумаг производила впечатление лишь в сейфе. Нам же они не нужны. Что касается акций, то мы спокойненько запрем их в стенном шкафу и будем ждать благоприятного момента.

На следующий день Арсен Люпен подумал, что ему ничто не мешает вернуться в особняк Эмберов. Но из газет он узнал совершенно неожиданную новость: Людовик и Жервеза исчезли.

Сейф открывали в торжественной обстановке. Магистраты нашли в нем то, что оставил Арсен Люпен... практически ничего.

Таковы факты и объяснение некоторых из них в интерпретации Арсена Люпена. Этот рассказ я услышал из его собственных уст в день, когда он разоткровенничался.

В тот день он ходил взад-вперед по моему кабинету, и в его глазах сверкали гневные искорки, которых я прежде не замечал.

– Одним словом, – спросил я, – это ваше самое блестящее дельце?

Уклонившись от прямого ответа, он сказал:

– В этом деле есть неразгаданные загадки. И даже после моих объяснений остается столько темных мест! Почему они сбежали? Почему не воспользовались помощью, которую я невольно им предоставил? Было ведь так легко сказать: «Сто тысяч миллионов лежали в этом сейфе. Сейчас их там нет, потому что их украли»!

– Эмберы потеряли голову.

– Да, вот именно, потеряли голову... С другой стороны, правда...

– Что?

– Нет, ничего.

Что скрывалось за этой недомолвкой? Арсен Люпен не говорил всей правды, это было очевидно. И ему было трудно признаться в том, что он недоговаривал. Я был заинтригован. Вероятно, речь шла о чем-то очень серьезном, если такой человек, как Арсен Люпен, засомневался.

Я стал наугад задавать ему вопросы.

– Вы с ними больше не встречались?

– Нет.

– А вы не испытываете нечто вроде жалости к этим несчастным?

– Я?! – воскликнул он, так и подскочив.

Его возмущение удивило меня. Неужели я попал в цель? Тогда я продолжил:

– Разумеется. Если бы не вы, они, возможно, сумели бы противостоять опасности... или, по крайней мере, уехать с полными карманами.

– Угрызения совести... Именно этого вы добиваетесь от меня, не правда ли?

– Разумеется!

Арсен Люпен с силой ударил кулаком по столу.

– И я, по вашему мнению, должен испытывать угрызения совести?

– Называйте это угрызениями или сожалением... словом, хотя бы какое-нибудь чувство...

– Какие-нибудь чувства к людям...

– К людям, у которых вы отняли целое состояние.

– Какое состояние?

– Ну... Эти две-три пачки акций...

– Две-три пачки акций! Я украл у них пачки акций, так? Часть их наследства? В этом моя вина? В этом мое преступление? Но, черт возьми, мой дорогой, вам не приходило в голову, что они были фальшивыми, эти акции?... Понимаете? ОНИ БЫЛИ ФАЛЬШИВЫМИ!

Я с изумлением посмотрел на Арсена Люпена.

– Фальшивые... четыре или пять миллионов...

– Фальшивые! – в ярости закричал он. – Сверхфальшивые! Фондовые бумаги Парижской биржи, государственные облигации, все это было обыкновенной бумагой! Простой бумагой! Ни одного су, я не получил ни одного су за все эти пачки! И вы требуете, чтобы я терзался угрызениями совести? Да это они должны терзаться! Они провели меня, как последнего простофилю! Обобрали до нитки, одурачили меня!

Арсен Люпен не на шутку взбесился. Он был раздосадован, его самолюбие было задето за живое.

– Да я проиграл с самого начала! С самой первой минуты! Знаете, какую роль я играл в этой комедии? Вернее, какую роль они заставили меня играть? Роль Андре Брофорда! Да, мой дорогой, а я за деревьями не увидел леса! И только потом, читая газеты, сопоставляя отдельные детали, я все понял. В то время как я изображал из себя благодетеля, господина, который, рискуя жизнью, вырвал Эмбера из когтей апаша, они выдавали меня за одного из Брофордов! Восхитительно, не правда ли? Благодаря мне, благодаря доверию, которое я внушал под фамилией Брофорд, банкиры давали им ссуды, а нотариусы убеждали своих клиентов открывать им кредиты! О, какая школа для новичка! Да, клянусь вам, урок пошел мне на пользу!

Арсен Люпен внезапно замолчал, а потом отчаянным тоном, в котором, впрочем, было легко уловить нотки иронии и восхищения, произнес эту немыслимую фразу:

– Мой дорогой, в настоящее время Жервеза Эмбер должна мне полторы тысячи франков!

На этот раз я не смог удержаться от смеха. Вот уж действительно остроумная выходка! Арсен Люпен тоже развеселился от души.

– Да, мой дорогой, полторы тысячи франков! Я не только не получил ни су из обещанного жалованья, но еще дал ей в долг полторы тысячи франков! Все сбережения, которые я скопил в юности. И знаете, на что предназначались эти деньги? Ни за что не угадаете... На помощь беднякам! Да, именно так! На помощь так называемым обездоленным людям, которым она помогала тайком от Людовика! И я попался на удочку. Смешно, не правда ли? У Арсена Люпена увели полторы тысячи франков, и сделала это славная дама, у которой он

украл фальшивые ценные бумаги на сумму в четыре миллиона франков! И к каким только комбинациям, усилиям и гениальным хитростям мне пришлось прибегнуть, чтобы добиться столь блестящего результата! Это был единственный раз, когда я потерпел поражение. Черт возьми! Они ловко обвели меня вокруг пальца, поставив все на кон!

Черная жемчужина

Настойчивый звон колокольчика разбудил консьержку дома № 9 по авеню Ош. Она дернула за шнур, проворчав:

– Я думала, что все уже вернулись. Ведь уже три часа ночи, не меньше!

Ее муж пробормотал:

– Может, пришли к доктору.

И действительно кто-то спросил:

– Доктор Арель... на каком этаже?

– Четвертый налево. Но доктор просит не беспокоить его по ночам.

– Придется побеспокоить.

Мужчина вошел в вестибюль, поднялся на второй, затем на третий этаж и, не остановившись на лестничной площадке, где жил доктор Арель, добрался до шестого этажа. Там он опробовал два ключа. Первым он открыл замок, вторым отодвинул задвижку.

– Прекрасно, – прошептал он, – это значительно облегчает дело. Но прежде чем действовать, надо обеспечить путь к отступлению. Так, посмотрим... Если рассуждать логически, было ли у меня время позвонить доктору, чтобы он выпроводил меня? Нет... Наберемся терпения.

Минут через десять мужчина спустился и постучал в окошко привратницей, ругая доктора. Ему открыли, и он хлопнул за собой дверь. Однако дверь не закрылась, поскольку мужчина ловко вставил железку в личинку замка, чтобы язычок не вошел внутрь.

Мужчина снова вошел – тихо, бесшумно, так, что консьержи его не заметили. В случае тревоги путь к бегству был свободен.

Он спокойно поднялся на шестой этаж. В прихожей, при свете электрического фонарика, он положил пальто и шляпу на один стул, сел на другой и надел на ботинки толстые фетровые домашние туфли.

– Уф! Готово... И как легко! Интересно все-таки, почему мало кто выбирает столь удобную профессию грабителя? При наличии ловкости и здравого смысла нет ничего более приятного. Профессия любого бездельника... Профессия отца семейства... Даже слишком удобная... так что со временем надоедает.

Он развернул подробный план квартиры.

– Сначала надо сориентироваться. Здесь я вижу прямоугольник. Это прихожая, где я, собственно, и нахожусь. Со стороны улицы – гостиная, будуар и столовая. Не стоит терять время даром, похоже, вкус у графини отвратительный... ни одной стелющейся вещицы! Итак, идем прямо к цели... А-а, вот план коридора, который ведет в комнаты. Через три метра я должен наткнуться на дверь гардеробной, сообщающейся со спальней графини.

Он свернул план, погасил фонарик и пошел по коридору, отсчитывая вслух:

– Метр... Два метра... Три метра... Вот дверь. Боже, как все удачно складывается! Простая задвижка, такая маленькая задвижка, отделяет меня от спальни. Более того, я знаю, что эта задвижка находится на высоте в один метр сорок три сантиметра от пола. Таким образом, надо немного надрезать вокруг, и я от нее избавлюсь...

Он вытащил из кармана нужные инструменты, но вдруг его осенило:

– А что, если по чистой случайности дверь не заперта на задвижку? Стоит попытаться... И будь что будет!

Он повернул ручку, и дверь открылась.

– Мой славный Люпен, решительно удача тебе улыбается. Что еще нужно? Ты знаешь топографию места, где будешь действовать, знаешь, где графиня прячет черную жемчужину... Следовательно, чтобы завладеть жемчужиной, надо быть просто тише тишины и слиться с темной ночью.

Арсену Люпену понадобилось полчаса, чтобы открыть вторую дверь, ту самую стеклянную дверь, которая вела в спальню. Но он действовал так осторожно, что даже если бы графиня не спала, она все равно бы не встревожилась, поскольку не слышала никаких непривычных звуков.

Согласно плану ему оставалось только обогнуть шезлонг. Маршрут вел к креслу, а затем к небольшому столику, стоявшему около кровати. На столике находилась шкатулка для почтовой бумаги, и в этой коробке, не запертой, лежала черная жемчужина.

Он распластался на ковре и пополз, огибая шезлонг. Но вдруг замер, пытаясь сдержать биение сердца. Хотя он не испытывал ни капли страха, все же никак не мог совладать с некой нервной тревогой, которую люди обычно испытывают в мертвой тишине. Он удивился, поскольку ему приходилось переживать и более торжественные мгновения. Никакая опасность ему не угрожала. Но почему сердце билось, словно набатный колокол? Неужели на него так подействовала спящая женщина, жизнь, протекавшая рядом с его жизнью?

Он прислушался. Ему показалось, что он расслышал ритмичное дыхание. Это его успокоило, как присутствие друга.

Он нашел кресло, потом едва заметными движениями пополз к столику, шаря в темноте. Наконец его правая рука коснулась ножки столика.

Свершилось! Теперь ему оставалось лишь приподняться, взять жемчужину и ретироваться. Какое счастье! А то его сердце было готово выпрыгнуть из груди, словно загнанный зверь, и билось так громко, что, казалось, его стук может разбудить графиню.

Невероятным усилием воли он заставил сердце успокоиться. Но в тот момент, когда он собирался привстать, его левая рука наткнулась на ковре на какой-то предмет. По очертаниям он сразу понял, что это подсвечник. Кто-то явно его уронил. И тут же он нащупал другой предмет – часы, маленькие дорожные часы в кожаном футляре.

Но что все это означает? Что здесь произошло? Он ничего не понимал. Подсвечник... Часы... Почему эти предметы не на своих обычных местах? Что же произошло в этой кромешной мгле?

Вдруг из его груди вырвался крик. Он дотронулся... о! до какого-то странного, почти невысказанного предмета. Нет, нет! Просто от страха у него помутился рассудок. Прошло двадцать секунд, тридцать... Его сковал страх, он лежал неподвижно. Лицо покрылось пóтом. А пальцы еще ощущали это прикосновение.

Собрав все силы, он вновь протянул руку. И снова рука наткнулась на этот странный, невысказанный предмет. Он ощупал его. Он потребовал, чтобы рука ощупала его. И тут он все понял. Это были волосы, лицо... И лицо было холодным, почти ледяным.

Какой бы жуткой ни была реальность, такой человек, как Арсен Люпен, способен ей противостоять, едва оценив ситуацию. Он быстро включил фонарь. Перед ним в крови лежала женщина. Страшные раны покрывали ее шею и плечи. Он нагнулся и пристально посмотрел на нее. Женщина была мертва.

– Мертва, мертва... – в ужасе повторял Арсен Люпен, глядя на застывшие глаза, искаженный рот, мертвенно-бледную кожу и на кровь, ту самую кровь, которая вытекла на ковер и уже засохла, став густой и черной.

Встав на ноги, Арсен Люпен повернул выключатель. Свет залил комнату. И тогда он увидел признаки отчаянной борьбы. Постель была разворочена, одеяла и простыни сорваны. На полу валялись подсвечник, часы – стрелки показывали двадцать минут двенадцатого, – чуть дальше опрокинутый стул. И всюду кровь, пятна крови.

– А черная жемчужина? – прошептал Арсен Люпен.

Шкатулка для почтовой бумаги стояла на своем месте. Арсен Люпен быстро открыл ее. Там лежал футляр. Но он был пуст.

«Черт возьми! – сказал он себе. – Ты слишком рано радовался, дружище Арсен Люпен... Графиня убита, черная жемчужина исчезла... Положение не из лучших! Надо давать деру, иначе ты рискуешь навлечь на себя большие неприятности. – Тем не менее Арсен Люпен не двинулся с места. – Дать деру? Да, другой так и сделал бы. Но Арсен Люпен... Как поступит он? Так, начнем все по порядку. В конце концов, твоя совесть спокойна. Представь, что ты комиссар полиции, которому поручили провести расследование... Да, но для этого голова должна быть ясной. А у меня мозги набекрень!»

И Арсен Люпен упал в кресло, прижав кулаки к пылающему лбу.

Происшествие на авеню Ош входило в число тех, которые в последнее время вызывали острый интерес. Но я, разумеется, не стал бы о нем рассказывать, если бы вмешательство Арсена Люпена не заставило нас взглянуть на него совершенно в ином свете. Но о его вмешательстве мало кто подозревал. Во всяком случае, никто не догадывался о подлинной правде.

Ну кто же не знал и хотя бы однажды не встречал в Булонском лесу Леонтину Залти, бывшую певицу, супругу, а затем вдову графа д'Андийо, двадцать лет назад ослеплявшую Париж своей роскошью, ту самую Залти, графиню д'Андийо, ставшую известной во всей Европе благодаря своим бриллиантам и жемчугам? Поговаривали, что она носила на шее капиталы нескольких банковских домов и золотых рудников ряда австралийских компаний. Искусные ювелиры работали на Залти, как некогда золотых и серебряных дел мастера работали на королей и королев.

И кто не помнит катастрофу, поглотившую все эти богатства? Банковские дома и золотые рудники – все кануло в Лету. От чудесной коллекции, распроданной на аукционах, осталась лишь знаменитая черная жемчужина. Черная жемчужина! Целое состояние, с которым графиня не захотела расстаться.

Да, она не захотела. Графиня предпочла сократить расходы, переехать в скромную квартиру вместе со своей компаньонкой, кухаркой и слугой, но не продала эту бесценную драгоценность. И для этого была причина, которую графиня не скрывала: черную жемчужину подарил ей император! Почти разорившаяся, влачившая жалкое состояние, графиня осталась верна спутнице своих счастливых дней.

– Пока я жива, – говорила графиня, – я не расстанусь с ней.

Весь день графиня носила жемчужину. На ночь она убирала ее в местечко, о котором никто не знал.

Все эти факты, изложенные в газетах, лишь подогревали любопытство публики. И тут произошло странное, но понятное тем, кто знает разгадку, событие. Был арестован предполагаемый убийца, что только запутало дело и разожгло страсти. Через день газеты писали:

«Нам сообщили об аресте Виктора Данегра, слуги графини д'Андийо. Против него имеются неопровержимые улики. На люстриновом рукаве его ливреи, найденной шефом Сюрте господином Дюдуа в мансарде Данегра между кроватной сеткой и матрасом, были обнаружены пятна крови. Кроме того, на жилете не хватало пуговицы, обтянутой тканью. И эту самую пуговицу извлекли из-под кровати жертвы в самом начале обыска.

Вполне вероятно, что после ужина Данегр не ушел к себе в мансарду, а пробрался в гардеробную и через стеклянную дверь увидел, как графиня прячет черную жемчужину.

Следует заметить, что до сих пор не найдено никаких доказательств, подтверждающих подобное предположение. Так или иначе, но остается не выясненным еще одно обстоятельство. В семь часов утра Данегр заходил в табачную лавку на бульваре Курсель. Консьержка и продавщица засвидетельствовали этот факт. С другой стороны, кухарка и компаньонка графини, комнаты которых находятся в конце коридора, утверждают, что в восемь часов, когда они встали, дверь в прихожую и дверь в кухню были закрыты на два поворота ключа. Эти женщины служат у графини двадцать лет. Они вне всяких подозрений. Возникает вопрос: каким образом Данегр вышел из квартиры? Сделал ли он себе дубликат ключа? Следствие должно прояснить эти противоречивые факты».

Но следствие ничего не прояснило, напротив, оно все только запутало. Обнаружилось, что Виктор Данегр был опасным рецидивистом, пьяницей и дебоширом, которому не составляет труда убить кого-нибудь ножом. Но по мере расследования в деле появлялось все больше темных пятен и возникали все новые необъяснимые противоречия.

Мадемуазель де Сенклев, кузина и единственная наследница жертвы, заявила, что за месяц до гибели графиня сообщила ей в одном из писем, куда она прячет черную жемчужину. На следующий день после получения письма мадемуазель де Сенклев обнаружила, что оно исчезло. Кто украл письмо?

В свою очередь, консьержи рассказали, что открыли дверь какому-то человеку, который поднялся к доктору Арелю. Полиция допросила доктора. К нему никто не звонил. Но кем был этот мужчина? Сообщником?

Пресса и публика подхватили версию о сообщнике. Ганимар, главный инспектор Ганимар, не без оснований отстаивал ее.

– Здесь замешан Люпен, – заявил Ганимар следователю.

– Ба! – возразил следователь. – Вам всюду мерещится этот Люпен.

– Он мне мерещится повсюду, потому что он везде.

– Признайтесь лучше, что он мерещится вам всякий раз, когда дело не представляется ясным. Впрочем, обратите внимание на следующее обстоятельство: преступление было совершено в двадцать минут двенадцатого, как об этом свидетельствуют часы, а ночной посетитель, о котором нам рассказали консьержи, пришел лишь в три часа.

Правосудие часто идет на поводу у убедительных фактов, которые заставляют подгонять события под первоначальную версию. Темное прошлое Виктора Данегра, рецидивиста, пьяницы и дебошира, повлияло на следователя. И хотя не было найдено ни одного нового доказательства, подтверждающего две-три обнаруженные с самого начала улики, ничто не могло поколебать уверенность следователя. Он закрыл дело. Через несколько недель началось судебное разбирательство.

Оно было путаным и утомительным. Председатель суда вел его без особого усердия. Прокурор нападал вяло. В таких обстоятельствах адвокат Данегра

умело повел свою игру. Он указал на недоработки и бездоказательность обвинения. Не было никаких убедительных доказательств. Кто изготовил ключ, тот самый необходимый ключ, без которого Данегр, вернувшись, не смог бы запереть на два оборота дверь квартиры? Кто видел этот ключ? Куда он делся? Кто видел нож убийцы? Что с ним стало?

– Так или иначе, – подвел итоги адвокат, – докажите, что графиню убил мой клиент. Докажите, что вор и убийца – не тот таинственный персонаж, который вошел в дом в три часа ночи. Вы возразите мне, что часы показывали одиннадцать часов? Ну и что? Разве нельзя поставить стрелки на тот час, который вам подходит?

Виктора Данегра оправдали.

Похудевший, осунувшийся после полугодового заключения Виктор Данегр вышел из тюрьмы в пятницу на закате дня. Следствие, одиночество, судебное разбирательство, судебные прения – все это внушило ему болезненный страх. По ночам его мучили ужасные кошмары, постоянно снилось, как его голова падает на эшафот. Он дрожал от ужаса.

Под именем Анатоля Дюфура он снял небольшую комнатку на Монмартре и жил случайными заработками, подрабатывая то тут, то там.

Жалкое существование! Он трижды нанимался к разным хозяевам, но все трое его узнали и прогнали.

Часто он замечал или это ему казалось, что за ним следуют какие-то люди, люди из полиции. Он не сомневался, что они не отказались от мысли заманить его в ловушку. И он уже заранее чувствовал, как чья-то тяжелая рука грубо хватает его за воротник.

Однажды вечером, когда он ужинал в местной таверне, кто-то сел напротив. Это был мужчина лет сорока, одетый в черный редингот сомнительной чистоты. Мужчина заказал суп, овощи и литр вина.

Доев суп, мужчина поднял голову и пристально посмотрел на Данегра.

Данегр побледнел. Наверняка этот человек из тех, кто следит за ним вот уже несколько недель. Что он хочет? Данегр попытался встать, но не смог. Ноги внезапно стали ватными.

Мужчина налил себе вина и наполнил стакан Данегра.

– Выпьем, приятель?

Виктор пробормотал:

– Да... да... ваше здоровье, приятель.

– Ваше здоровье, Виктор Данегр.

Данегр так и подскочил.

- Я... Я!... Нет же... клянусь вам..
- И в чем же вы клянетесь? Что вы это не вы? Не слуга графини?
- Какой слуга? Меня зовут Дюфур. Спросите у хозяина.
- Анатолий Дюфур, да, для хозяина, но для правосудия – Виктор Данегр.
- Это неправда! Это неправда! Вас обманули.

Мужчина достал из кармана визитную карточку и протянул ее Дюфуру. Виктор Данегр прочитал: «Гримодан, бывший инспектор Сюрте. Тайный сыск». Он задрожал.

- Вы из полиции?
- Я больше не служу в полиции, но это ремесло мне нравится. Я продолжаю им заниматься... на более доходной основе. Время от времени можно отыскать золотое дельце... вроде вашего.
- Моего?
- Да, вашего. Это исключительно доходное дело, если вы соизволите проявить определенную уступчивость.
- А если не соизволю?
- Придется соизволить. Вы сейчас в таком положении, что не сможете мне отказать.

Виктор Данегр тихо запаниковал и спросил:

- В чем дело? Говорите...
- Хорошо, – ответил мужчина. – Давайте закончим с этим. Если коротко, то меня послала к вам мадемуазель де Сенклев.
- Сенклев?
- Наследница графини д'Андийо.
- И что?
- Как что? Мадемуазель де Сенклев поручила мне забрать у вас черную жемчужину.
- Черную жемчужину?
- Ту, которую вы украли.
- Но у меня ее нет!
- Она у вас есть.

- Если бы она была у меня, это означало бы, что я убийца.

- А вы и есть убийца.

Данегр попытался рассмеяться.

- К счастью, мой славный сударь, у присяжных сложилось иное мнение. Все присяжные - понимаете, все! - признали меня невиновным. А когда твоя совесть чиста и когда двенадцать славных людей уважают тебя...

Бывший инспектор схватил Данегра за руку.

- Хватит болтать, малыш. Слушайте внимательно и хорошенько обдумывайте мои слова, они того стоят. Данегр, за три недели до преступления вы украли у кухарки ключ от черного хода и заказали дубликат у слесаря Утара, который держит свою мастерскую в доме номер двести сорок четыре по улице Оберкампа.

- Неправда, неправда, - проворчал Виктор Данегр. - Никто не видел этого ключа... Его просто не существует.

- Вот он. - Немного помолчав, Гримодан продолжил: - Вы убили графиню ножом с кольцом на рукоятке, который купили на рынке на площади Республики в тот же день, когда заказали дубликат ключа. Лезвие ножа трехгранное, с желобком.

- Все это ерунда, вы блефуете. Никто не видел ножа.

- Вот он.

Виктор Данегр отпрянул. Бывший инспектор продолжил:

- На ноже есть пятна ржавчины. Надо ли вам объяснять их происхождение?

- И что? У вас есть ключ и нож... Кто сможет подтвердить, что они принадлежали мне?

- Во-первых, слесарь, затем служащий, у которого вы купили нож. Я уже освежил их память. Они вас непременно узнают, когда увидят.

Он говорил сухо и жестко, с ужасающей точностью. Данегр содрогался от страха. Ни следователь, ни председатель суда присяжных, ни генеральный адвокат не подловили его так ловко, не разобрались так верно в вещах, которые и сам он представлял весьма смутно.

Тем не менее Виктор Данегр попытался изобразить равнодушие.

- Ну, если это все ваши доказательства...

- У меня есть еще одно. Совершив преступление, вы ушли тем же путем. Но в гардеробной вы, испугавшись, вероятно, оперлись о стену, чтобы не потерять равновесие.

- Откуда вы знаете? - пробормотал Данегр. - Этого никто не может знать...

– Правосудие, конечно, не знает. Эти господа из прокуратуры не удосужились зажечь свечу и тщательно осмотреть стены. А если бы они это сделали, то на белом гипсе нашли бы красное пятнышко, едва заметное, но вполне отчетливое, чтобы обнаружить на нем отпечаток подушечки вашего большого пальца, испачканного кровью. Этим пальцем вы прикоснулись к стене. А вы прекрасно знаете, что в антропометрии отпечатки пальцев являются одним из главных способов идентификации личности.

Виктор Данегр был мертвенно-бледным. Крупные капли пота падали с его лба на стол. Он безумным взглядом смотрел на этого странного человека, который рассказывал о преступлении так, словно был его незримым свидетелем.

Он опустил голову, чувствуя себя побежденным, беспомощным. Несколько месяцев подряд ему приходилось в одиночку бороться против всех. Но сейчас он чувствовал, что с этим человеком ему не справиться.

– Если я отдам жемчужину, сколько вы мне за нее дадите? – пробормотал он.

– Ничего.

– Как?! Вы издеваетесь надо мной! Я отдам вам вещь, которая стоит тысячи и сотни тысяч, и ничего не получу взамен?

– Кое-что получите. Жизнь.

Несчастный вздрогнул. Гримодан добавил почти ласково:

– Послушайте, Данегр, эта жемчужина не имеет для вас никакой ценности. Вы не сможете ее продать. Так зачем же хранить ее?

– Есть перекупщики... И в один прекрасный день... за любую цену...

– В один прекрасный день будет поздно.

– Почему?

– Почему? Да потому что правосудие снова схватит вас, и на этот раз с доказательствами, которые я ему предоставляю, с ножом, ключом, отпечатком пальца... Вы пропали, дружище.

Обхватив голову руками, Виктор Данегр задумался. В самом деле, он чувствовал, что пропал, пропал окончательно. И в то же время его охватила огромная усталость, безмерная потребность отдохнуть и расслабиться.

– Когда она вам нужна? – прошептал он.

– Сегодня вечером, до часу ночи.

– Иначе?

– Иначе я отнесу на почту письмо, которое мадемуазель де Сенклев написала прокурору Республики, обличая вас.

Данегр налил два стакана вина, залпом выпил их и, поднявшись, сказал:

– Заплатите по счету и идем... Мне уже претит это проклятое дело.

Наступила ночь. Два человека спустились по улице Лепик и пошли по внешней стороне бульваров к площади Звезды.

Шли они молча. Виктор Данегр очень устал, даже сторбился от изнеможения.

В парке Монсо он сказал:

– Это рядом с домом.

– Черт возьми! Но до своего ареста вы побывали лишь в табачной лавке.

– Мы пришли, – глухо сказал Данегр.

Они проследовали вдоль решетки сада и перешли через улицу, на углу которой находилась табачная лавка. Через несколько шагов Данегр остановился. У него подкашивались ноги. Он рухнул на скамью.

– Ну? – спросил его спутник.

– Это здесь.

– Где здесь? Что вы несете?

– Здесь, прямо перед нами.

– Перед нами? Послушайте, Данегр, не стоит...

– Я еще раз повторяю: она здесь.

– Где?

– Между двумя бульжниками.

– Между какими?

– Ищите.

– Между какими? – повторил Гримодан.

Виктор Данегр не отвечал.

– Ах, так! Замечательно! Ты решил заставить меня ждать, приятель...

– Нет... Но... я умру в нищете.

– И поэтому ты заколебался? Ладно, я буду великодушен. Сколько тебе надо?

– На билет в Америку на нижнюю палубу.

– Договорились.

– И сто франков на первые расходы.

– Получишь двести. Говори.

– Сосчитайте булыжники справа от сточного желоба. Она между двенадцатым и тринадцатым.

– В канаве?

– Да, внизу тротуара.

Гримодан огляделся. Мимо проезжали трамваи, шли люди. Надо же такому случиться! Кто бы мог подумать!

Он раскрыл перочинный нож и вставил лезвие между двенадцатым и тринадцатым булыжником.

– А если ее там нет?

– Если никто не видел, как я наклонился и засунул ее туда, значит, она до сих пор там.

Как такое возможно? Черная жемчужина лежит в грязной канаве! Да ею мог завладеть любой прохожий. Черная жемчужина! Целое состояние!

– На какой глубине?

– Примерно десять сантиметров.

Гримодан стал выбрасывать мокрый песок. Вдруг острие его ножа на что-то натолкнулось. Он руками расширил дыру и заметил черную жемчужину.

– Держи, вот твои двести франков. Билет в Америку я тебе пришлю.

На следующий день газета «Эко де Франс» опубликовала заметку, которую перепечатала пресса всего мира:

«Со вчерашнего дня знаменитая черная жемчужина находится у Арсена Люпена, который забрал ее у убийцы графини д'Андийо. Вскоре копии этого бесценного украшения будут выставлены в Лондоне, Санкт-Петербурге, Калькутте, Буэнос-Айресе и Нью-Йорке.

Арсен Люпен ждет предложений, которые соизволят сделать его корреспонденты».

– Таким образом, зло было наказано, добродетель восторжествовала. Так всегда происходит, – заметил Арсен Люпен, изложив мне подоплеку этого дела.

– А также было доказано, что под фамилией Гримодана, бывшего инспектора Сюрте, скрывались вы, кого выбрала судьба, чтобы не дать преступнику воспользоваться плодами своего злодеяния.

– Совершенно верно. Должен признаться, это дело – одно из приключений, которыми я особенно горжусь. Сорок минут, которые я провел в квартире графини после того, как убедился, что она мертва, самые удивительные и волнующие в моей жизни. За сорок минут я, попавший в крайне щекотливую ситуацию, мысленно восстановил картину преступления и, основываясь на кое-каких деталях, пришел к выводу, что преступником может быть только слуга. Я также понял, что завладеть жемчужиной можно лишь при одном условии: слуга должен быть арестован. И я подбросил пуговицу. Но я не мог допустить, чтобы правосудие получило неопровержимые доказательства его вины. Я забрал нож, забытый на ковре, унес с собой ключ, оставленный в замке, запер дверь на два оборота и стер следы пальца с гипса в гардеробной. На мой взгляд, это было прозрением...

– Гения, – прервал я его.

– Да, гения, если хотите. Так или иначе, но подобная мысль не озарила бы первого встречного. За одну секунду найти два решения проблемы – арест и оправдание, воспользоваться громоздким аппаратом правосудия, чтобы запугать этого парня, одурачить его, словом, довести до такого состояния, что он, едва освободившись, должен был неизбежно попасть в довольно простую ловушку, которую я для него расставил.

– Довольно простую? Да просто смехотворную, поскольку он ничем не рисковал.

– О, абсолютно ничем, поскольку оправдательный приговор был окончательным.

– Бедолага...

– Бедолага? Ничего себе! Разве вы забыли, что Виктор Данегр – убийца? И было бы безнравственно оставлять ему черную жемчужину. Он жив! Подумайте только, Данегр жив!

– А черная жемчужина принадлежит вам!

Арсен Люпен вытащил из потайного отделения своего бумажника черную жемчужину, с восхищением осмотрел ее, погладил пальцами и вздохнул:

– Какому же боярину, взбалмошному и тщеславному радже будет принадлежать это сокровище? Какому американскому миллиардеру достанется это чудо, вершина красоты, так великолепно украшавшая грудь Леонтины Залти, графини д'Андийо?

Херлок Шолмс прибывает слишком поздно

– Удивительно, но вы, Вельмон, так похожи на Арсена Люпена!

– Вы его знаете?

– О, как и все! По фотографиям, столь не похожим друг на друга. Однако создается впечатление, что это одно и то же лицо... как ваше.

Казалось, Орас Вельмон был уязвлен.

– В самом деле, мой дорогой Деван? И вы не первый, кто говорит мне об этом, поверьте.

– Настолько похожи, – настаивал Деван, – что, если бы вас не рекомендовал мой кузен д'Эстеван, если бы вы не были известным художником, прекрасными морскими пейзажами которого я восхищаюсь, я, по всей видимости, сообщил бы полиции о вашем присутствии в Дьеппе.

Эта шутка рассмешила всех. В огромной столовой замка Тибермениль находились, помимо Вельмона, аббат Жели, деревенский кюре и дюжина офицеров, полки которых проводили маневры в окрестностях. Все они приняли приглашение банкира Жоржа Девана и его матери.

Один из офицеров воскликнул:

– Но разве не Арсена Люпена видели на побережье вскоре после знаменитого происшествия в скором поезде Париж – Гавр?

– Совершенно верно. Это было три месяца назад, а через неделю я познакомился в казино с нашим славным Вельмоном, который с тех пор несколько раз оказывал мне честь своими визитами. Я рассматриваю их как восхитительную преамбулу к более основательному визиту, который он нанесет мне в один из этих дней... вернее, ночей!

Все вновь рассмеялись. Затем они перешли в бывшую кордегардию, просторное помещение с высокими потолками, занимавшее всю нижнюю часть башни Гийома. Там Жорж Деван разместил все несравненные богатства, накопленные за несколько столетий владельцами замка Тибермениль. Помещение было обставлено ларями и сервантами, высокими таганями и жирандолями. На каменных стенах висели восхитительные ковры и гобелены. В глубоких нишах под четырьмя окнами стояли скамьи. А сами окна заканчивались стрельчатыми витражами со свинцовыми перегородками. Между дверью и левым окном возвышался монументальный книжный шкаф в стиле Ренессанса, на фронтоне которого золотыми буквами было написано «Тибермениль», а чуть ниже можно было прочитать семейный девиз: «Делай, что хочешь».

Когда все закурили сигары, Деван сказал:

– Только поторопитесь, Вельмон, в вашем распоряжении осталась одна ночь.

– Почему? – спросил художник, ничего не принимавший всерьез.

Деван хотел ответить, но тут его мать подала ему знак. Однако возбуждение, царившее за ужином, желание заинтриговать гостей одержали верх.

– Ба! – прошептал Деван. – Сейчас я могу говорить. Теперь уже нечего бояться, что кто-то окажется слишком болтливым.

Гости, споровшие от любопытства, расселись вокруг хозяина. И он с довольным видом, словно сообщая важную новость, заявил:

– Завтра в четыре часа дня я буду принимать у себя Херлока Шолмса, великого английского сыщика, для которого не существует тайн, Херлока Шолмса, удивительного мастера разгадывать сложнейшие загадки, феноменальную личность, будто целиком и полностью созданную воображением какого-нибудь романиста...

Гости зашумели. Херлок Шолмс в Тибермениле! Разве такое возможно? Неужели Арсен Люпен действительно находится в этих краях?

– Арсен Люпен и его шайка бродят неподалеку. Не считая дела барона Каорна, кому приписывают ограбления, происшедшие в Монтиньи, Грюше, Красвиле? Нашему национальному вору... Теперь настала моя очередь.

– И вас, как и барона Каорна, предупредили?

– Один и тот же трюк дважды не срабатывает.

– Так в чем же дело?

– В чем? А вот в чем...

Деван встал и показал пальцем на небольшое пустое пространство на одной из полок книжного шкафа, между двумя огромными книгами ин-фоллио.

– Здесь стояла книга шестнадцатого века под названием «Хроники Тибермениля». Это история замка с того момента, как герцог Роллон заложил его на месте феодальной крепости. В книге три гравюры. На первой гравюре показан вид владений с птичьего полета, на второй изображен план всех построек, а на третьей – и я особо обращаю на это ваше внимание – план подземных ходов, один из которых начинается за первой линией укреплений, а заканчивается здесь, да, именно здесь, в этом самом помещении, где мы находимся. Так вот, в прошлом месяце эта книга пропала.

– Черт возьми, – воскликнул Вельмон, – это плохой знак. Только этого недостаточно, чтобы Херлок Шолмс вмешался.

– Конечно, этого было бы недостаточно, если бы не произошло другое событие, придавшее истории, о которой я вам поведал, совершенно иное значение. В Национальной библиотеке хранился второй экземпляр «Хроники». Эти два экземпляра отличались друг от друга некоторыми деталями, касающимися плана подземных ходов, в частности его общего вида и масштаба. К тому же план был снабжен различными комментариями, но не отпечатанными типографским способом, а написанными от руки. И буквы, выведенные чернилами, в той или иной степени выцвели. Я знал обо всех этих особенностях и понимал, что окончательный план можно реконструировать лишь после скрупулезного сравнения обоих чертежей. Так вот, на следующий день после исчезновения моей книги какой-то читатель заказал в Национальной библиотеке второй экземпляр и унес его с собой. И

нет никакой возможности установить, при каких обстоятельствах была совершена эта кража.

Последние слова потонули в возгласах удивления и возмущения.

– Да, дело принимает серьезный оборот.

– На этот раз полиция засуетилась, – продолжал Деван. – Было проведено двойное расследование. Впрочем, никаких результатов оно не дало.

– Как и расследования всех других случаев, в которых был замешан Арсен Люпен.

– Совершенно верно. Именно тогда мне пришла в голову мысль попросить Херлока Шолмса о помощи. Он ответил, что горит желанием встретиться с Арсеном Люпенем.

– Какая честь для Арсена Люпена! – отозвался Вельмон. – Но если наш национальный вор, как вы его называете, не имеет никаких планов относительно Тибермениля, значит, Херлоку Шолмсу придется скучать у вас?

– Есть кое-что другое, и это наверняка горячо заинтересует его: поиски подземного хода.

– Как? Вы сказали, что один конец выходит в поля, а другой находится здесь, в этом помещении!

– Но где именно? В каком конкретно месте? Линия, обозначающая подземный ход на карте, действительно ведет с одной стороны к маленькому кружочку, помеченному заглавными буквами «Б. Г.», что, несомненно, расшифровывается как «Башня Гийома». Но башня круглая, и кто может определить, в какое место круга выводит нарисованная линия?

Деван закурил вторую сигару и налил себе стаканчик бенедиктина. Его засыпали вопросами. Он улыбался, довольный, что его рассказ вызвал такой интерес, и наконец произнес:

– Секрет утрачен. Ни один человек в мире не знает его. По легенде, могущественные сеньоры передавали этот секрет от отца к сыну на смертном одре, вплоть до того дня, когда Жоффруа, последний из рода, не сложил голову на эшафоте 7 термидора II года. Было ему тогда девятнадцать лет.

– Но затем на протяжении всего столетия, наверно, велись поиски?

– Поиски велись, но тщетно. Я сам, купив замок у внучатого племянника члена Конвента Лерибура, производил раскопки. И все безрезультатно. Представьте только, эта башня, окруженная водяным рвом, соединена с замком только в одном месте. Следовательно, подземный ход должен проходить под старинными рвами. Впрочем, на плане книги из Национальной библиотеки показаны четыре последовательные лестницы по двенадцать ступенек каждая, итого сорок восемь ступенек. Это позволяет предположить, что они уходят вниз на глубину более десяти метров. Но, судя по масштабу, указанному на другом плане, глубина достигает двухсот метров. На самом

деле решение проблемы находится здесь, между полом, потолком и стенами. Но, честное слово, я не решился разрушить их.

– И никаких других указаний?

– Никаких.

Аббат Жели возразил:

– Господин Деван, мы должны вспомнить о двух цитатах.

– О! – со смехом воскликнул Деван. – Господин кюре – настоящий архивный червь, большой любитель мемуаров. Все, что относится к Тиберменилю, вызывает у него неподдельный интерес. Но объяснение, о котором он говорит, лишь все запутывает.

– Ну и что?

– Вы настаиваете?

– Да, настаиваю.

– Ну хорошо. Он вычитал, что разгадка тайны была известна двум королям Франции.

– Двум королям Франции!

– Генриху IV и Людовику XVI.

– Личности не случайные. Но как господину аббату удалось это установить?

– О, очень просто, – продолжал Деван. – За день до битвы при Арке король Генрих IV приехал в этот замок, чтобы поужинать и переночевать здесь. В одиннадцать часов вечера Луиза де Танкарвиль, первая красавица Нормандии, пришла к нему по подземному ходу, чему способствовал герцог Эдгар, который по этому случаю открыл королю семейную тайну. Позднее Генрих IV сообщил эту тайну своему министру Сюлли, а тот привел эту историю в своих мемуарах «Государственная экономика королевства», не сделав никаких комментариев, кроме одной непонятной фразы: «Топор поворачивается в дрожащем воздухе, но крыло раскрывается, и начинается восхождение к Богу».

Воцарилось молчание. Вельмон усмехнулся.

– Да уж, яснее не бывает.

– Вот именно. Господин кюре считает, что в этой фразе Сюлли зашифровал разгадку, не выдавая тайну переписчикам, которым диктовал свои мемуары.

– Хитроумнейшая гипотеза.

– Согласен. Но что означают этот поворачивающийся топор и взлетающая птица?

– И кто восходит к Богу?

– Тайна!

Вельмон продолжил:

– А наш славный Людовик XVI тоже приказал открыть подземный ход, чтобы встретиться с дамой?

– Не знаю. Могу сказать только одно. В тысяча семьсот восемьдесят четвертом году Людовик XVI жил в Тибермениле, а в знаменитом железном шкафу, найденном в Лувре по доносу Гамена, лежала бумага, где рукой короля было написано: «Тибермениль, 2-6-12».

Орас Вельмон расхохотался.

– Победа! Тьма все больше рассеивается. Два умножаем на шесть и получаем двенадцать.

– Смейтесь сколько угодно, сударь, – ответил ему аббат, – однако в этих двух цитатах кроется разгадка. И настанет день, когда кто-нибудь сумеет докопаться до нее.

– Во-первых, Херлок Шолмс, – уточнил Деван. – Если только его не опередит Арсен Люпен... Что вы об этом думаете, Вельмон?

Вельмон встал и, положив руку на плечо Девану, заявил:

– Я думаю, что в сведениях, содержащихся в вашей книге и в экземпляре, хранившемся в Национальной библиотеке, не хватает чрезвычайно важной детали. Но сейчас вы любезно сообщили ее мне. Благодарю вас.

– И что это означает?

– Это означает, что когда топор повернется, птица взлетит, а дважды шесть будет двенадцать, мне останется только взяться за дело.

– Не теряя ни минуты.

– Не теряя ни секунды! А почему бы этой ночью, то есть до приезда Херлока Шолмса, мне не ограбить ваш замок?

– Действительно, почему бы вам не воспользоваться моментом? Разрешите мне подвезти вас?

– До Дьеппа?

– До Дьеппа. Я воспользуюсь случаем и сам встречу господина и госпожу д'Андроль и дочь их друзей, которые приезжают сегодня поездом в полночь. – Обращаясь к офицерам, Деван добавил: – Впрочем, завтра мы встретимся здесь за обедом, не правда ли, господа? Я очень рассчитываю на вас. Завтра в одиннадцать часов ваши полки должны окружить замок и взять его приступом.

Приглашение было принято. Через несколько минут «Золотая звезда 20-30» мчалась по дороге в Дьепп, увозя с собой Девана и Вельмона. Деван посадил художника около казино, а сам отправился на вокзал.

В полночь его друзья сошли с поезда. В половине первого автомобиль въехал в ворота Тибермениля. В час после легкого ужина, поданного в гостиной, все разошлись. Постепенно гасли светильники. Мертвая ночная тишина окутала замок.

Но тут луна вышла из-за закрывавших ее туч и залила гостиную белым светом. Это продолжалось лишь мгновение. Очень скоро луна скрылась за грядой холмов. Вновь стало темно. В густом мраке тишина казалась злобещей. Лишь время от времени тишину нарушали поскрипывание мебели или шум тростника, который рос в зеленой воде пруда, омывавшего старые стены.

Часы отсчитывали бесконечную вереницу секунд. Вскоре пробило два часа. Потом вновь в тягостной ночной тишине быстро и монотонно потекли секунды. Пробило три часа.

И вдруг что-то щелкнуло. Так бывает, когда при проходе поезда диск светофора открывается, а потом сразу же закрывается. Тонкий луч света пересек гостиную, словно стрела, оставив за собой сияющую дорожку. Луч вырвался из центральной каннелюры пилястра, на который справа опирался фронтон книжного шкафа. Сначала луч застыл на противоположном панно, словно яркий круг, потом пошарил по сторонам, как тревожный взгляд, впившийся в темноту, и наконец исчез, чтобы вспыхнуть еще раз, когда часть книжного шкафа начала поворачиваться вокруг своей оси, открывая огромное сводчатое отверстие.

Появился мужчина, державший в руке электрический фонарь. За ним шли еще два человека, неся связку веревок и различные инструменты. Первый мужчина осмотрел комнату, прислушался и сказал:

– Позовите приятелей.

Этих приятелей, возникших из-под земли, оказалось восемь. Все здоровые парни с волевыми лицами. И они тут же стали перетаскивать мебель.

Действовали они быстро. Арсен Люпен переходил от одного предмета мебели к другому, осматривал и, в зависимости от размеров и художественной ценности, щадил или приказывал:

– Уносите!

И мебель уносили. Ее поглощало чрево земли через зияющую пасть туннеля.

Так исчезли шесть кресел и шесть стульев в стиле Людовика XV, гобелены Обюссона, жирандоли, на которых стояло клеймо Гутьера, два полотна Фрагонара, одна картина Наттье, бюст работы Гудона, статуэтки. Иногда Арсен Люпен останавливался перед великолепным ларем или восхитительной картиной и начинал сокрушенно приговаривать:

– Слишком тяжелый... Уж очень велика... А жаль...

И продолжал осмотр.

За сорок минут гостиная была «зачищена», как он выразился. И все это было сделано в безукоризненном порядке, без малейшего шума, словно все предметы, которые переставляли мужчины, были покрыты толстым слоем ваты.

Наконец Арсен Люпен сказал последнему, кто уходил, унося с собой часы работы Буля:

– Не стоит возвращаться, ведь мы уже договорились, не так ли? Как только все погрузите в грузовик, езжайте на ригу Рокфора.

– А вы, патрон?

– Оставьте мне мотоцикл.

Мужчина ушел. Арсен Люпен вернул на прежнее место подвижную часть книжного шкафа, затем, уничтожив все следы преступления и стерев отпечатки ног, приподнял портьеру и вошел в галерею, соединяющую башню с замком. Посредине галереи стояла стеклянная витрина, и именно из-за нее Арсен Люпен продолжил свои изыскания.

В витрине находились чудесные вещицы. Это была уникальная коллекция часов, табакерок, колец, шейных цепочек, миниатюр изумительной работы. Пинцетом он вскрыл замок и тут же испытал невыразимую радость. Ведь теперь он завладеет всеми этими золотыми и серебряными украшениями, маленькими и столь хрупкими произведениями настоящего искусства.

Повесив себе на шею широкий холщовый мешок, специально подготовленный для этой добычи, Арсен Люпен наполнил его. Он также набил доверху карманы пиджака, брюк и жилета. Он уже положил руку на горстку жемчужных украшений для волос, которые так ценили наши предки и о которых в наше время мечтают все модницы... как вдруг до него донесся легкий шум.

Арсен Люпен прислушался. Нет, он не ошибся. Шум усиливался.

И вдруг он вспомнил. В конце галереи внутренняя лестница вела в апартаменты, которые прежде никто не занимал. Но сегодня вечером их выделили молодой особе, которую Деван встречал в Дьеппе. Она приехала вместе с его друзьями д'Андроями.

Арсен Люпен быстро нажал на кнопку фонаря и погасил его. Едва он подбежал к окну, как наверху лестницы открылась дверь и слабый свет осветил галерею.

Арсену Люпену показалось – поскольку он ничего не видел, спрятавшись за занавеской, – что кто-то осторожно спустился на несколько ступенек. Он надеялся, что человек не пойдет дальше. Но тот спустился, сделал несколько шагов по галерее и вскрикнул. Несомненно, человек заметил, что витрина разбита и на три четверти опустошена.

По запаху духов он понял, что это женщина. Ее одежда почти задевала занавеску, за которой прятался Арсен Люпен. Ему казалось, что он слышит

биение сердца этой женщины, что она догадывается о присутствии человека у себя за спиной, в темноте, на расстоянии вытянутой руки... Он говорил себе: «Она испугалась... Она уйдет... Просто невозможно, чтобы она не ушла». Но женщина не ушла. Свеча, дрожавшая в ее руке, застыла неподвижно. Женщина повернулась, мгновение поколебалась, словно вслушиваясь в пугающую тишину, а затем резко отдернула занавеску.

Они увидели друг друга.

Потрясенный Арсен Люпен прошептал:

– Вы... вы... мадемуазель...

Это была мисс Нелли.

Мисс Нелли! Пассажирка с трансатлантического лайнера, мечты которой переплетались с мечтами молодого человека во время их незабываемого путешествия, та самая, которая присутствовала при его аресте и, не желая выдавать его, сделала этот столь милый жест: бросила в воду «кодак», где он спрятал драгоценности и банковские билеты... Мисс Нелли! Дорогое, веселое создание, образ которого так часто заставлял его грустить или радоваться в долгие дни тюремного заключения!

Случай, сведший их лицом к лицу темной ночью в этом замке, был таким удивительным, что они не могли ни пошевелиться, ни произнести хотя бы слово. Оба были изумлены, даже загипнотизированы столь неожиданной встречей.

Глубоко потрясенная, обуреваемая сильными эмоциями, мисс Нелли была вынуждена присесть.

Арсен Люпен застыл. Постепенно, в течение нескольких бесконечно долгих секунд он осознал, какое впечатление производит на нее сейчас, стоя с руками, полными драгоценностей, с топорщащимися карманами и мешком, набитым до отказа. Арсен Люпен смутился, покраснел до корней волос. Ему было стыдно, что мисс Нелли застала его врасплох, за таким постыдным занятием, как воровство. Что бы ни случилось, для нее он отныне вор, тот, кто залезает в чужой карман, тот, кто взламывает замки и крадучись проникает в дом.

Одни часы упали на ковер, за ними другие. Предметы так и сыпались из его рук, а Арсен Люпен был не в состоянии удержать их. И тогда он решился: бросил в кресло украденные предметы, вытащил все из карманов и опустошил мешок.

Теперь ему стало немного легче. Он сделал шаг в сторону мисс Нелли, собираясь поговорить. Но она отпрянула, потом резко вскочила, словно объятая ужасом, бросилась в гостиную и исчезла за портьерой. Он пошел за ней. Она стояла, ошеломленная, дрожавшая, и с ужасом оглядывала опустошенное огромное помещение.

Арсен Люпен поспешил сказать:

– Завтра в три часа все окажется на своих местах. Мебель будет возвращена. – Мисс Нелли не ответила, и он продолжил: – Завтра в три часа, даю слово. Ничто в мире не сможет помешать мне сдержать обещание. Завтра в три часа...

Воцарилось тягостное молчание. Арсен Люпен не осмеливался прерывать его. Волнение девушки доставляло ему мучительные страдания. И он, не говоря ни слова, медленно отошел от нее.

Арсен Люпен размышлял:

«Пусть она уйдет! Пусть поймет, что она вольна уйти! Только бы она не боялась меня!»

Вдруг мисс Нелли вздрогнула и пробормотала:

– Слышите... шаги... Я слышу, кто-то идет...

Арсен Люпен с удивлением взглянул на нее. Она казалась встревоженной, словно ей грозила какая-то опасность.

– Я ничего не слышу, – возразил он, – тем не менее...

– Как?! Но вам надо бежать. Бегите, быстро!

– Бежать? Но почему?

– Так надо... Так надо... Ах, не стойте!

Она бросилась к галерее и прислушалась. Нет, никого. Возможно, шум доносился извне? Секунду подождав, она, успокоившись, повернулась.

Арсен Люпен исчез.

Обнаружив, что замок ограбили, Дефан тут же сказал себе: «Это Вельмон. Это Вельмон ограбил меня. Значит, Вельмон – это не кто иной, как Арсен Люпен». Таким образом, все объяснялось. Никакого другого объяснения он придумать не мог. Но эта мысль лишь промелькнула у него в голове, настолько неправдоподобным казался тот факт, что Вельмон не был Вельмоном, то есть известным художником, приятелем по клубу его кузена д'Эстевана. И когда бригадир жандармерии, немедленно поставленный в известность, пришел, Дефан даже не подумал поделиться с ним таким абсурдным предположением.

Все утро в Тибермениле царила неопишуемая суматоха. Жандармы, полевой сторож, комиссар полиции из Дьеппа, жители деревни – все сновали по коридорам, разгуливали по саду, бродили вокруг замка. Приближение войск, находящихся на маневрах, ружейная стрельба придавали зрелищу живописный колорит.

Первые поиски ничего не дали. Окна не были разбиты, двери не взломаны. Не оставалось никаких сомнений, что вещи вынесли через потайной ход. Но на

ковре не обнаружили следов ног, на стенах не было ни одной подозрительной царапины.

И только одна неожиданная вещь выдавала необузданную фантазию Арсена Люпена: знаменитая «Хроника» XVI века заняла свое прежнее место, а рядом стояла похожая книга, иначе говоря, экземпляр, украденный из Национальной библиотеки.

В одиннадцать часов пришли офицеры. Деван радушно встретил их. В конце концов, кража художественных ценностей не слишком огорчила его. Состояние Девана позволяло пережить эту потерю, не впадая в дурное настроение. Вниз спустились друзья Девана и Нелли. Гостей представили друг другу, и только потом все заметили, что не хватает одного приглашенного, Ораса Вельмона. Почему он не пришел? Его отсутствие вновь пробудило подозрения Жоржа Девана. Но ровно в полдень Вельмон появился. Деван воскликнул:

– В добрый час! А вот и вы!

– Разве я опоздал?

– Нет, но вы могли не появиться... после такой бурной ночи! Ведь вы же слышали новость?

– Какую новость?

– Вы ограбили замок.

– Ну и дела!

– Именно так. Но предложите сначала руку мисс Андердаун, и пойдем к столу... Мадемуазель, позвольте мне... – Он замолчал, поразившись тому, как девушка переменилась в лице, и неожиданно вспомнил: – Ах да, как-то раз вы путешествовали вместе с Арсеном Люпеном, тогда... до его ареста... Вас смутило сходство, не так ли?

Мисс Нелли ничего не ответила. Перед ней, улыбаясь, стоял Вельмон. Он поклонился, она взяла его под руку. Он проводил мисс Нелли до ее места и сел напротив.

Во время обеда все говорили только об Арсене Люпене, об украденной мебели, о подземном ходе и Херлоке Шолмсе. И только в конце обеда, когда речь зашла о других вещах, Вельмон присоединился к разговору. Он был и веселым, и серьезным, и красноречивым, и остроумным. Казалось, он говорил только для того, чтобы заинтересовать девушку. Но она, уйдя в себя, не хотела его слушать.

Кофе подали на террасе, нависавшей над парадным двором и французским садом со стороны главного фасада. Посредине лужайки расположился полковой оркестр. Играла музыка. Крестьяне и солдаты гуляли по аллеям парка.

Мисс Нелли помнила об обещании Арсена Люпена: «В три часа все будет на своих местах, даю слово». В три часа! Стрелки больших часов, украшавших правое крыло, показывали четверть третьего. Она невольно смотрела на них

каждую минуту. А также поглядывала на Вельмона, который безмятежно покачивался в удобном кресле-качалке.

Без десяти три... Без пяти три... Девушку охватило нетерпение, к которому примешивалась тревога. Возможно ли, что чудо свершится, свершится в указанное время, ведь в замке, во дворе, в парке полно народу? Кроме того, прокурор Республики и следователь продолжали расследование!

Тем не менее... Тем не менее Арсен Люпен торжественно дал клятву! Нет, все произойдет так, как он обещал, думала она, прельщенная всем, чем был наделен этот мужчина, его энергией, властью, уверенностью. И это казалось ей не чудом, а обыкновенным событием, которое должно было произойти так, как происходят другие события.

На какое-то мгновение их взгляды встретились. Она, покраснев, отвернулась.

Три часа... Раздался первый удар, потом второй, третий... Орас Вельмон вынул часы, посмотрел на часы с боем и положил свои часы снова в карман. Прошло несколько секунд. И тут около лужайки толпа расступилась, давая дорогу только что въехавшим в ворота парка двум повозкам, каждую из которых тянули две лошади. Это были фургоны, обычно следующие за полками в обозе. В них перевозят сундуки офицеров и солдатские вещмешки. Повозки остановились около крыльца. С одного из сидений прыгнул каптенармус и спросил господина Девана.

Деван быстро сбежал по ступенькам. Под брезентовыми тентами он увидел свою мебель, картины, произведения искусства. Все они были аккуратно расставлены и тщательно закрыты.

Каптенармуса стали расспрашивать. Он ответил, что выполнял приказ, отданный ему дежурным адъютаном, а тот, в свою очередь, вычитал этот приказ в рапорте. Согласно приказу вторая рота четвертого батальона должна была проследить за тем, чтобы движимое имущество, находящееся на перекрестке Аллэ, в Аркском лесу, было доставлено к трем часам господину Жоржу Девану, владельцу замка Тибермениль. Приказ был подписан полковником Бовелем.

– На перекрестке, – добавил каптенармус, – все было готово. Вещи стояли на траве под охраной... прохожих. Мне это показалось странным, но что поделать! Приказ есть приказ.

Один из офицеров стал внимательно рассматривать подпись. Она была хорошо симитированной, но все же поддельной.

Музыка смолкла. Все начали разгружать фургоны и заносить вещи в замок.

Посреди этой суматохи мисс Нелли стояла одна у края террасы. Она выглядела серьезной и озабоченной. В голове у нее мелькали смутные мысли, но она даже не пыталась разобраться в них. Вдруг она увидела, что к ней приближается Вельмон. Мисс Нелли не хотелось встречаться с ним, но она оказалась зажатой с двух сторон углом балюстрады террасы. К тому же ряд огромных ящиков с различными кустарниками, апельсиновыми деревьями, олеандрами и бамбуком не оставлял ей никакого другого пути к отступлению,

кроме той дороги, по которой шел молодой человек. Мисс Нелли не двинулась с места. Луч солнца играл на ее золотистых волосах, задевавших хрупкие листочки бамбука. Кто-то очень тихо произнес:

– Я сдержал обещание, которое дал этой ночью.

Арсен Люпен стоял рядом, и вокруг них не было никого.

Растерявшись, он робко повторил:

– Я сдержал обещание, которое дал этой ночью.

Он ожидал слов благодарности, по крайней мере жеста, подтверждавшего, что она довольна его поступком. Но мисс Нелли молчала.

Презрение ее возмутило Арсена Люпена. В то же самое время он явственно понял, какое огромное расстояние отделяет его от мисс Нелли теперь, когда она узнала всю правду. Ему хотелось оправдаться, найти объяснение своим действиям, доказать, что его жизни присущи смелость и величие. Но эти слова заранее оскорбляли его. Он понимал, что любое объяснение будет абсурдным и непристойным. И тогда, охваченный волнующими воспоминаниями, он печально прошептал:

– Как далеко теперь прошлое! Помните ли вы о тех долгих часах, что мы провели на палубе «Прованса»? Ах! Тогда, как и сегодня, вы держали в руках розу, такую же бледную, как эта... Я попросил ее у вас. Но вы сделали вид, что не расслышали моей просьбы... Тем не менее, после того как вы ушли, я нашел розу... Вы, вероятно, ее забыли. Я сохранил ее...

Мисс Нелли не отвечала. Казалось, мысленно она была далеко. Арсен Люпен продолжал:

– В память об этих часах не думайте о том, что теперь вам известно. Пусть прошлое сольется с настоящим! Пусть я перестану быть тем, кого вы видели сегодня ночью. Пусть я стану тем, прежним. Пусть ваши глаза взглянут на меня, хотя бы на секунду, так, как они смотрели на меня прежде... Прошу вас... Ну, разве я не тот, прежний?

Мисс Нелли подняла глаза и посмотрела на Арсена Люпена, как он просил. Потом, не говоря ни слова, дотронулась указательным пальцем до кольца, которое он носил на указательном пальце. Можно было видеть лишь ободок, поскольку шатон, в который был вставлен великолепный рубин, был повернут внутрь.

Арсен Люпен покраснел. Это кольцо принадлежало Жоржу Девану.

Он горестно улыбнулся.

– Вы правы. То, что было, будет всегда. Арсен Люпен есть и всегда будет Арсеном Люпенем, и вас с ним не могут связывать даже воспоминания... Простите меня. Я должен был понять, что само мое присутствие здесь оскорбительно для вас.

И он прислонился к балюстраде, держа шляпу в руке. Мисс Нелли прошла мимо. Арсену Люпену хотелось удержать ее, упросить остаться. Но ему не хватило смелости. Он проводил ее глазами, как в тот далекий день, когда она спускалась по сходням на набережную Нью-Йорка. Мисс Нелли поднялась по лестнице, ведущей к двери. Еще мгновение, и ее изящный силуэт мелькнул среди мрамора вестибюля. Больше он ее не видел.

Солнце скрылось за облаком. Арсен Люпен стоял неподвижно, рассматривая следы маленьких ножек, оставшиеся на песке. Вдруг он вздрогнул: на ящике с бамбуком, о который опиралась мисс Нелли, лежала роза, та самая бледная роза, которую он не решился попросить у нее... Неужели она ее забыла? И ее тоже? Оставила нарочно или по рассеянности?

Арсен Люпен порывисто схватил розу. Лепестки сразу осыпались. Он осторожно собрал их, словно реликвию...

– Что же, – сказал он себе, – здесь мне больше нечего делать. Подумаем об отступлении. Тем более что после вмешательства Херлока Шолмса дело может принять дурной оборот.

Парк опустел. Однако около павильона у ворот стояла группа жандармов. Арсен Люпен углубился в заросли, перелез через крепостную стену и, решив добраться до вокзала самым коротким путем, пошел по тропинке, вьющейся по полям. Не прошло и десяти минут, как тропинка сузилась, зажата между двух косогоров. Едва Арсен Люпен устремился в эту теснину, как заметил человека, шагавшего ему навстречу.

Это был мужчина лет пятидесяти, довольно крепкого телосложения, с чисто выбритым лицом. По одежде было видно, что он иностранец. Мужчина держал в руке тяжелую трость, на плече висела дорожная сумка.

Они поравнялись. Иностранец с едва заметным английским акцентом спросил:

– Простите, сударь, эта дорога выведет меня к замку?

– Идите прямо, сударь, а у крепостной стены сверните налево. В замке вас с нетерпением ждут.

– А...

– Вчера вечером мой друг Деван сообщил нам о вашем приезде.

– Тем хуже для господина Девана, если он оказался слишком разговорчивым.

– А я очень рад, что мне выпала возможность первым приветствовать вас. У Херлока Шолмса нет более страстного поклонника, чем я.

В его голосе прозвучала едва заметная ирония, о чем он сразу же пожалел, поскольку Херлок Шолмс оглядел его с ног до головы таким пронзительным, таким острым взглядом, что у Арсена Люпена возникло ощущение, будто его схватили, бросили в тюрьму... Этот взгляд запечатлел его точнее и достовернее любого фотоаппарата.

«Снимок сделан, – подумал Арсен Люпен. – Теперь бесполезно притворяться перед этим человеком. Только... узнал ли он меня?»

Они раскланялись. Тут раздался цокот копыт, шум, поднятый лошадьми, гарцевавшими, позвякивая сбруей. Это были жандармы. Мужчинам пришлось прижаться к косогору, упасть в высокую траву, чтобы лошади не сбили их с ног. Жандармы проехали, но поскольку они следовали друг за другом на значительном расстоянии, это продолжалось довольно долго. Все это время Арсен Люпен размышлял:

«Все зависит от того, узнал ли он меня. Если да, то велика вероятность, что он воспользуется ситуацией. Эта проблема меня беспокоит».

Когда последний всадник проехал, Херлок Шолмс встал и, не говоря ни слова, принялся чистить запылившуюся одежду. Ремень его сумки запутался в колючем кустарнике. Арсен Люпен принялся ему помогать. Они вновь внимательно посмотрели друг на друга. Если бы кто-нибудь застал их в этот момент, перед его глазами предстала бы волнующая картина: первая встреча этих двух людей, таких странных, владеющих мощным оружием, таких неординарных. Благодаря своим специфическим способностям они были просто обречены вступить в схватку, как два равных противника, поскольку положение вещей столкнуло их лицом к лицу.

Потом англичанин сказал:

– Благодарю вас, сударь.

– Всегда к вашим услугам, – ответил Арсен Люпен.

Они расстались. Арсен Люпен направился к станции, а Херлок Шолмс – в замок.

После безрезультатных поисков следователь и прокурор уехали. В замке Херлока Шолмса ждали с любопытством, вполне оправданным его широкой известностью. Всех немного разочаровал его вид славного буржуа, который так резко контрастировал с образом, созданным о нем в воображении. В этом человеке не было ничего от героя романа, загадочного и демонического персонажа, с которым мы обычно связываем имя Херлока Шолмса. Однако Деван с воодушевлением воскликнул:

– Наконец-то, мэтр, вы приехали! Какое счастье! Я так давно надеялся... Я даже рад, что все так произошло, поскольку это доставило мне удовольствие видеть вас. Кстати, как вы добрались?

– Поездом.

– Какая жалость! А ведь я отправил к пристани автомобиль.

– Для официальной встречи, не правда ли? С барабанами и музыкой! Прекрасный способ облегчить мне работу, – проворчал англичанин.

Недружелюбный тон немного смутил Девана, но он, стремясь все обратить в шутку, продолжил:

- К счастью, работа оказалась намного легче, чем я описал вам в письме.

- И почему же?

- Потому что сегодня ночью произошло ограбление.

- Если бы вы не сообщили о моем приезде, сударь, вполне вероятно, что сегодня ночью ограбления бы не было.

- А когда же?

- Завтра или в другой день.

- И что тогда?

- Тогда Арсен Люпен попал бы в ловушку.

- А моя мебель?

- Не была бы украдена.

- Но моя мебель здесь!

- Здесь?

- Ее привезли обратно в три часа.

- Это сделал Люпен?

- Нет, ее привезли на двух армейских повозках.

Херлок Шолмс резким жестом надел шляпу на голову и закинул на плечо дорожную сумку. Испуганный Деван воскликнул:

- Что вы делаете?

- Ухожу.

- Но почему?

- Ваша мебель на месте. Арсен Люпен далеко. Моя роль сыграна.

- Но мне непременно нужна ваша помощь, уважаемый господин Шолмс. То, что произошло вчера, может повториться завтра, поскольку мы не знаем главного: как Арсен вошел, как он вышел и почему через несколько часов он вернул украденное.

- А-а, вы не знаете...

Мысль о нераскрытой тайне смягчила Херлока Шолмса.

- Хорошо, давайте поищем. Но быстро, договорились? И одни, если возможно.

Последняя фраза явно намекала на присутствующих. Деван все понял и проводил англичанина в гостиную. Сухим тоном, фразами, которые, казалось, были подготовлены заранее – да еще как тщательно! – Шолмс задавал ему вопросы о вчерашнем приеме, о приглашенных гостях и завсегдатаях замка. Потом он осмотрел два экземпляра «Хроник», сравнил планы подземного хода, попросил повторить цитаты, найденные аббатом Жели, и спросил:

– Значит, вчера вы впервые упомянули об этих цитатах?

– Да, только вчера.

– Вы никогда не сообщали их господину Орасу Вельмону?

– Никогда.

– Хорошо. Велите вызвать автомобиль. Я уезжаю через час.

– Через час!

– Арсен Люпен потратил не больше времени на решение проблемы, которую вы перед ним поставили.

– Я... ему поставил...

– Уф, разумеется! Арсен Люпен и Вельмон – это один и тот же человек.

– Я это подозревал. Ах, негодяй!

– Итак, вчера вечером, в десять часов, вы открыли Люпену частицы правды, которых ему не хватало, которые он искал на протяжении нескольких недель. И за одну ночь Люпен успел все понять, собрать свою шайку и отграбить вас. Я намерен проявить такую же расторопность.

Херлок Шолмс прошелся по комнате, о чем-то размышляя, потом сел, положив ногу на ногу, и закрыл глаза.

Деван, которому вдруг стало не по себе, ждал.

«Заснул он или думает?»

На всякий случай он вышел, чтобы отдать кое-какие распоряжения, а вернувшись, увидел, что Херлок Шолмс стоит на коленях около лестницы и разглядывает ковер.

– Что такое?

– Посмотрите... вот тут... эти капли свечного воска...

– Надо же, действительно... и совсем свежие...

– Вы можете увидеть такие же пятна наверху лестницы, а также около витрины, которую Арсен Люпен разбил и откуда вытащил драгоценности, чтобы оставить их в кресле.

– И какой вывод вы делаете?

– Никакой. Все эти факты способны объяснить, почему он вернул награбленное. Но у меня нет времени заниматься этим аспектом проблемы. Главное – найти подземный ход.

– Вы по-прежнему надеетесь...

– Я не надеюсь, я знаю. Скажите, в двухстах-трехстах метрах от замка есть часовня?

– Да, разрушенная часовня, где находится могила герцога Роллона.

– Скажите вашему шоферу, чтобы он ждал нас около этой часовни.

– Мой шофер еще не вернулся... Но меня известят... Судя по всему, вы полагаете, что подземный ход ведет в часовню. По некоторым признакам...

Херлок Шолмс прервал его:

– Прошу вас, сударь, предоставьте в мое распоряжение приставную лестницу и фонарь.

– Вам требуется приставная лестница и фонарь?

– Разумеется, поскольку я прошу их у вас.

Деван, пристыженный этой прямолинейной логикой, позвонил. Слуги принесли лестницу и фонарь. После этого последовали распоряжения, такие же лаконичные и точные, как военные приказы.

– Приставьте лестницу к книжному шкафу, слева от слова «Тибермениль».

Деван приставил лестницу, и англичанин продолжил:

– Левее... правее... Стоп! Поднимайтесь... Хорошо... Все буквы этого слова рельефные, не так ли?

– Да.

– Займемся буквой «h»[2 – По-французски название пишется Thibermesnil.]. Поворачивается ли она в ту или иную сторону?

Деван потрогал букву и воскликнул:

– Да! Она поворачивается! Вправо, на четверть круга! Но кто вам это сказал?

Ничего не ответив, Херлок Шолмс продолжил:

– Вы можете со своего места дотянуться до буквы «r»? Да... Подвигайте ее несколько раз, как сделали бы с задвижкой, которую открывают и закрывают.

Деван подвигал букву «r». К его великому изумлению, внутри что-то щелкнуло.

– Замечательно, – сказал Херлок Шолмс. – Нам остается только передвинуть лестницу на другой конец, то есть к концу названия замка. Хорошо... А теперь, если я не ошибся, если все пойдет так, как должно быть, буква «l» откроется, а вместе с ней окошечко.

С некоторой торжественностью Деван взялся за эту букву. Она открылась, и он тут же упал с лестницы, поскольку часть книжного шкафа, расположенная между первой и последней буквой названия замка, повернулась вокруг собственной оси, открыв ход в подземелье.

Херлок Шолмс флегматично произнес:

– Вы не ушиблись?

– Нет, нет, – отозвался Деван, поднимаясь, – я не ушибся, но, признаться, я ошарашен... Эти движущиеся буквы... это зияющее подземелье...

– И что? Разве это не соответствует в точности цитате из мемуаров Скулли?

– В чем же, господаи?

– Да как вы не понимаете? «h» поворачивается, «r» дрожит, «l» открывается[3 – По-французски буква r и слово air (воздух) и буква l и слово aile (крыло) звучат одинаково.]... Это и позволило Генриху IV принять мадемуазель де Танкарвиль в неурочный час.

– А Людовик XVI? – спросил сбитый с толку Деван.

– Людовик XVI был искусным кузнецом и умелым слесарем. Я читал приписываемый ему «Трактат о замках с секретом». Что касается владельца Тибермениля, то он повел себя как куртуазный придворный и с радостью продемонстрировал своему повелителю этот шедевр механики. Для памяти король записал: 2-6-12, то есть «h», «r», «l» – вторая, шестая и двенадцатая буква названия.

– О, замечательно! Я начинаю понимать... Только... Если я могу объяснить, как выйти из этого помещения, то я не в состоянии понять, как Люпен проник сюда. Ведь, заметьте, он-то пришел с той стороны.

Херлок Шолмс зажег фонарь и сделал несколько шагов по подземелью.

– Смотрите, весь механизм можно разглядеть и отсюда, словно часовые пружины. Только мы видим заднюю сторону букв. Значит, Люпену достаточно было привести в действие механизм с этой стороны перегородки.

– Но как вы это докажете?

– Как докажу? Посмотрите на это масляное пятно. Люпен предвидел, что колесный механизм надо смазать, – не без восхищения в голосе произнес Херлок Шолмс.

- Но тогда ему был известен и другой вход в подземелье?
- Так же, как и мне. Следуйте за мной.
- По подземному ходу?
- Вам страшно?
- Нет. Но вы уверены, что найдете дорогу?
- С закрытыми глазами.

Сначала они спустились на двенадцать ступенек, потом еще раз на двенадцать и наконец еще два раза по двенадцать. Затем они пошли по длинному коридору, на кирпичных стенах которого сохранились следы ремонтных работ, проводившихся в разное время. Кое-где по стенам сочилась вода. Земля была мокрая.

- Над нами пруд, - заметил Деван, хотя и не был в этом уверен.

Коридор вывел их к лестнице из двенадцати ступеней. За ней находились еще три лестницы по двенадцать ступеней. Они с трудом взобрались наверх и вышли к маленькому углублению, выбитому в скале. Здесь дорога обрывалась.

- Черт возьми! - прошептал Херлок Шолмс. - Только голые стены. Это становится утомительным.

- Давайте вернемся назад, - шепотом предложил Деван. - Ну, я не вижу необходимости узнавать больше. С меня вполне достаточно.

Но, подняв голову, англичанин вздохнул с облегчением. Над ними находился такой же механизм, как и при входе в подземелье. Надо было лишь повернуть три буквы. Гранитная глыба сдвинулась с места. С обратной стороны она оказалась надгробной плитой на могиле герцога Роллона. И на этой плите рельефными буквами было выбито название замка. Они очутились в небольшой разрушенной часовне, о которой упоминал англичанин.

- «И начинается восхождение к Богу», то есть в часовню, - заметил он, приводя конец цитаты.

- Как такое возможно, - воскликнул Деван, пораженный проницательностью и живостью ума Херлока Шолмса, - как такое возможно, что вам хватило этого простого указания?

- Ба! - усмехнулся англичанин. - Да оно мне и не понадобилось. В экземпляре «Хроники» из Национальной библиотеки слева, как вам известно, черта заканчивается кругом. Но вы не знаете, что справа она упирается в маленький крестик, такой стертый, что его можно разглядеть только в лупу. Этот крестик означает, разумеется, часовню, в которой мы сейчас находимся.

Бедный Деван не верил своим ушам.

– Это неслыханно, чудесно... и так по-детски просто! И почему никто не мог проникнуть в эту тайну?

– Потому что никто никогда не соединял вместе три-четыре необходимых элемента, то есть два экземпляра книги и цитаты... Никто, кроме Арсена Люпена и меня.

– А также меня и аббата Жели, – возразил Деван. – Ведь мы оба знали столько же, сколько известно вам, и тем не менее...

Херлок Шолмс улыбнулся.

– Господин Деван, не все способны разгадывать загадки.

– Я десять лет искал решение. А вы за десять минут...

– Ба! Привычка...

Едва они вышли из часовни, как англичанин воскликнул:

– Смотрите, нас ждет автомобиль!

– Да это же мой автомобиль!

– Ваш? А я думал, что шофер еще не вернулся.

– Действительно... интересно... – Они подошли к автомобилю, и Деван спросил у шофера: – Эдвар, кто велел вам ехать сюда?

– Ну, – ответил мужчина, – господин Вельмон.

– Господин Вельмон? Значит, вы его встретили?

– Около вокзала... И он мне сказал, что я должен ехать к часовне.

– Ехать к часовне! Но почему?

– Чтобы ждать там вас, сударь... и вашего друга.

Деван и Херлок Шолмс переглянулись. Потом Деван сказал:

– Он понял, что тайна окажется для вас детской игрой. Какой же он деликатный человек!

Самодовольная улыбка заиграла на тонких губах сыщика. Почтение нравилось ему. Покачивая головой, он сказал:

– Он настоящий человек. Едва увидев, я сразу же оценил его по заслугам.

– Вы видели его?

– Мы столкнулись с ним на дороге.

– И вы знали, что это Орас Вельмон... то есть, я хочу сказать, Арсен Люпен?

– Нет, но я быстро догадался... по иронии, прозвучавшей в его голосе.

– И вы позволили ему уйти?

– Честно говоря, да... Хотя у меня было преимущество... Мимо проезжали пятеро жандармов.

– Черт возьми! Вы не воспользовались таким удобным случаем?

– Вот именно, сударь, – высокомерно ответил англичанин. – Но когда речь идет о таком противнике, как Арсен Люпен, Херлок Шолмс не пользуется случаем. Он его создает!

Время поджимало, и поскольку Арсен Люпен столь любезно прислал автомобиль, надо было не мешкая воспользоваться им. Деван и Херлок Шолмс сели на заднее сиденье удобного лимузина. Эдвар повернул ручку, и автомобиль поехал. За окном мелькали поля и рощи. Отлогие холмы края Ко постепенно сменились равниной. Внимание Девана привлёк небольшой сверток, лежащий в одном из отделений для мелких вещей.

– Послушайте, а это что такое? Сверток! Для кого же? О, да это для вас...

– Для меня?

– Читайте: «Господину Херлоку Шолмсу от Арсена Люпена».

Англичанин схватил сверток, развязал его и снял два листа бумаги с какого-то предмета. Это были часы.

– О-о-о! – воскликнул он, с досады махнув рукой.

– Часы? – удивился Деван. – Вы, случайно, не...

Англичанин не ответил.

– Как?! Это же ваши часы! Арсен Люпен прислал вам ваши часы! Но если он возвращает часы, значит, он их украл... Он украл ваши часы! А! Ну и ну! Арсен Люпен стащил часы у Херлока Шолмса! Боже, до чего же забавно! Нет, правда... Простите! Но это сильнее меня!

Деван громко расхохотался, не в состоянии себя сдерживать. А когда насмеялся вдоволь, сказал с полной убежденностью:

– О! Он действительно настоящий человек!

Англичанин и бровью не повел. До самого Дьеппа он не произнес ни слова, пристально глядя на убегающий горизонт. Его молчание было ужасным, безмерным, более страшным, чем самая неистовая ярость. На пристани он уже без гнева, но тоном, в котором чувствовались энергия и воля, сказал:

– Да, это настоящий человек! Человек, на плечо которого я с удовольствием положил бы руку. Но сейчас я протягиваю ее вам, господин Деван. Понимаете, я уверен, что когда-нибудь Арсен Люпен и Херлок Шолмс

встретятся вновь... Да, мир слишком мал, чтобы они не встретились... И в этот день...

Арсен Люпен против Херлока Шолмса

Часть первая

Белокурая дама

Глава 1

Номер 514 серии 23

Восьмого декабря прошлого года господин Жербуа, преподаватель математики в лицее Версаля, обнаружил среди хлама в лавочке старьевщика маленький секретер красного дерева, понравившийся ему своими многочисленными ящичками.

«Это именно то, что мне нужно ко дню рождения Сюзанны», – подумал он.

Поскольку он старался, как мог, в меру своих скромных возможностей сделать приятное дочери, ему удалось сбить цену и заплатить шестьдесят пять франков.

В тот момент, когда он диктовал свой адрес, какой-то молодой человек элегантного вида, присматривавший что-то поблизости, заметил секретер и спросил:

– Сколько?

– Продано, – ответил торговец.

– Понятно! Этому господину, наверное?

Господин Жербуа кивнул и удалился, ощущая себя еще счастливее оттого, что кто-то тоже положил глаз на эту мебель.

Но не сделал он и десяти шагов, как его догнал на улице тот самый молодой человек, державший в руке шляпу. Отменно вежливым тоном он сказал:

– Приношу свои низжайшие извинения, мсье... Я позволю себе задать вам нескромный вопрос... Нужен ли вам именно этот секретер?

– Нет. Я искал подержанную вещь для проведения некоторых физических опытов.

– Стало быть, вы не очень им дорожите?

– Отчего же, дорожу.

– Может быть, оттого, что он старинный?

– Оттого, что он удобный.

– В таком случае вы могли бы поменять его на другой секретер, столь же удобный, но в лучшем состоянии?

– И этот в хорошем состоянии. Обмен, как мне кажется, ни к чему.

– Однако же...

Господин Жербуа был по характеру человеком подозрительным и легко выходившим из себя. Он сухо ответил:

– Прошу вас, мсье, не настаивайте.

Незнакомец встал перед ним как вкопанный.

– Мне безразлична цена, которую вы уплатили, мсье... Предлагаю вам вдвое больше.

– Нет.

– Втрое?

– Оставим это, – вскричал преподаватель, – что принадлежит мне, то не продается!

Молодой человек пристально посмотрел на мсье Жербуа с таким видом, которого не забудешь. Потом, ни слова не говоря, развернулся и ушел.

Часом позже секретер доставили в домик, где жил учитель, – на дороге, ведущей к Вирофле. Господин Жербуа позвал дочь:

– Вот, это тебе, Сюзанна. Конечно, если тебе это подходит.

Сюзанна была красивой, счастливой и непосредственной девушкой. Она бросилась отцу на шею и обняла его с такой радостью, как если бы он сделал ей королевский подарок.

Тем же вечером, поставив вместе с домработницей Гортензией секретер в комнате, Сюзанна протерла ящички и аккуратно уложила свои бумаги, коробки с письмами, документы, коллекции почтовых открыток и некоторые тайные подарки, хранимые в память о кузене Филиппе.

На следующий день в половине восьмого господин Жербуа отправился в лицей. В десять часов Сюзанна, как обычно, ждала его у входа. Для учителя было большим удовольствием узнавать на дорожке напротив ограды ее грациозный силуэт, видеть ее непосредственную улыбку.

Они вернулись домой вместе.

– Как твой секретер?

– Настоящее чудо! Мы с Гортензией почистили медные ручки, они сияют, как золото.

– Стало быть, ты довольна?

– Довольна? Да я не знаю, как до сих пор без него обходилась!

Они прошлись по саду перед домом. Господин Жербуа предложил:

– Может, посмотрим на него перед обедом?

– Ну конечно, отличная идея!

Сюзанна поднялась первой, но, перешагнув порог комнаты, испуганно вскрикнула.

– Что случилось? – пробормотал господин Жербуа.

Он тоже вошел в комнату. Секретера там больше не было.

Следователя особенно удивила поразительная простота использованных средств. В отсутствие Сюзанны, пока домработница ходила за покупками, рассыльный со значком на одежде (соседи видели его) оставил свою тележку около сада и два раза позвонил. Соседи, не зная о том, что домработница отлучилась, ничего не заподозрили, поэтому этот человек сделал свое дело совершенно спокойно.

Надо заметить следующее: ни один шкаф не был взломан, ни одни часы не тронуты. Мало того, кошелек Сюзанны, оставленный ею на мраморной столешнице секретера, нашелся на соседнем столе, со всеми золотыми монетами внутри. Таким образом, цель кражи была четко определена, что делало ее еще более необъяснимой: зачем было так рисковать из-за ничтожной добычи?

Единственной зацепкой, которую припомнил господин Жербуа, было случившееся накануне.

– Молодого человека чрезвычайно раздосадовал мой отказ. У меня осталось четкое впечатление, что он уходил с угрожающим видом.

Это было слишком неопределенно. Обратились к торговцу: он не знал ни одного из двух покупателей. Что до проданного предмета, то сам он купил его за сорок франков в Шеврёзе на распродаже вещей одного усопшего и считал, что перепродал секретер по справедливой цене. Дальнейшее расследование ни к чему не привело.

Но господин Жербуа был уверен, что понес огромный ущерб. Должно быть, целое состояние находилось в тайнике одного из ящиков. Вот почему молодой человек, зная о нем, действовал с такой решительностью.

– Бедный мой отец, но что бы мы делали с этим богатством? – повторяла Сюзанна.

– Как?! С таким приданым ты могла бы рассчитывать на самых лучших женихов.

Сюзанна, чьи чаяния ограничивались кузеном Филиппом, считавшимся незавидной партией, горько вздыхала. В маленьком домике в Версале жизнь продолжалась: уже не такая веселая, не такая беззаботная, омраченная сожалениями и разочарованиями.

Прошло два месяца. Внезапно одни за другими последовали очень серьезные события: непредвиденная череда счастливых обстоятельств и неприятностей.

Первого февраля в половине пятого вечера только что вернувшийся господин Жербуа уселся с газетой в руке, нацепил очки и начал читать. Политика не интересовала его, он перевернул страницу. И тут же одна статья привлекла его внимание. Она называлась «Третий тираж лотереи Союза Прессы».

«Номер 514 серии 23 выиграл миллион...»

Газета выскользнула у него из рук, стены заходили ходуном перед глазами, сердце готово было остановиться. Номер 514 серии 23... Это был его номер!

Он купил его случайно, чтобы оказать услугу одному другу, поскольку сам не верил в подарки судьбы. И вот билет выиграл!

Господин Жербуа тут же вытащил свою записную книжку. Номер 514 серии 23 действительно был на всякий случай записан на ее форзаце. Но где билет?

Он бросился в свой кабинет, чтобы найти коробку с конвертами, в которую вложил драгоценный билет, войдя, остановился как вкопанный и покачнулся, сердце его сжалось: коробки с конвертами не было на месте. И самое ужасное: он сразу же понял, что ее тут нет уже несколько недель! Несколько недель ее не было перед глазами в те часы, когда он правил тетрадки учеников.

Послышался звук шагов на садовой дорожке, посыпанной гравием... Он окликнул:

– Сюзанна! Сюзанна!

Она подбежала. Господин Жербуа, запинаясь, пробормотал охрипшим голосом:

– Сюзанна... коробка... коробка с конвертами?

– Какая?

– Та, из Лувра... которую я принес как-то в четверг... Она еще лежала на этом столе, на краю.

– Вспомни, папа... мы с тобой вместе ставили ее на место...

- Когда?
- Вечером... ты же знаешь... накануне того дня...
- Но куда? Ответь... ты меня убиваешь...
- Куда? В секретер.
- В тот секретер, который украли?
- Да.
- В секретер, который украли!

Он повторил эти слова совсем тихо, но с ужасом. Потом схватил дочь за руку и шепотом сказал:

- В ней был целый миллион...
- Ох, отец, почему ты мне не сказал об этом? – прошептала она простодушно.
- Миллион! – повторил он. – Это был номер, выигравший в лотерею Прессы.

Размер катастрофы раздавил их, и они долго молчали, боясь нарушить тишину.

Наконец Сюзанна сказала:

- Но ведь тебе, папа, все равно его выплатят.
- Почему? На основании чего?
- А что, нужны доказательства?
- Да, черт возьми!
- А у тебя их нет?
- Одно доказательство было.
- Какое?
- Оно лежало в коробке.
- В той коробке, которая пропала?
- Да. И укравший получит выигрыш.
- Нет, это было бы ужасно! Послушай, папа, а ты не мог бы протестовать?
- Как знать! Как знать! Этот человек должен быть очень могущественным! Он располагает такими возможностями! Вспомни только украденный секретер... –

Учитель вскочил и топнул ногой. – Ну уж нет, он не получит этот миллион, он его не получит! Почему он должен его получить? В конце концов, каким бы ловким он ни был, эти деньги ему не достанутся. Если он явится за выигрышем, его арестуют! Посмотрим, дорогой мой, посмотрим!

– Ты что-то придумал, папа?

– Я буду защищать наши права до последнего, что бы ни случилось! Мы победим! Миллион мой, и я его получу!

Несколькими минутами позже он отправил следующую телеграмму:

Почти одновременно в Земельный банк пришла телеграмма следующего содержания:

Всякий раз, пытаюсь рассказать об одном из бесчисленных приключений, составляющих жизнь Арсена Люпена, я испытываю настоящее смутение: мне кажется, что самая банальная его авантюра известна всем, кто меня читает. В самом деле, нет ни одного деяния нашего «национального вора», как его изящно прозвали, которое не становилось бы сенсацией. Нет ни одного подвига, не изученного во всех подробностях, ни одного дела с обилием деталей, какими обычно сопровождается рассказ о героических поступках. Кто, к примеру, не знает странную историю Белокурой дамы с любопытными эпизодами, которые репортеры выделяли заглавными буквами: «Номер 514 серии 23! Преступление на улице Анри-Мартен! Голубой бриллиант!» Какой шум по поводу вмешательства знаменитого английского детектива Херлока Шолмса! Какое волнение после каждого эпизода борьбы двух великих мастеров своего дела! А какие крики раздавались на бульварах в день, когда разносчики газет вопили: «Арест Арсена Люпена!»

Но меня извиняет то, что я добавляю новизны – я добавляю слово «разгадка». Эти приключения всегда покрыты мраком, и я рассеиваю его. Я использую читанные-перечитанные статьи, старые интервью, соединяю все это, классифицирую и тщательно выверяю. Мой соавтор – это Арсен Люпен, снисходительность которого ко мне чрезвычайно велика. Кроме того, в данном случае это еще и поразительный Вилсон – друг и доверенное лицо Шолмса.

Помню раскаты смеха, которыми встретили публикацию о двойной телеграмме. Одно только имя Арсена Люпена было залогом сюрприза, обещанием развлечения для публики. А публика – это целый мир.

Из расследования, немедленно проведенного Земельным банком, вытекало, что билет номер 514 серии 23 был выдан посредником банка Лионский Кредит

Версальским отделением артиллерийскому майору Бесси. Майор скончался в результате падения с лошади. От знакомых, которым Бесси доверился незадолго до смерти, стало известно, что он передал свой билет другу.

– Этот друг – я, – сообщил господин Жербуа.

– Докажите, – потребовал управляющий Земельным банком.

– Доказать? Легко. Двадцать человек скажут вам, что у меня были с майором длительные дружеские отношения, что мы встречались в кафе на Пляс д'Арм. Именно там я, чтобы выручить его в трудную минуту, однажды взял у него лотерейный билет в обмен на сумму в двадцать франков.

– У вас есть свидетели этого обмена?

– Нет.

– В таком случае, на чем вы основываете свои претензии?

– На письме, которое он написал мне по этому случаю.

– На каком письме?

– На письме, прикрепленном к билету.

– Покажите его.

– Но оно было в украденном секретере!

– Так отыщите его.

Арсен Люпен обнародовал это письмо. Заметка, помещенная в «Эко де Франс» (издание, имеющее честь быть его официальным вестником, одним из основных акционеров которого Люпен, видимо, является), сообщала, что он передал в руки мэтра Дэтинана, своего адвоката-консультанта, письмо, написанное майором Бесси лично ему.

Это была бурная вспышка радости: Арсен Люпен нанял адвоката! Арсен Люпен, уважающий установленные правила, выбрал своим представителем члена коллегии адвокатов!

Пресса ринулась к мэтру Дэтинану, влиятельному депутату от радикальной партии, человеку весьма порядочному и одновременно хитроумному, немного скептическому, склонному к парадоксальному мышлению.

Мэтр Дэтинан никогда не имел удовольствия встречаться с Арсеном Люпенем (о чем чрезвычайно сожалел), но на самом деле только что получил от Арсена Люпена инструкции, и весьма тронутый выбором, почетность которого осознавал, рассчитывал рьяно защищать права своего клиента. Итак, он завел дело и безо всяких околичностей предъявил письмо майора. Оно действительно доказывало уступку билета, но в нем не упоминалось имя приобретателя. «Мой дорогой друг...» – только и было в нем.

«Мой дорогой друг» – это я, – уточнял Арсен Люпен в записке, прилагавшейся к письму майора. – И лучшее тому доказательство: письмо находится у меня».

Туча репортеров немедленно налетела на господина Жербуа, который не переставал повторять:

– «Мой дорогой друг» – это только я. Арсен Люпен украл письмо майора вместе с лотерейным билетом.

– Пусть докажет, – отвечал Люпен журналистам.

– Так ведь он украл секретер! – возражал господин Жербуа тем же журналистам.

А Люпен стоял на своем:

– Пусть докажет!

Это был прелестный по своей выдумке спектакль: публичная дуэль двух обладателей номера 514 серии 23, беготня репортеров, хладнокровие Арсена Люпена против смятения несчастного господина Жербуа.

Бедняга! Пресса пестрела его жалобами! Он исповедовался в своем невезении с трогательным простодушием:

– Поймите, господа, этот негодяй отнимает приданое Сюзанны! Лично мне все равно, но Сюзанна... Подумайте только! Миллион! Десять раз по сто тысяч франков! О, если бы я знал, что в секретере находилось сокровище...

Напрасно окружающие возражали, что его противник, унося секретер, не знал о наличии лотерейного билета и, во всяком случае, никто не мог предвидеть, что этот билет окажется выигрышным. Он жалобно отвечал:

– Значит, он знал! Иначе зачем было так стараться завладеть этим жалким секретером?

– Причины неизвестны, но точно не для того, чтобы получить кусочек бумаги, который на тот момент стоил всего лишь двадцать франков.

– Целый миллион! Он знал об этом... Он все знал! Вы просто не знаете этого бандита! У вас-то он не украл миллион!

Диалог этот мог длиться бесконечно. Но на двенадцатый день господин Жербуа получил от Арсена Люпена послание с пометкой «конфиденциально» и со все возрастающим удивлением прочитал:

«Мсье, публика развлекается за наш счет. Не полагаете ли вы, что пора отнестись к делу всерьез? Что до меня, то я полон решимости.

Ситуация ясна: у меня есть билет, получить по которому выигрыш я не имею права. У вас же есть право получить выигрыш, но билета нет. Следовательно, мы ничего не можем друг без друга.

Однако вы не соглашаетесь уступить мне ВАШЕ право, а я не соглашаюсь уступить вам МОЙ билет.

Что делать?

Я вижу только один выход – поделиться. Полмиллиона вам, полмиллиона мне. Разве это несправедливо? Разве это соломоново решение не будет соответствовать пониманию справедливости, которого мы придерживаемся?

Решение справедливое, но безотлагательное. Это не подарок, который вы с удовольствием можете обсуждать, но необходимость. И смириться с ней вас вынуждают обстоятельства. Даю вам три дня на раздумья. Хотелось бы верить, что в пятницу утром в разделе частных объявлений в «Эко де Франс» будет размещено простенькое сообщение, адресованное господину Арсену Люпену, в завуалированной форме содержащее ваше искреннее и ясное согласие заключить предлагаемый мной договор. В результате вы немедленно станете обладателем билета и получите миллион, хотя вам и придется передать пятьсот тысяч франков мне – тем способом, который я укажу вам позднее.

На случай отказа я принял меры, чтобы результат оказался тем же. Вот только помимо серьезных неприятностей, которые могут возникнуть из-за такого упрямства, вам придется еще смириться с потерей двадцати пяти тысяч франков на дополнительные расходы.

Примите, мсье, выражение моего глубочайшего почтения. Арсен Люпен»

В отчаянии господин Жербуа совершил величайшую ошибку, показав это письмо и позволив сделать его копию. Негодование толкало его на разные глупости.

– Ничего! Он не получит ничего! – кричал Жербуа перед собранием репортеров. – Поделиться тем, что принадлежит мне? Никогда! Пусть он порвет свой билет, если ему вздумается!

– Однако пятьсот тысяч франков лучше, чем ничего.

– Речь не об этом, а о моем праве, и я это право буду оспаривать в суде.

– Вступить в схватку с Арсеном Люпенем? Это было бы глупо!

– Нет, с Земельным банком. Банк должен выдать мне миллион.

– В обмен на билет или, по крайней мере, в обмен на какое-то доказательство, что вы его купили.

– Доказательство существует, так как Арсен Люпен признает, что украл секретер.

– Будет ли достаточно слова Арсена Люпена в суде?

– Неважно, я подам иск.

Публика топала ногами. Заключались пари. Одни уверяли, что Люпен уничтожит мсье Жербуа, другие – что это всего лишь угрозы. Всех одолевали дурные предчувствия – настолько силы противников были неравны. Один свирепо наступал, а другой был растерян, как загнанный зверь.

В пятницу люди расхватывали «Эко де Франс» и лихорадочно изучали пятую страницу – раздел объявлений. Ни одной строчки не было адресовано господину Арсену Люпену. В ответ на его предписание господин Жербуа хранил молчание. Это было объявлением войны.

Вечером из газет стало известно о похищении мадемуазель Жербуа.

В том, что можно было бы назвать театром Арсена Люпена, нас забавляет невероятно комическая роль полиции. Все проходит мимо нее. Он говорит, пишет, предупреждает, командует, угрожает, приводит угрозы в исполнение, как будто нет ни начальника полиции, ни агентов, ни комиссаров – никого, кто мог бы помешать его замыслам. Все это – пустое и никчемное. Препятствий нет.

Однако полиция лезет из кожи вон! Как только речь заходит об Арсене Люпене, полицейские чины распаляются, кипят, пеняются от ярости. Это – враг, и враг, который смеется над вами, провоцирует, презирает вас или, что еще хуже, игнорирует.

Как бороться с подобным злом? Без двадцати десять, согласно свидетельству домработницы, Сюзанна уходила к себе. В десять часов пять минут, выходя из лица, отец не увидел Сюзанну на тротуаре, где она обычно его дожидалась. Следовательно, все произошло во время краткой двадцатиминутной прогулки Сюзанны к лицу или по крайней мере где-то рядом с лицом.

Два соседа утверждали, что столкнулись с ней в трехстах шагах от дома. Одна дама видела, как по улице шла молоденькая девушка, приметы которой совпадали с описанием. Что было после? О дальнейшем не знал никто.

Всюду шли обыски, опрашивали служащих на вокзалах и на таможнях. Они не заметили в тот день ничего такого, что могло быть связано с похищением девушки. Однако в Вилль д'Авре один бакалейщик сообщил, что продавал масло для закрытого автомобиля, приехавшего из Парижа. На водительском сиденье был какой-то шофер, а внутри автомобиля – белокурая дама (необычайно белокурая, как уточнил свидетель). Часом позже этот автомобиль возвращался из Версаля. Из-за затора на дороге автомобиль остановился, что позволило бакалейщику заметить рядом с уже виденной им белокурой дамой другую. И вот она-то была закутана шальями и шарфами. Никакого сомнения, что это была Сюзанна Жербуа.

Но тогда следовало полагать, что похищение случилось среди бела дня, на очень оживленной дороге, в самом центре города!

Как? В каком направлении они уехали? Ни одного крика не было слышно, ни одного подозрительного движения не было замечено.

Бакалейщик дал описание автомобиля: лимузин, 24 лошадиные силы, фирмы «Пежо», с темно-синим кузовом. На всякий случай расспросили владелицу большого гаража госпожу Боб-Вальтур, которая разбиралась в похищениях с помощью автомобилей. Действительно, в пятницу утром она сдала в аренду на день лимузин «пежо» белокурой даме, которую больше не видела.

– А шофер?

– Это был некто Эрнест, нанятый накануне на основании блестящих рекомендаций.

– Он здесь?

– Нет, он пригнал машину назад и больше не возвращался.

– Как нам выйти на его след?

– Наверное, через рекомендовавших его людей. Вот их имена.

Отправились к этим людям. Ни один из них не знал никакого Эрнеста.

Получалось, что по какому бы следу ни пытались выйти из тумана, оказывались во мраке и сталкивались с другими загадками.

Господин Жербуа был не в силах устоять в битве, начавшейся для него столь катастрофическим образом. Не находя себе утешения после исчезновения дочери, мучаясь от угрызений совести, он капитулировал.

Небольшое объявление, появившееся в «Эко де Франс», обсуждалось всеми и подтвердило его искреннее и безусловное, безо всяких задних мыслей, согласие.

Это была победа: война, завершившаяся за четыре дня.

Двумя днями позже господин Жербуа появился во дворе Земельного банка. Войдя к председателю, он протянул ему билет номер 514 серии 23. Председатель подскочил.

– О, так билет у вас? Он вернул его вам?

– Билет случайно затерялся, вот он, – ответил господин Жербуа.

– Однако... вы хотите сказать... речь шла о...

– Все это выдумки и небылицы.

– Тем не менее нам понадобится какой-то подтверждающий документ.

– Достаточно будет письма майора?

– Конечно.

– Вот оно.

– Отлично. Будьте так любезны оставить эти бумаги. У нас есть две недели для их проверки. Я извещу, когда вы сможете прийти в кассу. С этого момента, мсье, я считаю, что вы заинтересованы в том, чтобы хранить полное молчание и завершить это дело конфиденциально.

– Именно таково мое намерение.

Господин Жербуа не проронил больше ни слова, как и председатель. Но есть тайны, которые становятся явными, даже если их никто не разглашает. Неожиданно стало известно, что Арсен Люпен имел смелость отослать господину Жербуа билет номер 514 серии 23! Новость была встречена с изумлением и восхищением. Решительно, это был великолепный игрок – человек, бросивший на стол такую важную карту, драгоценный билет! Разумеется, он сознательно отдал билет взамен на ту карту, которая восстанавливала равновесие. А если бы девушка сбежала? Если бы удалось отнять заложницу, которую он удерживал?

Полиция нащупала слабую точку противника и удвоила усилия. Разоружившийся Арсен Люпен, ограбивший сам себя, зажатый в тиски собственных интриг, не получающий ни одного жалкого су из желанного миллиона... Насмешники внезапно переметнулись в другой лагерь.

Нужно было найти Сюзанну. Но ее никак не могли найти, и она не сбежала!

Ну ладно, думали окружающие, дело сделано: Арсен выиграл первую партию. Но самое трудное впереди! Мадемуазель Жербуа находится в его руках, это так, и он обменяет ее только на пятьсот тысяч франков. Но где и как будет производиться обмен? Чтобы этот обмен мог совершиться, должна состояться встреча. Что тогда помешает господину Жербуа предупредить полицию и, таким образом, вернуть дочь, оставив при себе деньги?

Этот вопрос задали учителю. Он был подавлен, ему хотелось побыть одному. Он замкнулся в себе.

– Мне нечего сказать, я жду.

– А мадемуазель Жербуа?

– Поиски продолжаются.

– Но Арсен Люпен написал вам?

– Нет.

– Вы это подтверждаете?

– Нет.

– Значит, да. Каковы его инструкции?

– Мне нечего сказать.

Осаждали и мэтра Дэтинана – тоже молчание.

– Господин Люпен – мой клиент, – отвечал он с аффектированной значительностью, – сами понимаете, я должен проявлять абсолютную сдержанность в высказываниях.

Все эти секреты раздражали публику. Явно, что строились какие-то тайные планы. Арсен Люпен держал в своих руках и соединял звенья цепи, тогда как полиция организовала круглосуточную слежку за господином Жербуа. Все рассматривали только три возможных исхода дела: арест, триумф или смешной и жалкий провал.

Но случилось так, что любопытство публики удовлетворили лишь частично. И именно на этих страницах впервые будет обнаружена истинная правда.

Во вторник двенадцатого марта господин Жербуа получил в обычном с виду конверте извещение от Земельного банка.

В четверг в час дня он сел в поезд, следующий в Париж. В два часа дня ему была вручена тысяча купюр по тысяче франков каждая.

Пока он, дрожа, пересчитывал их (деньги – это же выкуп Сюзанны!), два человека сидели в автомобиле, остановившемся на некотором расстоянии от парадного входа. У одного из них были седеющие волосы и энергичное выражение лица, которое совсем не гармонировало с его одеждой и манерами мелкого служащего. Это был главный инспектор Ганимар, старина Ганимар, непримиримый враг Люпена. Ганимар сообщил бригадиру Фоланфану:

– Ждать осталось недолго... минут через пять мы снова увидим нашего голубчика. Ты готов?

– Само собой.

– Сколько у нас людей?

– Восемь, двое на велосипедах.

– И я один стóю троих. Достаточно, но все же не так много. Мы не должны допустить, чтобы Жербуа ушел... иначе пиши пропало: он встретится с Люпеном, как они, должно быть, договорились, обменяет девушку на полмиллиона, и дело с концом.

– А почему бы старику не пойти с нами? Это было бы проще всего! Включив нас в игру, он сохранил бы миллион.

– Да, но Жербуа боится. Если он попытается его обмануть, то не получит свою дочь.

– Кого «его»?

– Его.

Ганимар произнес это слово торжественным тоном, как будто говорил о сверхъестественном существе, прикосновение когтей которого уже ощутил.

– Довольно-таки странно, – рассудительно заметил бригадир Фоланфан, – что мы ограничиваемся защитой этого господина от него же самого.

– Из-за этого Люпена мир перевернулся! – вздохнул Ганимар.

Прошла минута.

– Внимание, – сказал Ганимар.

Появился господин Жербуа. В конце улицы Капуцинов он свернул на бульвар, на правую сторону, и медленно пошел вдоль магазинов, разглядывая витрины.

– Клиент слишком спокоен, – отметил Ганимар. – Человек, в кармане у которого миллион, не бывает таким спокойным.

– Что он может сделать?

– Что? Конечно же, ничего... Ладно, я начеку. Люпен – это Люпен.

В этот момент господин Жербуа подошел к киоску, взял газеты, получил сдачу, развернул одну газету и, держа ее в вытянутых руках, побрел дальше, читая на ходу. И вдруг запрыгнул в автомобиль, стоявший у тротуара с работающим двигателем. Автомобиль сорвался с места, обогнул церковь Мадлен и исчез.

– Проклятие, нет! – вскричал Ганимар. – Еще один его трюк!

Он бросился бежать, другие помчались вслед за ним.

Вдруг Ганимар рассмеялся. В начале бульвара Малерб из-за поломки автомобиль вынужден был остановиться, и господин Жербуа вышел из него.

– Скорее, Фоланфан... шофер... может быть, это тот самый Эрнест.

Фоланфан занялся шофером. Это был некто по имени Гастон, служащий в компании по аренде автомобилей. Десятью минутами ранее какой-то господин остановил его и попросил подождать, не глуша двигатель, около киоска, пока не придет второй человек.

– А второй клиент, – спросил Фоланфан, – какой адрес он назвал?

– Никакого адреса... Бульвар Малерб... авеню Мессин... двойные чаевые... Вот и все.

В это время господин Жербуа, не теряя ни минуты, вскочил в первый проезжавший мимо экипаж.

– Гони к метро «Конкорд»!

Он вышел из метро на площади Пале-Рояль, побежал к другому автомобилю и велел ехать к площади Бурс. Вторая поездка в метро, потом авеню Виллье, третья машина.

– Гони на улицу Клапейрон, двадцать пять.

Дом 25 по улице Клапейрон отделял от бульвара Батиньоль угловой дом. Господин Жербуа поднялся на второй этаж и позвонил. Открыл какой-то господин.

– Здесь живет мэтр Дэтинан?

– Это я. А вы, вероятно, господин Жербуа?

– Именно.

– Я ждал вас, мсье. Соболаговолите войти.

Когда господин Жербуа вошел в адвокатскую контору, часы на стене показывали три часа.

– Это время, которое он мне назначил. Он здесь?

– Пока нет.

Господин Жербуа сел, вытер лоб, посмотрел на часы, как будто не знал, который час, и снова тревожно спросил:

– Он придет?

Адвокат ответил:

– Мсье, вы спрашиваете меня о том, что я и сам больше всего на свете хотел бы знать. Никогда я не испытывал такого нетерпения. Во всяком случае, если он придет, то сильно рискует – этот дом более двух недель находится под наблюдением... я под подозрением.

– Я – тем более. И я не могу утверждать, что полицейские, следящие за мной, сбились со следа.

– Но...

– Это не по моей вине, – вскричал несчастный учитель, – меня не в чем упрекнуть! Что я обещал? Следовать его распоряжениям. Ну вот, я слепо следовал его приказам, в назначенный час получил деньги и явился к вам, как он и предписывал. Поскольку я виноват в беде, случившейся с моей дочерью, я честно выполнил свои обязательства. Теперь его черед выполнить свои. – И все тем же озабоченным голосом он добавил: – Он ведь вернет мне дочь, правда?

– Я надеюсь.

– Так... вы видели его?

– Я? Да нет же! Он просто попросил меня письмом принять вас обоих, выпроводив моих слуг за три часа до этого, и не позволять никому входить в мою контору между вашим появлением и его уходом. Если бы я не согласился на это предложение, он просил предупредить двумя строчками в

«Эко де Франс». Но я так счастлив оказать услугу Арсену Люпену, что согласен на все.

Господин Жербуа вздохнул:

– Господи! Чем все это закончится?

Он достал из кармана банкноты и разложил их на столе в две стопки с одинаковым количеством купюр. Оба молчали. Время от времени господин Жербуа прислушивался... Не звонят ли?

С каждой минутой его тревога возрастала, и мэтр Дэтинан тоже испытывал мучительные ощущения.

В какой-то момент адвокат утратил все свое хладнокровие и вскочил на ноги.

– Мы не увидим его. А что вы хотели? Это было бы безумием с его стороны! Пусть он и доверяет нам – мы честные люди, не способные на предательство. Но опасность не только здесь.

Обессиленный господин Жербуа, положив руки на купюры, бормотал:

– Лишь бы только он пришел! Господи, лишь бы только он пришел! Я бы все отдал, чтобы вернуть Сюзанну.

Дверь открылась.

– Половины будет достаточно, господин Жербуа.

На пороге стоял элегантно одетый молодой человек, в котором господин Жербуа тотчас узнал человека, подошедшего к нему около лавки старьевщика в Версале. Учитель бросился к нему:

– Где Сюзанна? Где моя дочь?

Арсен Люпен аккуратно прикрыл дверь и, небрежно стягивая перчатки, сказал адвокату:

– Дорогой мэтр, не знаю, как отблагодарить вас за любезность, с которой вы согласились защищать мои права. Я этого не забуду.

Мэтр Дэтинан прошептал:

– Но вы не звонили... И я не слышал, как открылась дверь...

– Звонки и двери – это то, что должно работать совершенно бесшумно. Но я перед вами – и это главное.

– Моя дочь, Сюзанна... Что вы с ней сделали? – повторил преподаватель.

– Боже, – сказал Люпен, – мсье, как вы торопитесь! Ну же, успокойтесь, еще мгновение – и дочь будет в ваших объятиях.

Он прошелся по комнате и тоном вельможи, произносящего похвальную речь, сказал:

– Господин Жербуа, поздравляю вас за ловкость, с которой вы действовали. Если бы автомобиль не попал в эту дурацкую аварию, мы бы находились на площади де л'Этуаль и не досаждали бы мэтру Дэтинану нашим визитом... Но! Так было суждено... – Он заметил две стопки банкнот и вскричал: – О, отлично! Миллион здесь... не будем терять время. Вы позволите?

– Но, – возразил мэтр Дэтинан, вставая у стола, – мадемуазель Жербуа еще не появилась.

– И что?

– А разве ее присутствие не обязательно?

– Понимаю! Понимаю! Арсен Люпен не внушает полного доверия. Он прикарманивает полмиллиона и не отдает заложницу. Ах, дорогой мэтр, я в высшей степени не понятый никем человек! Потому что судьба заставляет меня совершать поступки немного... странного характера. В моем чистосердечии сомневаются, да... А ведь я человек щепетильный и деликатный! Кроме того, мой дорогой мэтр, если вы боитесь, то откройте окно и позовите на помощь. На улице по крайней мере около дюжины полицейских.

– Вы полагаете?

Арсен Люпен приподнял штору.

– Похоже, господин Жербуа оказался не в состоянии сбить со следа Ганимара... Что я вам говорил? Вот он, этот молодец!

– Возможно ли? – вскричал преподаватель – Но я клянусь вам...

– Что не предали меня? Я не сомневаюсь, но это ловкие ребята. Смотрите-ка, Фоланфан, я вижу его! И Греом! И Дьёзи! Все мои лучшие друзья, а как же иначе?!

Мэтр Дэтинан с удивлением смотрел на него. Какое спокойствие! Люпен смеялся счастливым смехом, как будто играл в какую-то детскую игру и никакая опасность ему не угрожала.

Эта беззаботность успокоила адвоката больше, чем вид полицейских. Он отошел от стола, на котором лежали банкноты.

Арсен Люпен взял одну, потом другую пачку, достал из каждой по двадцать пять банкнот и протянул эти пятьдесят банкнот мэтру Дэтинану:

– Часть гонорара от господина Жербуа, дорогой мэтр, а это от Арсена Люпена. Мы не хотим быть вам должны.

– Вы ничего мне не должны, – ответил мэтр Дэтинан.

– Как? А неприятности, что мы вам причинили?!

– А удовольствие, которые принесли мне эти неприятности?!

– Это значит, дорогой мэтр, что вы не хотите ничего принимать от Арсена Люпена. Вот что значит, – вздохнул он, – иметь плохую репутацию. – Он протянул пятьдесят тысяч франков учителю. – Мсье, в память о нашей встрече позвольте передать вам это: это будет моим подарком к свадьбе мадемуазель Жербуа.

Господин Жербуа поспешно принял банкноты, но возразил:

– Моя дочь не выходит замуж.

– Она не выходит замуж, поскольку вы отказываете ей в своем благословении. Но она мечтает выйти замуж.

– Откуда вы это знаете?

– Я знаю, что молодые девушки часто мечтают без разрешения своих отцов. К счастью, существуют добрые гении, именуемые Арсен Люпен, обнаруживающие тайны этих прелестных существ в глубине секретеров.

– Вы не обнаружили там ничего другого? – спросил мэтр Дэтинан. – Признаюсь, мне было бы любопытно узнать, почему этот предмет мебели стал причиной ваших хлопот.

– Историческая причина, дорогой мэтр. Хотя, вопреки мнению господина Жербуа, в секретере не было никакого иного сокровища, кроме лотерейного билета, о котором я не знал. Я очень хотел его найти и искал давно. Этот секретер из тиса и красного дерева, украшенный карнизом с акантовыми листьями, был найден в укромном домике в Булони, где жила Мария Валевская. И на одном из его ящичков есть надпись: «Наполеону I, французскому императору, от его верного слуги Мансиона». И ниже слова, выцарапанные ножом: «Тебе, Мария». Позже Наполеон позволил скопировать его для императрицы Жозефины. Поэтому секретер, которым любовались в Мальмезоне, всего лишь несовершенная копия того, что отныне составляет часть моей коллекции.

Господин Жербуа вздохнул:

– О! Если бы я знал тогда, у старьевщика, то не колеблясь уступил бы его вам!

Арсен Люпен ответил, смеясь:

– И тогда вы, помимо всего прочего, имели бы существенную возможность сохранить для себя одного билет номер 514 серии 23.

– И это не привело бы к похищению моей дочери, которое все изменило.

– Все?

– Это похищение...

– Но, дорогой мой, вы ошибаетесь. Мадемуазель Жербуа не похищали.

– Мою дочь не похищали?!

– Вовсе нет. Похищение предполагает насилие, а она добровольно стала заложницей.

– Добровольно?! – повторил сбитый с толку господин Жербуа.

– Можно сказать, сама попросила. А как иначе? Чтобы такая умная девушка, как мадемуазель Жербуа, к тому же тайно влюбленная, и отказалась получить свое приданое?! Клянусь, ей легко было объяснить, что другого способа победить ваше упорство не существует.

Мэтр Дэтинан развеселился и вмешался в разговор:

– Самым сложным, видимо, было с ней договориться. Невероятно, чтобы мадемуазель Жербуа позволила незнакомому человеку приблизиться к себе.

– Да нет, конечно же, договаривался не я! Я даже не имею чести быть с ней знакомым. Кое-кто из моих друзей согласился провести переговоры.

– Наверняка белокурая дама из автомобиля, – перебил его мэтр Дэтинан.

– Именно так. После первой же встречи у лица все было улажено. Все это время мадемуазель Жербуа и ее новая подруга путешествовали по Бельгии и Голландии, проводя время самым приятным и поучительным для юной девушки образом. Все остальное она расскажет сама...

В дверь позвонили: три коротких звонка, потом еще раз и еще.

– Это она, – сказал Люпен. – Любезный мэтр, не могли бы вы...

Адвокат бросился к двери.

Вошли две женщины. Одна бросилась к господину Жербуа. Другая подошла к Люпену. Она была высокого роста, с хорошей фигурой и бледным лицом. Ее блестящие белокурые волосы были уложены свободными локонами и причесаны на прямой пробор. В черной одежде, из украшений – только кольцо из черной яшмы в пять рядов, но выглядела она изысканно элегантно.

Арсен Люпен сказал ей несколько слов и поприветствовал мадемуазель Жербуа:

– Прошу прощения, мадемуазель, за все эти неприятности, тем не менее, надеюсь, вы не очень тосковали...

– Тосковала?! Я была бы даже счастлива, если бы не мой бедный отец...

– Тогда все к лучшему. Обнимите же его наконец и воспользуйтесь случаем – отличным! – чтобы поговорить с ним о вашем кузене.

– О моем кузене? Что это значит? Я не понимаю...

– Да нет, понимаете. О вашем кузене Филиппе, об этом молодом человеке, чьи письма вы тщательно храните...

Сюзанна покраснела, смутилась и наконец бросилась в объятия отца.

Люпен растроганно смотрел на обоих.

«Как человек бывает вознагражден за добрые дела! Прекрасное зрелище! Счастливый отец! Счастливая дочь! И все это твоих рук дело, Люпен! Эти люди будут благословлять тебя... будут благоговейно передавать твое имя своим внукам... О семья, семья!»

Он подошел к окну.

– А старина Ганимар все еще здесь? Ему так бы хотелось присутствовать при этой трогательной встрече... Нет, его тут нет, никого нет, ни его, ни других... Черт возьми! Ситуация осложняется. Я не удивлюсь, если они уже у входа... Может быть, у консьержа... Или даже на лестнице!

Господин Жербуа вздрогнул. Теперь, когда ему вернули дочь, он обрел и чувство реальности. Арест противника – это полмиллиона для него самого. Инстинктивно он сделал шаг вперед. Люпен, как будто случайно, встал на его пути.

– Куда же вы, господин Жербуа? Хотите меня от них защитить? Не беспокойтесь. К тому же, клянусь, они должны больше переживать, чем я. – И он задумчиво продолжил: – Что, в сущности, они знают? Что вы находитесь здесь и мадемуазель Жербуа тоже, потому что они наверняка видели, как она прибыла с неизвестной дамой. А я? Они не сомневаются, что меня здесь нет. Как я могу проникнуть в дом, который они обыскали сегодня утром от подвала до чердака? Нет, скорее всего, они ждут меня, чтобы схватить... Бедняги! Возможно, они догадываются, что незнакомка послана мной, и предполагают, что ей поручено договориться об обмене... Они готовятся арестовать ее на выходе...

Зазвонил колокольчик.

Резким движением Люпен остановил господина Жербуа и жестким, властным голосом произнес:

– Ни с места, мсье, подумайте о своей дочери и будьте благоразумны, иначе... А вы, мэтр Дэтинан... Вы дали мне слово.

Господин Жербуа застыл на месте. Адвокат не пошевелился.

Не торопясь, Люпен взял шляпу. Она слегка запылилась, и он протер ее обшлагом рукава.

– Я к вашим услугам, дорогой мэтр, если когда-нибудь вам понадобится... Мои наилучшие пожелания, мадемуазель Сюзанна, и привет от меня господину Филиппу. – Он достал из кармана тяжелые часы в двойном золотом футляре. – Господин Жербуа, сейчас три часа сорок две минуты, я разрешаю вам выйти из этого помещения... ни минутой раньше, чем в три сорок шесть, договорились?

– Но они выломают дверь, – только и смог сказать мэтр Дэтинан.

– Вы забываете о соблюдении закона, дорогой мэтр! Никогда Ганимар не осмелится ворваться в дом французского гражданина. Нам хватило бы времени на отличную партию в бридж. Но приношу свои извинения. Вы все выглядите несколько взволнованными, а я не хотел бы злоупотреблять...

Он положил часы на стол, открыл дверь гостиной и обратился к белокурой даме:

– Вы готовы, дорогая?

Он пропустил ее, еще раз почтительно попрощался с мадемуазель Жербуа, вышел и закрыл за собой дверь.

В вестибюле послышался его громкий голос:

– Здравствуйте, Ганимар, как поживаете? Передайте от меня привет мадам Ганимар, как-нибудь на днях я пригласил бы ее отобедать... Прощайте, Ганимар!

Раздался резкий, громкий звонок в дверь, несколько выстрелов и шум голосов на лестнице.

– Три часа сорок пять минут, – прошептал господин Жербуа.

Через несколько секунд он решительно вышел в вестибюль. Люпена и белокурой дамы там уже не было.

– Отец! Не надо! Подожди! – закричала Сюзанна.

– Подождать? Ты с ума сошла? Церемониться с этим прохвостом... А полмиллиона?

Он распахнул дверь.

Ворвался Ганимар.

– Дама... Где она? А Люпен?

– Он был здесь... Он здесь.

Ганимар торжествующе воскликнул:

– Он в наших руках! Дом окружен!

Мэтр Дэтинан поинтересовался:

– А черный ход?

– Черный ход ведет во двор. Вход только один – парадный, его охраняют десять человек.

– Но он не заходил через парадный вход... и через него не выйдет...

– Тогда откуда он выйдет? – спросил Ганимар. – По воздуху вылетит?

Он раздвинул шторы. Перед ним был длинный коридор, ведущий в кухню. Ганимар промчался по нему и убедился, что дверь черного хода закрыта ключом на два оборота.

Из окна он окликнул одного из полицейских:

– Ну что, никого?

– Никого.

– Тогда, – воскликнул он, – они в помещении! Они спрятались в одной из комнат! Они физически не могут ускользнуть... Ох, Люпен, ты смеялся надо мной, но на этот раз я отыграюсь.

В семь часов вечера господин Дюдуа, глава Сюрте, изумляясь тому, что не получает никаких новостей, сам приехал на улицу Клапейрон. Он опросил полицейских, охранявших помещение, и поднялся к господину Дэтинану, который провел его в свой кабинет. Там господин Дюдуа увидел какого-то человека, вернее, две ноги, топтавшиеся по ковру, тогда как туловище, которому они принадлежали, скрывалось в каминной трубе.

– Эй! Эй! – выкрикивал человек сдавленным голосом.

И далекий голос, раздававшийся откуда-то сверху, отвечал:

– Эй! Эй!

Господин Дюдуа, рассмеявшись, поинтересовался:

– Ну, Ганимар, и зачем вы изображаете из себя трубочиста?

Инспектор вылез из трубы. Он был неузнаваем: грязное лицо, одежда, покрытая сажей, и лихорадочный блеск глаз.

– Я ищу его, – проворчал он.

– Кого?

– Арсена Люпена... Арсена Люпена и его подружку.

– Ах вот оно что! Не воображаете ли вы, что они спрятались в дымоходе?

Ганимар встал, приложил к рукаву начальника пять пальцев угольного цвета и злым глухим голосом произнес:

– Шеф, а где вы хотели бы их найти? Где-то же они должны быть! Они такие же люди, как и мы с вами, из плоти и крови. Люди не могут растаять, как дым.

- Нет, тем не менее они как-то уходят.
- Как? Каким путем? Дом окружен! На крыше полицейские.
- А соседний дом?
- Туда прохода нет.
- Квартиры на других этажах?
- Я знаю всех жильцов: они никого не видели... и никого не слышали.
- Вы уверены, что знаете всех?
- Всех. Консьерж за них отвечает. К тому же, усилив меры предосторожности, я оставил человека в каждой из этих квартир.
- Пора бы уже арестовать их!
- Вот и я говорю, шеф, вот и я говорю. Надо, и мы это сделаем, потому что они здесь... Они не могут здесь не быть! Будьте спокойны, шеф, если не сегодня вечером, то завтра я их схвачу. Я тут заночую... Я тут заночую!

Он действительно заночевал там. Потом остался и завтра, а также и послезавтра.

Тем не менее по прошествии трех дней и трех ночей он не только не нашел неуловимого Люпена и его не менее неуловимую подругу, но и не напал ни на малейший след, позволявший выдвинуть хотя бы какое-то предположение.

Поэтому его первоначальное мнение не изменилось.

Раз нет ни единого следа их бегства, значит, они тут!

Возможно, в глубине души он уже не был так уверен. Но не хотел в этом признаваться. Нет, тысячу раз нет, мужчина и женщина не исчезают, как злые волшебники из детских сказок. Не теряя присутствия духа, он продолжал поиск, как если бы надеялся отыскать их, скрывшихся в каком-то невероятном убежище, вросших в камни дома.

Глава 2

Голубой бриллиант

Вечером 27 марта в доме 134 по авеню Анри-Мартен в небольшом особнячке, завещанном ему полгода назад братом, старый генерал барон д'Отрек, посланник в Берлине во времена Второй империи, дремал в удобном кресле. Сиделка читала ему, а сестра Августа согревала постель грелкой и зажигала ночник.

В одиннадцать часов монахиня, которая в виде исключения должна была этим вечером вернуться в монастырь своего ордена и провести ночь у сестры-настоятельницы, предупредила сиделку:

- Мадемуазель Антуанетта, моя работа закончена, я ухожу.
- Хорошо, сестра.
- Главное, не забудьте, что кухарка взяла отпуск и вы с прислугой остаетесь в доме одни.
- Не беспокойтесь о господине бароне. Я переночую в соседней комнате, как договорились, и оставлю свою дверь открытой.

Монахиня удалилась. Через минуту пришел за указаниями слуга Шарль. Барон как раз проснулся и распорядился сам:

- Все то же, Шарль: проверить, работает ли звонок в вашей комнате, чтобы вы могли по первому зову спуститься и сбежать за врачом.
- Господин генерал, как всегда, переживает.
- Дела мои не очень... не очень хороши. Итак, мадемуазель Антуанетта, на чем мы остановились?
- Господин барон не желает ложиться?
- Да нет, лягу попозже, к тому же мне ничья помощь не нужна.

Через двадцать минут старик уснул, и Антуанетта на цыпочках удалилась.

В это время Шарль, как обычно, аккуратно закрывал ставни на первом этаже.

В кухне он запер на засов дверь, выходящую в сад, а в прихожей, помимо всего прочего, набросил на дверь цепочку. Затем поднялся к себе в мансарду на четвертый этаж, лег и заснул.

Прошло, наверное, около часа, когда он резко соскочил с кровати: прозвенел звонок. Звонок звонил долго, может быть, секунд семь-восемь, протяжно, не прерываясь...

«Ну вот, - подумал Шарль, - очередная прихоть барона».

Он накинул одежду, сбежал вниз по лестнице, остановился перед дверью и, как обычно, постучал.

- Смотри-ка, - прошептал он, - света нет... Почему его, черт возьми, выключили? Мадемуазель! - позвал он вполголоса.

Никакого ответа.

- Вы здесь, мадемуазель? Что случилось? Господину барону нехорошо?

Окружающая тишина, тяжелая тишина, в конце концов встревожила Шарля. Он сделал два шага вперед, ударился обо что-то ногой и понял, что это перевернутый стул. И тотчас же его рука натолкнулась на лежащие на полу другие предметы – круглый столик на одной ножке и ширму. Забеспокоившись, он направился к стене, нащупал кнопку выключателя и повернул ее.

Посреди комнаты, между столом и зеркальным шкафом, лежал его хозяин, барон д'Отрек.

– Боже! Возможно ли это? – пробормотал Шарль.

Он не знал, что делать, и, замерев, уставился на перевернутые вещи, упавшие стулья, осколки большого хрустального подсвечника, на часы, валявшиеся на мраморной каминной доске, – на все эти следы дикой и ужасной борьбы. Неподалеку от тела блестела рукоятка стального кинжала. С лезвия стекала кровь. С подушки свешивался платок, покрытый красными пятнами.

Шарль завопил от ужаса. Тело барона выпрямилось в последней судороге, потом сжалось... Две-три секунды – и все было кончено.

Шарль наклонился. Из узкой раны на горле текла кровь, покрывая ковер черными пятнами. На лице запечатлелся безумный ужас.

– Его убили, – прошептал слуга, – его убили.

И он содрогнулся при мысли о другом возможном преступлении. Сиделка спала в соседней комнате, так разве убийца не мог покончить и с ней?

Он открыл туда дверь – комната была пуста. Возможно, Антуанетту похитили или же она вышла до совершения преступления.

Шарль вернулся в комнату барона, и взгляд его остановился на секретере: он заметил, что секретер не был взломан.

Более того, он увидел на столе рядом со связкой ключей и портмоне, которое барон убирал в стол каждый вечер, пригоршню золотых монет. Шарль схватил портмоне и осмотрел все отделения. В одном были банкноты. Он пересчитал их: тринадцать банкнот по сто франков.

Это оказалось сильнее его: инстинктивно, машинально, даже не задумываясь о том, что делает, он взял банкноты, спрятал в карман, скатился по лестнице вниз, отодвинул задвижку, сорвал цепочку, хлопнул дверью и бросился в сад.

Но все же Шарль был честным человеком. Не успел он открыть калитку, как порыв ветра ударил ему в лицо, освежив дождем, и он остановился. Совершенный поступок представился ему во всей своей очевидности, и Шарль ужаснулся.

Мимо проезжал фиакр, и он окликнул кучера:

– Братец, поезжай в полицию и привези комиссара... галопом! Человек умер.

Кучер стегнул лошадь. Шарль хотел было вернуться, но не смог: он захлопнул калитку, а снаружи она не открывалась.

Звонить было бесполезно, поскольку в особняке никого не было.

Он долго слонялся вдоль садов, образующих на улице со стороны Ля Мюэт радующий взгляд бордюр из зеленых, хорошо подстриженных кустов, и только прождав час, смог наконец рассказать комиссару о деталях преступления и передать ему в руки тринадцать банкнот.

За это время успели обратиться к слесарю, которому с большим трудом удалось вскрыть кованую калитку садовой ограды и входную дверь в дом. Комиссар вошел и, едва оглядевшись, сказал:

– Послушайте, вы говорили, что комната была в ужасном беспорядке...

Он обернулся. Шарль, казалось, прилип к порогу: вся мебель стояла на своих обычных местах! Круглый столик на одной ножке находился в простенке между окнами, стулья стояли, часы лежали на середине каминной доски. Осколки подсвечника исчезли.

Шарль, заикаясь от изумления, произнес:

– Труп... господин барон...

– В самом деле, – воскликнул комиссар, – где же жертва?

Он подошел к кровати и приподнял простыню. Под ней лежал барон д'Отрек, бывший посол Франции в Берлине, закутанный в генеральский плащ, украшенный орденом Почетного легиона.

Лицо спокойное. Глаза закрыты.

Лакей пробормотал:

– Кто-то заходил сюда.

– Но как?

– Не знаю, но кто-то заходил в мое отсутствие... Пойдите, здесь, на полу, лежал очень тонкий кинжал, стальной... и на постели – платок в крови... Ничего нет... все унесли... все убрали...

– Да, но кто?

– Убийца!

– Мы нашли все двери закрытыми.

– Значит, он оставался в особняке.

– Он должен был оставаться тут, ведь вы не уходили с дорожки.

Шарль задумался и медленно произнес:

- В самом деле... в самом деле... и я не отходил от ограды... однако же...
- Скажите, кто был последним, кого вы видели рядом с бароном?
- Мадемуазель Антуанетта, сиделка.
- Что с ней?
- Я так думаю, что, раз ее кровать даже не разобрана, она должна была воспользоваться отсутствием сестры Августы, чтобы тоже уйти. Это меня не очень удивляет: она красива... молода...
- Но как она могла выйти?
- Через дверь.
- Вы задвинули засов и накинули цепочку.
- Позже! К этому моменту она могла уже выйти из особняка.
- И преступление случилось после ее ухода?
- Разумеется.

Обыскали дом сверху донизу, чердаки и подвалы, но убийца скрылся. Когда и как? Был ли у него соучастник, посчитавший нужным вернуться на место преступления и убрать все, что могло его скомпрометировать? Вот какие вопросы вставали перед полицией.

В семь часов прибыл судмедэксперт, в восемь – начальник сыскной полиции. Потом пришла очередь прокурора Республики и следователя. Особняк наполнился агентами, инспекторами, журналистами, приехал племянник барона д'Отрека и другие члены семьи.

Обыскали все, изучили положение трупа согласно показаниям Шарля, допросили сестру Августу, как только она приехала, но ничего не обнаружили. Помимо всего прочего, сестра Августа была обеспокоена исчезновением Антуанетты Бреа. Она наняла девушку двенадцатью днями ранее, положившись на отличные рекомендации, и отказывалась верить, что та могла бросить вверенного ей больного и уйти.

- К тому же в этом случае, – заявил следователь, – она бы уже вернулась. Значит, мы возвращаемся к вопросу: что с ней случилось?

- Я думаю, – сказал Шарль, – ее похитил убийца.

Предположение было правдоподобным и совпадало с некоторыми деталями. Начальник сыскной полиции сказал:

- Похищена? Как знать. Это не так уж невероятно.

– Не только невероятно, – произнес чей-то голос, – но абсолютно противоречит фактам, результатам расследования и очевидности.

Голос был грубым, акцент резким, и никто не удивился, узнав Ганимара. Только ему можно было простить столь непочтительную манеру изъясняться.

– Э, да это вы, Ганимар! – воскликнул господин Дюдуа. – А я вас не заметил.

– Я здесь уже два часа.

– Неужели вы интересуетесь еще чем-то, кроме билета 514 серии 23, дела улицы Клапейрон, Белокурой дамы и Арсена Люпена?

– Ха-ха-ха! – засмеялся старый инспектор. – Я бы не стал утверждать, что Люпен не причастен к делу, которое нас интересует... Но оставим эту историю с лотерейным билетом до следующего распоряжения и подумаем, что случилось сейчас.

* * *

Ганимар не относился к полицейским большого масштаба, расследования которых стали образцовыми и чье имя останется в судебных анналах. Ему недоставало озарений, посещающих людей, подобных Дюпену, Лекоку и Херлоку Шолмсу. Но он обладал отличными рядовыми качествами – наблюдательностью, проницательностью, упорством и даже интуицией. Его заслугой было умение работать совершенно независимо. Ничто, если только это не гипнотическое воздействие Арсена Люпена, не выводило Ганимара из равновесия и не влияло на него.

Как бы то ни было, этим утром он сыграл свою роль не без блеска, и его работу мог бы по достоинству оценить любой судья.

– Прежде всего, – начал он, – я попрошу господина Шарля припомнить следующее: находились ли предметы, которые он видел в первый раз опрокинутыми или сдвинутыми, на своих обычных местах, когда он вошел снова?

– На обычных местах.

– Итак, очевидно, что их мог расставить только тот человек, для которого место каждого из предметов привычно.

Это замечание ошеломило присутствующих. Ганимар продолжил:

– Следующий вопрос, мсье Шарль. Вас разбудил звонок... Как по-вашему, кто вас вызывал?

– Черт возьми, конечно же, господин барон!

– Хорошо, но в какой момент он мог позвонить?

– После драки... умирая.

– Невозможно, потому что вы нашли его лежащим бездыханным на месте, удаленном от кнопки звонка более чем на четыре метра.

– Ну, тогда он позвонил во время борьбы.

– Невозможно, потому что звонок, как вы сказали, был ровным, непрерывным и длился семь-восемь секунд. Полагаете ли вы, что нападавший дал ему возможность так долго звонить?

– Тогда это случилось раньше, в момент нападения.

– Невозможно. Вы сказали, что между звонком и моментом, когда вы вошли в комнату, прошло самое большее три минуты. Если бы барон позвонил раньше, то борьба, убийство, агония и бегство должны были бы произойти в этот короткий промежуток, равный трем минутам. Повторяю: это невозможно.

– Но ведь, – сказал следователь, – кто-то позвонил. Если это не был барон, то кто?

– Убийца.

– Зачем?

– Его цель мне неизвестна. Но этот факт доказывает, что он должен был знать о звонке, проведенном в комнату слуги. А кто мог знать об этой детали, если не человек, живший в доме?

Круг подозреваемых сужался. Несколькими быстрыми, четкими, логичными фразами Ганимар расставил все по местам, и мысль старого инспектора стала ясна. И заключение следователя было совершенно естественным:

– Короче говоря, вы подозреваете Антуанетту Бреа.

– Я не подозреваю ее, я ее обвиняю.

– Вы обвиняете ее в соучастии?

– Я обвиняю ее в убийстве генерала барона д'Отрека.

– Да что вы! А где доказательства?

– Клок волос, который я обнаружил в правой руке жертвы. Волосы были прямо вдавлены в кожу ногтями.

И он показал эти волосы: они были ярко-белыми и сверкающими, словно золотые нити.

Шарль прошептал:

– Это действительно волосы мадемуазель Антуанетты. Не может быть никакой ошибки. – И добавил: – Да, и еще... Еще кое-что. Я уверен, что нож... тот, которого я не увидел во второй раз... принадлежал ей, она пользовалась им для разрезания страниц.

Тишина была долгой и мучительной, как если бы преступление становилось еще ужаснее оттого, что было совершено женщиной. Следователь задумался.

– Допустим, до получения доказательств того, что барон был убит именно Антуанеттой Бреа, придется еще объяснить, каким путем она, совершив преступление, могла сбежать и вернуться после ухода господина Шарля, а затем снова выйти перед приездом комиссара. У вас есть версия на сей счет, господин Ганимар?

– Нет.

– Так как же тогда?

Вид у Ганимара был смущенный. Наконец не без видимого усилия он произнес:

– Единственное, что я могу сказать: я вижу тут тот же способ, что и в деле с билетом номер 514 серии 23. Тот же феномен, который можно назвать «способность исчезать». Антуанетта Бреа появляется и исчезает из этого особняка так же таинственно, как и Арсен Люпен проник к мэтру Дэтинану и исчез оттуда вместе с Белокурой дамой.

– Что это значит?

– Это значит, что я не могу не задумываться об этих двух совпадениях, по крайней мере странных: Антуанетта Бреа была нанята сестрой Августой двенадцать дней назад, то есть на следующий день после того, как Белокурая дама ускользнула из моих рук. Кроме того, волосы ее точно такого же яркого цвета, металлического оттенка с золотистым блеском, как и волосы, найденные нами здесь.

– Получается, Антуанетта Бреа...

– Не кто иная, как Белокурая дама.

– Следовательно, оба дела провернул Люпен?

– Думаю, что да.

Раздался взрыв смеха. Это хохотал шеф сыскной полиции.

– Люпен! Всюду Люпен! Люпен замешан во всем, Люпен везде!

– Он там, где он есть, – по слогам произнес обиженный Ганимар.

– Нужно еще, чтобы у него были причины где-то находиться, – заметил господин Дюдуа, – в данном случае причины кажутся мне непонятными. Секретер не был взломан, портмоне не украли. Даже золото осталось на столе.

– Да, – вскричал Ганимар, – но как же знаменитый бриллиант?

– Какой бриллиант?

– Голубой бриллиант! Знаменитый бриллиант, украшавший корону французских королей, переданный герцогом д'А... Леониду Л... а после смерти Леонида Л... перекупленный бароном д'Отреком в память о великолепной актрисе, которую он любил без памяти. Это одна из тех историй, которые старые парижане вроде меня не могут забыть.

– Выходит, – сказал следователь, – если голубой бриллиант не отыщется, то этим все объясняется. Но где искать?

– На пальце господина барона, – ответил Шарль. – Он не снимал голубого бриллианта со своей правой руки.

– Я смотрю на эту руку, – заявил Ганимар, приближаясь к жертве, – и, как вы можете убедиться, на ней всего лишь простой золотой перстень.

– Поверните руку ладонью вверх, – посоветовал слуга.

Ганимар так и сделал и разжал сведенные пальцы. Кольцо было повернуто внутрь, и в центре оправы сиял голубой бриллиант.

– Ну и ну, – пробормотал остолбеневший Ганимар, – я ничего не понимаю...

– Надеюсь, теперь вы перестанете подозревать этого несчастного Люпена? – засмеялся господин Дюдуа.

Ганимар помолчал, подумал и нравоучительным тоном ответил:

– Именно в моменты, когда ничего не понимаю, я начинаю подозревать Арсена Люпена.

Таковы были первые разыскания, проведенные полицией на следующий день после этого странного преступления. Обстоятельства неясные, противоречивые, в которые дальнейшее расследование не внесло ни ясности, ни достоверности. Передвижения Антуанетты Бреа остались совершенно необъяснимыми, как и передвижения Белокурой дамы. К тому же никто не знал, кем было это таинственное существо с золотистыми волосами, убившее барона д'Отрека и не снявшее с его руки легендарный бриллиант из королевской короны Франции.

Помимо всего прочего, любопытство, которое вызывала эта драма, превращало преступление в настоящее злодеяние, ожесточавшее общественность.

Наследники барона д'Отрека не преминули воспользоваться подобной рекламой. Они организовали на авеню Анри-Мартен, прямо в особняке, выставку мебели и предметов, которые будут продаваться в зале Друо. Современная мебель посредственного вкуса, не имеющая никакой художественной ценности... но в центре комнаты, на подставке, обтянутой гранатового цвета бархатом, под стеклянным колпаком, сверкал перстень с голубым бриллиантом, охраняемый двумя полицейскими.

Великолепный огромный бриллиант несравненной чистоты, невыразимо голубого цвета, подобного небу, отраженному в капле чистой воды, того голубого цвета, каким бывает чисто выстиранное белое белье. Им восхищались, им

восторгались... и с ужасом рассматривали комнату жертвы: место, где лежал труп, паркет, с которого убрали окровавленный ковер, и особенно стены, непреодолимые стены, сквозь которые просочилась преступница. Публика проверяла, не вращается ли мраморная доска камина, не скрывает ли резьба на зеркале пружину, поворачивающую зеркало. Посетители воображали себе зияющие дыры, отверстия туннелей, канализационные желоба и катакомбы..

Продажа голубого бриллианта состоялась в особняке Друо. Люди задыхались в толпе. Аукционная лихорадка дошла до безумия.

Собрался весь Париж, любители распродаж – те, кто покупает, и те, кто хочет создать видимость того, что они могут купить. Здесь были биржевики, художники, дамы из разных слоев общества, два министра, один итальянский тенор и даже король в изгнании, который, дабы подчеркнуть свою состоятельность, с превеликим апломбом дрожащим голосом довел ставки до ста тысяч франков. Сто тысяч франков! Он мог предложить их, не компрометируя себя. Итальянский тенор рискнул ста пятьюдесятью тысячами, пайщица французской компании – ста семьюдесятью пятью тысячами.

Тем не менее на двухстах тысячах франков любители упали духом. На двухстах тысячах пятидесяти остались только двое: Хершманн, знаменитый финансист, король золотых приисков, и графиня де Крозон, богатейшая американка, владелица прославленной коллекции бриллиантов и драгоценных камней.

– Двести шестьдесят тысяч... двести семьдесят тысяч... семьдесят пять... восемьдесят! – выкрикивал распорядитель, переводя вопрошающий взгляд с одного участника торгов на другого. – Двести восемьдесят тысяч – мадам... Что скажет мсье?

– Триста тысяч, – пробормотал Хершманн.

Тишина. Все смотрели на графиню де Крозон. Она стояла, опираясь на спинку стула впереди, и улыбалась, но бледность выдавала ее замешательство. И она сама, и все присутствующие знали исход поединка, он не подвергался сомнению: все неизбежно должно было завершиться к выгоде финансиста, капризы которого подкреплялись более чем полумиллиардным состоянием. Однако графиня произнесла:

– Триста пять тысяч.

Снова тишина. Все повернулись к королю приисков в ожидании неизбежного повышения цены на торгах. Было очевидно, что оно произойдет – серьезное, внезапное, окончательное.

Но ничего этого не случилось. Хершманн оставался бесстрастным, его взгляд был прикован к листу бумаги, который он держал в правой руке, другой сжимая вскрытый конверт.

– Триста пять тысяч, – повторил распорядитель. – Раз... Два... Еще есть время... Никто ничего не скажет? Я повторяю: раз... два...

Хершманн был невозмутим. Снова тишина. Раздался удар молотка.

– Четыреста тысяч, – произнес Хершманн, подскакивая, словно этот звук вывел его из оцепенения.

Слишком поздно. Торги завершились.

Все бросились к нему. Что случилось? Почему он не сказал этого раньше?

Он засмеялся.

– Что произошло? Черт побери, я сам не знаю! На минуту задумался.

– Возможно ли это?

– Ну да, мне принесли письмо.

– И этого оказалось достаточно...

– Да, чтобы на какое-то мгновение привести меня в замешательство.

Ганимар был там – присутствовал при продаже перстня. Он подошел к одному из рассыльных.

– Это вы передали письмо господину Хершманну?

– Да.

– От кого?

– От одной дамы.

– Где она?

– Где? Смотрите, мсье, вон там... дама в плотной вуали.

– Она уходит?

– Да.

Ганимар кинулся к двери, увидел даму, спускающуюся по лестнице, и побежал. Толпа задержала его перед входом. За дверью он не смог ее найти.

Полицейский вернулся в зал, подошел к Хершманну, представился и спросил о письме. Хершманн отдал его. В письме, второпях написанном карандашом незнакомым финансисту почерком, были следующие слова: «Голубой бриллиант приносит несчастье. Вспомните о бароне д'Отреке».

Злоключения голубого бриллианта на этом не закончились. Шестью месяцами позже бриллиант, уже известный по убийству барона д'Отрека и по событиям в особняке Друо, приобрел грандиозную известность: действительно, следующим летом великолепную драгоценность, завоеванную с таким трудом, у графини Крозон украли.

Подведем итоги этого любопытного дела, волнующие и драматические перипетии которого взволновали всех. Мне наконец позволено пролить свет на случившееся.

Вечером десятого августа гости господина и госпожи де Крозон собрались в зале великолепного замка, возвышающегося над заливом Соммы. Звучала музыка. Графиня села за пианино, положив на маленький столик возле инструмента свои драгоценности, среди которых был и перстень барона д'Отрека.

Через час граф удалился, ушли и два его кузена д'Анделль, и госпожа де Реаль, близкая подруга графини де Крозон. Графиня же осталась в обществе господина Блейхена, австрийского консула, и его жены.

Они разговаривали, затем графиня потянула большую лампу, стоявшую на столе в зале. В этот же момент господин Блейхен потушил две свечи на пианино. На какое-то мгновение воцарилась темнота, и все несколько растерялись, но потом консул зажег свечу, и все трое разошлись по своим комнатам. Едва войдя к себе, графиня вспомнила о драгоценностях и послала горничную за ними. Та вернулась, положила драгоценности на камин, но хозяйка не стала их проверять. На следующий день мадам де Крозон заметила, что одного перстня нет – с голубым бриллиантом.

Графиня сообщила мужу. Они незамедлительно пришли к выводу, что горничная – вне всяких подозрений, виновным мог быть только господин Блейхен.

Граф известил комиссара главного управления полиции Амьена, который начал следствие и организовал тайную и весьма активную слежку, чтобы австрийский консул не мог ни продать, ни переправить перстень.

Денно и ночью полицейские сторожили замок.

Две недели прошли без малейших происшествий. Господин Блейхен сообщил о своем отъезде. В тот же день на него была подана жалоба. Комиссар официально вмешался и приказал досмотреть багаж. В небольшой сумке, с ключом от которой консул никогда не расставался, обнаружили флакон с мыльным порошком, а в этом флаконе перстень.

Мадам Блейхен упала в обморок. Ее мужа арестовали.

Мы помним о системе защиты, избранной обвиняемым. Он говорил, что не может объяснить наличия перстня ничем иным, кроме мести господина де Крозона. «Граф жестокий человек, его жена несчастлива. Я имел длительную беседу с графиней и усиленно призывал ее развестись. Граф узнал об этом и отомстил: взял перстень и в мое отсутствие положил его в несесер с туалетными принадлежностями». Граф и графиня решительно настаивали на своем. Объяснение, которое давали они, и объяснение консула были в равной степени вероятны. Публике оставалось только выбрать. Никакой новый факт не перевесил чашу весов правосудия в одну сторону. За целый месяц разговоров, предположений и расследований не было установлено ни одного достоверного факта.

Устав от всего этого шума, не имея возможности предоставить очевидное доказательство вины, подтверждающее обвинение, господин и госпожа де

Крозон потребовали, чтобы из Парижа прислали представителя сыскной полиции, способного разобраться в этом клубке хитросплетений. Приехал Ганимар.

В течение четырех дней главный инспектор вынюхивал, собирал сплетни, прогуливался по парку, вел длительные беседы с горничной, шофером, садовниками, служащими соседних почтовых отделений, посещал комнаты, занимаемые супругами Блейхен, кузенами д'Анделль и госпожой де Реаль. Затем в один прекрасный день он исчез, не попрощавшись с хозяевами.

Неделей позже они получили следующую телеграмму:

Ровно в пять часов в пятницу автомобиль графа и графини остановился перед домом номер 9 по улице Буасси д'Англа. Не объясняя ничего, старый инспектор, поджидавший на тротуаре, сопровождал их на второй этаж чайного салона.

Они обнаружили в одном из залов двух человек, которых Ганимар им представил:

– Господин Жербуа, преподаватель лицея в Версале, у которого, как вы помните, Арсен Люпен украл полмиллиона. Господин Леонс д'Отрек, племянник и единственный наследник барона д'Отрека.

Все четверо уселись. Несколькими минутами позже появился пятый человек. Это был глава сыскной полиции.

Казалось, господин Дюдуа был в скверном расположении духа. Он поздоровался и сказал:

– Что случилось, Ганимар? Мне передали в префектуре ваше телефонное сообщение. Это серьезно?

– Весьма серьезно, шеф. Менее чем через час здесь произойдет развязка последних событий, в которых я принимал участие. Мне кажется, что ваше присутствие необходимо.

– А также и присутствие Дъёзи и Фоланфана, которых я заметил у входа?

– Да, шеф.

– Так в чем дело? Речь идет об аресте? К чему весь этот спектакль? Ну же, Ганимар, мы вас слушаем!

Ганимар колебался несколько секунд, потом с явным намерением поразить своих слушателей произнес:

– Я утверждаю, что господин Блейхен не причастен к краже перстня.

– О! – произнес господин Дюдуа. – Но это всего лишь утверждение, хотя и весьма серьезное.

Граф спросил:

– Этим... открытием ограничиваются ваши усилия?

– Нет, мсье. Через день после кражи случайное путешествие в автомобиле привело троих из ваших приглашенных в предместье Креси. Тогда как двое из них посещали знаменитое поле битвы, третий поспешил в почтовое отделение и отправил маленькую, перевязанную бечевкой коробочку, запечатанную согласно правилам, с указанной ценностью в сто франков.

Госпожа де Крозон возразила:

– В этом нет ничего странного.

– Может быть, вам покажется менее естественным то, что эта особа, вместо того чтобы назвать свое настоящее имя, отправила посылку от имени Руссо, а получатель, некто господин Белу, проживающий в Париже, съехал в тот же день, когда получил коробочку, то есть перстень.

– Вероятно, – спросил граф, – речь идет об одном из моих кузенов д'Анделль?

– Речь не идет об этих господах.

– Тогда о госпоже де Реаль?

– Да.

Ошеломленная графиня воскликнула:

– Вы обвиняете мою подругу, госпожу де Реаль?

– Один простой вопрос, мадам, – ответил Ганимар. – Госпожа де Реаль присутствовала при продаже голубого бриллианта?

– Да, но она сама пришла туда. Мы с ней не договаривались.

– Она советовала вам приобрести перстень?

Графиня напрягла память.

– Да, действительно... я даже думаю, что именно она заговорила об этом первая.

– Обращаю внимание на ваш ответ, мадам. Мы установили, что госпожа де Реаль первая заговорила с вами об этом перстне и что именно она посоветовала вам его купить.

– Однако... моя подруга не способна...

– Простите, простите, но госпожа де Реаль – всего лишь случайная знакомая, а не ваша близкая подруга, как утверждают газеты, что и отводило от нее подозрения. Вы познакомились с ней только нынешней зимой. Думаю, я сильно вас удивлю, если скажу, что все, рассказанное ею о себе, о своем прошлом и о своих связях, – полный вымысел. Госпожи Бланш де Реаль не существовало до вашей встречи, как не существует сейчас.

– И что дальше?

– Дальше? – спросил Ганимар.

– Да. Вся эта история очень забавна, но какое отношение она имеет к нашему случаю? Если госпожа де Реаль взяла перстень, что никоим образом не доказано, то почему она сунула его в мыльный порошок господина Блейхена? Зачем? Если человек пытается похитить голубой бриллиант, то потом он его прячет. Что вы на это ответите?

– Я? Ничего. А вот госпожа де Реаль ответит.

– Так она существует?

– Она существует... не существуя. Итак, в нескольких словах. Три дня назад в газете, которую ежедневно читаю, я увидел в начале списка иностранцев в Трувиле «Отель Бориваж, госпожа де Реаль, и т. д.» Как вы понимаете, в тот же вечер я был в Трувиле и допросил директора «Бориваж». По описанию примет и некоторым собранным мною сведениям эта госпожа де Реаль, да просто госпожа Реаль, проживавшая на третьем этаже, и была той особой, которую я искал. Но она покинула отель, оставив свой адрес в Париже: улица Колизе, дом 3. Позавчера я побывал по этому адресу и узнал, что там никогда не проживала госпожа де Реаль, а была просто мадам Реаль с третьего этажа, занимавшаяся перепродажей бриллиантов и часто отсутствовавшая. Еще накануне она вернулась из поездки. Вчера я позвонил в ее дверь и, назвавшись вымышленным именем, предложил мадам Реаль свои услуги в качестве посредника между ней и людьми, имеющими возможность скупать ценные камни. Сегодня у нас здесь состоится встреча по случаю первой сделки.

– Как! Вы ожидаете ее?

– В четверть шестого.

– Вы уверены?

– Что это госпожа де Реаль из замка де Крозон? У меня неоспоримые доказательства. Но слышите... сигнал Фоланфана....

Прозвучал свисток. Ганимар вскочил.

– Нельзя терять ни минуты! Господин и госпожа де Крозон, будьте любезны перейти в соседнюю комнату. Вы тоже, господин д'Отрек, и вы, господин Жербуа. Дверь будет открыта, и по первому сигналу прошу вас выйти. Шеф, оставайтесь здесь.

– А если придут другие люди? – заметил господин Дюдуа.

– Нет. Это только что открытое заведение, его хозяин – один из моих друзей и не впустит ни одной живой души... кроме Белокурой дамы.

– Что вы говорите? Белокурая дама!

– Белокурая дама собственной персоной, шеф, сообщница Арсена Люпена, таинственная Белокурая дама, против которой у меня есть определенные доказательства, против которой я хочу, помимо всего прочего, в вашем присутствии собрать свидетельства всех, кого она ограбила. – Он выглянул из окна. – Она приближается... входит... у нее нет ни единого шанса ускользнуть: Фоланфан и Дъёзи охраняют вход... Мы поймали ее, шеф!

Почти что в ту же минуту на пороге появилась женщина – высокая, худощавая, с очень бледным лицом и волосами ярко-золотистого цвета.

Ганимар был настолько взволнован, что не мог произнести ни слова. Она была тут, перед ним, в его власти!

Какая победа над Арсеном Люпеном! Какой реванш! И в то же время эта победа казалась ему одержанной с такой легкостью, что он спрашивал себя: не выскользнет ли эта дама у него из рук при помощи фокусов, на которые Люпен был такой мастер.

Белокурая дама ждала, удивленная этим молчанием, и, не скрывая своего беспокойства, озиралась по сторонам.

«Она уйдет! Исчезнет!» – испугался вдруг Ганимар и встал между дамой и дверью. Она повернулась и хотела выйти.

– Нет, нет, – сказал он, – почему вы уходите?

– Позвольте, мсье, мне непонятно ваше поведение... Оставьте меня!

– У вас нет никакой причины уходить, мадам, напротив, все говорит за то, что вам надо остаться.

– Однако...

– Бесполезно. Вы не выйдете.

Побледнев, она опустилась на стул и прошептала:

– Чего вы хотите?

Ганимар ликовал. Он поймал Белокурую даму! Овладев собой, он произнес:

– Представляю вам своего друга, о котором я рассказывал. Он хотел бы купить драгоценности... особенно бриллианты. Вы захватили с собой то, что мне обещали?

– Нет... нет... не знаю... не припоминаю.

– Да вспомните же... Известная вам особа должна была передать бриллиант цвета... «Что-то вроде голубого бриллианта», – засмеялся я тогда, а вы мне ответили: «Точно. Возможно, я помогу вам». Вы припоминаете?

Дама молчала. Маленькая сумочка, которую она держала в руках, упала. Она быстро подняла сумочку и прижала к себе. Ее пальцы едва заметно дрожали.

– Ну-ну, – сказал Ганимар, – я вижу, вы не доверяете нам, госпожа де Реаль. Я подам вам пример и продемонстрирую то, что есть у меня.

Он вынул из своей папки бумагу, развернул ее и достал прядь волос.

– Для начала вот несколько волос Антуанетты Бреа, вырванных бароном и найденных в руке мертвеца. Я видел мадемуазель Жербуа, она точно опознала цвет волос... тот же цвет, что и у вас... точно такой же цвет.

Госпожа Реаль смотрела с изумленным видом, как будто не понимала смысла его слов.

Ганимар продолжил:

– А вот два флакона с духами, без этикетки. Правда, они пусты, но до сих пор сохраняют аромат достаточно, чтобы мадемуазель Жербуа смогла различить запах духов Белокурой дамы, сопровождавшей ее в путешествии в течение двух недель. Так вот, один из этих флаконов найден в комнате, которую госпожа де Реаль занимала в замке де Крозон, а другой – в комнате, которую вы снимали в отеле «Бориваж».

– Что вы такое говорите? Белокурая дама... замок де Крозон...

Инспектор молча выложил на стол четыре листа бумаги.

– Вот, – сказал он, – это образец почерка Антуанетты Бреа, затем образец почерка дамы, написавшей барону Хершманну во время продажи голубого бриллианта, еще один образец – почерк госпожи де Реаль, относящийся ко времени ее пребывания в Крозоне, и четвертый... ваш почерк, мадам. Это фамилия и адрес, данные вами портье отеля «Бориваж» в Трувиле. Сравните четыре почерка. Они идентичны.

– Да вы сошли с ума, мсье! Что все это означает?

– Это значит, мадам, – выкрикнул Ганимар, сильно волнуясь, – что вы и есть Белокурая дама, подруга и сообщница Арсена Люпена!

Он открыл дверь соседнего салона, бросился к господину Жербуа и схватил его за плечи, подталкивая к госпоже Реаль:

– Господин Жербуа, вы узнаете особу, похитившую вашу дочь, женщину, которую видели у мэтра Дэттинана?

– Нет.

Это стало потрясением! Ганимар пошатнулся.

– Нет? Возможно ли это... ну же, подумайте...

– Я подумал... у мадам светлые волосы, как и у Белокурой дамы... она бледная, как и та... но совсем на нее не похожа.

– Я не могу поверить... ошибка невозможна... Господин д'Отрек, вы узнаете Антуанетту Бреа?

– Я видел Антуанетту Бреа в доме моего дяди, и это не она.

– К тому же мадам вовсе не госпожа де Реаль, – признал граф де Крозон.

Это стало последним ударом. Ганимар был потрясен. Он застыл, опустив голову и избегая смотреть на присутствующих. Все его комбинации развалились. Здание рушилось.

Господин Дюдуа встал.

– Извините нас, мадам, произошло прискорбное недоразумение, о котором я прошу вас забыть. Единственное, чего я не понимаю, так это вашего смущения... вашего странного поведения с момента, как вы тут появились.

– Боже мой, мсье, мне было страшно! В моей сумке драгоценностей более чем на сто тысяч франков, а поведение вашего друга особого доверия не вызывало.

– Но как объяснить ваши постоянные отлучки?

– Разве моя работа того не требует?

Господину Дюдуа нечего было возразить, и он повернулся к своему подчиненному.

– Вы собирали информацию с прискорбной небрежностью, Ганимар, и сейчас вели себя в отношении мадам самым бестактным образом. Вам придется объясняться у меня в кабинете.

Встреча завершилась, начальник сыскной полиции собирался уйти, когда произошло нечто, в высшей степени озадачившее всех. Госпожа Реаль подошла к инспектору.

– Я слышала, вас зовут господин Ганимар, я не ошибаюсь?

– Нет.

– В таком случае это письмо для вас. Я получила его сегодня утром, можете прочитать адресата: «Господину Жюстену Ганимару, просьба передать через госпожу Реаль». Я подумала, что это шутка, так как не знала вашего имени, но, вероятно, неизвестный автор письма догадывался о нашей встрече.

Жюстен Ганимар, предчувствуя подвох, готов был схватить письмо и уничтожить его, но в присутствии своего начальника не осмелился и вскрыл конверт. Еле слышно он зачитал письмо:

«Жили-были Белокурая дама, некто Люпен и некто Ганимар. Плохой Ганимар хотел причинить зло прекрасной Белокурой даме, а добрый Люпен не хотел этого. Тогда добрый Люпен, желая, чтобы Белокурая дама сблизилась с графиней де Крозон, предложил ей назваться госпожой де Реаль – фамилией (или почти похожей фамилией) честной лавочницы, у которой были золотистые волосы и бледное лицо. Добрый Люпен подумал: «Если когда-нибудь плохой Ганимар нападет на след Белокурой дамы, мне будет удобнее переадресовать его к честной лавочнице!» Мудрая предосторожность, принесшая свои плоды. Маленькая заметка, посланная в газету плохим Ганимаром, флакон духов, специально забытый настоящей Белокурой дамой в отеле «Бориваж», фамилия и адрес госпожи Реаль, написанные настоящей Белокурой дамой в реестре отеля, – и фокус удался. Что скажете, Ганимар? Я решил поведать вам о приключении подробно, зная, что вы человек умный и первым же будете смеяться. Приключение и в самом деле пикантное. Признаюсь, я и сам безумно повеселился. Так что спасибо вам, дорогой друг, и мои наилучшие пожелания чудесному господину Дюдуа. Арсен Люпен»

– Да он обо всем знает! – содрогнулся Ганимар, вовсе и не думавший смеяться. – Он знает о вещах, о которых я никому не говорил. Каким образом он мог узнать, что я попросил вас сюда прийти, шеф? Как он мог узнать о том, что я нашел первый флакон? Как он мог узнать?

Он топал ногами и, впад в крайнее отчаяние, рвал на себе волосы.

Господин Дюдуа сжалился над ним.

– Послушайте, Ганимар, успокойтесь! В следующий раз постараемся работать лучше.

И начальник сыскной полиции, сопровождаемый госпожой Реаль, удалился.

Прошли десять минут. Ганимар читал и перечитывал письмо Люпена. В углу господин и госпожа де Крозон, господин д'Отрек и господин Жербуа оживленно разговаривали. Наконец граф подошел к инспектору и сказал ему:

– Из всего этого следует, дорогой мсье, что мы несколько не продвинулись вперед.

– Извините! Мое расследование установило, что Белокурая дама – бесспорная героиня всех историй, и Люпен руководит ею. Это огромный шаг вперед.

– И он никуда не ведет. Дело стало еще загадочнее. Белокурая дама убивает, чтобы украсть голубой бриллиант, но не крадет его. Потом все же крадет, но только для того, чтобы избавиться от него в пользу другого лица.

– Так и есть, тут я ничего не могу поделать.

– Да, но кое-кто, вероятно, смог бы...

– Что вы хотите этим сказать?

Граф колебался, но графиня решительно произнесла:

– Есть человек, единственный, как я полагаю, способный сразиться с Люпенем и победить его. Господин Ганимар, не будете ли вы против, если мы обратимся за помощью к Херлоку Шолмсу?

Он был растерян.

– Да нет... только... я не очень понимаю...

– Все эти тайны меня раздражают. Я хочу ясности! Господин Жербуа и господин д'Отрек также хотят этого, и мы договорились обратиться к знаменитому английскому детективу.

– Вы правы, мадам, – произнес инспектор с пониманием, заслуживающим уважения, – вы правы. Старик Ганимар не в силах бороться с Арсеном Люпенем. Удастся ли Херлоку Шолмсу? Я бы хотел этого, потому что восхищаюсь им... однако маловероятно...

– Маловероятно, что он придет к цели?

– Это мое мнение. Я считаю, что дуэль между Херлоком Шолмсом и Арсеном Люпенем – спор, решенный заранее. Англичанин проиграет.

– Во всяком случае, мы можем положиться на вас?

– Полностью, мадам. Я гарантирую ему всестороннее содействие.

– Вы знаете его адрес?

– Да. Паркер-стрит, двести девятнадцать.

Тем же вечером господин и госпожа де Крозон опротестовали свою жалобу на консула Блейхена, и Херлоку Шолмсу было направлено коллективное послание.

Глава 3

Херлок Шолмс начинает военные действия

– Чего желают господа?

– Что хотите, – ответил Арсен Люпен, как человек, которого кулинарные подробности мало интересовали, – что хотите, но ни мяса, ни алкоголя.

Официант удалился с презрительным выражением лица.

Я воскликнул:

– Как, вы еще и вегетарианец?

- И чем дальше, тем больше, - подтвердил Люпен.
- Такой необычный вкус? Вероисповедание? Привычка?
- Гигиенические соображения.
- И никогда никаких нарушений?
- О да, когда выхожу в свет... чтобы не выделяться.

Мы обедали рядом с Северным вокзалом, в глубине маленького рестораника, куда пригласил меня Арсен Люпен. Ему нравится время от времени назначать мне утром, телеграммой, свидание в каком-нибудь уголке Парижа. Он всегда неистощимо остроумен, жизнерадостен, прост и добродушен, рассказывает неожиданные анекдоты, вспоминает о каких-то неизвестных мне приключениях.

Этим вечером Арсен Люпен казался еще более жизнерадостным, чем обычно. Он смеялся, разговаривал с необычайным воодушевлением и присущей ему тонкой, легкой иронией, не омраченной печалью. Видеть его таким доставляло удовольствие, и я не мог не сказать об этом.

- О да! - воскликнул он. - У меня сейчас такой период, когда все кажется чудесным, когда жизнь моя подобна бездонной сокровищнице, которую я никогда не исчерпаю. Один Господь знает, почему я живу, ни о чем не заботясь!

- Возможно, даже слишком.

- Сокровищница неисчерпаема, говорю же вам! Я могу растрачивать себя, я могу пускать по ветру силы и молодость, я расчищаю место более молодым и энергичным... Да, моя жизнь прекрасна! Мне достаточно только пожелать, не так ли? - стать сегодня-завтра, не знаю... оратором, директором фабрики, политиком... но, клянусь вам, такая мысль никогда не придет мне в голову! Я - Арсен Люпен, Арсеном Люпенем и останусь. И я напрасно ищу в истории судьбу, схожую с моей, более наполненную, более живую... Наполеон? Да, может быть... но только Наполеон в конце своей императорской карьеры, во время французской кампании, когда Европа давила его, когда он во время каждой битвы думал, не станет ли она для него последней.

Был ли Арсен Люпен серьезен? Шутит? Его голос потеплел, и он продолжил:

- Сами видите, опасность - совсем рядом! Постоянное ощущение опасности! Глотать ее, как воздух, ощущать у себя за спиной ее дыхание, ее угрозы, ее приближение... и оставаться спокойным посреди бури... Сохранять спокойствие! Или же - конец... Есть только одно ощущение, которое может с этим сравниться, - ощущение гонщика за рулем! Но такие гонки длятся одно утро, а моя - всю жизнь!

- Какая патетика! - вскричал я. - И вы хотите заставить меня поверить, что нет особого повода для подобного возбуждения?!

Арсен Люпен улыбнулся.

– Да, – ответил он, – вы хороший психолог. Действительно, есть еще кое-что. – Он налил стакан воды, выпил ее и сказал: – Вы читали сегодняшнюю «Ле Тан»?

– Нет еще.

– Херлок Шолмс должен был сегодня после полудня пересечь Ла-Манш и около шести вечера прибыть сюда.

– Черт возьми! Но зачем?

– Небольшое путешествие, которое предложили ему Крозоны, племянник д'Отрека и этот Жербуа. Они собрались на Северном вокзале и встретились там с Ганимаром. В данный момент они совещаются.

Никогда, несмотря на сильнейшее любопытство, которое он у меня вызывал, я не позволял себе расспрашивать Арсена Люпена о его частной жизни, пока он сам не заговаривал об этом. В этом вопросе я был сдержан и от этого правила никогда не отступал. К тому же в тот момент его имя еще не связывали с голубым бриллиантом (по крайней мере, официально). Я набрался терпения, а он продолжил:

– «Ле Тан» опубликовала также интервью с этим чудаком Ганимаром, из которого следует, что некая блондинка, моя подруга, убила барона д'Отрека и попыталась похитить у мадам де Крозон ее знаменитый перстень. И, разумеется, меня обвиняют в том, что я – организатор всех этих злодеяний.

У меня по телу пробежала дрожь. Неужели это правда? Должен ли я думать, что способ существования, привычка воровать, сама логика событий привели этого человека к преступлению? Я наблюдал за ним. Арсен Люпен выглядел спокойным, и его взгляд, обращенный ко мне, был таким открытым!

Я рассматривал его руки: они были совершенной формы, безобидные руки художника...

– Ганимар – одержимый, – прошептал я.

Он возразил:

– Да нет, Ганимар не лишен проницательности... иногда даже умен.

– Умен?!

– Да. Например, это интервью – мастерский ход. Во-первых, он сообщает о прибытии своего английского соперника, чтобы заставить меня насторожиться и облегчить ему работу. Во-вторых, он указывает, на чем остановилось его расследование, чтобы Шолмс пользовался только своими находками. Это – правильное ведение войны.

– Как бы там ни было, но перед вами два противника! И каких!

– Что вы! Один не в счет.

– А другой?

– Шолмс? Да, признаю, он серьезный противник. Но именно это меня и будоражит, вот почему я так оживился. Прежде всего, это вопрос самолюбия: все полагают, что вызвать знаменитого англичанина – не слишком большая перестраховка, когда речь идет обо мне. Кроме того, подумайте об удовольствии от дуэли с Херлоком Шолмсом. И главное: я должен буду выложиться до конца! Потому что я-то знаю его, голубчика: он не отступит ни на пядь.

– Он сильный противник.

– Очень. Если брать полицейских, то я не знаю ни одного, подобного ему, из тех, что существовали или существуют. Но у меня есть преимущество: он атакует, а я защищаюсь. Моя роль легче. Кроме того... – Он едва заметно улыбнулся и сказал: – Кроме того, я знаю стиль работы Херлока Шолмса, а он мой – нет. Я приберет несколько тайных приемов, которые заставят его задуматься...

Он постучал по столу пальцами и с довольным видом произнес несколько отрывистых фраз:

– Арсен Люпен против Херлока Шолмса... Франция против Англии... Наконец-то Трафальгар будет отомщен! Несчастный... он не сомневается, что я подготовился... А предупрежденный Люпен...

Он внезапно замолчал, сотрясаемый приступом кашля, и прикрыл лицо салфеткой, как будто поперхнулся.

– Хлебная крошка? – спросил я. – Выпейте воды.

– Да нет, нет... – ответил он сдавленным голосом.

– Так что же?

– Мне не хватает воздуха.

– Не открыть ли окно?

– Нет, я выйду... Скорее дайте мне плащ и шляпу, я уйду...

– Да? Но что это значит?

– Эти два господина, которые только что вошли... Вы видите того высокого? Так вот, когда будете выходить, держитесь слева, чтобы он меня не заметил.

– Тот, который садится позади вас?

– Да. По некоторым причинам личного характера я предпочел бы... На улице я вам все объясню.

– Но кто это?

– Херлок Шолмс.

Арсен Люпен, словно устыдившись своего волнения, сделал над собой усилие, отложил салфетку, выпил стакан воды и сказал, улыбаясь и совершенно придя в себя:

– Глупо, правда? Меня не так просто вывести из себя, но это неожиданное появление...

– Чего вы опасаетесь? Никто не сможет узнать вас, учитывая все ваши переодевания. Даже мне при каждой новой встрече с вами кажется, что я вижу перед собой другого человека.

– Он узнает меня. Он видел меня всего один раз, но я почувствовал, что он рассмотрел меня, увидел не мою вечно меняющуюся внешность, а мою истинную сущность... к тому же... к тому же... я, черт возьми, не ожидал! Какая необычная встреча... в этом маленьком ресторанчике...

– Ну что, – сказал я ему, – уходим?

– Нет... нет...

– Как вы поступите?

– Лучше всего было бы действовать открыто... поговорить с ним...

– Вы собираетесь это сделать?

– Да нет, думаю... я мог бы расспросить его, узнать, что ему известно... Мне кажется, я затылком ощущаю его взгляд... он ищет... вспоминает...

Он задумался. Я видел лукавую улыбку на его губах. Затем, руководствуясь, как мне кажется, в большей мере порывом, чем обстоятельствами, Арсен Люпен развернулся и, поклонившись, весело произнес:

– Какой случай! В самом деле, какое счастье... Позвольте познакомить вас с моим другом...

На какое-то мгновение англичанин растерялся, потом инстинктивно качнулся вперед, словно собираясь броситься на Арсена Люпена. Тот покачал головой:

– Вы были бы не правы... Я уж молчу, что такой жест был бы некрасив... и совершенно бесполезен!

Англичанин посмотрел по сторонам, будто надеясь на помощь.

– Не стоит, – сказал Арсен Люпен. – Вы уверены, что в состоянии задержать меня? Ну же, тогда покажите себя достойным игроком.

Показать себя достойным игроком в данном случае было не так уж заманчиво. Тем не менее, возможно, именно это решение показалось англичанину наилучшим, потому что он привстал и представил второго мужчину:

– Господин Вилсон, мой друг и сотрудник.

– Арсен Люпен.

Изумление Вилсона было не передать! Вытаращенные глаза и широко открытый рот на лоснящемся лице с блестящей, туго натянутой, как кожура яблока, кожей, которое обрамляли бобрик волос и короткая бородка, напоминавшая буйные заросли травы.

– Вилсон, вы даже не скрываете своей растерянности перед самыми что ни на есть естественными житейскими обстоятельствами, – насмешливо произнес Херлок Шолмс.

Вилсон пробормотал:

– Почему вы не задержите его?

– Вы не заметили, Вилсон, что этот джентльмен стоит между мною и дверью, причем в двух шагах от нее? Я не успею и пальцем пошевелить, как он окажется на улице.

– Не стоит об этом и говорить, – отозвался Люпен, обошел вокруг стола и сел так, чтобы англичанин находился между ним и дверью.

Вилсон посмотрел на Шолмса, желая понять, имеет ли он право восхититься этим смелым поступком. Англичанин сохранял невозмутимый вид. Помедлив секунду, он позвал:

– Гарсон!

Прибежал гарсон, и Шолмс распорядился:

– Содовую, пиво и виски.

Перемирие было подписано... до следующего приказа. Вскоре мы, все четверо, сидели за одним столом и спокойно беседовали.

Херлок Шолмс – это человек... каких можно встретить на каждом шагу: лет пятидесяти, похож на доброго буржуа, прошедшего всю жизнь в конторе, за бухгалтерскими книгами. Он ничем не отличается от любого почтенного лондонца: рыжеватые бакенбарды, выбритый подбородок, склонность к полноте. Если бы не взгляд – острый, живой, проницательный.

Кроме того, это – Херлок Шолмс, то есть своего рода феномен интуиции, наблюдательности, проницательности и изобретательности. Можно подумать, что природа позабавилась, соединив два самых необычных типа полицейских, каких только можно себе представить, – Дюпена Эдгара По и Лекока Габорио, – чтобы произвести на свет человека еще более необычного и невообразимого. Слыша рассказы, прославившие его на весь мир, задаешься вопросом: существует ли этот Херлок Шолмс на самом деле, не является ли он легендарным персонажем, плодом фантазии такого великого романиста, как Конан Дойл?

Как только Арсен Люпен спросил Шолмса о продолжительности его визита во Францию, разговор перешел в нужное русло.

- Длительность моего пребывания здесь зависит от вас, мсье Люпен.
- О! - засмеялся Люпен. - Если бы это зависело от меня, я попросил бы вас сесть на корабль сегодня же вечером.
- Сегодня вечером - несколько рановато, но, надеюсь, через дней восемь-десять...
- Вы так торопитесь?
- У меня сейчас столько дел: кража в Англо-Китайском банке, похищение леди Эккльстон... Послушайте, господин Люпен, а вы как полагаете: одной недели достаточно?
- Вполне, если речь идет о голубом бриллианте. Этого времени мне хватит, чтобы принять некоторые меры предосторожности, если расследование двойного дела даст вам определенные преимущества, опасные для меня.
- Именно, - сказал англичанин, - и я рассчитываю получить эти преимущества в течение восьми-десяти дней.
- И, вероятно, арестовать меня на одиннадцатый день?
- На десятый, это последний срок.

Люпен задумался и покачал головой.

- Сложно... сложно...
- Сложно - да, но возможно. Следовательно, это случится...
- Совершенно точно случится, - заявил Вилсон, как будто перед его взором стояла длинная череда операций, которые приведут его коллегу к заявленному результату.

Херлок Шолмс улыбнулся.

- Вилсон, который разбирается в этом, готов подтвердить. - И продолжил: - Разумеется, у меня нет на руках всех козырей, потому что речь идет о делах, длившихся несколько месяцев. Мне не хватает деталей, доказательств, на которые я имею обыкновение опираться в ходе расследований.
- Вроде пятен грязи и сигаретного пепла, - произнес Вилсон многозначительно.
- Помимо любопытных выводов господина Ганимара, я располагаю статьями, написанными по этому поводу, собранными уликами и, наконец, собственными мыслями на сей счет.
- И у нас есть некоторые выводы, возникшие в результате анализа, а также гипотезы, - нравоучительным тоном добавил Вилсон.

– Не покажется ли это нескромным, – произнес Арсен Люпен почтительным тоном, – не покажется ли нескромным, если я спрошу о главном выводе, который вы сделали?

Это было захватывающее зрелище: наблюдать двух таких противников, сидящих бок о бок за столом, будто решающих сложную задачу или договаривающихся по какому-то спорному вопросу. Они держались с той легкой ироничностью, которой оба владели превосходно, – как любители и как профессионалы. Вилсон же млел от удовольствия.

Херлок медленно набил трубку, зажег ее и сказал следующее:

– Надеюсь, это дело намного проще, чем кажется на первый взгляд.

– Действительно, намного проще, – эхом отозвался верный Вилсон.

– Я говорю «дело», так как, на мой взгляд, оно одно. Смерть барона д’Отрека, история с кольцом и, не будем забывать, тайна билета номер 514 серии 23 – все это лишь разные стороны того, что можно назвать загадкой Белокурой дамы. Так вот, на мой взгляд, речь идет о том, чтобы найти нить, связующую эпизоды одной истории, факт, доказывающий сходство методов во всех трех случаях. Ганимар, рассуждения которого несколько поверхностны, видит это сходство в способности исчезать, в способности уходить и возвращаться, оставаясь невидимым. Это привнесение сверхъестественного меня не устраивает.

– Ваше мнение?

– Мое мнение заключается в том, – четко произнес Шолмс, – что все три истории объединяет ваш очевидный, явный замысел – до сих пор никем не разгаданный! – осуществлять преступление на намеченной вами территории. Вот в чем ваш план, потребность, *conditio sine qua non* успеха.

– Не могли бы вы поделиться некоторыми деталями?

– Охотно. Итак, разве с самого начала вашего конфликта с господином Жербуа не было очевидно, что квартира мэтра Дэтинана – это выбранное вами место, где вы неизбежно должны были собраться? Нет другого, которое казалось бы вам более надежным до такой степени, что вы назначаете там свидание, можно сказать, публичное, Белокурой даме и мадемуазель Жербуа.

– Дочери учителя, – уточнил Вилсон.

– Теперь поговорим о голубом бриллианте. Пытались ли вы завладеть им, когда он принадлежал барону д’Отреку? Нет. Но вот барон поселяется в особняке своего брата – и через полгода появляется Антуанетта Бреа, совершается первая попытка. Бриллиант ускользает от вас, и тогда с большой помпой организуется продажа в особняке Друо. Будет ли она свободной, эта продажа? Уверен ли самый богатый коллекционер в том, что получит драгоценность? Отнюдь. В тот момент, когда банкир Хершманн готов ей завладеть, некая дама передает ему письмо с угрозами, и графиня де Крозон, подготовленная и находящаяся под влиянием той же самой дамы, покупает бриллиант. Исчезнет ли он в тот же момент? Нет, для этого у вас

нет возможности. Вы делаете паузу. Графиня поселяется в своем замке. Вы именно этого и ждали. Перстень исчезает.

– Чтобы снова появиться в мыльном порошке консула Блейхена. Невероятное чудо! – замечает Люпен.

– Прошу заметить, – возмутился Херлок, – мне такого вздора рассказывать не надо. Пусть на это ведутся дураки, пусть, но не такой старый лис, как я!

– И это значит...

– Это значит, что...

Шолмс сделал паузу, как будто бы желая произвести особый эффект, и наконец сообщил:

– Голубой бриллиант, найденный в мыльном порошке, фальшивый. Настоящий бриллиант вы оставили у себя.

Арсен Люпен какое-то время молчал, затем, пристально глядя на англичанина, без всякой напыщенности сказал:

– Вы опасный человек, мсье.

– Да-да, опасный, не правда ли? – поддержал его Вилсон, выпучив глаза от восхищения.

– Да, – согласился Люпен, – все проясняется, все становится на свои места. Ни один из следователей, ни один из профессиональных журналистов, следящих за этими делами, не продвинулся так далеко в поисках разгадки. У вас потрясающая интуиция и логика.

– Да чего уж там, – скромно сказал англичанин, польщенный комплиментом такого знатока, – достаточно было просто подумать.

– Надо уметь думать, а на это мало кто способен! Но теперь, когда область поисков сузилась и дорога расчищена...

– Стало быть, теперь мне остается только понять, почему все три события разворачивались в доме двадцать пять по улице Клапейрон, в доме сто тридцать четыре на авеню Анри-Мартен и в стенах замка де Крозон? Все дело в этом. Остальное – всего лишь вздор и детские шарады. Вы согласны, не правда ли?

– Согласен.

– В таком случае, мсье Люпен, стоит ли повторять, что в течение десяти дней моя миссия будет завершена?

– Да, в течение десяти дней вам станет известна правда.

– И вы будете арестованы.

– Нет.

– Нет?

– Для того чтобы я был арестован, необходимо стечение таких невероятных обстоятельств, такая череда неприятных и ошеломляющих случайностей, что я даже не допускаю подобной возможности.

– На что не способны обстоятельства и противоречивые случайности, на то способны воля и упорство человека, господин Люпен.

– Если только воля и упорство другого человека не поставят перед этим намерением непреодолимое препятствие, господин Шолмс.

– Не существует непреодолимых препятствий, господин Люпен.

Они обменялись пронизательными взглядами – не провоцирующими, но спокойными и смелыми. Это было подобно соприкосновению двух вложенных в ножны шпаг и выглядело честно и открыто.

– В добрый час, – воскликнул Люпен, – вот это я понимаю! Настоящий противник – птица редкая. Вот он – Херлок Шолмс! Позабавимся!

– Не боитесь? – спросил Вилсон.

– Немного боюсь, господин Вилсон, – сказал Люпен, вставая, – и доказательством будет то, что я ускорю свою подготовку к отступлению... иначе рискую быть загнанным в угол. Так мы договорились, господин Шолмс: десять дней?

– Десять дней. Сегодня у нас воскресенье. Во вторник в восемь все будет закончено.

– И я окажусь в тюрьме?

– Без сомнения.

– Черт возьми, а я-то наслаждался мирной жизнью! Никаких хлопот, дела идут своим чередом, к черту полицию, бодрящее ощущение всеобщей симпатии... И надо же было всему перемениться! Вот она – обратная сторона медали... после хорошей погоды – дождь... тут уж не до смеха. Прощайте!

– Поторопитесь, – воскликнул Вилсон, преисполненный участия к человеку, питавшему явное уважение к Шолмсу, – не теряйте ни минуты!

– Ни минуты, господин Вилсон. У меня только и остается время сказать, какое счастье я испытываю от нашей встречи и как завидую мэтру, у которого такой ценный соратник, как вы.

Они галантно раскланялись, как противники на дуэли, не испытывающие друг к другу ненависти, которых судьба вынуждает драться до последнего. И Люпен, схватив за руку, увлек меня прочь.

– Ну, что скажете, дорогой мой? Вот это ужин! Его детали займут достойное место в воспоминаниях, что вы напишете обо мне. – Остановившись в нескольких шагах от ресторана, он спросил: – Вы курите?

– Нет, и вы, сдается мне, тоже.

– Да, и я не курю.

Он зажег сигарету восковой спичкой и потряс ею, чтобы потушить. Затем выбросил сигарету, перебежал через дорогу и догнал двух мужчин, появившихся из темноты, будто по сигналу. Несколько минут он разговаривал с ними, потом вернулся ко мне.

– Прошу прощения, этот чертов Шолмс ставит меня в затруднительное положение. Но, клянусь вам, с Арсеном Люпенем так просто не справиться... Черт возьми, я еще ему покажу! До свиданья! Бесподобный Вилсон прав: я не могу терять ни минуты.

И он поспешно удалился.

Так закончился этот странный вечер – по крайней мере та часть этого вечера, свидетелем которой я был. Потому что в последующие часы произошло еще много других событий, восстановить детали которых мне, к счастью, позволили свидетельства других участников этого ужина.

В тот момент, когда мы раскланялись с Люпенем, Херлок Шолмс достал из кармана часы и тоже встал из-за стола.

– Без двадцати девять. В девять часов я должен снова встретиться с графом и графиней на вокзале.

– В путь! – воскликнул Вилсон, опрокидывая два стакана виски один за другим.

Они вышли.

– Вилсон, не оборачивайтесь, возможно, за нами следят. Будем действовать так, будто нам это безразлично... Скажите, Вилсон, как вы думаете, почему Люпен оказался в этом ресторане?

Вилсон долго не раздумывал.

– Пришел поужинать.

– Вилсон, чем дольше мы работаем вместе, тем больше я замечаю, что вы непрестанно совершенствуетесь. Честное слово, вы меня удивляете.

Вилсон покраснел от удовольствия, хоть этого и не было видно в темноте, а Шолмс продолжил:

– Согласен, он пришел поужинать. И, вполне вероятно, выяснить, еду ли я в Крозон, как сообщил в интервью Ганимар. Так вот, я поеду, чтобы ему не противоречить. Но, поскольку надо выиграть время, я не еду.

– О! – только и сказал озадаченный Вилсон.

– Вы, друг мой, убегаете по этой улице, нанимаете один, второй, третий экипаж. Потом возвращаетесь на вокзал за вещами и галопом в «Элизе-Палас».

– В «Элизе-Палас»?

– Снимите номер, переночуйте, выспитесь и ждите моих инструкций.

Вилсон удалился, преисполненный гордости за роль, которая была ему отведена. Херлок Шолмс купил билет и отправился на амьенский экспресс, где уже сидели граф и графиня.

Он молча кивнул им и, устроившись в коридоре, раскурил вторую трубку.

Поезд тронулся. Через десять минут Шолмс сел рядом с графиней и спросил:

– Кольцо у вас, мадам?

– Да.

– Будьте любезны передать его мне. – Он осмотрел его и сказал: – Так я и думал. Это искусственный бриллиант.

– Искусственный бриллиант?

– Новый метод: бриллиантовая пыль нагревается до огромных температур и начинает плавиться, а потом из нее делают камень.

– Как?! Но мой бриллиант настоящий!

– Ваш, мадам, да. Но этот камень – не ваш.

– А где же мой?

– Он в руках Арсена Люпена.

– А этот откуда?

– Этим подменили ваш. А потом искусственный бриллиант засунули во флакон господина Блейхена, где его и нашли.

– Так он фальшивый?

– Вот именно: фальшивый.

Потрясенная графиня молчала, а ее муж недоверчиво разглядывал перстень. Наконец она прошептала:

– Возможно ли это? Но почему он просто не похитил его? И как он его взял?

– Именно это я и постараюсь выяснить.

– В замке де Крозон?

– Нет, я выйду в Крейле и вернусь в Париж. Именно там мы с Арсеном Люпенем сыграем свою партию. Удары можно наносить из любого места, но лучше, если Люпен будет думать, что я путешествую.

– Однако...

– Какая вам разница, мадам? Главное – это ваш бриллиант, не так ли?

– Да.

– Так вот, успокойтесь. Я беру на себя обязательство, которое трудно выполнить, и все же честное слово Херлока Шолмса: я верну вам настоящий бриллиант.

Поезд замедлял ход. Шолмс положил фальшивый бриллиант в карман и открыл дверь. Граф крикнул:

– Но вы выходите не на ту сторону!

– Если Люпен следит за мной, я собью его со следа. Прощайте!

Напрасно какой-то служащий протестовал. Англичанин направился в кабинет начальника вокзала. Пятьюдесятью минутами позже он прыгнул в поезд, который незадолго до полуночи привез его в Париж.

Он пробежал по вокзалу, вернулся через буфет, вышел через другую дверь и направился к фиакру.

– Кучер, на улицу Клапейрон.

Убедившись, что за ним не следят, Херлок Шолмс велел остановиться в начале улицы, внимательно изучил дом мэтра Дэтинана и два соседних дома, шагами измерил некоторые расстояния, сделал пометки и записал какие-то цифры в своем блокноте.

– Кучер, на авеню Анри-Мартен.

На углу авеню и улицы де ля Помп он остановил экипаж, прошел по тротуару до дома 134 и повторил те же действия перед старинным особняком барона д'Отрека и двумя соседними зданиями, примыкавшими к нему, измеряя ширину соответствующих фасадов и длину небольших палисадников перед ними.

Улица была пустынной и очень темной. Ее затеняли четыре ряда деревьев, между которыми местами виднелись газовые фонари, безуспешно боровшиеся с густыми сумерками. Один из фонарей слабо освещал часть особняка, и Шолмс рассмотрел объявление «Сдается» на решетке ограды, две неухоженные аллеи, окаймлявшие маленькую лужайку, и широкие окна нежилого дома.

«А ведь, – подумал он, – после смерти барона жильцов тут нет... О, если бы я мог войти и нанести первый визит!»

Стоило этой идее прийти в голову, как ему тут же захотелось привести ее в исполнение. Но как? Высота ограды делала невозможной любую попытку перелезть через нее. Херлок Шолмс достал из кармана электрический фонарик и отмычку, с которой не расставался, и тут, к своему большому удивлению, заметил, что калитка приоткрыта. Он проскользнул в сад, постаравшись не зацепить ее, но не успел сделать и трех шагов, как в одном из окон третьего этажа мелькнул луч света.

Луч переметнулся ко второму окну, потом к третьему, но Шолмс смог рассмотреть только чью-то тень на стенах. С третьего этажа свет переместился на второй и долго блуждал из комнаты в комнату.

«Кто, черт возьми, может разгуливать в час ночи по дому, где был убит барон?» – подумал чрезвычайно заинтригованный англичанин.

Был только один способ узнать это – проникнуть в дом самому. Херлок Шолмс не колебался. Но в тот момент, когда он подходил к крыльцу, пересекая полосу света от газового фонаря, неизвестный, должно быть, заметил его, поскольку свет в доме внезапно погас и больше не загорался.

Шолмс тихонько толкнул дверь, выходящую на крыльцо. Она была открыта. Не услышав никакого шума, он отважился шагнуть в темноту, ухватился за круглые перила и поднялся на этаж выше. По-прежнему тишина и такая же темнота.

Дойдя до площадки, он пробрался в комнату и подошел к окну, свет из которого чуть рассеивал ночной мрак. И тут заметил снаружи человека, который, видимо, спустился по второй лестнице, вышел через другую дверь и двинулся влево вдоль кустов, росших у стены между двумя палисадниками.

«Проклятье, – подумал Шолмс, – он ускользнет от меня!»

Он сбежал вниз по лестнице и бросился к входу, чтобы отрезать человеку путь к отступлению. Там уже никого не было, но ему понадобилось несколько секунд, чтобы различить в зарослях кустов темную фигуру.

Англичанин задумался. Почему человек не сбежал, хотя легко мог это сделать? Остался ли он, чтобы понаблюдать за посторонним, помешавшим в его загадочных делах?

«В любом случае, – подумал он, – это не Арсен Люпен. Он был бы ловчее. Похоже, это кто-то из его шайки».

Тянулись минуты. Херлок Шолмс замер, пристально глядя на подстерегавшего его противника. Но поскольку тот тоже не шевелился, а англичанин был не из тех, кто долго бездействует, то он проверил барабан револьвера, достал кинжал из ножен и двинулся на врага с решительностью, отвагой и презрением к опасности, которые делали его столь грозным. Раздался сухой щелчок – это неизвестный взвел курок револьвера. Херлок бросился в заросли. Человек не успел обернуться, как англичанин уже прыгнул на него. Началась яростная, отчаянная борьба, во время которой неизвестный попытался достать нож, но Шолмс, которого распаляла мысль о предстоящей победе и безумное желание задержать пособника Арсена Люпена, был

неудержим. Он опрокинул противника на землю, всем телом навалился на него и сжал горло врага. Потом свободной рукой достал электрический фонарик, нажал на кнопку и посветил ему в лицо.

– Вилсон! – прорычал он страшным голосом.

– Херлок Шолмс... – сдавленно прошептал тот в ответ.

Они долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова, ошеломленные и растерянные. Прозвучал клаксон автомобиля, ветер зашелестел листьями... Херлок Шолмс не шевелился, его пятерня продолжала сжимать горло Вилсона, издававшего все более слабый хрип.

Наконец взбешенный Шолмс резким движением оттолкнул друга, а после схватил его за плечи и принялся исступленно трясти.

– Что вы тут делаете? Ответьте, что?! Разве я говорил, чтобы вы прятались в зарослях и шпионили за мной?

– Шпионить за вами?! – прохрипел Вилсон. – Да я не знал, что это вы.

– Тогда что случилось? Что вы тут делаете? Вы должны были уже лечь спать.

– Я и улегся.

– Надо было спать!

– Я спал.

– Не надо было просыпаться!

– Ваше письмо...

– Мое письмо?

– Да, письмо, которое посыльный доставил в гостиницу от вашего имени.

– От моего имени? Вы с ума сошли!

– Клянусь вам!

– Где это письмо?

Друг протянул ему лист бумаги, и при свете фонаря Шолмс с удивлением прочитал:

«Вилсон, вставайте и бегите на авеню Анри-Мартен. Дом пуст. Войдите, осмотрите его, составьте точный план и возвращайтесь спать. Херлок Шолмс»

– Я как раз измерял комнаты, – сказал Вилсон, – когда увидел тень в саду. Мне в голову пришла только одна мысль...

– Укрыться в тени... отличная идея... Только, видите ли, – сказал Шолмс, помогая напарнику подняться, – в следующий раз, Вилсон, когда вы получите от меня письмо, сначала удостоверьтесь, что почерк не подделан.

– Выходит, – произнес тот, начиная прозревать, – письмо не от вас?

– Увы! Нет.

– А от кого?

– От Арсена Люпена.

– Но зачем он его написал?

– Об этом я ничего не знаю, и как раз это меня удивляет. Зачем, черт побери, он решил вас побеспокоить? Я бы еще понял, если бы речь шла обо мне, но в данном случае... И я не понимаю, какой смысл...

– Вернись-ка я в отель.

– И я тоже, Вилсон.

Они подошли к ограде. Вилсон, шедший впереди, потянул калитку на себя.

– Смотрите-ка, – удивился он, – вы закрыли ее?

– Да нет, я оставил калитку приоткрытой.

– Тем не менее...

Херлок Шолмс подергал калитку, потом принялся осматривать замок.

– Потрясающе! Закрыто. Заперто на ключ!

Он изо всех сил потряс калитку, но, осознав тщетность своих усилий, потеряв всякую надежду, опустил руки и срывающимся голосом произнес:

– Теперь все понятно, это он! Он предвидел, что я сойду в Крейле, и расставил мышеловку на случай, если я начну расследование сегодня же вечером. Кроме того, он оказал мне любезность и прислал собрата по заточению И все это для того, чтобы я потерял день, чтобы доказать: в его дела лучше не вмешиваться!

– Это значит, что мы – пленники.

– Вы подыскивали точное определение. Херлок Шолмс и Вилсон – пленники Арсена Люпена. Отлично начинается приключение... Но нет, этого нельзя допустить!

Рука Вилсона легла ему на плечо.

– Наверху... посмотрите... свет...

В одном из окон второго этажа действительно виднелся свет.

Они бросились назад по разным лестницам и одновременно оказались у входа в освещенную комнату. Там догорал огарок свечи. Рядом стояла корзинка, из которой торчали горлышко бутылки, куриные ножки и половина булки.

Херлок Шолмс расхохотался.

– Отлично, нам подали ужин. Это волшебный дворец. Настоящая феерия! Ну же, Вилсон, не делайте постной физиономии. Все это чрезвычайно смешно.

– Вы уверены, что это так уж смешно? – вздохнул мрачный Вилсон.

– Уверен ли я? – вскричал Шолмс с веселостью слишком бурной, чтобы быть естественной. – Да я никогда не видал ничего смешнее! Он отличный комедиограф, просто-таки мастер-юморист, этот Арсен Люпен. Он руководит нами, но как изящно... Я не уступил бы своего места на этом пиршестве за все золото мира... Вилсон, старина, вы меня огорчаете. Неужели я ошибся и у вас нет благородства характера, что позволяет достойно перенести неудачу? О чем вы сожалеете? Лежали бы вы сейчас с перерезанным моим кинжалом горлом... или я – вашим кинжалом... Ведь вы именно кинжал пытались достать, вздорный вы человек!

Своим юмором и сарказмом ему удалось привести беднягу Вилсона в чувство, заставить проглотить куриную ножку и стакан вина. Но, когда свеча погасла и пришлось лечь спать прямо на паркетном полу, используя стену в качестве подушки, стало ясно, насколько смешна и одновременно невыносима эта ситуация. И сон их был печален.

Утром Вилсон проснулся от того, что продрог. Легкий шум привлек его внимание. Херлок Шолмс, стоя на коленях, через лупу рассматривал комочки пыли и остатки полустертых надписей мелом, напоминавших цифры. Эти цифры он переписывал в свой блокнот.

В сопровождении Вилсона, которого очень заинтересовало происходящее, он изучил каждую комнату, и еще в двух обнаружил такие же надписи мелом. Также он отметил два круга на дубовых панно, одну стрелку на облицовочной панели и четыре цифры на четырех ступенях лестницы.

Через час Вилсон сказал:

– Цифры точные, правда?

– Точные? Не знаю, – ответил Херлок Шолмс, которому находки вернули хорошее расположение духа, – во всяком случае, они что-то обозначают.

– Что-то очень понятное, – сказал Вилсон, – они обозначают количество паркетин.

– Даже так?

– Да. Что касается двух окружностей, то они показывают, что панели фальшивые, как вы могли убедиться, а стрелка указывает в направлении подъемника для подачи блюд из кухни.

Херлок Шолмс восхищенно посмотрел на него.

– Вот как! Дружище, откуда вы все это знаете? Ваша проницательность заставляет меня краснеть.

– Что ж, все очень просто, – ответил Вилсон, едва не лопааясь от счастья, – это я начертил их вчера вечером, следуя вашим инструкциям.. или, скорее, следуя инструкциям Люпена, поскольку адресованное мне письмо было от него.

Вероятно, в эту минуту Вилсону угрожала опасность более страшная, чем во время борьбы в кустах. Шолмсу зверски хотелось задушить его. Превозмогая себя, он скривил гримасу – некое подобие улыбки! – и произнес:

– Отлично, отлично, поистине превосходная работа, благодаря которой мы очень продвинулись вперед. На чем еще вы упражняли свой великолепный аналитический ум и наблюдательность? Я бы воспользовался полученными результатами.

– По правде сказать, на этом я остановился.

– Досадно, начало было многообещающее... Но если дело обстоит таким образом, то нам остается только удалиться.

– Удалиться? Но как?

– Обычным для порядочных людей способом, через дверь.

– Она заперта.

– Мы ее откроем.

– Как?

– Будьте так любезны позвать двух полицейских, дефилирующих по улице.

– Но...

– Что «но»?

– Это слишком унижительно... Что будут говорить, узнав, что Херлок Шолмс и Вилсон стали пленниками Арсена Люпена?!

– А как вы хотели, дорогой мой? Да, смеяться будут до упаду, – ответил Херлок с кривой улыбкой. – Но не можем же мы оставаться в этом доме.

– И вы даже не попытаетесь что-то сделать?

– Нет.

– Но ведь человек, принеший корзинку с провизией, не прошел через сад. Значит, существует другой выход. Давайте поищем его, и тогда не придется прибегать к помощи полицейских.

– В высшей степени рассудительно. Вот только вы забываете, что этот выход искала вся полиция Парижа в течение полугода, и я, пока вы спали, осмотрел особняк снизу доверху. Ах, дорогой мой Вилсон, Арсен Люпен – это такая дичь, к которой мы не привыкли. Он не оставляет за собой следов...

В одиннадцать часов Херлок Шолмс и Вилсон были освобождены... и препровождены в ближайший полицейский участок, где комиссар допросил их по всей строгости, а затем отпустил, сопровождая все это неестественной обходительностью, приводившей арестованных в отчаяние.

– Я чрезвычайно огорчен, господа, тем, что случилось, ведь у вас может создаться ложное впечатление о французском гостеприимстве. Боже мой, какую ночь вы, должно быть, провели! Ах! Этот Люпен совершенно лишен всякой почтительности.

Экипаж отвез их в «Элизе-Палас». На входе Вилсон попросил ключ от своего номера.

Чрезвычайно удивленный служащий ответил:

– Мсье, но вы же отказались от этого номера.

– Я? Каким образом?

– Письмом, которое ваш друг принес нам сегодня утром.

– Какой друг?

– Господин, вручивший нам письмо... Погодите, к нему еще прилагалась визитка. Вот они.

Вилсон взял письмо и визитку. Действительно, это была одна из его визиток, а письмо было написано его почерком.

– Великий боже, – прошептал он, – еще одна подлая шутка! – И он обеспокоенно добавил: – А мои вещи?

– Ваш друг их забрал.

– Вот как! И вы их отдали?

– Конечно, потому что ваша визитка позволяла нам это сделать.

– В самом деле... в самом деле...

Они медленно, не говоря ни слова, побрели куда глаза глядят по Елисейским Полям. Теплое осеннее солнышко освещало улицу, дул ласковый ветерок.

На площади Рон-Пуан Херлок раскурил трубку и снова зашагал вперед.

– Не понимаю вас, Шолмс, – не выдержал Вилсон, – вы так спокойны. Над вами смеются, с вами играют, как кошка с мышкой, а вы ни слова в ответ!

Шолмс остановился и ответил:

– Вилсон, я думаю о вашей визитке.

– И что?

– А вот что: перед нами человек, который, предвидя возможную борьбу, обзавелся образцами вашего и моего почерков. У него была наготове одна из ваших визиток. Вы представляете, сколько в этом предусмотрительности, проницательности, методичности и организованности?

– И о чем это говорит?

– Это, Вилсон, говорит о том, что для сражения с таким великолепно вооруженным и подготовленным врагом, для победы над ним надо быть... Надо быть мною. Кроме того, Вилсон, – добавил Херлок Шолмс, смеясь, – не все удается с первого раза.

В шесть часов вечера в «Эко де Франс» была опубликована следующая заметка:

«Сегодня утром господин Тенар, комиссар полиции 16-го округа, освободил господ Херлока Шолмса и Вилсона, запертых стараниями Арсена Люпена в особняке покойного барона д’Отрека, где они провели великолепную ночь. Кроме того, они лишились своих вещей, за что и подали жалобу на Арсена Люпена.

На этот раз Арсен Люпен довольствовался тем, что преподавал им небольшой урок, и просит не вынуждать его к применению более суровых мер».

– Вот как! – фыркнул Херлок Шолмс, комкая газету. – Что за ребячество! Это единственный упрек, который я могу адресовать Люпену. Он слишком любит играть на публику. В этом человеке есть что-то от уличного мальчишки!

– Так что же, Херлок, продолжаем сохранять спокойствие?

– Продолжаем сохранять спокойствие, – ответил Шолмс с интонацией, в которой слышалась ярость. – С чего бы мне выходить из себя? Я совершенно уверен, что ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО БУДЕТ ЗА МНОЙ!

Глава 4

Мрак начинает рассеиваться

Каким бы стойким ни был человек по своей природе (а Херлок Шолмс из тех людей, которые не ломаются под ударами судьбы), случаются обстоятельства, когда самые закаленные люди испытывают необходимость собраться с силами, чтобы снова ринуться в бой.

– Сегодня у меня выходной, – заявил он.

– А я?

– А вы, Вилсон, займетесь покупкой одежды, чтобы пополнить наш гардероб. Я в это время отдохну.

– Отдыхайте, Шолмс, я буду бодрствовать.

Вилсон произнес эти слова с важностью стража, поставленного на форпосте и, следовательно, подвергающегося самым страшным опасностям. Он выпятил грудь, напряг мускулы, зорко всматриваясь в пространство маленького гостиничного номера, который они избрали своим приютом.

– Бодрствуйте, Вилсон. Я воспользуюсь этим, чтобы подготовить план кампании, соответствующей противнику, с которым нам предстоит сразиться. Видите ли, Вилсон, мы ошиблись в Люпене. Придется начать с самого начала.

– Даже еще раньше. Вот только есть ли у нас время?

– Девять дней, старина! Из них пять будут лишними.

Всю вторую половину дня англичанин курил и спал. И только на следующее утро начал действовать.

– Вилсон, я готов, пора в путь.

– В путь! – вскричал Вилсон, преисполненный воинственного рвения. – Признаюсь, я уже засиделся.

У Шолмса состоялись три продолжительные встречи: сначала с мэтром Дэтинаном, жилище которого он изучил до малейших деталей; с Сюзанной Жербуа, которой он телеграфировал о своем визите и которую расспросил о Белокурой даме, и наконец с сестрой Августой, удалившейся в монастырь ордена Визитации после убийства барона д'Отрека.

Во время каждого визита Вилсон поджидал на улице и всякий раз спрашивал:

– Вы удовлетворены?

– Весьма.

– Я уверен, что мы на правильном пути.

Они много ходили. Посетили два здания, окружавшие особняк на авеню Анри-Мартен, потом дошли до улицы Клапейрон. Рассматривая фасад дома номер 25, Шолмс пробормотал:

– Ясно, что существуют тайные ходы между этими зданиями... но вот чего я не могу понять...

В глубине души (и это случилось впервые) Вилсон усомнился в могуществе своего гениального коллеги. Почему он так много говорит и так мало действует?

– Почему? – вскричал Шолмс, словно отвечая на тайные мысли Вилсона. – Да потому что с этим чертовым Люпенем мы работаем наугад – вместо того чтобы установить истину на основании фактов, мы должны извлекать ее из собственной головы и проверять, действительно ли она соответствует реальным событиям.

– Так, значит, тайные ходы?

– Разумеется! Но продвинулся ли я в деле, когда познакомлюсь с человеком, который позволил Люпену войти к адвокату, или с тем, кто следил за Белокурой дамой после убийства барона д'Отрека? Станет ли это оружием при наступлении?

– Будем наступать! – воскликнул Вилсон.

Не успел он произнести эти слова, как с криком отпрянул назад. Что-то упало к его ногам – мешок, наполовину наполненный песком, способный тяжело ранить.

Херлок Шолмс поднял голову: на строительных лесах, прикрепленных к балкону шестого этажа, стояли двое рабочих.

– Вот так! Нам повезло, – сказал он, – еще шаг, и мы бы получили по голове мешком, оброненным одним из этих растяп. И в самом деле, можно подумать...

Он осекся, бросился к дому, поднялся на шестой этаж, позвонил, к великому ужасу лакея ворвался в помещение и выскочил на балкон. Никого.

– Где рабочие, которые тут были? – спросил он у лакея.

– Они только что ушли.

– Как?

– Да через черный ход.

Херлок Шолмс посмотрел вниз и увидел двух мужчин, выходящих из дома. Они сели на велосипеды и скрылись из виду.

– Давно они работают на этих лесах?

– Эти-то? Да с сегодняшнего утра. Они новенькие.

Шолмс вернулся к Вилсону.

Второй день завершился в мрачном молчании. На следующий день программа действий была такой же. Они уселись на ту же скамейку на авеню Анри-Мартен. К величайшему отчаянию Вилсона, которого это вовсе не забавляло, они так и сидели рядом с тремя зданиями.

– На что вы надеетесь, Шолмс? Что Люпен выйдет из одного из этих домов?

– Нет.

– Что появится Белокурая дама?

– Нет.

– Тогда на что?

– Я надеюсь, что произойдет какое-то незначительное событие, совсем незначительное, которое послужит отправной точкой.

– А если не произойдет?

– Тогда произойдет что-нибудь во мне, и какая-то искра высечет пламя.

Всего лишь одно происшествие прервало монотонность утра, но самым неприятным образом.

Лошадь некоего господина, скакавшего по дорожке для верховой езды, расположенной между двумя тротуарами, рванула в сторону и опрокинула скамейку, на которой они сидели, да еще задела крупом Шолмса.

– Ну и ну! – засмеялся тот. – Еще немного – и у меня было бы сломано плечо!

Господин никак не мог справиться с лошадью. Англичанин достал револьвер и прицелился, но Вилсон схватил его за руку.

– Вы с ума сошли, Шолмс! Вы что, помилуйте... вы же убьете этого джентльмена!

– Да отпустите меня, Вилсон! Отпустите меня!

Завязалась борьба, во время которой неизвестный господин усмирил лошадь и пустил ее вскачь.

– Вот теперь стреляйте! – торжествуя, воскликнул Вилсон, когда всадник удалился на безопасное расстояние.

– Да вы трижды идиот! Неужели вы не поняли, что это был сообщник Арсена Люпена?

Шолмс дрожал от гнева. Бедняга Вилсон пробормотал:

– Что вы говорите? Этот джентльмен?

– Сообщник Люпена, как и рабочие, сбросившие нам на головы мешок.

– Да возможно ли это?

– Возможно или нет, но это был шанс добыть доказательство.

– Пристрелив того джентльмена?

– Застрелив его лошадь всего-навсего. Если бы не вы, у меня в руках был бы один из сообщников Люпена. Осознаете свою глупость?

Вторая половина дня была печальной. Они не обменялись ни словом. В пять часов, когда они ходили взад-вперед по улице Клапейрон, стараясь держаться подальше от домов, трое молодых рабочих, распевавших и державшихся за руки, толкнули их и хотели пройти дальше, не расступившись в стороны. Шолмс, у которого было дурное настроение, сцепился с ними. Началась потасовка. Шолмс встал в позу боксера и нанес одному удар в грудь, другому – в лицо, избив двоих из этой троицы. И те, не сопротивляясь, сбежали, как и их товарищ.

– Ну вот, – вскричал англичанин, – мне стало лучше! У меня были напряжены нервы... отличный случай... – Глядя на Вилсона, прислонившегося к стене, он спросил: – Что? Что с вами, старина, вы побледили!

Тот указал на свою вяло повисшую руку и прошептал:

– Не знаю, что со мной. Рука болит.

– Болит рука? И сильно?

– Да... да... правая рука...

Несмотря на все усилия, он не мог пошевелить рукой. Херлок ощупал ее, сначала слегка, потом сильнее, «чтобы оценить, – как он выразился, – уровень боли». Уровень боли был настолько высок, что, встревожившись, они зашли в аптеку по соседству, где Вилсон тут же упал в обморок.

Аптекарь и его помощники бросились им на помощь и пришли к выводу, что рука сломана. Встал вопрос о больнице, хирурге и операции. А пока они раздели пациента, который принялся стонать от боли.

– Ну же, ну, все хорошо, – приговаривал Шолмс, которому доверили поддерживать руку Вилсона, – потерпите, старина... пять-шесть недель, не больше... Но они поплатятся, мерзавцы... особенно он... потому что это снова проклятый Люпен нанес удар... Клянусь вам, что если когда-нибудь...

Внезапно он замолчал и отпустил руку, что вызвало у Вилсона такой приступ боли, что несчастный снова потерял сознание. Ударив себя по лбу, Херлок Шолмс произнес:

– Вилсон, мне пришла в голову одна мысль... А что, если... – Шолмс застыл, взгляд его остановился, он отрывисто бормотал: – Ну да, именно... это все объяснило бы... мы ищем вдали то, что находится рядом... черт меня побери, я знал об этом, стоило только поразмыслить... Ах, старина Вилсон, думаю, вы будете довольны!

Оставив старого друга, он выскочил на улицу и бросился к дому номер 25.

Наверху, справа от двери, на одном из камней было написано: «Детанж, архитектор, 1875».

На доме 23 – та же надпись.

Пока что все шло, как и следовало ожидать. Но там, на улице Анри-Мартен... Какая надпись будет там?

Мимо проезжал экипаж.

– Кучер, гони на авеню Анри-Мартен, дом сто тридцать четыре!

Стоя в экипаже, он подгонял лошадь и обещал чаевые кучеру. Быстрее! Еще быстрее!

Какая же тревога охватила его при повороте на улицу де ля Помп! Была ли хоть крупница правды в том, что он смутно предвидел?

На одном из камней особняка обнаружилась та же надпись: «Детанж, архитектор, 1874».

На соседних зданиях тоже: «Детанж, архитектор, 1874».

Эмоции были настолько сильны, что он несколько минут, дрожа от радости, сидел в глубине экипажа. Наконец-то в сумерках забрезжил маленький лучик! Среди темного леса, где переплетались тысячи тропинок, он увидел первый след, который оставил неприятель!

В почтовом отделении он попросил соединить его с замком Крозон. Графиня сама подошла к телефону.

– Алло! Это вы, мадам?

– Господин Шолмс, не так ли? У вас все в порядке?

– Все в порядке, но не могли бы вы прямо сейчас сказать мне... алло... одно только слово...

– Слушаю вас.

– Когда был построен замок Крозон?

– Он сгорел тридцать лет назад и был отреставрирован.

– Кем? В каком году?

– Над входом есть надпись «Люсьен Детанж, архитектор, 1877».

– Спасибо, мадам, до свидания.

Херлок Шолмс удалился, нашептывая:

– Детанж... Люсьен Детанж... Это имя мне знакомо.

Найдя читальный зал, он заглянул в новый биографический словарь и скопировал заметку, посвященную «Люсьену Детанжу, родившемуся в 1840 г., обладателю Гран-при в Риме, офицеру Почетного легиона, автору весьма ценных трудов по архитектуре...» и т. д.

Затем он зашел в аптеку, а оттуда в больницу, куда доставили Вилсона. Его старый приятель лежал на мученическом одре с загипсованной рукой и дрожал в лихорадке.

– Победа! Победа! – крикнул Шолмс. – Я ухватился за кончик ниточки.

– Какой ниточки?

– Той, что приведет меня к цели. Я стану продвигаться по надежному пути, на котором будут следы, улики...

– Сигаретный пепел? – поинтересовался Вилсон, который буквально ожил, узнав о таком повороте дела.

– И многое другое! Подумайте только, Вилсон, я обнаружил таинственную нить, объединяющую все похождения Белокурой дамы. Почему Люпен выбрал именно эти три дома?

– Ну да, почему?

– Да потому, Вилсон, что все три дома были построены одним и тем же архитектором. Легко было об этом догадаться, скажете вы? Конечно, но только никто об этом не подумал.

– Никто, кроме вас.

– Да. И кто, кроме меня, теперь знает, что один и тот же архитектор, используя одинаковые планировки, сделал возможным осуществление трех преступлений, таинственных с виду, а на поверку – простых и незамысловатых?

– Какое счастье!

– Был момент, старина, когда я начал терять терпение... потому что сегодня уже четвертый день.

– Из десяти.

– Да! Теперь... – Он не мог устоять на месте, против обыкновения возбужденный и веселый. – Нет, но как подумаю, что недавно, на улице, эти мерзавцы могли сломать мне руку, как и вам! Что скажете, Вилсон?

Вилсон только и мог, что вздрогнуть от столь ужасного предположения.

А Шолмс продолжил:

– Пусть этот урок пойдет нам на пользу! Видите ли, Вилсон, нашей величайшей ошибкой было бороться с Люпенем с открытым забралом и с готовностью подставляться под его удары. Это еще полбеды, потому что он смог добраться только до вас...

– И я отделался только сломанной рукой, – вздохнул Вилсон.

– Тогда как на вашем месте могли оказаться мы оба. Но хватит фанфаронства. Я был побежден при свете дня, когда за мной следили. Каковы бы ни были силы противника, я получу преимущество, когда уйду в тень и буду свободен в своих действиях.

– Ганимар мог бы вам помочь.

– Никогда! В день, когда мне позволено будет сказать: «Вот он, Арсен Люпен, вот его логово, вот как можно его схватить!» – я найду Ганимара по одному из двух адресов, которые он мне дал: у него дома на улице Перголез или в швейцарском трактире на пляс дю Шатле. А пока я буду действовать в одиночку.

Он подошел к кровати, положил руку Вилсону на плечо (разумеется, на больное плечо) и с большим чувством произнес:

– Поправляйтесь, старина. Отныне ваша роль заключается в том, чтобы отвлекать на себя внимание двух-трех сообщников Арсена Люпена, которые в ожидании моего визита к вам только напрасно будут терять время. Это ответственная роль.

– Ответственная роль. Благодарю вас, – ответил Вилсон, преисполненный благодарности, – я изо всех сил буду стараться сыграть ее добросовестно. Как я понимаю, вы сюда больше не вернетесь?

– Зачем? – холодно спросил Шолмс.

– В самом деле... в самом деле... я не так уж плохо себя чувствую. Тогда окажите мне последнюю услугу, Херлок: не могли бы вы дать мне попить?

– Попить?

– Да, я умираю от жажды, меня лихорадит...

– Конечно же, сейчас.

Он переставил две-три бутылки, нашел пачку табака, закурил трубку и вдруг, как если бы не слышал мольбы друга, удалился. Тогда как старый приятель пожирал взглядом недоступный ему стакан воды.

– Я к господину Детанжу!

Слуга смерил взглядом человека, которому открыл дверь особняка – великолепного особняка на углу площади Малерб и улицы Моншанен. При виде седого, плохо выбритого человечка в длинном черном рединготе сомнительной

чистоты, вполне подходившем к своеобразной, обиженной природой фигуре, он с приличествующим случаю презрением ответил:

– Дома господин Детанж или нет, зависит от обстоятельств. У мсье есть визитная карточка?

У господина не было визитки, но было рекомендательное письмо, и слуга вынужден был отнести его господину Детанжу. Тот распорядился пригласить посетителя войти.

Его провели в просторную комнату с эркером, занимавшую одно из крыльев особняка, вдоль стен здесь стояли книжные шкафы. Архитектор спросил:

– Вы господин Стикманн?

– Да, мсье.

– Мой секретарь сообщает, что болен и рекомендует вас для продолжения работы над общим каталогом книг, который начал составлять под моим руководством, в частности над каталогом немецких книг. Вы имеете опыт подобной работы?

– Да, мсье, большой опыт, – ответил мсье Стикманн с явным немецким акцентом.

Учитывая обстоятельства, стороны быстро пришли к договоренности, и господин Детанж немедленно приступил к работе со своим новым секретарем.

Херлок Шолмс проник в нужное место.

Знаменитый детектив, чтобы ускользнуть от слежки Люпена и попасть в особняк, где проживал Люсьен Детанж с дочерью Клотильдой, вынужден был погрузиться в неведомый ему мир, применив военную хитрость, под вымышленными именами войти в доверие множества лиц и собрать их свидетельства – короче говоря, в течение двух суток жить самой напряженной жизнью.

Он выяснил следующее: господин Детанж, человек слабого здоровья, нуждающийся в покое, отошел от дел и жил среди собранных им книг по архитектуре. Его не интересовали никакие удовольствия, кроме лицезрения и ощупывания своих старых, пыльных книг.

Его дочь Клотильда слыла оригиналкой. Она сидела взаперти, как и отец, но в другой части особняка, и никогда никуда не выходила.

«Все это, – думал Херлок Шолмс, вписывая в реестр названия книг под диктовку господина Детанжа, – пока ничего не решает, но какой шаг вперед! Хотя, возможно, я вовсе не найду ответов на все свои грандиозные вопросы. Но интересно, является ли господин Детанж сообщником Арсена Люпена? Продолжает ли он с ним видеться? Существуют ли бумаги, связанные с планировкой трех зданий? Выведут ли меня эти бумаги на другие здания с такими же хитроумными устройствами, которые могут использовать Люпен и его шайка?»

Господин Детанж – сообщник Арсена Люпена! Почтенный человек, кавалер ордена Почетного легиона, работающий на пару с налетчиком, – такая гипотеза была совершенно невероятной. К тому же, если допустить сообщничество, то как господин Детанж мог за тридцать лет до теперешних событий предвидеть выдумки с исчезновениями Арсена Люпена, у которого тогда еще молоко на губах не обсохло?

Неважно! Англичанин старался. Благодаря изумительному чутью, присущему только ему инстинкту он ощущал тайну, вокруг которой блуждал. Она угадывалась в мельчайших деталях. Он не успел их оценить, хотя они проглядывали с самого момента его проникновения в особняк.

Утром следующего дня Херлок Шолмс еще не сделал никаких интересных открытий. В два часа он впервые увидел Клотильду Детанж, заглянувшую в библиотеку за книгой. Это была женщина лет тридцати, брюнетка, медлительная и молчаливая, на лице которой сохранялось выражение безразличия, присутствующее у людей, полностью погруженных в себя. Она обменялась несколькими словами с господином Детанжем и ушла, даже не взглянув на Шолмса.

Монотонно тянулось послеполуденное время. В пять часов господин Детанж сообщил, что уходит. Шолмс остался один на круглой галерее, проходящей на середине высоты эркера. Смеркалось. Англичанин тоже собрался уходить, когда послышался треск, и одновременно у него возникло ощущение, что в комнате кто-то есть. Время как будто замедлилось. Херлок Шолмс вздрогнул: какая-то тень возникла из полутьмы, совсем рядом с ним, на балконе. Возможно ли это? Сколько времени незнакомец находился рядом с ним? И откуда он появился?

Человек спустился по лестнице и направился в сторону большого дубового шкафа. Спрятавшись за шторами, опустившись на колени, Шолмс наблюдал. Он увидел человека, рывшегося в бумагах, которыми был заполнен шкаф. Что он искал?

Внезапно открылась дверь и появилась мадемуазель Детанж, отвечая кому-то, шедшему позади:

– Так ты точно не уходишь, отец? Тогда я включу свет... секунду... подожди...

Человек закрыл створки шкафа и спрятался в нише окна, задернув шторы. Неужели мадемуазель Детанж не увидела его? Неужели не услышала? Она вошла очень тихо, повернула выключатель и пропустила отца вперед. Они уселись друг напротив друга. Она взяла книгу и стала читать.

– Твой секретарь уже ушел? – поинтересовалась мадемуазель Детанж через некоторое время.

– Да, ты же видишь.

– Ты по-прежнему им доволен? – снова спросила она, как будто не знала о болезни настоящего секретаря и о том, что его заменил Стикманн.

– Доволен... Доволен...

Голова господина Детанжа клонилась то в одну сторону, то в другую. Он задремал.

Прошло какое-то время. Девушка читала. Штора на окне отодвинулась, и человек скользнул вдоль стены к двери. Это заставило его пройти позади господина Детанжа, но лицом к Клотильде. Шолмсу удалось его разглядеть. Это был Арсен Люпен.

Англичанин вздрогнул от радости. Его расчеты верны, он проник в самый центр загадочного дела, и Люпен оказался там, где он и предполагал!

Клотильда не шевелилась, хотя трудно было предположить, что хотя бы одно движение этого человека ускользнуло от нее. Люпен приблизился к двери и уже протянул руку, чтобы открыть ее, когда, задетый его плащом, со стола упал какой-то предмет. Господин Детанж мгновенно проснулся. Арсен Люпен был уже рядом с ним и улыбался, держа шляпу в руке.

– Максим Бермон, – радостно воскликнул господин Детанж, – дорогой мой Максим! Каким ветром вас занесло к нам?

– Желание увидиться с вами и с мадемуазель Детанж.

– Так вы вернулись из путешествия?

– Вчера.

– Останетесь поужинать с нами?

– Нет, я ужинаю в ресторане с друзьями.

– Тогда, может быть, завтра? Клотильда, попроси его прийти завтра. Ох уж этот Максим... Все эти дни я думал о вас.

– Неужели?

– Да, я приводил в порядок старые бумаги, из этого шкафа, и нашел наш последний счет.

– Какой счет?

– С авеню Анри-Мартен.

– Да что вы! Вы храните этот хлам? Зачем?

Они уселись втроем в маленьком салоне, соединенном с эркером широкой дверью.

«Неужели это Люпен?» – подумал Шолмс, внезапно охваченный сомнением.

Да, точно, это был он и в то же время другой человек, походивший чем-то на Арсена Люпена, но имевший ярко выраженную индивидуальность, собственные черты, взгляд, цвет волос.

Он был в сюртуке, с белым галстуком, в тонкой облегающей сорочке. Он весело болтал, рассказывал истории, заставлявшие господина Детанжа смеяться от души и вызывавшие улыбку на губах Клотильды. Каждая из этих улыбок казалась вознаграждением, которого ждал и с радостью принимал Арсен Люпен. Он преисполнялся остроумием и весельем, и от его звонкого голоса лицо Клотильды оживлялось, утрачивая холодное выражение, портившее ее.

«Они влюблены, – подумал Херлок Шолмс, – но что общего между Клотильдой Детанж и Максимом Бермоном? Знает ли она, что Максим – не кто иной, как Арсен Люпен?»

До семи часов он напряженно вслушивался, извлекая пользу из каждого слова. Затем, соблюдая всяческие предосторожности, спустился и ушел в ту часть комнаты, где его не могли видеть из салона.

Выйдя на улицу, Шолмс убедился, что там нет ни автомобиля, ни фиакра, и неровной походкой удалился по бульвару Малерб. На соседней улице он набросил пальто, которое нес в руке, примял шляпу, выпрямился и, преобразившись, вернулся обратно, где стал ждать, пристально глядя на дверь особняка Детанжа.

Арсен Люпен вышел почти сразу же и направился по улице де Константинополь и де Лондр к центру Парижа.

Для Херлока Шолмса это были чудесные мгновения! Он жадно втягивал воздух, как хороший пес, напавший на свежий след. На самом деле для него было бесконечно приятно преследовать противника. Теперь не за ним следили, а он следил – за Арсеном Люпенем, неуловимым Арсеном Люпенем! Он приковал к Люпену взгляд, будто связав себя с ним неразрывными узами. Он упивался, высматривая среди идущих принадлежащую ему добычу.

Он не мог не заметить одного странного обстоятельства: за Арсеном Люпенем, среди людей, шедших в том же направлении, следовали два высоких парня в круглых шляпах – по левую сторону тротуара, два других – по правую сторону, в фуражках, с сигаретами во рту.

Может быть, это всего лишь случайность. Но Шолмс еще больше удивился, когда Люпен зашел в табачный киоск – и четыре человека остановились. И совсем его удивило, что они двинулись дальше одновременно с ним.

«Проклятье, – подумал Шолмс, – значит, за ним следят!»

Мысль о том, что и другие идут по следу Арсена Люпена, что другие могут украсть... нет, не славу, это мало волновало его, но безграничное удовольствие, страстное желание одному сразиться с самым опасным из когда-либо встречавшихся врагов, – эта мысль приводила его в отчаяние! Ошибка исключалась: у парней был безразличный вид, какой обычно бывает у тех, кто идет след в след за человеком, не желая быть замеченным.

«Возможно, Ганимар более осведомлен, чем говорит? – подумал Херлок Шолмс. – Может быть, он играет со мной?»

Ему очень хотелось подойти к одному из мужчин и поговорить с ним. Рядом с бульваром толпа стала плотнее, он побоялся упустить Люпена и ускорил шаг. Шолмс выбрался из толпы, когда Люпен входил в венгерский ресторан на углу улицы Эльдер. Дверь была приоткрыта, и Херлок Шолмс, устроившийся на скамейке по другую сторону улицы, видел, как Люпен садится за украшенный цветами, роскошно сервированный стол, за которым уже сидели три господина в сюртуках и две чрезвычайно элегантные дамы, радостно приветствовавшие его.

Херлок Шолмс искал взглядом четверых парней и обнаружил, что они затерялись среди слушателей цыганского оркестра в соседнем кафе. Любопытно, что они, похоже, интересовались не Арсеном Люпенем, а людьми вокруг.

Вдруг один из парней достал из кармана сигарету и заговорил с неким господином в рединготе и цилиндре. Господин вынул сигару, и у Шолмса создалось впечатление, что они разговаривают гораздо дольше, чем требовалось, чтобы прикурить. Наконец господин поднялся по ступенькам и заглянул в зал ресторана. Заметив Люпена, он подошел, несколько минут разговаривал с ним, потом сел за соседний стол. Шолмс понял, что это не кто иной, как наездник с улицы Анри-Мартен. И тут его осенило: за Арсеном Люпенем не только не следили, напротив, эти люди были членами его шайки! Они охраняли его!

Это были охранники, его спутники, его внимательный эскорт. И когда их вожак подвергался опасности, сообщники были рядом, готовые предупредить и защитить его. Все четверо – сообщники! И господин в рединготе – сообщник!

Херлок Шолмс вздрогнул. Возможно ли, что ему когда-нибудь удастся схватить этого неуловимого злодея? И какой безграничной мощью обладает организация с таким руководителем?

Он вырвал из блокнота листок, написал карандашом несколько строчек, положил записку в конверт и окликнул подростка лет пятнадцати, дремавшего на скамейке:

– Послушай-ка, мальчик, найди экипаж и доставь это письмо кассиру в швейцарский трактир на площади Шатле. Да побыстрее!

Он дал ему пятифранковую монету. Подросток исчез.

Прошло полчаса. Толпа становилась все больше, и Шолмсу лишь время от времени удавалось разглядеть пособников Люпена. Вдруг он почувствовал легкое прикосновение, и чей-то голос шепнул:

– Что случилось, господин Шолмс?

– Это вы, господин Ганимар?

– Да, мне принесли в трактир вашу записку. Что случилось?

– Он тут.

– Что вы говорите?

- Тут, в глубине ресторана. Наклонитесь вправо. Вы его видите?
- Нет.
- Он наливает шампанское сидящей рядом даме.
- Но это не он.
- Это он.
- Да нет же, говорю вам... хотя... действительно, может быть... Ах, мошенник, как похож! – растерянно прошептал Ганимар. – А это его сообщники?
- Нет, его соседка по столу – леди Кливден, вторая – герцогиня де Клит, а напротив – посол Испании в Лондоне.

Ганимар сделал шаг ко входу. Херлок остановил его.

- Какая неосторожность! Вы же совсем один!
- Он тоже.
- Нет, на бульваре у него охрана... Не считая вон того господина внутри ресторана...
- Когда я схвачу Арсена Люпена за шиворот и выкрикну его имя, весь зал будет на моей стороне, все официанты.
- Я бы предпочел нескольких полицейских.
- Это на случай, если друзья Арсена Люпена насторожатся. Поймите, господин Шолмс, у нас нет выбора.

Херлок Шолмс чувствовал, что главный инспектор прав. Следовало воспользоваться благоприятными обстоятельствами и рискнуть. Он только посоветовал Ганимару:

- Постарайтесь, чтобы вас узнали не сразу...

И проскользнул за журнальный киоск, не теряя из виду Арсена Люпена, который улыбался, наклонившись к соседке.

Инспектор, заложив руки в карманы, походкой человека, идущего своей дорогой, пересек улицу, но, оказавшись на другой стороне, резко свернул и одним прыжком очутился на пороге ресторана.

Резкий звук свистка... Ганимар бросился на метрдотеля, стоявшего в дверях. Тот с негодованием оттолкнул его, как поступил бы с любым незванным гостем, сомнительное поведение которого компрометировало бы роскошный ресторан. Ганимар покачнулся. В то же мгновение появился господин в рединготе. Он вступился за инспектора, и они оба – метрдотель и господин – стали ожесточенно спорить, вцепившись в Ганимара: один удерживал его,

другой отталкивал. В конце концов, несмотря на яростное сопротивление, бедолагу столкнули вниз по лестнице.

Тут же началась давка. Двое полицейских, привлеченные шумом, пытались разогнать толпу, но непонятное сопротивление остановило их. Они не могли протиснуться сквозь людей, теснившихся и спинами загораживавших проход.

И вдруг, как по волшебству, проход освободился! Метрдотель, поняв свою ошибку, принялся рассыпаться в извинениях, господин в рединготе перестал защищать инспектора, толпа расступилась, полицейские вошли, Ганимар бросился к столу с шестью сотрапезниками... Теперь их было только пятеро. Он огляделся. Никакого другого выхода, кроме двери.

– Человек, сидевший на этом месте... – вскричал он, обращаясь к изумленным людям за столом. – Да, да, вас было шестеро! Где шестой?

– Господин Дестро?

– Да нет же – Арсен Люпен!

Подошел официант:

– Этот господин только что поднялся наверх.

Ганимар бросился туда. Верхний этаж состоял из номеров и имел отдельный выход на бульвар!

– Ищи его теперь, – вздохнул инспектор, – он уже далеко.

А Люпен был неподалеку, не более чем в двухстах метрах, в курсировавшем между площадью Мадлен и Бастилией омнибусе, запряженном тройкой лошадей. Омнибус медленно, не спеша пересек площадь де л'Опера и двигался дальше, по бульвару Капуцинов. Два высоких парня в котелках мирно беседовали на площадке. На империале, на самом верху лестницы, дремал старичок: Херлок Шолмс.

Сонно покачивая головой, убаюкиваемый движением омнибуса, англичанин разговаривал сам с собой:

«Если бы только дорогой Вилсон меня видел, как бы он был горд за своего коллегу! О, как легко было предвидеть, когда прозвучал свисток, что игра проиграна и лучше проследить за выходами из ресторана. Нет, с этим человеком не заскучаешь!»

На конечной остановке Херлок Шолмс наклонился, увидел Люпена, выходящего впереди своих охранников, и услышал, как тот негромко сказал: «На площадь Этуаль».

«На площадь Этуаль? Отлично! Там и встретимся. Я приду туда. Пусть он добирается на фиакре, а я последую за его сообщниками в экипаже».

Парни пешком направились к площади Этуаль и позвонили в дверь домика под номером 40 по улице Шегрен. Шолмсу удалось спрятаться между домами на этой извилистой малолюдной улочке.

Одно из двух окон первого этажа открылось, и человек в круглом котелке захлопнул ставни. Над ними виднелась освещенная фрамуга.

Через десять минут некий господин позвонил в ту же дверь, и почти сразу – еще один. Наконец подъехал фиакр, откуда вышли два человека: Арсен Люпен и женщина, закутанная в плащ, с густой вуалью на лице.

«Без сомнения, Белокурая дама», – подумал Херлок Шолмс, когда фиакр отъехал.

Он выждал минуту, подошел к дому, вскарабкался на подоконник и, встав на цыпочки, через фрамугу заглянул в комнату.

Арсен Люпен стоял, прислонившись к камину, и оживленно что-то говорил. Среди присутствующих Шолмс узнал господина в рединготе и, как ему показалось, метрдотеля ресторана. Белокурая дама сидела в кресле, повернувшись к окну спиной.

«Совещаются, – подумал Шолмс, – события сегодняшнего вечера их взволновали, необходимо все обсудить. Вот захватить бы их всех сразу!»

Один из сообщников пошевелился, и Шолмс спрыгнул на землю и укрылся в тени. Господин в рединготе и метрдотель вышли из дома. Тут же зажегся свет на втором этаже, и кто-то закрыл там ставни. И внизу, и наверху все погрузилось во тьму.

«Он остался с ней на первом этаже, – подумал Херлок Шолмс. – Сообщники живут на втором этаже».

Он караулил часть ночи, опасаясь, как бы Арсен Люпен не ускользнул. В четыре часа он увидел двух полицейских в конце улицы, подошел, объяснил ситуацию и поручил им наблюдение за домом.

А сам отправился на улицу Перголез, к дому Ганимара, и разбудил его.

– Он в моих руках.

– Арсен Люпен?

– Да.

– Если он в ваших руках так же, как это уже было, то я, пожалуй, еще посплю. Впрочем, ладно, пойдем в комиссариат.

Они дошли до улицы Мениль, а оттуда направились к дому комиссара господина Декуантра. Потом в сопровождении полудюжины человек вернулись на улицу Шегрен.

– Ничего нового? – спросил Херлок Шолмс у полицейских, стоявших на страже.

– Ничего.

На небе уже занималась заря, когда, приняв меры предосторожности, комиссар позвонил в дверь и направился к комнате консьержки. Испугавшись вторжения, женщина ответила, что на первом этаже жильцов нет.

– Как нет жильцов? – вскричал Ганимар.

– Нет. Господа Леру со второго этажа, а первый они меблировали для своих родственников из провинции.

– Для некоего господина и дамы?

– Да.

– Которые и пришли вчера вместе с ними?

– Возможно... я спала... однако я не знаю, возьмите ключ... они не брали...

Комиссар открыл этим ключом дверь с противоположной стороны вестибюля. На первом этаже были всего две комнаты, они оказались пустыми.

– Невероятно! – воскликнул Шолмс. – Я видел их, его и ее.

Комиссар засмеялся:

– Не сомневаюсь, но здесь их больше нет.

– Поднимемся на второй этаж. Они должны быть там.

– На втором этаже живут господа Леру.

– Мы расспросим господ Леру.

Они поднялись по лестнице, и комиссар позвонил. После второго звонка появился не кто иной, как один из охранников в одной рубашке. Вид у него был разъяренный.

– Что это еще такое, а? Что за шум? Зачем будить людей? – Потом осекся, смутившись: – Прости меня, господа, неужели я не сплю? Это же сам господин Декуантр! И вы, господин Ганимар? Чем могу служить?

Раздался взрыв смеха. От хохота Ганимар согнулся пополам, лицо его налилось кровью.

– Это вы, Леру, – бормотал он, – ох, вот забавно! Леру, сообщник Арсена Люпена... Ох, сейчас умру! А ваш брат, Леру, можно его увидеть?

– Эдмон, ты где? Господин Ганимар нанес нам визит...

Подошел еще один человек, вид которого окончательно развеселил Ганимара.

– Возможно ли это?! Друзья мои, ну и попали вы в переделку... Вот уж никогда бы не подумал! Ваше счастье, что старик Ганимар всегда начеку, и замечательно, что у него есть друзья, которые могут помочь... друзья, приехавшие издалека! – Повернувшись к Херлоку Шолмсу, он представил ему обоих: – Виктор Леру, инспектор сыскной полиции, лучший из лучших в отличной бригаде... Эдмон Леру, руководитель антропометрической службы..

Глава 5

Похищение

Херлок Шолмс сохранял спокойствие. Протестовать? Обвинять этих двоих? Это было бессмысленно. Без доказательств, которых у англичанина не было, как не было и времени их добыть, никто ему не поверит.

Сжав кулаки, Херлок Шолмс думал только о том, чтобы в присутствии торжествующего Ганимара не выдать своей ярости и разочарования. Почтительно поклонившись братьям Леру, этим столпам общества, он откланялся.

В вестибюле он подошел к небольшой дверце, ведущей в погреб, и подобрал камешек красного цвета: это был гранат.

На улице, обернувшись, Херлок Шолмс прочитал рядом с номером дома «Люсьен Детанж, архитектор, 1877». Та же самая надпись была и на доме номер 42.

«Везде два выхода. Номера 40 и 42 сообщаются между собой. Как же я не подумал об этом? Мне надо было всю ночь оставаться здесь с полицейскими».

Он спросил у полицейских:

– Два человека выходили через эту дверь, когда меня не было, не правда ли?

И он указал на дверь соседнего дома.

– Да, господин с дамой.

Херлок Шолмс схватил главного инспектора за руку и увлек его за собой.

– Господин Ганимар, вы смеялись надо мной, рассердившись за то небольшое беспокойство, что я вам доставил...

– Что вы, я ничуть не рассердился.

– Верно? Но даже самым лучшим шуткам – свое время, и я полагаю, что с ними пора заканчивать.

– Согласен.

– Идет уже седьмой день. Через три дня мне необходимо быть в Лондоне.

– Ну да, ну да.

– И я там буду, мсье! А потому прошу вас быть наготове в ночь со вторника на среду.

– Чтобы совершить очередную вылазку? – с издевкой спросил Ганимар.

– Да, мсье, очередную.

– И чем она завершится?

– Арестом Люпена.

– Вы полагаете?

– Слово чести, мсье.

Херлок Шолмс раскланялся и отправился в ближайшую гостиницу передохнуть, а затем, приободрившись и преисполнившись уверенности, вернулся на улицу Шегрен, сунул в руку консьержки два луидора, убедился, что братья Леру ушли, узнал, что дом принадлежит некоему господину Арминжа, и, вооружившись свечой, отворил дверцу, около которой подобрал гранат, и спустился в подвал.

Внизу лестницы он нашел еще один гранат такой же формы.

«Я не ошибался, – подумал он, – так они соединяются. Но вот открывает ли эта отмычка погреб, принадлежащий жильцу первого этажа? Да, отлично, осмотрим винные подвалы. Да! Да! Вот места, где нет пыли... и на полу следы ног».

Какой-то шорох заставил Херлока Шолмса насторожиться. Он закрыл дверь, задул свечу и спрятался за горой пустых ящиков. Через несколько секунд он заметил, что один из железных шкафчиков медленно поворачивается вместе с частью стены. Темноту прорезал свет фонаря. Показалась рука, появился человек.

Он наклонился, как будто искал что-то, и принялся водить кончиками пальцев по пыли. Несколько раз он выпрямлялся и бросал что-то в картонную коробочку, которую держал в левой руке, затер стер свои следы, а заодно и следы, оставленные Люпеном и Белокурой дамой, и направился к шкафчику.

Раздался хриплый крик, и человек упал – это Херлок Шолмс набросился на него. Все заняло не больше минуты: связанный неизвестный уже лежал на полу.

Англичанин наклонился над ним.

– Сколько тебе нужно, чтобы ты заговорил и рассказал все, что знаешь?

Человек ответил иронической улыбкой, и Шолмс понял всю бесполезность вопроса.

Он довольствовался тем, что обыскал карманы своего пленника, но обнаружил лишь связку ключей, носовой платок и маленькую картонную коробочку, в которой была дюжина гранатов, похожих на те, что подобрал Шолмс. Жалкая добыча!

Но что делать с этим человеком? Подождать, пока друзья придут ему на помощь, и сдать их полиции? Зачем? Какое преимущество это даст ему перед Люпенем?

Херлок Шолмс колебался, но осмотр коробки все решил. На ней был написан адрес: «Леонар, ювелир, улица де ля Пэ».

Шолмс решил оставить этого человека здесь. Он закрыл шкафчик, дверь в подвал и вышел из дома. Зайдя в почтовое отделение, он телеграммой предупредил господина Детанжа, что сможет прийти только на следующий день. А затем отправился к ювелиру, которому и отдал гранаты.

– Мадам прислала меня сюда из-за этих камней. Они выпали из драгоценности, которую она у вас купила.

Он попал в точку! Ювелир ответил:

– Да, эта дама звонила мне. Она скоро приедет.

Только в пять часов Херлок Шолмс, стороживший на улице, увидел даму под густой вуалью, внешность которой показалась ему подозрительной. Сквозь стекло он смог увидеть, что она положила на прилавок старинное ожерелье, украшенное гранатами.

Скоро она вышла, походила по магазинам, направилась в сторону Клиши и оказалась на незнакомой англичанину улице. Ближе к ночи он, не замеченный консьержкой, вошел за дамой в шестизэтажный дом с двумя крыльями, соответственно, заселенный многочисленными жильцами. На третьем этаже она остановилась и скрылась за дверью. Двумя минутами позже англичанин решил попытать счастья и принялся осторожно подбирать ключ из связки, которой завладел в подвале. Четвертый подошел.

В темноте он рассмотрел абсолютно пустые комнаты, какие бывают в нежилом помещении. Все двери были открыты, и в конце коридора виднелся свет лампы. Бесшумно подкравшись, он увидел в зеркале без рамы, отделявшем залу от смежной с ней комнаты, даму в вуали, снимавшую пальто и шляпку. Она положила их на единственный стул в комнате и завернулась в бархатный халат.

Херлок Шолмс увидел, как она подошла к камину и нажала на кнопку электрического звонка. Часть панели по правую сторону камина пришла в движение, скользнула вдоль стены и скрылась за соседней панелью.

Как только проход стал достаточно широким, дама шагнула в него... и исчезла, унося с собой лампу.

Система была простой, и Шолмс воспользовался ею.

Он двигался на ощупь в темноте и тут же лицом уткнулся во что-то мягкое. Тогда он зажег спичку и понял, что находится в небольшом чулане, заполненном одеждой, висевшей на крючках. Он расчистил себе проход и остановился перед дверным проемом, прикрытым гобеленом. Спичка догорела, и он увидел свет, проникавший сквозь ветхую ткань старого гобелена.

Херлок Шолмс присмотрелся.

Там находилась Белокурая дама: прямо у него перед глазами, совсем рядом, достаточно было протянуть руку.

Она погасила лампу и включила электричество. Впервые Шолмс смог увидеть ее лицо при ярком свете и вздрогнул. Женщина, которую он после стольких уловок и маневров наконец настиг, оказалась Клотильдой Детанж.

Клотильда Детанж, убийца барона д'Отрека и похитительница голубого бриллианта! Клотильда Детанж, таинственная подруга Арсена Люпена!

Вот она – Белокурая дама!

«Да, черт возьми, – подумал он, – я самый настоящий осел. Поскольку подруга Арсена Люпена блондинка, а Клотильда брюнетка, я и не подумал сопоставить этих женщин. Можно подумать, что Белокурая дама могла оставаться блондинкой после убийства барона и кражи бриллианта!»

Шолмс видел только часть комнаты – элегантный будуар, оклеенный светлыми обоями и украшенный изящными безделушками. На кушетке красного дерева, обхватив голову руками, неподвижно сидела Клотильда, и Херлок Шолмс заметил, что она плачет. Слезы лились не переставая, словно из неиссякаемого источника, текли по ее бледным щекам и падали, капля за каплей, на бархатный корсаж. Это было невероятно печальное зрелище: мрачное, безропотное отчаяние, изливавшееся в потоке слез.

Но вот позади нее открылась дверь. Вошел Арсен Люпен.

Они долго смотрели друг на друга, потом он опустился на колени, положил голову девушке на грудь, обнял ее. В его прикосновениях была глубокая нежность и безграничная жалость. Они не шевелились. Молчание объединило их, поток слез стал утихать.

– Мне бы так хотелось сделать вас счастливой! – прошептал он.

– Я счастлива.

– Нет, вы плачете... Ваши слезы приводят меня в отчаяние, Клотильда.

Она подчинилась звуку этого нежного голоса и слушала, страстно надеясь и желая быть счастливой. Улыбка смягчила ее лицо, но какая же это была грустная улыбка! Арсен Люпен взмолился:

– Не печальтесь, Клотильда, вы не должны печалиться! Вы не имеете на это права!

Она вытянула свои белые, тонкие, изящные руки и серьезным тоном сказала:

– Я буду печальна до тех пор, пока эти руки – мои, Максим.

– Почему?

– Они убили.

– Замолчите! Не думайте об этом! Прошлое умерло, прошлое не в счет!

И он принялся целовать ее длинные бледные пальцы, а она смотрела на него с улыбкой все более светлой, как будто каждый поцелуй понемногу стирал страшные воспоминания.

– Вы должны любить меня, Максим, потому что никакая другая женщина не будет так вас любить, как я. Я была готова на все, чтобы нравиться вам, действовала снова и снова, и не по приказу, а согласно вашим тайным желаниям. Я совершала поступки, против которых восстают мои чувства и моя совесть, но я не могу сопротивляться... Все, что я делаю, я делаю не раздумывая, потому что вам это нужно, потому что вы хотите этого. И завтра я готова снова все начать... И так всегда.

Он с горечью ответил:

– Ах, Клотильда, зачем я впутал вас в свою беспокойную жизнь? Я должен был остаться Максимом Бермоном, которого вы полюбили пять лет назад, и не знакомить вас... с другим человеком, моим вторым «я».

Она совсем тихо произнесла:

– Я люблю и того человека... и ни о чем не жалею.

– Нет, вы сожалеете о прошлой жизни, о жизни при свете дня.

– Я ни о чем не жалею, когда вы со мной! – страстно возразила она. – Нет ни ошибок, ни преступлений, когда я вижу вас! Зачем быть несчастной вдали от вас, страдать, плакать, содрогаться от ужаса из-за того, что я сделала? Ваша любовь заставляет все забыть, я согласна на все... Но меня надо любить!

– Я люблю вас не потому, что так надо, Клотильда, а только лишь потому, что люблю вас.

– Вы уверены? – спросила она с надеждой.

– Я уверен в себе так же, как в вас. Но жизнь у меня бурная, лихорадочная, и я не всегда могу посвятить вам столько времени, сколько хотелось бы.

Она тут же разволновалась.

– Что случилось? Новая опасность? Говорите скорее!

– Нет, пока ничего серьезного. Однако...

- Однако?
- Он напал на наш след.
- Шолмс?
- Да. Это он вызвал Ганимара в венгерский ресторан. Это он сегодня ночью поставил двух полицейских на улице Шальгрен. У меня есть доказательства. Ганимар обыскал дом сегодня утром, и Шолмс сопровождал его. И еще...
- И еще?
- Да, и еще: пропал один из наших людей, Жаннио.
- Консьерж?
- Да.
- Но это я послала его сегодня утром на улицу Шальгрен собрать гранаты, выпавшие из моей брошки.
- Не сомневаюсь, что он попал в ловушку Шолмса.
- Но гранаты были сегодня доставлены к ювелиру на улице де ля Пэ!
- Так что же случилось с Жаннио?
- Ох, Максим, мне страшно!
- Ничего ужасного не произошло. Но я согласен, что ситуация очень сложная. Что Шолмс знает? Где он скрывается? Его сила в изолированности. Ничто не может его выдать.
- И что вы решили?
- Высшая степень осторожности, Клотильда. Я уже давно надумал сменить место пребывания и перенести его в тайное убежище, о котором вы знаете. Вмешательство Шолмса ускорило ход событий. Когда такой человек идет по следу, следует признать, что он неизбежно дойдет до конца. Так вот, я все подготовил. Послезавтра, в среду, состоится переезд. В полдень все будет закончено. В два часа я смогу уйти, уничтожив последние следы нашего пребывания, а это непростое дело. И потом....
- И потом?
- Мы не должны встречаться, никто не должен вас видеть, Клотильда. Не выходите. Я не боюсь за себя, но тревожусь, как только речь заходит о вас.
- Невозможно, чтобы этот англичанин добрался до меня!
- От него всего можно ожидать, и я его остерегаюсь. Вчера, когда я допустил оплошность и ваш отец увидел меня, я приходил покопаться в шкафу со старыми журналами господина Детанжа. В них кроется опасность. Она

езде. Я угадываю врага, крадущегося в темноте и подбирающегося все ближе. Я чувствую, что он следит за нами, расставляет сети. Это одно из тех предчувствий, которые никогда меня не обманывали.

– В таком случае, – сказала она, – уезжайте, Максим, и не думайте о моих слезах. Я буду сильной, я буду ждать, пока не минует опасность. Прощайте!

Она крепко обняла его и подтолкнула к выходу. Шолмс услышал звук их удалявшихся голосов.

Подгоняемый желанием действовать вопреки всему, охватившим его со вчерашнего дня, Херлок Шолмс направился в прихожую, в глубине которой находилась лестница. Но в тот момент, когда он собирался спуститься вниз, с нижнего этажа донесся чей-то разговор, и он решил пойти по круговому коридору, выходящему на другую лестницу. Спустившись по ней, он увидел мебель, вид и расстановка которой были ему знакомы. Через приоткрытую дверь он попал в большую круглую комнату. Это оказалась библиотека господина Детанжа.

– Отлично! Чудесно! – прошептал Херлок Шолмс. – Все понятно. Будуар Клотильды, то есть Белокурой дамы, сообщается с одной из квартир соседнего дома, а этот соседний дом имеет свой выход, но не на площадь Малерб, а на прилегающую улицу Моншанен, насколько я помню... Отлично! Теперь я понимаю, как Клотильда Детанж навещает своего возлюбленного, имея репутацию человека, никогда не выходящего на улицу. И теперь я знаю, как Арсен Люпен появился вчера вечером на галерее: должен быть еще переход между соседней квартирой и библиотекой. Еще один дом с секретом, – сделал он вывод. – И снова, разумеется, архитектор Детанж! Нужно воспользоваться тем, что я оказался здесь, и проверить содержимое шкафа, чтобы собрать материал об остальных домах с секретом.

Он поднялся по галерее, спрятался за портьерой и оставался там до ночи. Наконец слуга выключил электрическое освещение. Часом позже Херлок Шолмс нажал на кнопку фонаря и направился к шкафу.

Как он уже знал, в шкафу находились старые бумаги архитектора, расчеты, бухгалтерские книги. Во втором ряду размещались журналы в порядке возрастания дат.

Он взял журналы за последние годы и сразу же открыл страницу с указателем. Найдя букву «А», а затем слово «Арменжа» с цифрой 63, он открыл страницу 63 и прочитал: «Арменжа, 40, улица Шальтрен».

Далее шли подробности работ, выполненных для этого клиента в связи с установкой калорифера в помещении. И на полях примечание: «Смотри досье М. Б.»

– Ага! Я отлично знаю, что это за «досье М. Б.», – сказал Херлок Шолмс, – его-то мне и нужно. Там я найду, где находится сегодня жилище господина Люпена.

Но только утром, во второй части журналов, он обнаружил пресловутое досье.

Оно состояло из пятнадцати страниц. Одна страница была посвящена господину Арменжа с улицы Шальгрэн. На другой приводились подробности работ, выполненных по заказу господина Ватинеля, владельца дома 25 по улице Клапейрон. Еще одна страница была отведена барону д'Отреку, владельцу дома 134 на авеню Анри-Мартен. Была страница, где говорилось о замке де Крозон, остальные одиннадцать повествовали о домовладельцах Парижа.

Шолмс скопировал список из одиннадцати имен и адресов, вернул журналы на место, открыл окно и спрыгнул на пустынную площадь, не забыв закрыть ставни.

В номере отеля он раскурил трубку с торжественностью, которой всегда сопровождал это действие, и, окутав себя облаками дыма, обдумал, какие выводы можно сделать из досье М.Б. или, правильнее сказать, досье Максима Бермона, то есть Арсена Люпена.

В восемь часов Херлок Шолмс послал Ганимару следующую телеграмму:

«Не сомневаюсь, что сегодня утром я приду на улицу Перголез и сдам вам человека, чей арест так важен. Во всяком случае, будьте дома этой ночью, а также завтра, в среду, до полудня, и оставьте в своем распоряжении человек тридцать».

Затем он поймал на бульваре автомобиль, водитель которого понравился ему своим веселым и не слишком умным лицом, приказал ехать на площадь Малерб и остановиться в пятидесяти шагах за особняком Детанжа.

– Голубчик, заглушите двигатель, – сказал он водителю, – поднимите воротник пальто, потому что ветер дует холодный, и терпеливо ждите. Через полтора часа заведите машину. Как только я вернусь, мы отправимся на улицу Перголез.

Стоя на пороге особняка, он еще колебался. Не будет ли ошибкой заниматься Белокурой дамой, когда Люпен заканчивает подготовку к отъезду? Может, лучше, пользуясь списком домов, прежде найти его жилище?

«Что ж, – решил Херлок Шолмс, – когда эта дама окажется моей пленницей, я стану хозяином положения!»

И он позвонил.

Господин Детанж был в библиотеке, и некоторое время они работали. Наконец девушка вошла, поздоровалась с отцом, села в маленьком салоне и принялась что-то писать.

Херлок Шолмс принялся искать предлог, чтобы подняться к ней. Со своего места он видел ее задумчивое лицо. Склонившись над столом, Клотильда размышляла, держа в руке перо. Он подождал, потом, взяв книгу, сказал господину Детанжу:

– Эту книгу мадемуазель Детанж попросила меня принести, как только она попадетсЯ мне в руки.

Он прошел в маленький салон, встал перед Клотильдой так, чтобы отец не мог ее видеть, и сказал:

- Я господин Стикманн, новый секретарь господина Детанжа.
- О! - произнесла она спокойно. - Значит, отец поменял секретаря?
- Да, мадемуазель, и я хотел бы поговорить с вами.
- Присаживайтесь, мсье, я почти закончила.

Она дописала еще несколько слов, расписалась, запечатала конверт, отодвинула бумаги, позвонила портнихе, попросила побыстрее закончить дорожный плащ, который ей вскоре понадобится, и наконец, обернувшись к Шолмсу, сказала:

- Слушаю вас, мсье. Мы можем поговорить в присутствии отца?
- Нет, мадемуазель, я бы даже попросил вас не повышать голоса. Лучше, если господин Детанж вообще не будет нас слышать.
- Лучше для кого?
- Для вас, мадемуазель.
- Я не позволяю себе вести разговоры, которые мой отец не мог бы слышать.
- Тем не менее этот разговор вам придется себе позволить.

Они оба встали, глядя друг другу в глаза.

Она сказала:

- Говорите, мсье.

Продолжая стоять, Шолмс начал:

- Прошу прощения, если я ошибусь в некоторых второстепенных деталях. Но я гарантирую общую точность излагаемых мною сведений.
- Обойдемся без пустых фраз, прошу вас. Перейдем к делу.

По тому, как резко прозвучали эти слова, Херлок Шолмс почувствовал, что девушка насторожилась, тем не менее продолжил:

- Хорошо, буду говорить без околичностей. Так вот, пять лет назад ваш отец познакомился с неким Максимом Бермоном, представленным ему в качестве подрядчика... или архитектора, не могу сказать точно. Как бы то ни было, господину Детанжу этот молодой человек понравился, и, поскольку состояние здоровья больше не позволяло ему заниматься делами, он доверил господину Бермону выполнение некоторых заказов, принятых от прежних клиентов, с которыми тот, как казалось, был в состоянии справиться.

Шолмс замолчал. Ему показалось, что девушка еще больше побледнела. Однако она спокойным голосом произнесла:

– Я не знаю фактов, о которых вы сообщаете, мсье, и, более того, не понимаю, чем они могут быть мне интересны.

– Тем, мадемуазель, что настоящее имя господина Максима Бермона, и вы это знаете не хуже меня, – Арсен Люпен.

Она рассмеялась.

– Невероятно! Арсен Люпен? Господина Максима Бермона зовут Арсеном Люпенем?

– Да, как я уже имел честь сообщить вам, мадемуазель. Поскольку вы отказываетесь понять меня с полуслова, добавлю, что для выполнения замыслов Арсен Люпен нашел здесь подругу... более чем подругу, слепую исполнительницу... беззаветно преданную.

Она встала и, не выдавая своих чувств (по крайней мере, с таким безразличием, что Шолмс был поражен подобным самообладанием), сказала:

– Не знаю вашей цели, мсье, и не хочу ее знать. Прошу вас не продолжать более и выйти отсюда.

– Я вовсе и не собирался бесконечно навязывать вам свое присутствие, – ответил Шолмс так же спокойно, как и она. – Но я решил, что не уйду из этого дома один.

– А кто же будет вас сопровождать, мсье?

– Вы!

– Я?

– Да, мадемуазель, мы вместе выйдем из этого дома, и вы последуете за мной без возражений и без единого слова.

Самым странным в этой сцене было абсолютное спокойствие двух противников. По поведению, по тону их речей можно было бы сказать, что это не непримиримая дуэль двух сильных личностей, а светский спор людей, чьи мнения не совпадают.

В эркере через широко открытую дверь можно было видеть господина Детанжа, размеренными движениями переставлявшего книги.

Клотильда, пожав плечами, снова села. Херлок Шолмс достал часы.

– Сейчас половина одиннадцатого. Через пять минут мы уходим.

– Или?

– Или я иду к господину Детанжу и рассказываю ему...

– Что?

– Правду. Рассказываю ему о вымышленной жизни Максима Бермона и о двойной жизни его сообщницы.

– Его сообщницы?

– Да, той, которую именуют Белокурой дамой, той, которая была блондинкой.

– А какие доказательства вы ему предоставите?

– Я отвезу его на улицу Шальгрэн и покажу проход между домами сорок и сорок два, проделанный людьми Арсена Люпена при выполнении порученных ему работ. Ход, которым вы оба воспользовались позавчера ночью.

– А затем?

– Затем я отвезу господина Детанжа к мэтру Дэтинану, мы спустимся по служебной лестнице, по которой вы ушли с Арсеном Люпеном, скрываясь от Ганимара. И мы вдвоем найдем проход (очевидно, похожий), ведущий в соседний дом. В дом, выход из которого находится на бульваре Батиньоль, а не на улице Клапейрон.

– И потом?

– Потом я отвезу господина Детанжа в замок де Крозон, и ему будет легко найти тайные ходы, устроенные там людьми Арсена Люпена, так как он знает, какие работы выполнял Арсен Люпен во время реставрации замка. Он поймет, что эти ходы позволили Белокурой даме войти ночью в комнату графини и взять с камина голубой бриллиант, а двумя неделями позже проникнуть в комнату советника Блейхена и спрятать голубой бриллиант на дне флакона... поступок достаточно странный, признаюсь... маленькая женская месть, может быть, не знаю, но это уже не важно.

– Затем?

– Затем, – сказал Херлок Шолмс торжественным тоном, – я отвезу господина Детанжа в дом сто тридцать четыре на авеню Анри-Мартен, и мы попытаемся узнать, как барон д'Отрек...

– Замолчите, замолчите! – прошептала девушка, внезапно испугавшись. – Я запрещаю вам... Вы осмелитесь сказать, что это я... Вы обвиняете меня...

– Я обвиняю вас в убийстве барона д'Отрека.

– Нет, нет, это подлость.

– Вы убили барона д'Отрека, мадемуазель. Вы поступили на службу под именем Антуанетты Бреа с целью похитить голубой бриллиант, и вы убили его.

Сломленная, Клотильда умоляющим голосом прошептала:

– Замолчите, мсье, прошу вас! Раз уж вы все знаете, то должны знать, что я не убивала барона.

– Я не говорил, что вы хотели этого, мадемуазель. Барон д’Отрек был подвержен приступам безумия, бороться с которыми могла только сестра Августа. Я узнал эту подробность от нее. В ее отсутствии он, вероятно, набросился на вас, и во время борьбы, защищая свою жизнь, вы его ударили. Испугавшись своего поступка, вы нажали на кнопку звонка и убежали, даже не сняв с пальца жертвы голубой бриллиант, за которым пришли. Через некоторое время вы привели одного из соучастников Люпена, который был слугой в соседнем доме, перенесли барона в кровать, привели комнату в порядок... но так и не решились взять голубой бриллиант. Поэтому, повторяю, вы не убивали барона. Однако удар ему нанесла ваша рука.

Девушка обхватила голову тонкими бледными руками и долго, не двигаясь, оставалась в таком положении. Наконец, разомкнув пальцы, она открыла свое печальное лицо и сказала:

– И все это вы хотите рассказать моему отцу?

– Да, и я скажу ему, что у меня есть свидетели: мадемуазель Жербуа, которая опознает Белокурую даму; сестра Августа, которая опознает Антуанетту Бреа, и графиня де Крозон, которая опознает мадам де Реаль. Вот все, что я ему скажу.

– Вы не посмеете! – заявила она, обнаруживая невероятное хладнокровие перед лицом надвигающейся опасности.

Херлок Шолмс поднялся и сделал шаг в сторону библиотеки. Клотильда остановила его:

– Подождите, мсье. – Она задумалась и, овладев наконец собой, очень спокойно спросила: – Херлок Шолмс, не так ли?

– Да.

– Чего вы от меня хотите?

– Чего я хочу? Я вступил с Арсеном Люпенем в поединок, из которого должен выйти победителем. В ожидании развязки, которая не заставит себя ждать, я надеюсь, что такая драгоценная заложница, как вы, даст мне значительное преимущество перед противником. Поэтому вы, мадемуазель, последуете за мной, я поручу вас кому-нибудь из своих друзей. Как только моя цель будет достигнута, вас освободят.

– Это все?

– Это все. Я не являюсь сотрудником полиции вашей страны, поэтому не чувствую себя вправе... предъявлять доказательства.

Она выглядела решительно, тем не менее попросила еще минуту отсрочки и закрыла глаза. Шолмс смотрел на нее, внезапно успокоившуюся, почти безразличную к опасностям, которые подстерегали ее.

«Да понимает ли она, – думал англичанин, – что находится в опасности? Нет, потому что ее защищает Арсен Люпен. С Люпенom вам ничего не может угрожать. Люпен – всемогущий, Люпен – непогрешимый».

– Мадемуазель, – сказал он, – я говорил о пяти минутах, а прошло более тридцати.

– Вы позволите мне подняться в свою комнату, мсье, и взять вещи?

– Если желаете, мадемуазель, я подожду вас на улице Моншанен. Я лучший друг консьержа Жаннио.

– Ах, вы знаете... – прошептала она, явно испугавшись.

– Я многое знаю.

– Хорошо. Тогда я позвоню.

Клотильде принесли шляпку и одежду. Шолмс сказал:

– Вы должны придумать для господина Детанжа причину, объясняющую наш уход, и эта причина должна объяснить ваше отсутствие в течение нескольких дней.

– Это ни к чему. Я скоро вернусь.

И снова они, улыбаясь, обменялись ироническими взглядами.

– Как же вы ему доверяете! – заметил Херлок Шолмс.

– Безрассудно.

– Все, что он делает, хорошо, не так ли? Все, чего он хочет, исполняется. И вы все оправдываете, вы готовы на все ради него.

– Я люблю его, – сказала она, дрожа от страсти.

– И вы думаете, что он вас спасет?

Она пожала плечами, подошла к отцу и предупредила его:

– Похищаю у тебя господина Стикманна. Мы идем в Национальную библиотеку.

– Ты вернешься к обеду?

– Возможно... Или, скорее, нет... но ты не волнуйся... – И она решительно повернулась к Шолмсу: – Я готова следовать за вами, мсье.

– Безо всяких задних мыслей?

– С закрытыми глазами.

– Если вы попытаетесь сбежать, я позову на помощь и вас арестуют. А это тюрьма. Не забывайте, выписан ордер на арест Белокурой дамы.

– Клянусь честью, я не буду делать ничего, чтобы сбежать.

– Я вам верю. Идемте.

И они, как и говорил Херлок Шолмс, вместе вышли из особняка.

На площади их ждал автомобиль, развернувшийся в обратную сторону. Была видна спина водителя и фуражка, почти скрытая воротником теплого пальто. Подойдя, Шолмс услышал урчание двигателя. Он открыл дверцу, предложил Клотильде сесть и устроился рядом с ней.

Автомобиль тут же тронулся с места, доехал до внешнего бульварного кольца, до авеню Ош, затем до авеню де ля Гранд-Арме.

Шолмс размышлял: «Ганимар у себя, оставляю девушку у него... Сказать ему, кто она? Нет, он сразу же отправит ее в камеру, а это все испортит. Когда останусь один, посмотрю список в досье М. Б. – и на охоту. Этой ночью или, самое позднее, завтра утром я приду к Ганимару, как было условлено, и сдам ему Арсена Люпена и его шайку...»

Херлок Шолмс потирал руки, с радостью думая о том, что близок к цели и никакое серьезное препятствие не отделяет его от нее. Не в силах бороться с бурной радостью, столь для него нехарактерной, англичанин воскликнул:

– Прошу прощения, мадемуазель, если я слишком уж демонстрирую свое удовлетворение. Битва была трудной, и успех мне особенно приятен.

– Законный успех, мсье, и вы имеете полное право им наслаждаться.

– Благодарю вас. Но какой странной дорогой мы едем! Наверное, шофер что-то не понял.

Они выезжали из Парижа через Порт-де-Нейи. Зачем, черт возьми? Улица Перголез не находилась за чертой города.

Херлок Шолмс опустил стеклянную перегородку.

– Послушайте, шофер, вы ошиблись, улица Перголез.

Тот не ответил, и Шолмс повторил громче:

– Говорю же, на улицу Перголез!

Водитель молчал.

– Ах так! Да вы глухой, друг мой! Или вы это нарочно? Нам тут нечего делать. На улицу Перголез! Приказываю вам вернуться, и как можно скорее!

В ответ по-прежнему молчание. Англичанин вздрогнул от удивления, потом посмотрел на Клотильду: на губах девушки играла едва заметная улыбка.

– Почему вы смеетесь? – проворчал он. – Это случайность, и она никак не связана... это ничего не меняет...

– Абсолютно ничего, – ответила она.

И вдруг Херлока Шолмса осенило!

Приподнявшись, он внимательно посмотрел на человека за рулем. Плечи были не такими широкими, поведение более непринужденным... Его прошиб холодный пот, кулаки сжались, а в голову пришла страшная мысль: это Арсен Люпен!

– Ну, господин Шолмс, что вы думаете о нашей небольшой прогулке?

– Прелестно, дорогой мсье, действительно прелестно, – отвечивал тот.

Возможно, англичанину еще никогда не приходилось делать над собой такое усилие, чтобы произнести слова без дрожи в голосе, которая могла бы выдать сотрясавшую его злость. Но тут же бурная волна ярости и ненависти прорвала плотину, взяла верх над его волей, и, выхватив револьвер, он наставил его на мадемуазель Детанж.

– Сию же минуту, сию же секунду остановитесь, Люпен, или я выстрелю в мадемуазель!

– Рекомендую вам целиться в щеку, если хотите попасть в висок, – ответил Люпен, не поворачивая головы.

Клотильда только и сказала:

– Максим, не надо ехать быстро, мостовая скользкая, а я ужасная трусиха.

Она улыбалась, глядя на камни мостовой, по которым ехала машина.

– Пусть остановится! Пусть наконец остановится! – крикнул ей Шолмс, обезумевший от злости. – Вы же видите, что я способен на все!

Дуло револьвера скользнуло по локонам девушки.

Она прошептала:

– Максим так неосторожен... На такой скорости машину точно занесет.

Шолмс сунул револьвер в карман и схватился за ручку двери, готовый выпрыгнуть, несмотря на всю абсурдность такого поступка.

Клотильда обратилась к нему:

– Берегитесь, мсье, за нами едет автомобиль.

Херлок Шолмс присмотрелся. Действительно, за ними ехала машина цвета крови, огромная, устрашающего вида, с капотом заостренной формы. В ней сидели четверо мужчин в меховых куртках.

«Ясно, – подумал он, – меня хорошо охраняют, подождем».

Он скрестил руки на груди с горделивой покорностью человека, смирившегося и ожидающего, пока судьба ему улыбнется. Они пересекли Сену, а затем миновали Сюрен, Рюэй, Шату. Херлок Шолмс сдерживал ярость и горечь, оставаясь неподвижным, отрешенным. Он думал лишь о том, как бы узнать, каким чудом Арсену Люпену удалось подменить шофера. Он не допускал того, чтобы славный малый, которого он сам нашел утром на бульваре, мог быть сообщником, подставленным заранее. Однако Арсена Люпена наверняка кто-то предупредил, и случиться это могло только после того, как он, Шолмс, стал угрожать Клотильде, потому что до того момента никто не знал о его планах. Но с той минуты они с Клотильдой не расставались.

И вдруг нахлынуло воспоминание: телефонный звонок девушки и ее разговор с портнихой. Херлок Шолмс все понял. Еще до того, как он заговорил, при первом слове о беседе, о которой он попросил в качестве нового секретаря господина Детанжа, Клотильда почувствовала опасность, угадала имя и цель посетителя и хладнокровно, притворяясь, будто звонит портниже, через некое подставное лицо, произнося условленные заранее слова, позвала Люпена на помощь. Тот приехал, увидел автомобиль с заведенным двигателем, и это показалось ему подозрительным. А уж как он подкупил шофера, это не имело значения. Поражало англичанина и умирало его ярость воспоминание о том, как по-настоящему влюбленная женщина преодолела волнение, подавила свои чувства и своим бесстрастным лицом и взглядом сбила с толку самого старину Шолмса.

Что можно сделать с человеком, которому повинуются такие помощники, который одним только своим авторитетом делает женщину энергичной и смелой?

Машина переехала через Сену и направилась в сторону Сен-Жермен. В полукилометре от этого предместья автомобиль снизил скорость. Вторая машина подъехала, и обе они остановились. Поблизости не было ни души.

– Господин Шолмс, – сказал Люпен, – будьте так любезны перейти в другой автомобиль. Наш медленно едет.

– Хорошо, хорошо, – с готовностью откликнулся Шолмс, тем более что у него не было выбора.

– Позвольте также предложить вам шубу, потому что мы поедем довольно быстро, и эти два бутерброда. Да, берите: кто знает, когда вы еще будете обедать!

Подшли четыре человека. Один из них снял очки, и Шолмс узнал господина в рединготе из венгерского ресторана. Люпен сказал ему:

– Вернете автомобиль шоферу, он ждет в первом винном баре по правую сторону улицы Лежандр, и выплатите ему обещанную вторую часть суммы – тысячу франков. Да, совсем забыл. Будьте любезны передать ваши очки господину Шолмсу.

Он поговорил с мадемуазель Детанж и сел за руль, Шолмс рядом с ним, а позади один из людей Люпена.

Арсен Люпен не преувеличивал, говоря, что они поедут «довольно быстро». С самого начала это была головокружительная скорость. Горизонт летел им навстречу, будто притягиваемый таинственной силой, и стремительно исчезал вместе с деревьями, домами, полями и лесами – все несло с быстротой потока в преддверии бездны.

Шолмс и Люпен не обменялись ни словом. Над их головами морским прибоем шумела листва тополей, а ритм задавали одинаковые расстояния между пролетавшими мимо деревьями. Мелькали города: Мант, Вернон, Гайон. С одного холма на другой, от Бон-Скур до Кантеле. Руан, его пригород, въезд в него, километры вдоль набережной – Руан казался всего лишь улицей какого-то предместья. Дюклер, Кодбек, плоскогорья земли Ко, которых в своем мощном полете они едва касались, Лилльбонн и Килльбеф. И внезапно они очутились на маленькой набережной на берегу Сены, где пришвартовалась яхта, из трубы которой вырывались клубы черного дыма.

Автомобиль остановился. За два часа они преодолели более сорока лье.

Человек в синей матросской блузе и фуражке с золотыми галунами приветствовал их.

– Отлично, капитан! – воскликнул Люпен. – Вы получили телеграмму?

– Получил.

– «Ласточка» готова?

– Готова.

– Итак, господин Шолмс...

Англичанин оглянулся, увидел группу людей на террасе кафе, еще одну совсем рядом и понял, что никто и вмешаться не успеет, как его схватят и отправят в трюм, поэтому шагнул на мостик и проследовал за Люпеном в капитанскую каюту. Она была просторная, тщательно убранная и, благодаря лакированным панелям и блеску меди, светлая.

Люпен закрыл дверь и, не теряя времени, спросил:

– Так что вам известно?

– Все.

– Все? Уточните.

В его голосе больше не было слегка ироничной вежливости, с которой он обращался к англичанину ранее. Теперь это был повелительный тон хозяина, имеющего обыкновение приказывать и привыкшего, что ему подчиняются все, даже Херлок Шолмс.

Они обменялись взглядами, теперь уже враждебными, открыто враждебными. Несколько раздраженно Люпен снова заговорил:

– Уже несколько раз, мсье, я встречаю вас на своем пути. Это перешло всякие границы. Я не могу больше терять время, выбираясь из расставленных вами ловушек. Поэтому предупреждаю, что мое отношение к вам будет зависеть от вашего ответа. Что конкретно вам известно?

– Повторяю, мсье, все.

Арсен Люпен, похоже, довольствовался ответом и отрывистым тоном продолжил:

– Тогда я расскажу, что вы знаете. Вы знаете, что под именем Максима Бермона я... реставрировал пятнадцать домов, построенных господином Детанжем.

– Да.

– Из этих пятнадцати домов вам известны четыре.

– Верно.

– И у вас есть список остальных одиннадцати.

– Да.

– Вы взяли этот список у господина Детанжа, вероятно, этой ночью.

– Да.

– И поскольку вы полагаете, что в числе этих одиннадцати домов обязательно есть один, который я приберег для себя и своих друзей, вы поручили Ганимару начать поиски и найти мое убежище.

– Нет.

– Что это значит?

– Это значит, что я работаю один и собирался начать действовать в одиночку.

– Тогда мне нечего бояться, так как вы в моих руках.

– Вам нечего бояться до тех пор, пока я у вас в руках.

– Вы хотите сказать, что ускользнете от меня?

– Нет.

Арсен Люпен подошел к англичанину ближе и, мягко положив руку ему на плечо, сказал:

– Послушайте, мсье, у меня нет настроения вступать в дискуссии, а вы, к несчастью для себя, не в состоянии меня одолеть. И закончим на этом.

– Хорошо.

- Дайте мне честное слово, что не будете пытаться сбежать с этого корабля, пока не окажетесь в английских водах.

- Даю вам слово чести, что буду всеми способами пытаться сбежать, - ответил неукротимый Шолмс.

- Но, черт возьми, вы же знаете, что мне достаточно сказать слово, чтобы вы не могли больше сопротивляться! Все эти люди слепо подчиняются мне. По одному моему знаку они посадят вас на цепь...

- Цепи рвутся.

- И выбросят за борт в десяти милях от берега.

- Я умею плавать.

- Отличный ответ! - засмеялся Люпен. - Прости меня Господи, я был зол. Извините, мэтр, и давайте покончим с этим. Вы понимаете, что я приму все необходимые меры для безопасности своей и своих друзей?

- Все меры? Но они бесполезны.

- Согласен. Но вы не обидитесь, если я их все-таки приму?

- Это ваш долг. Приступайте.

Люпен открыл дверь и позвал капитана и двух матросов. Они схватили англичанина, обыскали и, связав ему ноги, привязали к капитанской койке.

- Достаточно, - отдал приказание Люпен. - Потребовалось все ваше упорство, мсье, и исключительная серьезность обстоятельств, чтобы я позволил себе...

Матросы ушли.

Люпен сказал капитану:

- Капитан, один человек из экипажа остается в распоряжении господина Шолмса, а вы составите ему компанию, когда сможете. Пусть ему окажут все знаки внимания. Херлок Шолмс - не пленник, а гость. Сколько на ваших часах, капитан?

- Пять минут третьего.

Люпен посмотрел на свои часы, потом на часы, висевшие на стене каюты.

- Пять минут третьего? Договорились. Сколько времени вам нужно, чтобы добраться до Саутгемптона?

- Девять часов неспешным ходом.

- Вы будете добираться одиннадцать часов. Вы не должны оказаться на суше до отхода пакетбота, покидающего Саутгемптон в полночь и прибывающего в

Гавр в восемь утра. Надеюсь, вы поняли, капитан? Повторяю: поскольку для всех нас было бы чрезвычайно опасно, если бы мсье вернулся во Францию на этом корабле, вы не должны прибыть в Саутгемптон ранее часа ночи.

– Ясно.

– Прощайте, мэтр. До следующего года – в этом или в ином мире.

– До завтра.

Несколькими минутами позже Шолмс различил звук удаляющегося автомобиля, а затем из глубин «Ласточки» послышалось нарастающее гудение. Судно отчаливало.

Около трех часов они миновали устье Сены и вышли в открытое море. Шолмс спал крепким сном, растянувшись на койке, к которой был привязан.

На следующий день – десятый и последний день войны, начатой между двумя великими соперниками, – «Эко де Франс» опубликовало такой прелестный пассаж:

«Вчера Арсен Люпен издал приказ о высылке Херлока Шолмса, английского детектива. Приказ, подписанный в полдень, был выполнен в тот же день. В час ночи Шолмс высадился в Саутгемптоне».

Глава 6

Второй арест Арсена Люпена

К восьми часам двенадцать машин для перевозки вещей подъехали на улицу Крево, между авеню дю Буа-де-Булонь и авеню Бюжо. Господин Феликс Дави уезжал из апартаментов, которые занимал на пятом этаже в доме № 8. А господин Дюбрей, эксперт, объединивший в одну квартиру весь шестой этаж того же дома и шестой этаж двух смежных домов, в тот же день (простое совпадение, потому что эти господа не были знакомы друг с другом) перевозил коллекцию мебели, посмотреть которую ежедневно приходили многочисленные иностранные посетители.

О деталях происходящего, отмеченных жителями квартала, заговорили позже: ни на одной из машин не было фамилии и адреса перевозчика, никто из сопровождавших машины людей не задерживался в соседних лавочках. Они работали так хорошо, что в одиннадцать часов все было закончено, только по углам опустевших комнат оставались какие-то обрывки бумаги или тряпок.

Господин Феликс Дави, элегантный молодой человек, одетый по самой последней моде, держа в руках спортивную трость, вес которой свидетельствовал о прекрасно развитой мускулатуре ее владельца, уселся на лавочку на аллее, пересекающей авеню дю Буа, напротив улицы Перголез.

Рядом сидела скромно одетая женщина. Она читала газету, а ребенок поблизости копался лопаткой в песке.

Спустя некоторое время Феликс Дави, не поворачивая головы, спросил у женщины:

- Ганимар?
- Уехал сегодня утром в девять часов.
- Куда?
- В полицейское управление.
- Один?
- Один.
- Никаких телеграмм этой ночью не было?
- Нет.
- Вам по-прежнему доверяют в этом доме?
- По-прежнему. Я оказываю небольшие услуги госпоже Ганимар, а она рассказывает мне обо всем, что делает ее муж. Мы провели утро вместе.
- Отлично. До нового приказа продолжайте приходить сюда каждое утро в одиннадцать.

Он встал и направился в сторону порт Дофин, в Китайский павильон, где заказал скромный завтрак: два яйца, овощи и фрукты. Потом вернулся на улицу Крево и сказал консьержке:

- Я загляну наверх и отдам вам ключи.

В комнате, служившей рабочим кабинетом, Феликс Дави снял медную пробку, закрывавшую газовую трубу с шарниром, тянувшуюся вдоль камина, установил в трубе небольшой аппаратик в форме рожка и свистнул.

В ответ раздался слабый звук свистка. Наклонившись, он прошептал:

- Дюбрей, никого нет?
- Никого.
- Я могу войти?
- Да.

Он вернул пробку на место, подумав: «До чего же дошел прогресс! Наш век изобилует маленькими изобретениями, бесспорно делающими жизнь прелестной и живописной. И такой занятой! Особенно если умеешь играть с ней, как я».

Он коснулся детали мраморной резьбы на камине. Панель заскользила по невидимым рельсам, открывая зияющую пустоту, в которой виднелись ступеньки лестницы. Все там было отменно чистым, а литые детали и кафельная плитка отполированы.

Феликс Дави поднялся по лестнице. На шестом этаже, рядом с таким же выходом, его ожидал господин Дюбрей.

– У вас все закончено?

– Да.

– Все вывезено?

– Полностью.

– Люди?

– Остались только три охранника.

– Пойдем.

Они таким же образом поднялись на этаж прислуги и оказались в мансарде, где находились три человека, один из которых смотрел в окно.

– Ничего нового?

– Ничего, хозяин.

– На улице спокойно?

– Абсолютно.

– Еще десять минут, и я уезжаю. Вы тоже. С этого момента при малейшем подозрительном движении на улице предупреждайте меня.

– Я постоянно держу палец на кнопке тревожной сигнализации, хозяин.

– Дюбрей, вы сказали нашим перевозчикам, чтобы они не прикасались к проводам этой сигнализации?

– Конечно. Она отлично работает.

– Ну, тогда я спокоен.

Они вместе спустились в апартаменты Феликса Дави, где он, вернув на место мраморную деталь, воскликнул:

– Дюбрей, хотел бы я видеть лица тех, кто обнаружит все эти восхитительные устройства, сигнальные звонки, сеть электрических проводов и акустических труб, невидимые ходы, скользящие паркетины, потайные лестницы – хитроумные изобретения для настоящей феерии!

– Какая реклама для Арсена Люпена!

– Реклама, без которой можно было бы обойтись. Жаль расставаться с таким оборудованием. Придется начинать все сначала, Дюбрей, и по новому проекту, разумеется, потому что никогда нельзя повторяться. Черт бы побрал этого Шолмса!

– Он так и не вернулся?

– Ну что вы, как? От Саутгемптона ходит только один пакетбот, в полночь. От Гавра – только один поезд: отходит в восемь утра и прибывает в одиннадцать часов одиннадцать минут. Если он не сел на полночный пакетбот (а он на него не сел, так как капитану были даны четкие распоряжения), то сможет вернуться во Францию только сегодня вечером, через Ньюхевен и Дьепп.

– Если вернется!

– Шолмс никогда не бросает начатую партию. Он вернется, но слишком поздно. Мы будем уже далеко.

– А мадемуазель Детанж?

– Я должен встретиться с ней через час.

– У нее?

– Нет, она вернется к себе только через несколько дней, когда минует буря... и когда мне не придется больше заниматься только ею. Но вам, Дюбрей, следует поторопиться. Погрузка нашего багажа будет долгой, а ваше присутствие необходимо на набережной.

– Вы уверены, что за нами не следят?

– Кто? Я опасался одного Шолмса.

Дюбрей ушел. Феликс Дави сделал последний круг по помещению, подобрал два-три разорванных письма, потом, увидев кусочек мела, нарисовал на темных обоях столовой большую рамку и написал, как это обычно делают на мемориальных досках: «В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ЗДЕСЬ ПРОЖИВАЛ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТИ ЛЕТ АРСЕН ЛЮПЕН, ДЖЕНТЛЬМЕН-НАЛЕТЧИК».

Эта маленькая шутка, казалось, доставила ему большое удовольствие. Насвистывая веселую песенку, он перечитал надпись и воскликнул:

– Теперь, когда я исполнил свой долг перед историками будущего, пора уходить. Поторопитесь, Херлок Шолмс, в течение трех минут я покину свое убежище, и ваше поражение станет окончательным. Еще две минуты! Вы заставляете себя ждать, мэтр! Еще минута! Вы не идете? Хорошо! Я объявляю о вашем поражении и своей победе. А теперь я сматываю удочки. Прощай, царство Арсена Люпена! Мы больше не увидимся. Прощайте, пятьдесят пять комнат шести квартир, в которых я царил! Прощай, моя каморка, моя скромная каморка!

Звонок прервал его лирические воспоминания, звонок резкий, быстрый и пронзительный. Он прозвонил два раза, смолк, снова зазвонил и смолк. Это была тревожная сигнализация.

Что случилось? Какая-то опасность? Ганимар? Да нет же...

Арсен Люпен уже собирался вернуться в свой кабинет и скрыться, но для начала подошел к окну. На улице никого. Может быть, неприятель уже в доме? Он прислушался, ему показалось, что он слышит приглушенный шум. Не колеблясь больше, Арсен Люпен побежал в рабочий кабинет и, перешагивая через порог, различил звук ключа, который пытались вставить в скважину входной двери.

«Черт возьми, – подумал он, – пора уходить. Возможно, дом окружен... через черный ход нельзя. К счастью, есть камин...»

Он резко нажал на мраморную резьбу, она не двигалась. Он сделал еще одно усилие – резьба не сдвинулась с места.

В то же мгновение он услышал, как внизу открывается дверь. Раздались шаги.

– Черт возьми! – выругался он. – Я пропал, если этот проклятый механизм...

Его пальцы судорожно обхватили мраморную резьбу, он навалился на нее всем телом... Никакого результата. Ничего! Невероятно, но судьба нанесла ему ошеломляющий удар: механизм, исправно работавший всего лишь мгновение назад, сломался!

Арсен Люпен делал попытки снова и снова, судорожно сжимая резьбу. Плита оставалась безжизненной и неподвижной. Проклятие! Возможно ли, чтобы дурацкое препятствие преградило ему дорогу? Он принялся наносить по мрамору яростные удары кулаком, колотить, проклинать его...

– Итак, господин Люпен, похоже, что-то не работает, как вам хотелось бы.

Он вздрогнул от неожиданности и обернулся. Перед ним стоял англичанин.

Херлок Шолмс!

Арсен Люпен пристально смотрел на него, пораженный ужасным видением. Херлок Шолмс в Париже! Херлок Шолмс, которого он отправил накануне в Англию, как опасный груз, стоял перед ним, свободный и торжествующий! Чтобы, вопреки воле Арсена Люпена, случилось это невероятное чудо, нужно было нарушить законы природы и дать восторжествовать всему, что противно логике и здравому смыслу! Перед ним Херлок Шолмс!

С ироничной и презрительной вежливостью в голосе, которой так часто унижал его противник, англичанин произнес:

– Господин Люпен, уверяю вас, с этой минуты я больше не буду думать о ночи, которую вы заставили меня провести в особняке барона д'Отрека, о неприятности, случившейся с моим другом Вилсоном, а также о моем похищении в автомобиле и о путешествии, которое я совершил, по вашему

приказу привязанный к не слишком удобной койке. Эта минута заставляет забыть все. Я больше ни о чем не буду вспоминать. Я отомщен. Это великолепная месть!

Люпен молчал. Англичанин снова заговорил:

– Вы согласны со мной?

Он словно настаивал, просил о своего рода забвении прошлого.

Немного подумав, внимательно глядя на англичанина, Люпен спросил:

– Я полагаю, мсье, что ваше поведение основано на серьезных причинах?

– В высшей степени серьезных.

– Тот факт, что вы ускользнули от моего капитана и матросов, является второстепенным в нашей борьбе. Но то, что вы здесь, передо мной, один – один перед Арсеном Люпеном! – заставляет меня думать, что вы одержали окончательную победу.

– Окончательную.

– Этот дом...

– Окружен.

– И два соседних дома...

– Окружены.

– И квартира этажом выше...

– Три квартиры на шестом, которые занимал господин Дюбрей, окружены.

– Следовательно...

– Следовательно, вы попались, господин Люпен, окончательно.

Люпен испытал те же чувства, что и Шолмс во время автомобильной прогулки: ту же безумную ярость, то же возмущение. Но, в конечном итоге, честность перед самим собой заставила его смириться с обстоятельствами. Они были сильными людьми, поэтому одинаково приняли свое поражение – как временное зло, которому приходится подчиниться.

– Мы в расчете, мсье, – произнес он.

Было заметно, что англичанин горд этим признанием. Они помолчали. Наконец Люпен, взяв себя в руки и улыбаясь, снова заговорил:

– Я не сожалею. Это уже становилось утомительным – выигрывать во что бы то ни стало. Мне достаточно было только протянуть руку, чтобы нанести удар. На этот раз попался я. Браво, мэтр! – Он рассмеялся. – Вот будет потеха! Люпен попался в мышеловку! Как он из нее выберется? В мышеловке!

Какое приключение... О, мэтр, я обязан вам сильными переживаниями. Вот это настоящая жизнь!

Он сжал виски, как будто желая остановить безудержную радость, бурлившую внутри. Его жесты были похожи на жестикуляцию ребенка, веселящегося от души.

Потом он подошел к англичанину.

– Так чего вы ждете?

– Чего я жду?

– Да, Ганимар со своими людьми здесь. Почему он не входит?

– Я попросил его не входить.

– И он согласился?

– Я прибегну к его услугам только при категорическом соблюдении условия, что приказы буду отдавать я. К тому же он полагает, что господин Феликс Дави – всего лишь сообщник Люпена!

– Тогда я повторю свой вопрос в другой форме. Почему вы вошли один?

– Я хотел сначала поговорить с вами.

– Вот как? Вы хотели поговорить со мной?!

Эта мысль, казалось, особенно понравилась Люпену. Бывают обстоятельства, когда слова предпочитают действиям.

– Господин Шолмс, сожалею, что не могу предложить вам кресло. Может быть, подойдет этот разбитый старый ящик? Или подоконник? Я уверен, что не помешал бы и стаканчик пива. Темного или светлого? Да присаживайтесь же, прошу вас!

– Ни к чему. Давайте поговорим.

– Слушаю вас.

– Буду краток. Цель моего пребывания во Франции – вовсе не ваш арест. Если я и был вынужден преследовать вас, так это потому, что не находилось другого способа достичь моей настоящей цели.

– Какой?

– Найти голубой бриллиант!

– Голубой бриллиант?!

– Разумеется, потому что найденный во флаконе консула Блейхена был фальшивым.

– И в самом деле. Настоящий был отослан Белокурой дамой, я заказал его точную копию и, поскольку в тот момент у меня имелись планы на другие драгоценности графини, а консул Блейхен уже был под подозрением, упомянутая дама, чтобы и ее тоже не заподозрили, засунула фальшивый бриллиант в багаж означенного консула.

– В то время как настоящий бриллиант хранится у вас.

– Разумеется.

– Этот бриллиант мне и нужен.

– Это невозможно. Тысячу извинений.

– Я обещал графине де Крозон. И я его получу.

– Как вы его получите, если он находится у меня?

– Поэтому-то я и получу его, что он находится у вас.

– То есть я вам его отдам?

– Да.

– Добровольно?

– Я у вас его куплю.

Люпен развеселился.

– Вы настоящий англичанин. Вы обсуждаете это как сделку.

– Это и есть сделка.

– И что вы мне предлагаете?

– Свободу мадемуазель Детанж.

– Ее свободу? Но у меня нет сведений о ее аресте.

– Я дам господину Ганимару необходимые указания. Без вашего покровительства она будет арестована.

Люпен расхохотался.

– Дорогой мой, вы предлагаете мне то, чего у вас нет. Мадемуазель Детанж находится в надежном месте и ей нечего опасаться. Я прошу другого.

Англичанин колебался, он явно был в замешательстве, даже на щеках выступил румянец. Затем он положил руку на плечо своего противника.

– А если бы я предложил вам...

– Мою свободу?

– Нет... Но, в конце концов, я могу выйти из этой комнаты, посоветоваться с господином Ганимаром...

– Вы позволите мне подумать?

– Да.

«Боже мой, но что это даст? Чертов механизм не работает!» – мысленно воскликнул Люпен, раздраженно ударив по мраморной резьбе камина.

И едва сдержал возглас изумления, потому что фортуна снова повернулась к нему лицом: мраморный блок задвигался под его пальцами!

Это была победа... и возможность бегства. В таком случае зачем соглашаться на условия Шолмса?

Он походил из стороны в сторону, словно раздумывая, и, в свою очередь, положил руку на плечо англичанина.

– Господин Шолмс, лучше я буду самостоятельно заниматься своими делами.

– Однако...

– Нет, мне никто не нужен.

– Когда Ганимар арестует вас, все будет кончено. Вас не выпустят.

– Как знать!

– Подумайте, это безумие. Все выходы перекрыты.

– Остается один.

– Какой?

– Тот, что выберу я.

– Пустые слова! Ваш арест можно считать решенным.

– Он не состоится.

– Почему же?

– Я оставляю у себя голубой бриллиант.

Шолмс вынул часы.

– Сейчас без десяти три. В три часа дня я вызову Ганимара.

– Значит, у нас есть десять минут на разговоры. Воспользуемся этим, господин Шолмс. Удовлетворите мучающее меня любопытство, скажите, откуда вы взяли мой адрес и узнали о моем имени – Феликс Дави?

Не переставая внимательно следить за Люпенем, чье хорошее настроение его удивляло, Шолмс охотно приступил к объяснению, льстившему его самолюбию.

– Ваш адрес? Мне дала его Белокурая дама.

– Клотильда?!

– Она самая. Вспомните... вчера утром, когда я хотел увезти ее на автомобиле, она позвонила своей портнихе.

– В самом деле.

– Так вот, позже я понял, что эта портниха – вы. Этой ночью на корабле я напряг память (хорошая память, возможно, одно из качеств, которыми я могу гордиться) и мне удалось восстановить две последние цифры вашего телефонного номера: семьдесят три. Таким образом, имея список ваших «отреставрированных» домов, я легко смог, прибыв сегодня утром в одиннадцать часов в Париж, найти и установить в телефонном справочнике фамилию и адрес господина Феликса Дави. Узнав их, я попросил помощи у господина Ганимара.

– Превосходно! Первостатейно! Я могу только снять шляпу. Но одного я не понимаю: как вы сели на поезд в Гавре? Как вы сбежали с «Ласточки»?

– Я не сбегал.

– Но...

– Вы дали приказ капитану прибыть в Саутгемптон в час ночи. Меня высадили в полночь. Поэтому я смог сесть на пакетбот в сторону Гавра.

– Капитан предал меня? Это невозможно!

– Он вас не предавал.

– Что же тогда случилось?

– Его часы.

– Его часы?

– Да, я перевел его часы на час вперед.

– Как?

– Как переводят часы – поворотом заводного механизма. Мы разговаривали, сидя рядом, я рассказывал истории, которые были ему интересны... Клянусь, он ничего не заметил!

– Браво, браво, отличная шутка, согласен. Но настенные часы...

– С настенными часами было сложнее, потому что ноги у меня были связаны, но стороживший меня матрос в отсутствие капитана захотел перевести стрелки.

– Он? Не может быть! Он согласился?

– О, он не понимал значения своего поступка. Я сказал, что мне нужно во что бы то ни стало сесть на первый поезд, идущий в Лондон, и... он дал себя убедить.

– При помощи...

– При помощи одного маленького подарка... который этот добрый человек честно хочет вам передать.

– Какого подарка?

– Да сущий пустяк.

– И все же?

– Голубого бриллианта.

– Голубого бриллианта?!

– Да, фальшивого, того самого, которым вы заменили бриллиант графини, а она передала мне...

Взрыв смеха – бешеный, внезапный. Люпен хохотал так, что слезы текли из глаз.

– Боже, какой кошмар! Мой фальшивый бриллиант перешел к матросу... И часы капитана... И стрелки часов...

Еще никогда Шолмс не ощущал так остро борьбу, которая шла между ним и Люпенем. Наделенный необычайным инстинктом, он угадывал под этой чрезмерной веселостью мощную концентрацию мыслей, сосредоточение всех способностей.

Люпен постепенно приближался. Англичанин отступил и рассеянно сунул руку в жилетный карман.

– Три часа, господин Люпен.

– Уже три часа? Какая досада! Мы так веселились!

– Я жду ответа.

– Моего ответа? Бог мой! Какой же вы требовательный! Так, значит, это конец партии, которую мы играем? И в качестве ставки – моя свобода?

– Или голубой бриллиант.

– Хорошо, вы первый. Что вы делаете?!

– У меня король, – ответил Шолмс и выстрелил.

– А у меня – блек-джек, – заявил Арсен, делая выпад в сторону англичанина.

Шолмс выстрелил в воздух, чтобы позвать Ганимара, помощь которого показалась ему необходимой. Но удар Арсена Люпена пришелся англичанину прямо в живот, он побледнел и пошатнулся. Одним прыжком Люпен оказался у камина. Мраморная плита уже открывалась, но... слишком поздно! Дверь распахнулась.

– Сдавайтесь! Иначе...

Вероятно, Ганимар находился ближе, чем думал Люпен. А сейчас и вовсе был рядом, с револьвером, наставленным на него. А позади Ганимара толпились десять-двадцать человек, крепкие решительные парни, которые убили бы его, как собаку, при малейших признаках сопротивления.

– Уберите оружие, я сдаюсь.

И он сложил руки на груди.

Все остолбенели. В пустой комнате эти слова отдались эхом. «Я сдаюсь!» Невероятно! От Арсена Люпена ожидали, что он внезапно исчезнет, что стена перед ним развернется и укроет его от нападающих. А он сдавался!

Ганимар вышел вперед и, чрезвычайно взволнованный, со всей серьезностью, приличествующей этому событию, протянул руку к своему противнику и с бесконечной радостью произнес:

– Арестовываю вас, Арсен Люпен!

– Бррр, – вздрогнул Люпен, – вы меня впечатлили, старина Ганимар. Какая скорбная физиономия! Можно подумать, что вы произносите речь на могиле своего друга. Ну же, не делайте похоронного лица.

– Я вас арестовываю.

– И это вас так потрясло? Именем закона, чьим верным слугой он является, Ганимар, главный инспектор, арестовывает злодея Люпена. Исторический момент, всю важность которого вы осознаете... Такое событие случается уже второй раз. Bravo, Ганимар, вы далеко пойдете по карьерной лестнице!

И он протянул руки, чтобы на него надели наручники...

Это событие произошло довольно торжественно. Полицейские, несмотря на свою обычную грубость и ожесточенность против Люпена, действовали сдержанно, удивляясь, что им было позволено дотронуться до этой неприкосновенной персоны.

– Бедняга Люпен, – вздохнул Арсен Люпен, – что сказали бы твои друзья из аристократического предместья, если бы увидели, как тебя унижают?

Он напряг мускулы, разводя запястья. На его лбу вздулись вены. Звенья цепи впились в кожу.

– Пошло, – сказал он.

Разорванная цепь упала.

– Господа, дайте другую цепь, эта никуда не годится.

На него надели две.

– Отлично! Вам больше не придется беспокоиться. – И пересчитал полицейских. – Сколько вас, друзья мои? Двадцать пять? Тридцать? Многовато... Что ж, делать нечего. Вот если бы вас было только пятнадцать...

Арсен Люпен был великим актером. Он играл роль инстинктивно и с воодушевлением, дерзко и непринужденно. Шолмс смотрел на происходящее, оценивая все нюансы, как смотрят хороший спектакль. Складывалось странное впечатление, что между тридцатью людьми, за спинами которых стоял весь великолепный аппарат правосудия, и этим человеком, безоружным и закованным в цепи, борьба велась на равных.

– Ну, мэтр, – обратился к нему арестованный, – вот это ваша работа. Благодаря вам Люпен будет гнить на влажной соломе в тюремной камере. Признайтесь, ведь ваша совесть не совсем спокойна и вас гложут сомнения?

Сам того не желая, англичанин пожал плечами, словно желая сказать: «Все зависело от вас...»

– Никогда! Никогда! – воскликнул Люпен. – Отдать вам голубой бриллиант? Ну нет! Он слишком дорог мне обошелся. Я им дорожу. Во время первого визита, который я буду иметь честь нанести вам в Лондоне, – думаю, в следующем месяце – я расскажу вам о причинах... А вы будете в Лондоне в будущем месяце? Или вы предпочитаете Вену? Санкт-Петербург?

Вверху вдруг зазвенел звонок. Арсен Люпен подскочил. Это была не тревожная сигнализация, а звонок телефона, провода которого доходили до кабинета и заканчивались между двумя окнами. Аппарат не был убран.

Телефон! Кто попадет в ловушку, расставленную нелепым случаем? Люпен яростно шагнул к аппарату, как будто хотел разбить его на части и тем самым заглушить таинственный голос, просивший его к телефону. Но Ганимар уже снял трубку и наклонился к телефону.

– Алло... алло... номер 648.73... да, верно.

Быстро, властно Шолмс отстранил его, схватил обе трубки и приложил к микрофону платок, чтобы сделать свой голос неузнаваемым.

Он взглянул на Люпена. Взгляд, которым они обменялись, говорил о том, что их поразила одна и та же мысль, что оба до мельчайших подробностей предвидели очевидность того, что это звонит Белокурая дама. Она полагала, что звонит Феликсу Дави, вернее, Максиму Бермону, а говорить ей предстояло с Шолмсом!

Англичанин произнес:

– Алло! Алло!

Тишина. Потом Шолмс ответил:

– Да, это я, Максим.

И тут разыгрался спектакль, трагический в каждой своей детали. Неукротимый Люпен, насмешник Люпен даже и не думал скрывать своего беспокойства, его лицо побледнело от тревоги, он пытался расслышать, угадать... А Шолмс продолжал отвечать таинственному голосу:

– Алло... Алло, да, все закончено, я как раз собирался встретиться с вами, как мы договорились... Где? Там, где вы сейчас. Вы думаете, что там...

Он колебался, подыскивая слова, потом замолчал. Было ясно, что он пытается расспросить девушку, но ему не удастся это и он не знает, где она находится. Кроме того, присутствие Ганимара, казалось, стесняет его... О, если бы какое-то чудо могло прервать нить этого чертова разговора! Люпен всеми силами желал этого, нервы его были напряжены.

И Шолмс произнес:

– Алло! Алло! Вы не слышите меня? И я тоже... очень плохо... с трудом понимаю... Вы слышите? Ну да... если подумать... лучше было бы, если бы вы вернулись к себе... Какая опасность? Никакой... Но он в Англии! Я получил телеграмму из Саутгемптона, подтверждающую его прибытие.

Какая ирония была в этих словах! Шолмс произнес их с невыразимым удовольствием. И добавил:

– Хорошо, не теряйте времени, дорогая моя, я приеду.

И он повесил трубку.

– Господин Ганимар, я попросил бы у вас трех человек.

– Речь идет о Белокурой даме, не так ли?

– Да.

– Вы знаете, кто это и где она?

– Да.

– Черт возьми! Прелестная добыча... Вместе с Люпенем... День прошел не зря. Фоланфан, возьмите двух человек и следуйте за господином Шолмсом.

Англичанин направился к двери.

Все было закончено. Белокурая дама тоже окажется в руках Шолмса. Благодаря настойчивости англичанина и счастливому стечению обстоятельств битва заканчивалась для него победой. А для Люпена – непоправимой катастрофой.

– Господин Шолмс!

Англичанин остановился.

– Господин Люпен?

Люпен, казалось, был глубоко потрясен этим последним ударом. Морщины прорезали его лоб. Он выглядел мрачным и усталым, однако одним энергичным движением выпрямился и, несмотря на происходящее, весело, непринужденно воскликнул:

– Согласитесь, что судьба оборачивается против меня. Недавно она помешала мне уйти через камин и выдала меня вам. На этот раз она воспользовалась телефоном, чтобы преподнести вам в подарок Белокурую даму. Я склоняюсь перед ее решением.

– Что это значит?

– Это значит, что я готов начать с вами переговоры.

Шолмс отвел Ганимара в сторону и настоятельно, тоном, не допускающим возражений, потребовал разрешения обменяться несколькими словами с арестованным. Затем он снова подошел к Люпену. Совещание на высшем уровне! Он начал тоном сухим и нервным:

– Чего вы хотите?

– Свободы для мадемуазель Детанж.

– Вам известна цена?

– Да.

– И вы согласны?

– Я согласен на все ваши условия.

– О! – удивленно произнес англичанин. – Но вы отказались... для себя...

– Речь шла обо мне, господин Шолмс. Теперь речь идет о женщине... о женщине, которую я люблю. Видите ли, во Франции к этому особое отношение. И если меня зовут Люпен, это не значит, что я поступлю иначе... напротив!

Он произнес это очень спокойно. Шолмс едва заметно кивнул и прошептал:

– Итак, голубой бриллиант?

– Возьмите мою трость в углу, рядом с камином. Нажмите на набалдашник одной рукой, а другой поверните железное кольцо на другом ее конце.

Шолмс взял трость, повернул кольцо и заметил, что набалдашник откручивается. Внутри его находился комок замазки. А в этом комке – камень.

Шолмс рассмотрел его. Это был голубой бриллиант.

– Мадемуазель Детанж свободна, господин Люпен.

– Свободна в настоящем и в будущем? Ей не следует опасаться вас?

– Никого.

– Что бы ни случилось?

– Что бы ни случилось. Отныне я не помню ни ее имени, ни адреса.

– Спасибо. И до свидания. Ведь мы свидимся еще, не так ли, господин Шолмс?

– Не сомневаюсь в этом.

Между англичанином и Ганимаром состоялось довольно оживленное объяснение, которое Шолмс не без некоторой резкости прервал:

– Сожалею, господин Ганимар, что не разделяю вашей точки зрения, но у меня нет времени убеждать вас. В течение часа я отбываю в Англию.

– А Белокурая дама?

– Я не знаю этой особы.

– Но вы же только что...

– Понимайте, как знаете. Я уже отдал вам Люпена, а вот голубой бриллиант, который вы будете иметь удовольствие лично вернуть графине де Крозон. Мне кажется, вам не на что жаловаться.

– Но как же Белокурая дама?

– Ищите ее.

Херлок Шолмс нахлобучил шляпу и удалился, как человек, не имеющий привычки задерживаться, когда дела закончены.

– Счастливого пути, мэтр! – крикнул ему вслед Люпен. – Будьте уверены, что я никогда не забуду о теплых отношениях, которые нас связывают. Мои наилучшие пожелания господину Вилсону. – Ответа он не услышал и рассмеялся. – Вот что означает «уйти по-английски». О, этот достойный островитянин не обладает куртуазным шиком, который отличает нас. Подумайте-ка, Ганимар, если бы какой-то француз уходил при таких обстоятельствах, то какой изысканной любезностью он бы маскировал свой триумф! Боже мой, инспектор, что вы делаете? Неужели обыск? Но здесь больше ничего нет, мой бедный друг, ни единой бумажки. Мои архивы находятся в надежном месте.

– Как знать, как знать.

Люпен смирился. Его держали два инспектора и окружало множество людей. Он терпеливо наблюдал за их действиями, но минут через двадцать вздохнул:

- Быстрее, Ганимар, иначе вы никогда не закончите.
- Вы что, очень торопитесь?
- Тороплюсь ли я? У меня неотложная встреча!
- В тюремной камере?
- Нет, в городе.
- Надо же! И в котором часу?
- В два.
- А сейчас уже три.
- Вот именно, я опоздаю, а я терпеть не могу опаздывать.
- Вы дадите мне еще пять минут?
- И ни минутой больше.
- Очень любезно, я постараюсь.
- Меньше говорите. Еще и этот шкаф? Но он же пуст!
- Тем не менее вот письма.
- Старые счета!
- Нет, пакет, перевязанный шелковой ленточкой.
- Розовой ленточкой! Ганимар, не развязывайте, умоляю вас! Бога ради!
- Это от женщины?
- Да.
- От дамы из высшего общества?
- Из самого высшего.
- Ее имя?
- Мадам Ганимар.
- Очень смешно! Очень смешно! – воскликнул инспектор недовольным голосом.

В этот момент полицейские, посланные в соседние комнаты, сообщили, что обыск не дал никакого результата. Люпен рассмеялся.

– Черт возьми, неужели вы рассчитывали найти список моих товарищей или доказательства моих отношений с немецким императором? Ганимар, нужно было искать маленькие тайны этой квартиры. Например, этот газовый кран – акустический аппарат. Внутри этого камина находится лестница. Эта стена – полая. А переплетение разных звонков! Вот смотрите, Ганимар: нажмите на эту кнопку...

Ганимар подчинился.

– Вы ничего не слышите? – спросил Люпен.

– Нет.

– И я тоже. Однако вы предупредили управляющего моими аэростатами, чтобы он подготовил дирижабль, который скоро унесет нас в небо.

– Ну-ну, – сказал Ганимар, закончивший обыск, – хватит глупостей, идемте!

Он сделал несколько шагов, его люди последовали за ним.

Люпен не шелохнулся.

Охранники подтолкнули его. Никакого результата.

– Что, – спросил Ганимар, – вы отказываетесь идти?

– Отнюдь.

– В таком случае...

– Но это зависит...

– От чего?

– От того места, куда вы меня повезете.

– В тюрьму, черт побери!

– Тогда я не пойду. Мне нечего делать в тюрьме.

– Вы с ума сошли!

– Разве я не имел чести предупредить вас, что у меня срочное свидание?

– Люпен!

– Поймите, Ганимар, меня ждет Белокурая дама. И вы полагаете, что я окажусь настолько невоспитанным, чтобы заставить ее волноваться? Это было бы недостойно галантного человека.

– Послушайте, Люпен, – сказал инспектор, которого начинало раздражать это зубоскальство, – до сих пор я был с вами крайне любезен. Но всему есть предел. Следуйте за мной!

- Невозможно. У меня назначена встреча, и я буду на ней.

- Говорю вам в последний раз!

- Не-воз-мож-но.

Ганимар махнул рукой, и двое охранников подхватили арестованного подмышки. Но тут же отпустили его, закричав от боли: двумя руками Арсен Люпен вонзил в них длинные иглы.

Обезумев от ярости, остальные полицейские бросились к нему. Их гнев рвался наружу, они сторали от желания отомстить за товарищей и за выслушанные многочисленные оскорбления. И они стали наносить удары, соперничая друг с другом. Самый сильный удар попал Люпену в висок. Он упал.

- Если вы его изувечите, то будете иметь дело со мной.

Ганимар наклонился, собираясь привести Люпена в чувство, но, убедившись, что тот нормально дышит, распорядился, чтобы преступника взяли за ноги и за руки, а сам он будет поддерживать туловище.

- Идите осторожнее, не трясите. Ах, чуть его не прикончили! Эй, как вы себя чувствуете?

Люпен открыл глаза и прошептал:

- Не очень, Ганимар... Меня могли убить.

- Сами виноваты, черт возьми! Это все ваше упрямство, - проворчал огорченный Ганимар. - Вам не очень больно?

Они вышли на лестницу. Люпен простонал:

- Ганимар... в лифт... они переломают мне кости...

- Хорошая мысль, отличная, - согласился Ганимар. - Тем более что лестница узкая, и мы не смогли бы...

Он вызвал лифт. Люпена со всеми предосторожностями занесли туда. Ганимар занял место рядом и сказал своим людям:

- Ступайте вниз и ждите меня у комнаты консьержки.

Он взялся за ручку, но не успел закрыть дверь. Внезапно лифт взлетел, как воздушный шар, у которого перерезали веревку. Раздался язвительный смех.

- Черт возьми... - зарычал Ганимар, лихорадочно отыскивая в темноте кнопку для спуска лифта. Не найдя ее, он крикнул: - На шестой! Быстрее к двери на шестом этаже!

Четверо полицейских помчались вверх по лестнице. Но произошло нечто странное: лифт как будто пробил потолок последнего этажа, исчез из поля зрения полицейских, внезапно вынырнул на верхнем этаже, где живет

прислуга, и остановился. Три человека уже поджидали там. Двое схватили Ганимара, который, впрочем, и не думал защищаться, оглушенный и лишенный возможности пошевелиться. Третий человек увел Люпена.

– Я предупреждал вас, Ганимар... подъем воздушного шара... благодаря вам! В другой раз не будете таким снисходительным. Особенно прошу запомнить, что Арсен Люпен не позволяет себя бить и причинять себе боль без серьезных на то причин. Прощайте...

Кабина закрылась, и лифт вместе с Ганимаром поехал вниз. Все это произошло так быстро, что инспектор догнал своих подчиненных у комнаты консьержки.

Они бегом пересекли двор и поднялись по служебной лестнице – единственной, дававшей возможность попасть на этаж прислуги, где и случился побег.

Длинный коридор с несколькими поворотами, вдоль которого располагались номера, вел к легко открывшейся двери. По другую ее сторону – соответственно, уже в другом доме – находился еще один коридор с такими же ломаными углами и похожими комнатами. В самом конце – черный ход. Ганимар спустился по лестнице черного хода, пересек двор, вестибюль и вышел на улицу Пико. И тут он понял: оба дома соприкасались, а их фасады выходили на две улицы, не перпендикулярные, а параллельные, отстоящие друг от друга более чем на шестьдесят метров.

Он вошел в помещение консьержки и, показав свое удостоверение, спросил:

– Здесь проходили только что четыре человека?

– Да, двое слуг с пятого и шестого этажей, и двое приятелей.

– Кто живет на пятом и шестом этажах?

– Господа Фовель и их кузены Прово... они сегодня переезжали. Остались только двое слуг, они только что уехали.

«Эх, – подумал Ганимар, усевшийся на диванчик в комнате консьержа, – какой случай мы упустили! Вся шайка жила в этом квартале».

Сорока минутами позже два человека прибыли в экипаже на Северный вокзал и поспешили к скорому поезду, идущему в Кале, а за ними – носильщик с багажом.

У одного из них была перевязана рука, а бледное лицо говорило о плохом самочувствии. Другой выглядел веселым.

– Бегом, Вилсон, мы не должны опоздать на поезд... Ох, Вилсон, я никогда не забуду эти десять дней!

– Да и я тоже.

– О, какие прекрасные сражения!

- Великолепные.
- Так, только иногда маленькие неприятности...
- Совсем маленькие.
- И наконец – триумф. Люпен арестован! Голубой бриллиант найден!
- Моя рука сломана.
- Когда речь идет о таких успехах, что значит сломанная рука!
- Особенно моя.
- Да, да! Вспомните, Вилсон, именно в тот момент, когда вы были у аптекаря и героически переносили страдания, я обнаружил нить, выводящую из тьмы.
- Какой счастливый случай!

Двери купе уже закрывались.

- Проходите, пожалуйста. Поторопитесь, господа.

Носильщик поднялся по лестнице в пустое купе и положил багаж в сетку, а Шолмс пока заводил несчастного Вилсона.

- Да что с вами? Когда же это закончится! Поторапливайтесь, старина!
- Дело не в том, что я не тороплюсь...
- А в чем?
- Я владею только одной рукой.
- И что? – воскликнул Шолмс. – Тоже мне проблемы! Можно подумать, только вы в таком положении! А однорукие, настоящие однорукие? Ладно, всякое бывает. – Он протянул носильщику монетку в пятьдесят сантимов. – Спасибо, друг мой. Возьмите.
- Благодарю, господин Шолмс.

Англичанин присмотрелся: перед ними стоял Арсен Люпен.

- Вы... Вы... – только и смог пробормотать он.

А Вилсон принялся размахивать здоровой рукой, словно желая продемонстрировать свою силу, и воскликнул:

- Вы... Вы... Но вас же арестовали! Шолмс рассказал мне... Когда он расстался с вами, вас окружали Ганимар и тридцать полицейских...

Люпен сложил руки на груди и с негодованием заявил:

– Вы полагали, что я отпущу вас, не простившись? После столь чудесных дружеских отношений? Это было бы невежливо. За кого вы меня принимаете?

Раздался свисток паровоза.

– Ладно, я не в обиде. Вы запаслись всем необходимым? Табак, спички... да, и вечерние газеты? Там вы найдете подробности о моем аресте – своем последнем подвиге, мэтр. А теперь прощайте, рад был с вами познакомиться. В самом деле рад! Если я вам понадоблюсь, то буду счастлив... – Он спрыгнул на перрон и закрыл дверцу. – Прощайте, – снова сказал он. – Прощайте, я буду писать вам. А вы мне, не так ли? Как ваша рука, господин Вилсон? Жду новостей от вас обоих, хотя бы иногда отправляйте открытку по адресу: Париж, Люпену... Этого будет достаточно. И не нужно наклеивать марку. Прощайте, до скорого...

Часть вторая

Еврейская лампа

Глава 1

Херлок Шолмс и Вилсон сидели по сторонам большого камина, вытянув ноги к приятному теплу газовой горелки.

Трубка Шолмса – короткая трубка из вереска с серебряным кольцом – погасла. Он вытряхнул пепел, снова набил трубку, закурил, поправил полы халата и принялся делать длинные затяжки, выпуская из трубки летящие к потолку маленькие колечки дыма.

Вилсон смотрел на него. Так собака, которая лежит, свернувшись клубочком на ковре, смотрит на хозяина, не мигая, с надеждой ловя каждое его движение. Прервет ли молчание хозяин? Раскроет ли он тайну своих нынешних раздумий, допустит ли в царство своих мыслей, вход в которое, похоже, всем запрещен?

Шолмс молчал.

Вилсон отважился:

– Спокойное нынче время. Ни одного дельца, которое мы могли бы раскрыть.

Шолмс молчал все ожесточеннее, а кольца дыма все клубились и клубились, и любой другой человек, кроме Вилсона, понял бы, что Шолмс испытывает огромное наслаждение и удовлетворение в часы, когда мозг полностью свободен от всяких мыслей.

Вилсон встал и подошел к окну.

На унылой улице на дома с унылыми фасадами с темного неба лил злой дождь. Проехал кеб, другой... Вилсон занес их номера к себе в записную книжку. Никогда не знаешь, а вдруг пригодится?

– Смотрите, – закричал он, – почтальон!

Вскоре вошел человек в сопровождении слуги.

– Два заказных письма, сэр. Будьте любезны расписаться.

Шолмс отметился в журнале, проводил почтальона до двери и, вернувшись, вскрыл одно из писем.

– У вас очень довольный вид, – отметил Вилсон.

– В этом письме весьма интересное предложение. Вы только что хотели заняться делом, так вот оно. Читайте...

Вилсон прочитал:

«Сэр, зная о вашем опыте, обращаюсь к вам за помощью. Я стал жертвой серьезной кражи. Было проведено расследование, но поиски, как мне кажется, никогда не закончатся.

Посылаю вам газеты, из которых вы узнаете о деле. Если вы согласитесь за него взяться, я предоставляю свой дом в ваше распоряжение и прошу внести в прилагаемый чек с моей подписью сумму, которую вам будет угодно назначить в качестве издержек на дорогу.

Соблаговолите телеграфировать о своем решении. Примите уверения в моем величайшем почтении.

Барон Виктор д'Эмблеваль, улица Мюрилло, 18»

– Ну вот, – воскликнул Шолмс, – вырисовывается интересное дело... небольшое путешествие в Париж, так почему бы и нет, черт возьми? С момента знаменитого поединка с Арсеном Люпенем у меня не было повода туда вернуться. Я не прочь увидеть столицу мира при более спокойных обстоятельствах.

Он разорвал чек на четыре части и, пока Вилсон, чья рука еще не обрела прежней гибкости, высказывал нечто печальное в адрес Парижа, вскрыл следующий конверт.

Он раздраженно взмахнул рукой и нахмурился, читая письмо. Затем, скомкав бумагу, раздраженно бросил ее на пол.

– Что? Что случилось? – растерянно воскликнул Вилсон.

Он поднял скомканную бумагу и, удивляясь все больше и больше, прочитал:

«Дорогой мэтр, вы знаете, как я восхищаюсь вами и какой интерес проявляю к вашей деятельности. Так вот, поверьте мне, не стоит заниматься делом, в котором Вас просят участвовать. Ваше вмешательство приведет к множеству неприятностей, все усилия сведутся к плачевному результату, и вы будете вынуждены публично признаться в своем поражении.

От всей души желаю вам избежать такого унижения. Заклинаю вас во имя связывающей нас дружбы оставаться спокойно у своего очага.

Мои наилучшие пожелания господину Вилсону и вам, дорогой мэтр.

Мое почтение, преданный вам Арсен Люпен»

– Арсен Люпен... – в замешательстве повторил Вилсон.

Шолмс ударил кулаком по столу.

– Он приводит меня в бешенство, этот негодяй! Он что, издевается надо мной, принимает меня за мальчишку? Публичное признание в поражении! Не я ли вынудил его вернуть голубой бриллиант?

– Он, наверное, боится, – предположил Вилсон.

– Вы говорите глупости! Арсен Люпен ничего не боится, и то, что он провоцирует меня, подтверждает это.

– Но как он узнал о письме, адресованном вам бароном д'Эмблевалем?

– Откуда я знаю? Вы задаете дурацкие вопросы, дорогой мой!

– Я думал... я представлял себе...

– Что? Что я волшебник?

– Нет, но я видел, как вы творили чудеса!

– Никто не может творить чудеса... и я – не больше, чем другие. Я размышляю, делаю выводы, умозаключения, но не гадаю. Только дураки гадают.

Вилсон принял вид побитой собаки и попытался, чтобы не казаться идиотом, не строить больше догадок о том, почему Шолмс раздраженно вышагивает по комнате взад-вперед. Наконец тот вызвал слугу и приказал подать чемодан. Вилсон счел себя вправе, поскольку перед ним был конкретный факт, раздумывать, делать выводы и заключения, что мэтр собирается в дорогу.

То же усилие мысли позволило ему, как человеку, не боящемуся допустить ошибку, решительно заявить:

– Шолмс, вы отправляетесь в Париж.

– Возможно.

– И отправляетесь туда, главным образом, чтобы ответить на провокацию Люпена, а не для того, чтобы помочь барону д'Эмблевалю.

– Возможно.

– Херлок, я отправляюсь с вами.

– Ах, дорогой мой друг, – воскликнул Шолмс, перестав ходить по комнате, – вы не боитесь, что вашу левую руку постигнет участь правой?

– А что может со мной случиться? Вы же будете рядом.

– В добрый час, смельчак! Мы покажем этому господину, что он, возможно, напрасно бросил нам столь наглый вызов. Скорее, Вилсон, отправимся первым же поездом.

– Не дожидаясь газет, которые обещал прислать барон?

– Зачем?

– Тогда я отправлю ему телеграмму?

– Не нужно. Иначе Арсен Люпен узнает о моем прибытии. А это ни к чему. На этот раз, Вилсон, рисковать нельзя.

После полудня оба друга высадились в Дувре. Путешествие прошло отлично. В скором поезде Кале – Париж Шолмс позволил себе три часа крепкого сна, тогда как Вилсон охранял дверь купе и, рассеянно глядя перед собой, размышлял.

Шолмс проснулся довольным и отдохнувшим. Перспектива нового поединка с Арсеном Люпенем восхищала его, он потирал руки с видом человека, готовящегося наслаждаться.

– Наконец-то, – воскликнул Вилсон с таким же довольным видом, – мы встряхнемся!

На вокзале Шолмс подхватил портпледы и вышел за Вилсоном, несшим багаж, – каждому своя ноша.

– Чудная погода, Вилсон, солнце! Париж принарядился к нашему приезду.

– Но какая толпа!

– Тем лучше, Вилсон! Меньше риска быть замеченными. Никто не узнает нас среди множества людей.

– Господин Шолмс, не так ли?

Англичанин остановился, несколько озадаченный. Кто еще мог назвать его по имени?

Рядом с ним стояла молодая женщина, простая одежда которой только подчеркивала изысканную фигуру. Выражение ее красивого лица было тревожным и скорбным.

Она повторила:

– Вы и есть господин Шолмс?

Поскольку он молчал, из-за замешательства и по привычной осторожности, она в третий раз спросила:

– Я имею честь разговаривать именно с господином Шолмсом?

– И чего вы от меня хотите? – сказал он довольно ворчливым тоном, полагая, что это какая-то сомнительная встреча.

Женщина преградила ему дорогу.

– Послушайте, мсье, это очень важно! Я знаю, что вы отправляетесь на улицу Мюрилло.

– Что вы говорите?

– Я знаю, знаю, на улицу Мюрилло, дом восемнадцать. Так вот, не нужно... Нет, вы не должны туда ехать... Уверю, вы пожалеете об этом! И не думайте, что я в чем-то заинтересована... На то есть причина, я говорю совершенно искренне.

Шолмс попытался отойти в сторону, но она настаивала:

– О, прошу вас, не упрямитесь! Если бы я знала, как убедить вас... Посмотрите на меня, посмотрите мне в глаза... они не лгут, они говорят правду.

Дама в упор смотрела на него своими красивыми, серьезными и чистыми глазами, в которых, казалось, отражается ее душа. Вилсон покачал головой:

– У мадемуазель очень честное лицо.

– Ну конечно, – взмолилась она, – вы должны мне верить!

– Я верю, мадемуазель, – ответил Вилсон.

– О, как я счастлива! И ваш друг тоже верит, правда? Я чувствую это, я уверена! Какое счастье! Все уладится! О, какая хорошая мысль пришла мне в голову! Послушайте, мсье, через двадцать минут уходит поезд на Кале, так вот, садитесь в него... Быстрее идите за мной, дорога с этой стороны, вы еще успеваете...

Она попыталась увлечь их за собой, но Шолмс схватил ее за руку и тоном, который попытался сделать по возможности мягким, сказал:

– Извините, мадемуазель, что не могу выполнить вашу просьбу, но я никогда не отказываюсь от поставленной передо мной задачи.

– Умоляю вас... Умоляю вас об этом! Ах, если бы вы могли понять...

Но Херлок Шолмс уже шел дальше.

Вилсон сказал:

– Будьте уверены, он доведет дело до конца. Еще не было случая, чтобы мистер Шолмс потерпел неудачу. – И он последовал за Шолмсом.

«ХЕРЛОК ШОЛМС – АРСЕН ЛЮПЕН»

Эти слова, написанные большими черными буквами, просто бросались в глаза. Шолмс и Вилсон приблизились. Перед ними вереницей шли люди-«сэндвичи» с рекламными щитами. Они держали в руках тяжелые, обитые металлом палки, которыми равномерно ударяли по тротуару, а на спине у них висели огромные афиши:

«МАТЧ ХЕРЛОК ШОЛМС – АРСЕН ЛЮПЕН. ПРИЕЗД АНГЛИЙСКОГО ЧЕМПИОНА. ВЕЛИКИЙ ДЕТЕКТИВ БЕРЕТСЯ РАСКРЫТЬ ТАЙНУ УЛИЦЫ МЮРИЛЛО. ЧИТАЙТЕ ПОДРОБНОСТИ В “ЭКО ДЕ ФРАНС”».

Вилсон покачал головой:

– Ну, согласитесь же, Херлок, мы обманываем себя, полагая, что работаем инкогнито! Я не удивлюсь, если республиканская гвардия будет ждать нас на улице Мюрилло и там будет устроен официальный прием с тостами и шампанским.

– Когда вы пытаетесь острить, Вилсон, то стоите двоих, – сквозь зубы бросил Шолмс.

Он подошел к шествию с явным намерением схватить и разорвать в клочья и человека, и его щит. Однако у афиш собиралось все больше народу, все шутили и смеялись.

Сдерживая бешеный порыв гнева, Шолмс спросил:

– Когда вас наняли?

– Сегодня утром.

– А когда вы начали это шествие?

– Час назад.

– Но афиши были уже готовы?

– Да, само собой. Когда мы пришли утром в агентство, они уже были там.

Значит, Арсен Люпен предусмотрел то, что Шолмс согласится вступить в сражение. Более того, письмо, написанное Люпенем, доказывало, что он

желал этого сражения, что в его планы входило еще раз померяться силами со своим соперником. Почему? Какая причина подталкивала его снова вступить в бой?

Шолмс какое-то мгновение колебался. Люпен должен быть абсолютно уверенным в своей победе, если так дерзко себя ведет. И не попадут ли они в ловушку, откликнувшись на первое же приглашение?

– Идемте, Вилсон. Кучер, улица Мюрилло, дом восемнадцать, – внезапно оживившись, воскликнул он.

Шолмс вскочил в экипаж. Вены у него вздулись, кулаки сжались, как если бы он приготовился боксировать.

На улице Мюрилло стояли роскошные частные особняки, одной стороной обращенные к парку Монсо. Одним из самых красивых зданий был дом номер 18, где проживал барон д'Эмблеваль с женой и детьми. Особняк был меблирован самым роскошным образом и с художественным вкусом, как и подобает жилищу миллионера. Перед ним находился внутренний дворик, окруженный служебными помещениями. Позади дома ветви садовых деревьев переплетались с деревьями парка.

Позвонив, англичане пересекли дворик и были встречены ливрейным лакеем, который отвел их в небольшой салон, расположенный в другом конце дома.

Они уселись, разглядывая драгоценные безделушки, украшавшие будуар.

– Красивые вещи, – прошептал Вилсон, – есть вкус и фантазия. Можно сделать вывод, что люди, имеющие возможность отыскать такие вещи, не слишком молоды, лет пятидесяти, может быть...

Он не договорил. Дверь открылась, и вошел господин д'Эмблеваль в сопровождении жены.

Вопреки умозаключениям Вилсона, они были молоды, элегантно выглядели, их движения и речь были быстрыми. Они принялись рассypаться в благодарностях.

– Как мило с вашей стороны! Такое беспокойство... Мы благодарны неприятности, что случилась с нами, ведь она доставила нам удовольствие...

«Как они очаровательны, эти французы!» – подумал Вилсон, не чуравшийся глубокомысленных наблюдений.

– Но время – деньги, – воскликнул барон, – тем более ваше, господин Шолмс. Поэтому перейдем к делу! Что вы думаете о нем? Рассчитываете ли довести его до победного конца?

– Чтобы довести дело до победного конца, сначала следует с ним ознакомиться.

– Так вы ничего не знаете?

– Нет, поэтому прошу вас рассказать все подробно, ничего не опуская. О чем идет речь?

– О краже.

– Когда она случилась?

– В прошлую субботу, – ответил барон, – в ночь с субботы на воскресенье.

– Значит, прошло уже шесть дней. Итак, рассказывайте.

– Следует сказать, мсье, что мы с женой, несмотря на то, что наше положение требует определенного образа жизни, редко выходим в свет. Воспитание детей, необходимые приемы – вот наша жизнь. Все вечера, или почти все, мы проводим здесь, в этой комнате, в будуаре моей жены, где разместили некоторые произведения искусства. Так вот, в прошлую субботу, около одиннадцати часов, я выключил свет, и мы с женой ушли, как обычно, в свою комнату.

– Где она находится?

– Рядом. Видите дверь? На следующий день, то есть в воскресенье, я проснулся рано. Поскольку Сюзанна, моя жена, еще спала, я прошел как можно более бесшумно в этот будуар, чтобы не разбудить ее. Каково же было мое удивление, когда я заметил, что окно открыто, тогда как накануне вечером мы его закрыли.

– Прислуга...

– Сюда никто не входит, пока мы не позвоним. К тому же я всегда из предосторожности запираю вот эту, вторую дверь, сообщающуюся с прихожей. Так вот, окно наверняка было открыто снаружи. К тому же есть подтверждение этому: второе стекло в правом оконном переплете, рядом со шпингалетом, было разбито.

– А это окно?

– Это окно, как вы можете видеть, выходит на небольшую террасу, окруженную балконом с каменной оградой. Сейчас мы на втором этаже, и вы видите сад позади дома, ограду, отделяющую нас от парка Монсо. Поэтому я уверен, что человек проник сюда из парка, перелез через решетку по лестнице и залез на террасу.

– Вы говорите, что уверены в этом?

– Мы обнаружили с каждой стороны ограды, в мягкой земле цветников, углубления, оставленные двумя ножками лестницы, и два углубления были внизу, у террасы. Наконец, на балконе видны две небольшие царапины, очевидно нанесенные ножками лестницы.

– Разве парк Монсо не закрывается на ночь?

– Да, закрывается, но в доме номер четырнадцать идет ремонт. Оттуда легко было забраться.

Херлок Шолмс несколько мгновений размышлял, а потом сказал:

– Перейдем к краже. Значит, она произошла в комнате, где мы сейчас находимся?

– Да. Между Мадонной двенадцатого века и резной серебряной скинией стояла небольшая еврейская лампа. Она исчезла.

– Это все?

– Все.

– Так, а что вы называете еврейской лампой?

– Были раньше медные лампы, состоящие из подставки и сосуда, в который наливали масло. Из этого сосуда выходили две или несколько горелок для фитилей.

– В общем, это не особенно ценные предметы.

– Действительно, не особенно ценные. Но в таких лампах имеются тайники. В такой тайник мы имели обыкновение класть великолепное старинное, очень дорогое украшение – золотую химеру, украшенную рубинами и изумрудами.

– Откуда у вас такая привычка?

– Честное слово, мсье, не знаю, что и сказать. Может быть, это просто такая шутка – использовать тайник подобного рода.

– Никто об этом не знал?

– Никто.

– Разумеется, кроме укравшего химеру, – констатировал Шолмс, – иначе он не утруждал бы себя кражей еврейской лампы.

– Разумеется. Но как он мог узнать, если мы и сами случайно открыли этот тайник?

– Та же случайность могла произойти и с кем-то еще, с прислугой, с кем-то, входящим в ваш дом... Но продолжим: вы поставили в известность полицию?

– Конечно. Следователь проводил расследование. Хроникеры-детективы всех основных газет провели собственные расследования. Но, как я и писал, похоже, что у этого дела нет ни малейшего шанса быть раскрытым.

Шолмс поднялся, направился к окну, осмотрел оконную раму, террасу, балкон, при помощи лупы изучил две царапины на камне и попросил господина д'Эмблеваля проводить его в сад.

В саду Шолмс сел в плетеное кресло и задумчиво осмотрел крышу дома. Потом внезапно направился к двум маленьким деревянным ящичкам, которыми прикрыли, чтобы сохранить четкость отпечатков, отверстия, оставленные у

подножия террасы ножками лестницы. Он поднял ящички, встал на колени, наклонился так, что лицо его оказалось сантиметрах в двадцати от земли, и принялся изучать отпечатки, делать измерения. Ту же операцию он проделал с решеткой ограды, но это длилось не так долго.

Наконец все было завершено.

Они вернулись в будуар, где их ждала мадам д'Эмблеваль.

Шолмс некоторое время молчал, затем сказал:

– С самого начала вашего рассказа, господин барон, я был потрясен видимой простотой вторжения. Использовать лестницу, вырезать стекло, выбрать предмет кражи и уйти – такие вещи не делаются просто так. Все это совершенно ясно, совершенно очевидно.

– И что же?

– А то, что кража еврейской лампы была совершена под руководством Арсена Люпена...

– Арсена Люпена! – воскликнул барон.

– Но это было совершено без участия извне, и никто не входил в этот особняк... Возможно, какой-то слуга спустился из своей мансарды на террасу по водосточной трубе, которую я заметил в саду.

– Но где доказательства?

– Арсен Люпен не вышел бы из будуара с пустыми руками.

– С пустыми руками? А лампа?

– Кража лампы не помешала бы ему взять табакерку, украшенную бриллиантами, или это кольцо со старинными опалами. Ему достаточно было сделать два шага. Если он их не сделал, значит, не увидел.

– А как же обнаруженные следы?

– Комедия! Спектакль, разыгранный, чтобы отвести подозрения!

– А царапины на балюстраде?

– Фальшивка! Нанесены наждачной бумагой. Вот, смотрите, я подобрал несколько ее кусочков.

– А следы, оставленные ножками лестницы?

– Фарс! Посмотрите внимательно на два прямоугольных отверстия у фундамента террасы и на два отверстия около ограды. У них одинаковая форма, но если здесь они параллельны, то там – нет. Измерьте расстояние, отделяющее каждое отверстие от соседнего, – оно меняется в зависимости от

места. У основания террасы – двадцать три сантиметра. Вдоль ограды – двадцать восемь сантиметров.

– И каковы ваши выводы?

– Поскольку они имеют одинаковую форму, я полагаю, что четыре отверстия были сделаны при помощи одной деревяшки, соответствующим образом обточенной.

– Самым лучшим аргументом была бы сама эта деревяшка.

– Вот она, – сказал Шолмс, – я подобрал ее в саду, под горшком с лавровым деревом.

Барон был обескуражен. С момента, как англичанин перешагнул порог дома, прошло сорок минут, а он уже и камня на камне не оставил от фактов, которые казались очевидными. Вырисовывалась совсем другая картина, базирующаяся на серьезном фундаменте, – на умозаклучениях самого Херлока Шолмса.

– Обвинение, которое вы предъявляете нашим слугам, очень серьезно, мсье, – сказала баронесса. – Они давно работают в нашей семье, и никто из них не способен нас предать.

– Если ни один из них вас не предавал, то как объяснить то, что это письмо могло прийти ко мне в тот же день и той же почтой, что и написанное вами?

Он протянул баронессе письмо, адресованное ему Арсеном Люпенем.

Мадам д'Эмблеваль была ошеломлена.

– Арсен Люпен... Как он узнал?

– Вы никому не сообщали об этом письме?

– Никому, – сказал барон, – эта идея пришла нам в голову на следующий день, когда мы сидели за столом.

– Слуги присутствовали?

– Только двое наших детей. И еще... нет, Софи и Анриетты уже не было за столом, так ведь, Сюзанна?

Мадам д'Эмблеваль подумала и подтвердила:

– В самом деле, они пошли к мадемуазель.

– К мадемуазель? – поинтересовался Шолмс.

– К гувернантке, мадемуазель Алисе Демэн.

– Стало быть, эта особа не сидит за столом вместе с вами?

– Нет, ей подают отдельно, в ее комнату.

У Вилсона возникла идея.

– Письмо, написанное моему другу Херлоку Шолмсу, было отослано почтой.

– Естественно.

– А кто его относил?

– Доминик, мой лакей уже двадцать лет, – ответил барон. – Любые попытки искать в этом направлении – пустая трата времени.

– Никакие поиски не могут быть пустой тратой времени, – нравоучительно произнес Шолмс.

Первое расследование завершилось. Шолмс попросил разрешения удалиться.

Часом позже, за обедом, он увидел Софи и Анриетту, детей баронов д'Эмблеваль, двух хорошеньких девочек восьми и шести лет. Они немного поговорили. Шолмс ответил на любезности барона и его жены такой неприятной гримасой, что они решили умолкнуть. Подали кофе. Шолмс проглотил содержимое чашки и встал из-за стола.

В этот момент вошел слуга и принес адресованное Шолмсу сообщение, переданное по телефону. Шолмс открыл его и прочитал:

«Выражаю свои восторг и восхищение. Полученные вами в столь короткий срок результаты потрясают. Я смущен.

Арсен Люпен»

Шолмс с раздражением показал послание барону:

– Теперь вы начинаете верить, мсье, что ваши стены имеют глаза и уши?

– Я ничего не понимаю, – прошептал растерянный господин д'Эмблеваль.

– И я тоже. Зато я понимаю, что здесь ни одно движение не ускользает от Люпена. Ни одно произнесенное слово не остается не услышанным.

Этим вечером Вилсон улегся спать со спокойной совестью выполнившего свой долг человека, у которого осталась одна лишь задача – сон. Поэтому он очень быстро уснул, и ему виделись чудесные сны, в которых он преследовал Люпена и самостоятельно его задерживал. Преследование ощущалось настолько реально, что он проснулся.

Кто-то прикасался к его кровати. Он выхватил револьвер.

– Еще одно движение, Люпен, и я выстрелю.

– Черт возьми! Это уж слишком, старина!

– Как, это вы, Шолмс? Я вам нужен?

– Мне нужны ваши глаза. Вставайте...

Он подвел Вилсона к окну.

– Смотрите... с другой стороны ограды...

– В парке?

– Да. Вы ничего не видите?

– Я ничего не вижу.

– Да нет, вы кое-что видите.

– О, в самом деле, какая-то тень... даже две.

– Ну вот, видите? Около ограды... смотрите, они шевелятся. Не будем терять время.

Держась за перила, они в темноте спустились вниз и оказались в комнате, выходящей на площадку сада, и через стеклянную дверь увидели два силуэта на том же месте.

– Занятно, – сказал Шолмс, – мне кажется, что я слышу в доме какой-то шум.

– В доме? Невозможно! Все спят.

– И все же прислушайтесь...

В этот момент со стороны ограды раздался тихий свист, и они увидели неяркий свет, который, казалось, шел из дома.

– Должно быть, д'Эмблевали зажгли свет, – прошептал Шолмс. – Это их комната находится над нами.

– Да, наверное, это их мы слышали, – сказал Вилсон. – Может, они собираются наблюдать за оградой.

Второй раз свист прозвучал тише.

– Не понимаю, не понимаю, – раздраженно сказал Шолмс.

– И я тоже, – признался Вилсон.

Шолмс повернул ключ в замке, отодвинул засов и тихонько толкнул створку двери.

Третий свист, на этот раз более громкий и с другой модуляцией. Шум над их головами усилился.

– Я бы сказал, что это на террасе будуара, – прошептал Шолмс.

Он просунул голову в приоткрытую дверь, но сразу же отпрыгнул назад. Вилсон выглянул. Совсем рядом с ними кто-то приставлял к стене лестницу у балкона террасы.

– Дьявол, – прошептал Шолмс, – в будуаре кто-то есть! Вот откуда шум. Скорее убираем лестницу.

Но в этот момент неизвестный соскользнул вниз, лестницу убрали, и человек, прихвативший ее, побежал к ограде, где его поджидали сообщники. Шолмс и Вилсон рванулись следом и догнали человека, когда тот приставлял лестницу к ограде. Из-за ограды раздались два выстрела.

– Вы ранены? – закричал Шолмс.

– Нет, – ответил Вилсон.

Он схватил человека и попытался остановить его. Но тот развернулся и, удерживая преследователя одной рукой, другой нанес удар ножом ему прямо в грудь. Вилсон вскрикнул, пошатнулся и упал.

– Проклятие, – прорычал Шолмс, – если его убили, и я убью!

Он уложил Вилсона на лужайке и ринулся к лестнице. Но было поздно: неизвестный уже перелез через ограду к сообщникам, и все они скрылись в чаще.

– Вилсон, Вилсон, ну же, ничего страшного... Простая царапина.

Двери особняка распахнулись. Появился господин д'Эмблеваль, за ним слуги со свечами в руках.

– Что? Что случилось, – закричал барон, – господин Вилсон ранен?

– Ничего, обычная царапина, – повторил Шолмс, пытаясь обмануть себя.

Кровь текла ручьем, лицо Вилсона было мертвенно-бледным. Двадцатью минутами позже доктор констатировал, что острие ножа прошло в четырех миллиметрах от сердца.

– В четырех миллиметрах от сердца! Этому Вилсону всегда везло, – констатировал Шолмс.

– Повезло, повезло, – повторил доктор.

– Черт возьми! Благодаря крепкой конституции он еще хорошо отделался...

– Шесть недель постельного режима и два месяца на выздоровление.

– Не больше?

– Нет, если не будет осложнений.

– А почему, черт подери, вы думаете, что возможны осложнения?

Полностью успокоившись, Шолмс пошел в будуар к барону. На этот раз таинственный посетитель уже не был так скромн. Он совершенно беспардонно прихватил табакерку, украшенную бриллиантами, кольцо с опалами, а также все, что могло уместиться в карманах настоящего налетчика.

Окно было открыто, одно из стекол аккуратно вырезано. Общй осмотр на рассвете показал, что лестницу позаимствовали из ремонтирующегося дома, откуда и пришел взломщик.

– Короче говоря, – сказал господин д'Эмблеваль не без иронии, – это точное воспроизведение кражи еврейской лампы.

– Да, если мы согласимся с первым вариантом, принятым полицией.

– Так вы не согласны с этим? Вторая кража не заставила вас изменить мнение о первой?

– Нет, мсье.

– Невероятно! У вас есть несомненное доказательство того, что нападение, происшедшее сегодня ночью, было совершено кем-то извне, а вы продолжаете настаивать, что еврейская лампа была похищена кем-то из нашего окружения?

– Кем-то, кто живет в вашем особняке.

– Да объясните же!

– Я ничего не объясняю, мсье, я констатирую два факта, связанных между собой лишь формально, я рассматриваю их по отдельности и ищу связующее их звено.

Его убежденность казалась настолько серьезной, а действия выглядели настолько обоснованными, что барон согласился:

– Хорошо. Сообщим комиссару...

– Ни в коем случае, – тут же воскликнул англичанин, – ни в коем случае! Я обращаюсь к этим людям только тогда, когда возникнет необходимость.

– Однако... как же стрельба?

– Не имеет значения!

– А ваш друг?

– Мой друг всего лишь ранен. Устройте так, чтобы доктор хранил молчание. А я отвечаю за все, что связано с полицией.

Два дня прошли без каких-либо происшествий. Шолмс продолжал свое расследование с невероятной тщательностью. Его самолюбие подпитывалось

воспоминанием о смелом вторжении, совершившимся у них на глазах и увенчавшимся успехом, несмотря на его присутствие. Он без устали обыскивал особняк и сад, разговаривал с прислугой, подолгу задерживался в кухне и на конюшне и, хотя не обнаружил улик, проливавших свет на случившееся, не терял присутствия духа.

«Я его найду, – думал он, – здесь я его найду. В данном случае речь не идет, как в деле с Белокурой дамой, о движении наугад и о достижении неизвестной цели неизвестными путями. На этот раз я нахожусь на поле боя, и мой враг – уже не только неуловимый и невидимый Люпен. Его сообщник из плоти и крови находится в особняке. Достаточно малейшей детали – и я ухвачусь за ниточку».

И эту деталь (благодаря которой Шолмс сделал свои умозаключения со столь изумительной виртуозностью, что дело о еврейской лампе считается одним из тех, где он победоносно продемонстрировал свой полицейский гений) ему предоставил случай.

На третий день после полудня Шолмс, войдя в комнату, расположенную над будуаром, где дети делали уроки, встретил Анриетту, младшую из сестер. Она искала свои ножницы.

– Знаешь, – сказала она Шолмсу, – я тоже делаю бумажки вроде тех, что ты получил в тот вечер.

– В тот вечер?

– Да, после обеда. Ты получил бумажку с такими наклеенными полосочками... ну, ты знаешь, телеграмму... так вот, я тоже такие делаю.

Она вышла. Для любого другого человека эти слова показались бы ничего не значащими рассуждениями ребенка. Шолмс рассеянно их выслушал и продолжил осмотр. Но вдруг его заинтересовала последняя фраза, и он побежал вслед за девочкой. Он догнал ее на лестнице следующего этажа и спросил:

– Так ты тоже наклеиваешь полосочки на бумагу?

Анриетта гордо сообщила:

– Ну да, я вырезаю слова и наклеиваю их.

– А кто показал тебе такую игру?

– Мадемуазель, моя гувернантка. Я видела, как она в нее играет. Она берет слова из газет и наклеивает их...

– И что она делает?

– Телеграммы, письма, а потом отправляет их.

Херлок Шолмс вернулся в комнату для занятий, чрезвычайно заинтригованный этим признанием и пытаясь сделать из него соответствующие выводы.

Газеты, целая пачка газет лежала на камине. Он развернул их и действительно увидел недостающие группы слов и даже целые строчки, аккуратно вырезанные. Но достаточно было прочитать предшествующие или последующие слова, чтобы понять: недостающие вырезались ножницами наугад, очевидно Анриеттой. Возможно, в пачке газет были и те, которые вырезала сама мадемуазель. Но как удостовериться в этом?

Херлок машинально перелистал школьные учебники, лежавшие на столе, потом другие – с полок книжного шкафа. И вдруг у него вырвалось радостное восклицание. В глубине шкафа, под сваленными там старыми тетрадями, он обнаружил детский букварь и на одной из страниц увидел пустоту.

Он посмотрел: это был список дней недели. Понедельник, вторник, среда. Недоставало слова «суббота». А похищение еврейской лампы случилось ночью в субботу.

Херлок почувствовал легкое биение сердца, которое всегда самым точным образом предвещало, что он попал в центр интриги. Это щемящее предчувствие истины, ощущение уверенности никогда не обманывало его.

Взбудораженный, уверенный в себе, он принялся листать букварь, и его ожидал следующий сюрприз.

Это была страница, написанная заглавными буквами, а затем шла строчка с цифрами.

Девять букв и три цифры были аккуратно вырезаны.

Шолмс выписал их в свой блокнот в том порядке, в котором они шли, и получил следующий результат:

АВЕЙКОТЧЭ – 237

– Ну и ну, – прошептал он, – на первый взгляд это ничего особенного не обозначает.

Можно ли было, перемешав все эти буквы и использовав их, сложить одно, два или три полных слова?

Шолмс безуспешно пытался это сделать.

Перед ним вырисовывалось единственное решение, которое так и просилось на карандаш. В конце концов оно показалось ему правильным, так как соответствовало логике фактов и согласовывалось с общими обстоятельствами.

Учитывая, что на странице букваря каждая буква алфавита повторялась только раз, вполне возможно, даже очевидно – перед ним были неполные слова, дополненные буквами, позаимствованными с других страниц. В таком случае, если не считать пропуска, загадка решалась следующим образом:

ОТВЕЧАЙТ-ЭК-237

С первым словом все было ясно: «отвечайте». Недоставало буквы «Е», потому что эту букву уже использовали и ее больше не было.

Что касается второго незавершенного слова, то оно, несомненно, образовывало вместе с числом 237 адрес, посылаемый автором получателю письма. Сначала назначался день – суббота, а ответ предполагался по адресу ЭК 237.

Или ЭК 237 было адресом до востребования, или буквы ЭК составляли часть неполного слова. Шолмс перелистал букварь: на следующих страницах не было ни одного вырезанного слова. Следовательно, нужно было до получения следующего послания придерживаться найденного объяснения.

– Забавно, правда?

Это вернулась Анриетта. Он ответил:

– Еще бы! Вот только нет ли у тебя других бумажек? Или, может быть, уже вырезанных слов, которые я мог бы наклеить?

– Бумажек? Нет. К тому же мадемуазель будет недовольна.

– Мадемуазель?

– Да, она уже бранила меня.

– За что?

– Потому что я вам кое-что рассказала. Она говорит, что никогда ничего не надо рассказывать о тех, кого любишь.

– Ты совершенно права.

Анриетта, казалось, была восхищена похвалой, настолько, что достала из полотняного мешочка, приколотого к платью, несколько лоскутков, три пуговицы, два кусочка сахара и наконец бумажный квадратик, который и протянула Шолмсу.

– Держи.

Там был указан номер фиакра – 8279.

– А откуда у тебя это?

– Он выпал из ее кошелька.

– Когда?

– В воскресенье во время мессы, когда она доставала мелочь для подаяния.

– Отлично. А я подскажу, как сделать так, чтобы тебя не бранили: не рассказывай мадемуазель, что ты меня видела.

Шолмс отправился к господину д'Эмблевалю и принялся расспрашивать его о мадемуазель.

Барон от удивления даже отпрянул.

– Алиса Демэн? Да как вы могли подумать? Это невозможно!

– Сколько она уже у вас работает?

– Только год, но я не знаю человека более спокойного, которому бы я так доверял.

– А как могло случиться, что я ее еще не видел?

– Ее не было два дня.

– А сейчас?

– Как только она вернулась, тотчас же решила отправиться ухаживать за вашим другом. Она обладает всеми качествами сиделки: добрая, предупредительная... Мне кажется, господин Вилсон очарован ею.

– О! – только и произнес Шолмс, совсем пренебрегший новостями о своем старом товарище. Он немного подумал и осведомился: – А в воскресенье днем она отлучалась из дому?

– На следующий день после кражи?

– Да.

Барон позвал жену и задал этот вопрос ей. Она ответила:

– Мадемуазель уходила, как обычно, на одиннадцатичасовую мессу с детьми.

– А до этого?

– До этого? Нет... или же... Я была так потрясена этой кражей, однако припоминаю, что накануне она просила у меня разрешения отлучиться в воскресенье утром... кажется, чтобы увидеть какую-то кузину, которая будет проездом в Париже. Но, я надеюсь, вы ее не подозреваете?

– Нет, но я хотел бы ее увидеть.

Он поднялся в комнату Вилсона. Женщина, одетая сиделкой, в длинном сером полотняном платье склонилась над больным, давая ему питье. Когда она повернулась, Шолмс узнал молодую женщину с Северного вокзала.

Между ними не произошло никакого объяснения. Алиса Демэн улыбнулась кротко, без всякого смущения. Взгляд ее был очаровательным и серьезным. Англичанин хотел заговорить, но только промямлил что-то и умолк. А она

вернулась к своему занятию, спокойно прошла по комнате на глазах удивленного Шолмса, передвинула флаконы, свернула и развернула бинты и снова ласково улыбнулась ему.

Херлок Шолмс спустился вниз, увидел во дворе автомобиль господина д'Эмблеваля, сел в него и велел ехать в Леваллуа, в гараж, адрес которого был написан на бумажке со списком гаражей, отданной ему ребенком. Кучера Дюпре, управлявшего воскресным утром фиакром под номером 8279, не было на месте, поэтому Шолмс отослал автомобиль и стал дожидаться перерыва.

Кучер Дюпре рассказал, что он в самом деле «катал» даму в районе парка Монсо – некую молодую женщину в черном. На лице пассажирки была густая вуаль, и она казалась весьма взволнованной.

– У нее был с собой какой-нибудь пакет?

– Да, довольно большой.

– И куда вы отвезли ее?

– Авеню де Терн, угол площади Сен-Фердинан. Там она оставалась минут двенадцать, затем мы вернулись в парк Монсо.

– Вы узнали бы дом на авеню де Терн?

– Само собой, черт побери! Вас туда отвезти?

– Немедленно. Но сначала отвезите меня на набережную Орфевр, тридцать шесть.

В префектуре полиции ему повезло: он сразу же встретил главного инспектора Ганимара.

– Вы свободны, господин Ганимар?

– Если речь идет о Люпене, то нет.

– Да, это касается Люпена.

– Тогда я не сдвинусь с места.

– Как! Вы отказываетесь...

– Я отказываюсь от невозможного! Я устал от неравной борьбы, когда мы уверены в своем поражении. Это трусость, это абсурд, понимаете, как хотите, мне наплевать! Люпен сильнее нас. Поэтому нам остается только признать себя побежденными.

– Я не признаю себя побежденным.

– Он вас победит, как и всех остальных.

– Хорошо, это будет зрелище, которое, наверное, доставит вам удовольствие!

– Ладно, пусть будет по-вашему, – сказал Ганимар с невинным видом. – Поскольку вам не терпится быть побитым, пойдемте.

Они сели в фиакр. По их приказу кучер остановился неподалеку от указанного дома, с другой стороны проспекта, около небольшого кафе с открытой террасой, где они и разместились между лавровыми деревьями и бересклетами. Начинало смеркаться.

– Официант, – подозвал Шолмс, – принесите письменные принадлежности.

Он что-то написал и снова подозвал официанта:

– Отнесите это письмо консьержу в дом напротив. Думаю, это вон тот человек в картузе, который курит у входа.

Прибежал консьерж. Ганимар представился ему главным инспектором, а Шолмс поинтересовался, не приходила ли сюда утром в воскресенье некая молодая дама в черном.

– В черном? Да, около девяти часов, та самая, которая заходит на третий этаж.

– Вы ее часто видите?

– В последнее время частенько, а в последние две недели – почти каждый день.

– А после воскресенья?

– Только один раз... не считая сегодняшнего дня.

– Как, она пришла?

– Она здесь.

– Она здесь?!

– Уже десять минут. Ее экипаж ждет на площади Сен-Фердинан, как обычно. Да, точно, я столкнулся с ней на пороге.

– А кто живет на третьем этаже?

– Двое. Мадемуазель Ланже, модистка, и господин, месяц назад снявший под именем Брессона две меблированные комнаты.

– Почему вы говорите «под именем»?

– Мне кажется, что это имя вымышленное. Моя жена у него убирается. Так вот, у него нет и двух рубашек с одинаковыми инициалами.

– Чем он занимается?

– Что вам сказать? Он почти всегда отсутствует. Три дня как не возвращался.

– А возвращался ли он ночью с субботы на воскресенье?

– Ночью с субботы на воскресенье? Погодите-ка, дайте вспомнить... Да, в субботу вечером он пришел и больше никуда не отлучался.

– Что это за человек?

– Честное слово, даже не знаю, что и сказать. Он всякий раз меняется! То он высокий, то маленький, то толстый, то щупленький, то брюнет, то блондин... Я не всегда его узнаю.

Ганимар и Шолмс переглянулись.

– Это он, – прошептал инспектор, – это точно он.

В какой-то момент старый полицейский растерялся. Можно было судить об этом по тому, как он судорожно сглотнул и сжал кулаки.

Шолмс, хотя и был хладнокровнее, тоже ощутил, как защемило сердце.

– Смотрите, – сказал консьерж, – вот эта девушка.

Мадемуазель действительно вышла из дома и пошла через площадь.

– А вот и господин Брессон.

– Господин Брессон? Который?

– Да тот, с пакетом в руке.

– Но он не обращает на девушку внимания. Она одна идет к экипажу.

– А-а, по правде сказать, я никогда не видел их вместе.

Полицейские встали. При свете фонарей они рассмотрели мужчину, удалявшегося в направлении, противоположном площади.

– За кем вы предпочитаете следить? – спросил Ганимар.

– За ним, черт возьми! Это крупная дичь.

– Тогда я буду следить за девушкой, – предложил Ганимар.

– Нет, нет, – поспешно ответил англичанин, который не хотел открывать Ганимару подробностей дела, – я знаю, где найти эту девушку. Идите со мной.

Держась на расстоянии, временами прячась за пешеходами и киосками, они начали преследование Люпена. Делать это было несложно, потому что он не оборачивался и шел быстро, слегка прихрамывая на правую ногу.

Прихрамывание было таким легким, что лишь натренированный взгляд наблюдателя мог это заметить. Ганимар сказал:

– Кажется, он хромает. – И добавил: – Эх, два-три полицейских – и мы схватили бы нашего приятеля! Мы рискуем упустить его из виду.

Но до порт де Терн ни одного полицейского видно не было, а после выхода за крепостные стены Парижа им не приходилось рассчитывать на чью-то помощь.

– Разделимся, – сказал Шолмс, – место тут пустынное.

Это был бульвар Виктора Гюго. Они пошли каждый по своей стороне тротуара, вдоль деревьев.

Так они двигались двадцать минут, пока Люпен не свернул влево и не вышел к Сене. Там они увидели, что Люпен спускается на берег. Он оставался внизу несколько секунд, и они не могли видеть, что он делает. Потом он поднялся на набережную и двинулся дальше. Они прижались к столбам кованой ограды. Люпен прошел прямо перед ними. Пакета в руках у него уже не было.

Когда он удалился, из-за угла дома появился какой-то субъект и проскользнул между деревьев.

Шолмс прошептал:

– Мне кажется, этот тип тоже следит за ним.

– Да, похоже, мы видели его по дороге.

Преследование возобновилось, усложнившись из-за присутствия незнакомца. Люпен вернулся тем же путем, снова прошел через порт де Терн и вернулся в дом на площади Сен-Фердинан.

Консьерж закрывал дверь, когда появился Ганимар.

– Вы видели его, не так ли?

– Да, я зажигал газ на лестнице, а он открывал дверь ключом.

– С ним никого не было?

– Никого, у него никакой прислуги. Он никогда не ест дома.

– А черного хода здесь нет?

– Нет.

Ганимар сказал Шолмсу:

– Проще всего было бы мне остаться у дверей Люпена, а вам пойти за полицейским комиссаром с улицы Демур. Я напишу вам записку.

Шолмс возразил:

– А если за это время он сбежит?

– Но я же остаюсь здесь!

– Битва один на один с ним будет неравной.

– Но не могу же я вломиться к нему, у меня нет на это права, тем более ночью.

Шолмс пожал плечами.

– Если вы арестуете Люпена, никто не будет придирааться к тому, как именно вы его арестовывали. Да и вообще, о чем речь? Нам нужно только позвонить. А там посмотрим, что делать дальше.

Они поднялись на этаж. Двустворчатая дверь находилась на лестничной клетке слева. Ганимар позвонил. Никакого ответа. Он позвонил снова. Никого.

– Заходим, – прошептал Шолмс.

– Да, идем.

Тем не менее они замерли с нерешительным видом. Как люди, колеблющиеся в момент совершения решительного поступка, они боялись действовать, им все еще казалось невероятным, что Арсен Люпен находится тут, совсем рядом с ними, за хрупкой перегородкой, которую можно было разбить ударом кулака. Оба они слишком хорошо его знали, этого дьявола во плоти, чтобы допустить, что он даст себя так глупо схватить. Нет, нет, тысячу раз нет, его там уже не было. Через соседние дома, по крышам, по заранее заготовленному ходу он должен был скрыться, и снова они схватят одну лишь тень Люпена.

Они вздрогнули. Едва уловимый шум, словно легкий шелест в тишине, донесся из-за двери. У Шолмса и Ганимара возникло впечатление, уверенность, что Арсен Люпен все-таки внутри, за тонкой деревянной перегородкой, что он слушает их, что он их слышит.

Что делать? Ситуация становилась трагической. Несмотря на хладнокровие двух матерых детективов, оба так сильно переживали, что им казалось, будто они слышат биение своих сердец.

Ганимар обменялся с Шолмсом взглядом и с силой ударил кулаком по створке двери.

Послышался шум шагов, как будто никто и не пытался спрятаться.

Ганимар толкнул дверь. Навалившись плечом, Шолмс выбил ее, и они бросились вперед.

И тут же остановились как вкопанные. В соседней комнате раздался выстрел. Затем еще один – и звук падающего тела...

Войдя, они увидели человека, припавшего лицом к мраморной плите камина. Револьвер выпал у него из рук. Его сотрясали предсмертные конвульсии.

Ганимар нагнулся и повернул к себе голову мертвеца. Лицо было в крови, которая текла из двух больших ран – на щеке и на виске.

– Его не узнать, – прошептал Ганимар.

– Черт возьми, – закричал Шолмс, – это не он!

– Откуда вы знаете? Вы даже на него не взглянули.

Англичанин рассмеялся:

– Так вы считаете, что Арсен Люпен из тех, кто кончает жизнь самоубийством?

– Однако мы полагали, что узнали его, увидев на улице.

– Мы полагали, потому что хотели в это поверить. Мы одержимы этим человеком.

– Тогда это один из его сообщников.

– Сообщники Арсена Люпена не кончают жизнь самоубийством.

– Тогда кто это?

Они обыскали труп. В одном его кармане Херлок Шолмс обнаружил пустой кошелек, в другом Ганимар нашел несколько луидоров. Ни на белье, ни на одежде никаких меток не было.

В большой дорожной сумке и в двух чемоданах не оказалось ничего, кроме вещей. На камине – стопка газет. Ганимар перелистал их. Во всех говорилось о краже еврейской лампы.

Часом позже, уже уходя, Ганимар и Шолмс знали об этом странном персонаже только то, что их вторжение привело его к самоубийству.

Кем он был? Почему покончил с собой? Как был связан с делом о еврейской лампе? Кто следил за ним во время прогулки? Столько вопросов, один сложнее другого, столько загадок...

Херлок Шолмс лег спать в плохом настроении, а проснувшись, получил по пневматической почте письмо следующего содержания:

«Арсен Люпен имеет честь известить вас о своей трагической кончине под именем господина Брессона и просит присутствовать на погребальном шествии, на отпевании и захоронении, которые состоятся за счет государства, в четверг, 25 июня».

Глава 2

– Видите ли, старина, – сказал Шолмс, протягивая Вилсону пневматическое письмо от Арсена Люпена, – во всей этой аванюре больше всего раздражает то, что я постоянно чувствую на себе взгляд этого дьявольского господина. Ни одна из моих самых сокровенных мыслей от него не ускользает. Я действую как актер, все шаги которого четко определены мизансценой: идти в определенную сторону, говорить, что предписано, потому что так указывает высшая воля. Вы понимаете, Вилсон?

Вилсон, разумеется, понял бы, если бы не спал глубоким сном человека, температура которого колеблется между сорока и сорока одним градусом. Но услышал Вилсон или нет, для Шолмса не имело никакого значения, и он продолжил:

– Мне следует призвать на помощь всю энергию и задействовать все силы, чтобы не отчаиваться. К счастью, эти поддразнивания походят на булавоочные уколы, которые только стимулируют. Боль от укола стихает, рана самолюбия затягивается, и я говорю: «Резвись, дорогой мой. Рано или поздно ты сам себя выдашь». Потому что, Вилсон, в конце концов, разве это не Люпен своей первой телеграммой внушил маленькой Анриетте догадку, не он выдал мне тайну переписки Алисы Демэн? Вы забываете об этой подробности, старина.

Он прохаживался по комнате, рискуя разбудить старого товарища, и говорил:

– В конце концов, все идет не так плохо. Пока путь еще в тумане, но я уже начинаю его различать. Прежде всего я установлю, кто такой господин Брессон. Мы с Ганимаром встретимся на берегу Сены, в том месте, где Брессон оставил пакет, и роль этого господина станет нам ясна. А дальше – это партия, которую предстоит сыграть мне и Алисе Демэн. Противник невеликого ума, не так ли, Вилсон? Как вы полагаете, я скоро узнаю смысл фразы из букваря, а также и то, что означают эти две буквы – Э и К? Именно в них все дело, Вилсон.

В этот момент вошла мадемуазель и, увидев жестикулирующего Шолмса, вежливо сказала:

– Господин Шолмс, я рассержусь, если вы разбудите больного. Нехорошо, что вы его беспокоите. Доктор требует полного покоя.

Он смотрел на нее, не говоря ни слова, удивленный, как и в тот первый день, ее необъяснимым хладнокровием.

– Отчего вы так смотрите на меня, господин Шолмс? Что случилось? Мне кажется, вас постоянно тревожит какая-то невысказанная мысль. Какая? Ответьте, прошу вас.

Она вопрошала всем своим видом: вопрос читался на ее открытом лице, в улыбке, в невинном взгляде, во всем ее поведении, даже в том, как она слегка подалась вперед. В ней было столько искренности, что англичанин даже разозлился. Он подошел и тихим голосом сказал ей:

– Брессон вчера покончил с собой.

Она повторила, как будто не поняла:

– Брессон вчера покончил с собой...

Ничто не омрачило ее лица, ничто не выдало попытки солгать.

– Вас предупредили, – сказал он раздраженно, – иначе бы вы, по крайней мере, вздрогнули... О, вы сильнее, чем я думал... Но почему вы скрываете?

Он схватил букварь с картинками, который только что положил на соседний столик, и, открывая место с вырезанной страницей, сказал:

– Не могли бы вы сказать, в каком порядке следует расположить буквы, которых тут не хватает, чтобы узнать точное содержание записки, которую вы послали Брессону за четыре дня до кражи еврейской лампы?

– В каком порядке? Брессон? Кража еврейской лампы?

Она повторяла слова медленно, как будто желая понять их смысл.

Он настаивал.

– Да. Вот вырезанные буквы... на этом кусочке бумаги. Что вы хотели сказать Брессону?

– Вырезанные буквы... что я хотела сказать...

И вдруг она рассмеялась.

– Вот оно что! Понимаю, я – соучастница кражи! Существует некий господин Брессон, похитивший еврейскую лампу и покончивший с собой. А я – подруга этого господина. О, как это занятно!

– Кого же вы навещали вчера вечером на третьем этаже дома на авеню де Терн?

– Кого? Мую модистку, мадемуазель Ланже. А что, моя модистка и мой друг господин Брессон – одно и то же лицо?

Несмотря ни на что, Шолмс колебался. Можно притвориться, чтобы изобразить ужас, радость, удивление, любые чувства, но не безразличие, тем более не смех – веселый и беззаботный.

Однако он еще раз сказал:

– Последний раз спрашиваю: почему в тот вечер на Северном вокзале вы подошли ко мне? И почему уговаривали немедленно уехать и не заниматься кражей?

– Вы слишком любопытны, господин Шолмс, – ответила она с самым непринужденным смехом. – Чтобы наказать вас, я ничего не отвечаю, вы

ничего не узнаете, вдобавок ко всему вы останетесь сидеть с больным, пока я пойду в аптеку... срочно нужно получить лекарства по рецепту... я убегаю.

Она вышла.

– Я остался в дураках, – прошептал Шолмс. – Я не только ничего у нее не выудил, наоборот, она провела меня.

И он вспомнил дело с голубым бриллиантом и то, как он допрашивал Клотильду Детанж. Блондинка отвечала ему с таким же спокойствием. Видимо, и на этот раз перед ним снова оказалось одно из созданий, защищаемых Арсеном Люпенем, действующих под его непосредственным влиянием, сохраняющих даже в тревожной ситуации и опасности потрясающее спокойствие.

– Шолмс... Шолмс...

Он подошел к Вилсону и склонился над ним.

– Что с вами, старина? Вам нехорошо?

Вилсон шевелил губами, но не мог произнести ни слова. Наконец, сделав над собой усилие, он пролепетал:

– Нет, Шолмс... Это не она... не может быть, чтобы это была она...

– Да что вы выдумываете! А я вам говорю, что это она! Только перед вымуштрованной и воспитанной Люпенем особой я теряю голову и совершаю глупости... Вот и теперь: она знает всю эту историю с букварем... Бьюсь об заклад, и часа не пройдет, как Люпен будет предупрежден. Что я говорю? И часа не пройдет? Да сию же минуту! Аптекарь, срочный заказ по рецепту... Выдумки!

Он выбежал из дома на авеню де Мессин и увидел девушку, входившую в аптеку. Потом она снова появилась, десятью минутами позже, с флаконами и бутылкой, обернутыми белой бумагой. На обратном пути к девушке приблизился некий человек, следивший за ней, с фуражкой в руке. У него был заискивающий вид попрошайки.

Она остановилась, подала ему милостыню и снова пошла своей дорогой.

«Она сказала ему что-то», – подумал англичанин.

Это не было уверенностью – скорее, им руководила сильно развитая интуиция, заставившая поменять тактику. Поэтому он не стал следить за девушкой, а пустился по следу фальшивого попрошайки.

Они вышли на площадь Сен-Фердинан. Человек долго бродил около дома Брессона, иногда посматривая на окна третьего этажа и наблюдая за людьми, входившими в дом.

Через час он вскочил на империал трамвая, направлявшегося в Нейи. Шолмс тоже поднялся туда и сел позади этого человека, немного подальше, рядом с

господином, закрывшимся развернутой газетой. При подъезде к окраине города господин опустил газету, и Шолмс увидел Ганимара. Тот шепнул ему на ухо, указывая на попрошайку:

– Это тот самый человек, который вчера вечером следил за Брессоном. Уже целый час он слоняется по площади.

– Есть новости о Брессоне? – спросил Шолмс.

– Да, сегодня утром на его адрес пришло письмо.

– Сегодня утром? Значит, оно было отослано вчера, до того, как отправление узнал о смерти Брессона.

– Вот именно. Письмо находится у следователя. Но я запомнил следующее: «Он не соглашается ни на какую сделку. Он хочет получить все: и первую вещь, и другие – от второго дела. Иначе он будет действовать». И никакой подписи, – добавил Ганимар. – Как видите, эти несколько строчек нам ничего не дадут.

– Не могу с вами согласиться, господин Ганимар. Эти несколько строчек, напротив, кажутся очень интересными.

– Боже мой! Но почему?

– По известным мне причинам, – ответил Шолмс с дерзостью, с которой обычно разговаривал со своим коллегой.

Трамвай остановился на улице дю Шато, на конечной станции. Человек вышел и спокойно удалился.

Шолмс последовал за ним, приблизившись настолько, что Ганимар испугался:

– Если он обернется, мы будем изобличены.

– Он не обернется.

– Откуда вы знаете?

– Это сообщник Арсена Люпена. А тот факт, что сообщник Люпена уходит вот так, сунув руки в карманы, доказывает, что, во-первых, он знает о слежке, во-вторых, он ничего не боится.

– Однако мы так приблизились к нему...

– Не настолько, чтобы он не мог ускользнуть от нас. Он слишком уверен в себе.

– Полноте, полноте, вы меня разыгрываете. Смотрите, рядом с входом в кафе стоят два полицейских с велосипедами. Если я решу реквизировать велосипед и догнать этого типа, как он, спрашивается, сможет от нас ускользнуть?

– Этот тип, похоже, не слишком обеспокоен такой возможностью. Он и сам реквизирует велосипед!

– Каналья, – произнес Ганимар, – сколько у него апломба!

Субъект и в самом деле подошел к полицейским, когда те собирались сесть на велосипеды, переговорил с ними, сел на третий велосипед, стоявший у стены кафе, и укатил вместе с полицейскими.

Англичанин расхохотался.

– Ну и ну! Мог ли я предвидеть такое? Раз, два, три – и он похищен! И кем? Двумя вашими коллегами, господин Ганимар. О! Он неплохо устроился, этот Арсен Люпен! Два подкупленных им полицейских на велосипедах. Разве я не говорил вам, что наш персонаж слишком спокоен?

– Так что же, – воскликнул раздосадованный Ганимар, – что нам было делать? Хорошо вам смеяться!

– Ну ладно, ладно, не сердитесь. Мы ему отомстим. А сейчас нам нужно подкрепление.

– Фоланфан ждет меня в конце авеню де Нейи.

– Хорошо, забирайте его и возвращайтесь ко мне.

Ганимар удалился, а Шолмс пошел рассматривать следы от велосипедных шин, очень хорошо отпечатавшихся в дорожной пыли, тем более что покрышки были рифлеными. Вскоре он увидел, что следы вели на берег Сены, а три человека свернули в ту же сторону, что и Брессон накануне вечером. Так он дошел до ограды, возле которой сам прятался с Ганимаром. Немного дальше он заметил переплетение рифленых следов, которое говорило о том, что на этом месте велосипедисты останавливались. Как раз напротив находился маленький участок земли, уходящий к Сене, где была пришвартована старая лодка.

Именно там Брессон должен был бросить свой пакет или, скорее, выронить. Шолмс спустился с откоса и увидел, что берег реки постепенно уходит вниз, уровень воды невысокий, и ему было бы легко найти пакет... если только те трое еще не успели его забрать.

«Да нет, – подумал он, – у них не было времени... самое большее четверть часа... Однако почему они пошли по этому пути?»

В лодке сидел рыбак. Шолмс спросил у него:

– Вы не видели трех мужчин на велосипедах?

Рыбак сделал знак, что не видал.

Англичанин настаивал:

– Ну, как же... три человека... они только что останавливались в двух шагах от вас...

Рыбак отложил удочку в сторону, вынул из кармана блокнот, написал что-то, вырвал страничку и протянул Шолмсу.

Англичанин вздрогнул, как от удара молнией. Едва бросив взгляд на бумагу в руке, он увидел серию букв, вырезанных из букваря:

АВЕЙКОТЧЭ-237

Тяжелое солнце уходило за реку. Человек снова углубился в свое занятие, прикрывшись широкими полями соломенной шляпы-колокола. Сложенные скруток и жилет лежали рядом. Он сосредоточенно удил рыбу, поплавок удочки держался на воде.

Прошла минута, целая минута торжественной и страшной тишины.

«Может быть, это он?» – подумал Шолмс с мучительным беспокойством.

И тут его осенило:

– Это он! Это он! Только он способен сидеть вот так, не вздрагивая от удивления, не шевелясь, не боясь того, что произойдет... Кто еще знал об этой истории с букварем? Алиса предупредила его запиской!

Англичанин вдруг почувствовал, что его рука, его собственная рука ухватила за рукоятку револьвера, что его взгляд уперся в спину человека немного ниже затылка. Одно движение – и драма завершится, жизнь этого странного авантюриста бесславно оборвется.

Рыбак не шевелился.

Шолмс нервно вцепился в оружие, испытывая непреодолимое желание выстрелить и покончить с этим... В то же время такой ужасный поступок был противен его природе. Смерть неизбежна. Наступит конец.

«Ну же, – подумал он, – пусть он встанет, пусть защищается... или – тем хуже для него... еще секунда... и я стреляю».

Внезапный шум заставил Шолмса повернуть голову, и он увидел Ганимара, приближавшегося вместе с полицейскими.

Тогда, изменив свои намерения, он одним прыжком запрыгнул в лодку, якорь которой сломался от слишком сильного толчка, упал на рыбака и вцепился в него. Оба покатались на дно лодки.

– И что дальше? – прокричал Люпен, защищаясь. – Что вы докажете? Когда один из нас избьет другого до беспометства, намного ли он продвинется? Ни вам нечего будет делать со мной, ни мне с вами. Мы так и останемся тут, как два идиота...

Оба весла соскользнули в воду. Лодку начало уносить от берега. С набережной раздавались крики, а Люпен продолжал:

– Бог мой, ну что происходит?! Вы совсем утратили чувство реальности? Такие глупости в вашем возрасте! Такой большой мальчик! Фи, как вы несны!

Наконец ему удалось вырваться.

Отчаявшись и решившись на крайнюю меру, Херлок Шолмс сунул руку в карман и выругался: Люпен вытащил его револьвер.

Тогда он упал на колени и попытался ухватить одно из весел, чтобы подгрести к берегу, в то время как Люпен старался схватить другое, чтобы отплыть подальше.

– Выйдет – не выйдет, – повторял Люпен. – к тому же ничего не изменится. Если у вас будет весло, то я помешаю вам им воспользоваться... как и вы мне. Так всегда в жизни: пытаешься действовать, а что толку, когда все решает судьба? Послушайте, вы же видите – судьба... судьба решает в пользу старины Люпена. Победа! Течение мне помогает!

Лодка действительно начала удаляться от берега.

– Берегитесь! – закричал Люпен.

На берегу кто-то из полицейских прицелился из револьвера. Шолмс пригнул голову, раздался выстрел, рядом с ними полетели брызги воды.

Люпен рассмеялся.

– Прости меня, Господи, это наш друг Ганимар! То, что вы делаете, – это плохо, Ганимар. Вы имеете право стрелять только в случае законной защиты. Неужели бедняга Арсен привел вас в такую ярость, что вы забыли о своем долге? Ну вот, он опять за свое! Несчастный, вы же застрелите нашего дорогого мэтра. – Он заслонил Шолмса собой и, встав во весь рост в лодке, крикнул, повернувшись к Ганимару: – Теперь я спокоен, цельтесь, Ганимар, прямо в сердце... выше... левее... Промазал! Чертов растяпа, еще выстрел! Да будете вы командовать? Хладнокровнее! Раз, два, три, огонь! Мимо! Черт возьми, вам что, правительство выдает игрушки вместо пистолетов?

Он вытащил револьвер – длинный, большой и плоский – и выстрелил, не целясь.

Инспектор поднес руку к шляпе: пуля проделала в ней дыру.

– Что скажете, Ганимар? О, это качественный выстрел. Поаплодируем, господа! Это револьвер моего благородного друга, мэтра Херлока Шолмса!

И одним взмахом руки он бросил оружие прямо к ногам Ганимара.

Шолмс не мог не улыбнуться и не восхититься. Какая жизненная энергия! Какая юношеская непосредственность и живость! Казалось, он развлекается. Можно было сказать, что чувство опасности доставляет ему физическую радость, что для этого необычного человека целью существования стал поиск опасностей, которые он, играючи, преодолевал.

На обоих берегах реки собралась толпа. Ганимар и его люди следили за лодкой, которая качалась на волнах, тихо увлекаемая течением. Это было неизбежное, математически рассчитанное задержание.

– Признайтесь, мэтр, – закричал Люпен, оборачиваясь к англичанину, – что вы не поменялись бы сейчас местом ни с кем, ни за какое золото Трансвааля! Вы же в первом ряду партера! Но прежде всего пролог, а после мы сразу же перейдем к пятому акту – задержанию или бегству Арсена Люпена. Так вот, дорогой мэтр, хочу задать один вопрос и умоляю вас, чтобы не было недоговоренностей, ответить только «да» или «нет». Откажитесь заниматься этим делом. Еще есть время, и я могу исправить зло, которое вы совершили. Позже я уже ничего не смогу. Договорились?

– Нет.

Лицо Люпена исказилось. Его явно раздражало такое упорство. Он повторил:

– Я настаиваю. Больше ради вас, чем ради себя, настаиваю, поскольку вы же первый пожалеете о своем вмешательстве. Последний раз спрашиваю: да или нет?

– Нет.

Люпен наклонился, отодвинул одну из досок на дне лодки и в течение нескольких минут производил какие-то манипуляции, смысл которых Шолмс не мог понять. Потом он поднялся, сел рядом с англичанином и произнес следующее:

– Полагаю, мэтр, мы пришли на берег реки с одной целью: найти предмет, от которого избавился Брессон. Что до меня, то я назначил свидание нескольким товарищам и уже готов был – об этом говорит мой костюм – произвести небольшое исследование глубин Сены, когда мои друзья сообщили о вашем приближении. Признаюсь вам, кстати, что меня это не удивило, так как я был заранее предупрежден о ходе, позволю себе так выразиться, вашего расследования. Все просто. Как только кто-то проходит по улице Мюрилло, мне тут же звонят по телефону, сообщают о малейших подробностях, которые могут меня заинтересовать, – и я предупрежден! Вы понимаете, что, учитывая обстоятельства... – Арсен Люпен замолчал. Отодвинутая им доска поднялась, и вода небольшими ручейками начала просачиваться в лодку. – Дьявольщина! Не знаю, как это получилось, но у меня есть все основания полагать, что в этой ветхой лодке появилась течь. Вы не боитесь, мэтр?

Шолмс пожал плечами.

Люпен продолжал:

– Сами понимаете, учитывая обстоятельства и зная заранее, что вы будете стремиться в бой тем яростнее, чем больше я буду стараться избежать его, мне было даже приятно сыграть с вами партию, исход которой предопределен, так как все козыри у меня в руках. И я хотел сделать нашу встречу как можно более шумной, чтобы о вашем поражении стало известно всем и никакая другая графиня де Крозон и никакой другой барон д'Эмблеваль не пытались с вашей помощью противостоять мне. Но не надо усматривать в этом, мой

дорогой мэтр... – Он снова замолчал и, делая вид, что держит в руках бинокль, принялся осматривать берега. – Проклятие! Они наняли отличную лодку, прямо-таки военный корабль. Вот они уже налегли на весла. Еще минут пять, и они возьмут нас на abordаж. Тогда я пропал! Господин Шолмс, дам вам совет: вы бросаетесь на меня, связываете и отдаете в руки правосудия моей страны. Вам нравится такая программа? Если только мы не потерпим кораблекрушения – в таком случае нам остается только писать завещание. Ну, что вы думаете?

Их взгляды встретились. На этот раз Шолмс понял смысл манипуляций Люпена: тот пробил дно лодки. Вода поднималась. Оба и не пошевелились.

Когда вода поднялась выше щиколоток, англичанин достал кисет с табаком и закурил.

Люпен продолжил:

– Мой дорогой мэтр, примите это всего лишь как смиренное признание моего бессилия перед вами. Преклоняясь перед вами, я соглашаюсь только на те баталии, где победа будет за мной, и избегаю тех, где место сражения выбираю не я. Это означает, что я признаю Херлока Шолмса единственным врагом, которого боюсь, и не скрываю своего беспокойства, когда он стоит на моем пути. Вот, дорогой мэтр, что я хотел сказать вам, потому что судьба оказывает мне честь беседовать с вами. Я жалею лишь об одном: что эта наша беседа происходит в месте, где мы принимаем ножную ванну. Признаюсь, ситуации недостает торжественности... Да что я говорю «ножная ванна»! Скорее, сидячая ванна!

В самом деле, вода уже доходила до уровня скамьи, на которой они сидели, а лодка все погружалась и погружалась.

Невозмутимый Шолмс, казалось, сосредоточился на созерцании неба. Ни за что на свете он не согласился бы показать этому человеку, постоянно подвергающемуся опасности, окруженному толпой, преследуемому сворой полицейских и сохраняющему при этом бодрость духа, ни за что на свете он не согласился бы выказать Люпену даже малейшего признака волнения.

Всем своим видом оба как будто говорили: «Что тут такого? Неужели мы будем волноваться из-за подобных пустяков? Разве не каждый день мы тонем в реке? Можно ли обращать внимание на такие мелочи?» Один из них о чем-то болтал, другой размышлял. И оба под одинаковой маской беспечности скрывали страшный удар, нанесенный по их самолюбию.

Еще минута – и они должны были пойти ко дну.

– Главное, – сформулировал Люпен, – знать, утонем ли мы до или после появления стражей правопорядка, вот в чем дело. Потому что речь даже не идет о кораблекрушении. Мэтр! Это торжественный час для составления завещания. Я завещаю все свое состояние Херлоку Шолмсу, английскому гражданину, с тем чтобы он... но, боже мой, пусть же они поторопятся, эти стражи правопорядка! Отважные ребята! Приятно на них посмотреть. Как слаженно они гребут веслами! Смотрите-ка, да это же бригадир Фоланфан! Bravo! Затея с военным кораблем великолепна. Я буду ходатайствовать перед вашим начальством, бригадир Фоланфан. Вы хотели бы получить медаль?

Договорились, считайте, что она у вас в кармане. А ваш товарищ Дъези, где же он? На левом берегу, не так ли, среди сотни местных жителей? Получается, если нам удастся избежать кораблекрушения, то на левом берегу меня встретят Дъези и его свита, или же на правом берегу – Ганимар и население Нейи. Тягостная дилемма...

Лодку закрутило, она начала вращаться, и Шолмсу пришлось ухватиться за уключину весла.

– Мэтр, – произнес Люпен, – умоляю вас снять скюртук. Вам легче будет плыть. Нет? Вы отказываетесь? Тогда и я наброшу свой. – Он натянул скюртук, застегнул его на все пуговицы, как Шолмс, и вздохнул: – Трудный же вы человек! Как жаль, что вы упорствуете насчет этого дела... Конечно, вы продемонстрируете все свои возможности, но только впустую! Вы просто понапрасну растрчиваете свою гениальность...

– Господин Люпен, – произнес Шолмс, прерывая наконец свое молчание, – вы слишком много говорите и частенько грешите избытком доверчивости и легкомыслием.

– Упрек суров.

– Вот так, сами того не ведая, всего минуту назад вы предоставили мне сведения, которых не доставало.

– Неужели вам не доставало каких-то сведений, а вы не обмолвились мне об этом?!

– Я ни в ком не нуждаюсь. Ровно через три часа я сообщу разгадку господину и госпоже д’Эмблевал. Вот единственный ответ...

Он не успел закончить, как лодка пошла ко дну, увлекая их за собой. Потом она вдруг всплыла и перевернулась вверх дном. С обоих берегов раздались крики, потом наступила тревожная тишина, затем снова выкрики: один из тонувших вынырнул.

Это был Херлок Шолмс.

Отличный пловец, он мощными движениями греб к лодке Фоланфана.

– Смелее, господин Шолмс, – прокричал бригадир, – мы здесь! Не сдавайтесь! Им мы займемся потом, мы держим его. Давайте... еще небольшое усилие, господин Шолмс... хватайтесь!

Англичанин ухватился за брошенный канат. Когда он забирался на борт, чей-то голос окликнул его сзади:

– Дорогой мэтр, черт меня подери, вы узнаете ее, разгадку. Я даже удивляюсь, почему вы до сих пор ее не нашли. И что потом? Что вам это даст? Именно тогда вы и проигрываете!

С комфортом усевшись на перевернутой лодке и не переставая разглагольствовать, Арсен Люпен сопровождал свою речь торжественными жестами, словно надеясь убедить собеседника.

– Поймите же, дорогой мэтр, ничего тут не поделаешь, совершенно ничего... вы находитесь в жалком положении человека...

Фоланфан прервал его:

– Сдавайтесь, Люпен.

– Вы – грубиян, бригадир Фоланфан, и прервали меня на полуслове. Так вот, я говорил...

– Сдавайтесь, Люпен.

– Дьявол вас заberi, бригадир Фоланфан, сдаются только тогда, когда находятся в опасности. Полагаю, вы не будете утверждать, что я подвергаюсь хотя бы минимальной опасности?

– Последний раз, Люпен, предлагаю вам сдаться.

– Бригадир Фоланфан, вы же не собираетесь убить или хотя бы ранить меня – настолько вы опасаетесь, что я ускользну. А если, по чистой случайности, ранение окажется смертельным? Подумайте хорошо, несчастный! Подумайте о старости, отравленной угрызениями совести!

Раздался выстрел.

Люпен пошатнулся, ухватился за лодку, а потом отпустил ее и исчез.

Было ровно три часа, когда все это случилось. Точно в шесть, как и обещал, Херлок Шолмс, облаченный в слишком короткие брюки и слишком узкий пиджак, позаимствованные у трактирщика из Нейи, в фуражке и фланелевой рубашке с шелковыми шнурками вошел в будуар на улице Мюрилло, заранее попросив господина и госпожу д'Эмблеваль назначить ему встречу.

Хозяева обнаружили его расхаживающим по комнате. Он выглядел настолько комично в своей странной одежде, что им еле удалось сдержать смех. С задумчивым видом, ссутулившись, он ходил как заведенный, делая в каждую сторону одинаковое количество шагов, каждый раз наклоняясь в ту же сторону.

Но вот он остановился, схватил какую-то безделушку, повертел ее и снова принялся шагать взад-вперед.

Наконец, остановившись перед ними, Шолмс спросил:

– Мадемуазель здесь?

– Да, она в саду, с детьми.

– Господин барон, поскольку наша сегодняшняя встреча последняя, я хотел бы, чтобы на ней присутствовала мадемуазель Демэн.

– Вот как, в самом деле?

– Погодите немного, мсье. Истина сама выйдет наружу благодаря фактам, которые я приведу, стараясь быть как можно более точным.

– Хорошо. Сюзанна, ты согласна?

Госпожа д'Эмблеваль вышла и тут же вернулась в сопровождении Алисы Демэн. Мадемуазель, выглядевшая бледнее обычного, осталась стоять, прислонившись к столу, и даже не спросила, почему ее позвали.

Шолмс, казалось, не замечал ее. Повернувшись к господину д'Эмблевалю, он произнес тоном, не допускавшим возражений:

– После нескольких дней расследования, мсье, несмотря на то, что определенные события меняли мой взгляд на вещи, повторю вам то, что сказал в первый же момент: еврейская лампа украдена кем-то, живущим в особняке.

– Имя виновного?

– Я знаю его.

– Есть доказательства?

– Тех, которыми я располагаю, хватит, чтобы заставить этого человека сознаться.

– Недостаточно его признания. Нужно, чтобы он вернул нам...

– Еврейскую лампу? Она у меня.

– А кольцо из опалов? Табакерка?

– Колье из опалов, табакерка, короче говоря, все, что у вас похитили во второй раз, тоже находится у меня.

Шолмс любил такие театральные эффекты и подобную, немного сдержанную, манеру сообщать о своих победах.

Барон и его супруга выглядели ошеломленными и смотрели на него с молчаливым любопытством, что само по себе было наивысшей похвалой.

Шолмс начал подробный рассказ о том, что проделал в течение этих трех дней. Он рассказал о букваре, написал на бумажке фразу, сложенную из вырезанных букв, затем сообщил о прогулке Брессона на берег Сены и о самоубийстве авантюриста, наконец поведал о борьбе, которую он, Херлок Шолмс, вел против Арсена Люпена, о потоплении лодки и исчезновении своего противника.

Когда он закончил, барон сказал:

– Вам остается только раскрыть нам имя виновного. Так кого же вы обвиняете?

– Я обвиняю человека, вырезавшего буквы из букваря и переписывавшегося таким образом с Арсеном Люпенем.

– Откуда вы знаете, что этот человек переписывался с Арсеном Люпенем?

– От самого Люпена.

Он протянул кусочек мятой и мокрой бумаги. Это была страница, вырванная из своего блокнота сидевшим в лодке Люпенем. На ней он и написал фразу.

– Заметьте, – добавил Шолмс с чувством удовлетворения, – никто не заставлял его отдавать эту страницу, обнаруживая себя. Простое ребячество с его стороны, благодаря которому я получил эти сведения.

– Вы получили эти сведения... – произнес барон. – Но я не понимаю...

Шолмс провел карандашом по буквам и цифрам.

АВЕЙКОТЧЭОТ-237.

– И что? – спросил господин д'Эмблеваль. – Это ребус, который вы нам уже показывали.

– Нет. Если вы взгляните в этот ребус, то сразу же поймете, как понял я, что он не похож на первый.

– И в чем именно?

– В нем на две буквы больше – «О» и «К».

– В самом деле, а я не заметил...

– Соедините эти две буквы «О» и «К», оставшиеся лишними после слова «отвечайте», и вы увидите, что единственное возможное слово – ЭКО.

– И что это значит?

– Это – «Эко де Франс», журнал Люпена, официальное издание, в котором он публикует свои сообщения. «Отвечайте в «Эко де Франс», в рубрике частных объявлений, номер 237». Это и было тем словом-загадкой, которое я столько времени искал. Именно его Люпен так любезно мне подсказал. Я отправился в контору «Эко де Франс».

– И что вы обнаружили?

– Обнаружил, причем во всех подробностях, историю переписки Арсена Люпена и его... сообщницы.

И Шолмс показал семь газет, открытых на четвертой странице, со следующими подчеркнутыми строчками:

1° АРС. ЛЮП. Дама умол. защит. 540.

2° 540. Жду объяснений. А. Л.

3° А. Л. Под власт. врага. Пропала.

4° 540. Пишите адрес. Проведу расследование.

5° А. Л. Мюрилло.

6° 540. Парк три часа. Фиалки.

7° 237. Договорились субб. Буду воскр. утр. парке.

– И вы называете это подробностями! – вскричал господин д'Эмблеваль.

– Господи, конечно же! Будьте внимательнее, и вы согласитесь со мной. Прежде всего, дама, подписавшаяся как «540», умоляет Арсена Люпена о защите, на что Люпен требует объясниться. Дама отвечает, что находится во власти врага. Безо всякого сомнения, это Брессон. И она пропала, если ей не придут на помощь. Люпен продолжает сомневаться, он еще не решается вступить в контакт с незнакомкой, требует адрес и предлагает провести расследование. Дама сомневается в течение четырех дней (сверьтесь с датами), наконец, подгоняемая обстоятельствами, под влиянием угроз Брессона сообщает название улицы: Мюрилло. На следующий день Арсен Люпен отвечает, что будет в парке Монсо в три часа и просит незнакомку держать в руках букет фиалок как условный знак. Затем восьмидневный перерыв в переписке. У Арсена Люпена и дамы не было необходимости переписываться через газету: они виделись или посылали письма лично. План составлен так, чтобы удовлетворить требования Брессона. Дама должна похитить еврейскую лампу. Остается только назначить день. Дама из осторожности пишет сообщение при помощи вырезанных букв. Она решает на субботу и добавляет: «Отвечайте Эко 237». Люпен подтверждает договоренность, а также то, что в воскресенье утром он будет в парке. В воскресенье утром состоялась кража.

– Действительно, выстраивается единая цепь, – подтвердил барон, – история завершена.

Шолмс продолжил:

– Итак, кража совершилась. Дама вышла в воскресенье утром, отчиталась Люпену о том, что сделала, и отнесла Брессону еврейскую лампу. Дела шли так, как предусматривал Люпен. Полиция, введенная в заблуждение открытым окном, четырьмя отметинами на земле и двумя царапинами на балконе, тут же выдвинула гипотезу о краже со взломом. Дама была спокойна.

– Хорошо, – сказал барон, – допускаю, что это очень логичное объяснение. Но вторая кража...

– Вторая кража была спровоцирована первой. После того как газеты рассказали об исчезновении еврейской лампы, кому-то пришла в голову мысль повторить кражу и присвоить то, что еще не унесли. На этот раз кража была

не инсценированной, а настоящей, с настоящим взломом, проникновением и тому подобным.

– Разумеется, это был Люпен...

– Нет, Люпен так глупо не работает. Люпен не стреляет в людей просто так.

– Тогда кто же это?

– Без сомнения, Брессон, но без ведома дамы, которую он шантажировал. Это Брессон проник сюда, это его я преследовал, это он ранил беднягу Вилсона.

– Вы абсолютно в этом уверены?

– Нет никаких сомнений. Один из сообщников Брессона написал ему вчера, до его самоубийства, письмо, доказывающее, что между этим сообщником и Люпенем начались переговоры о возвращении вещей, похищенных из вашего особняка. Люпен требовал всего первую вещь (то есть еврейскую лампу), а также и все вещи от второго дела. Кроме того, он не упускал Брессона из виду. Когда тот пришел вчера вечером на берег Сены, один из товарищей Люпена следил за ним одновременно с нами.

– Что собирался делать Брессон на берегу Сены?

– Он узнал о продвижении моего расследования...

– От кого он узнал?

– От той же самой дамы, которая совершенно справедливо полагала, что находка еврейской лампы не приведет к раскрытию ее кражи. Так вот, Бретон был предупрежден, он собрал в пакет все, что могло его скомпрометировать, и бросил в такое место, где можно было бы его забрать, когда опасность минует. Возвращаясь, он заметил, что мы с Ганимаром идем по его следу. Видимо, на его совести были и другие преступления. Он потерял рассудок и покончил с собой.

– Но что же было в пакете?

– Еврейская лампа и другие безделушки.

– Значит, они не у вас?

– Сразу же после исчезновения Люпена я воспользовался ванной, которую он заставил меня принять, чтобы попасть на место, выбранное Брессоном, и нашел украденные у вас вещи завернутыми в тряпки и промасленную бумагу. Вот они, на этом столе.

Не говоря ни слова, барон перерезал веревки, одним движением разорвал мокрое тряпье, вынул лампу, повернул винт у ее основания, нажал двумя руками на тайник, открутил его, открыл, разделив на две части, и достал золотую химеру, украшенную рубинами и изумрудами.

Она была цела.

За этим обычным, на первый взгляд, рассказом, за простым изложением фактов скрывалась настоящая трагедия. Это стало формальным, прямым, неоспоримым обвинением, предъявленным Шолмсом мадемуазель Алисе Демэн. Она красноречиво молчала.

Пока продолжалось жестокое и последовательное изложение мельчайших доказательств, ни один мускул не дрогнул на ее лице, ни возмущение, ни сомнение не нарушили ясности ее чистого взгляда. О чем она думала? Главное – что она собиралась сказать в ту торжественную минуту, когда ей придется отвечать, когда придется защищаться и разрывать железное кольцо улик, в которое ее так ловко заковал Херлок Шолмс?

Эта минута наступила, но девушка продолжала молчать.

– Говорите, скажите же что-нибудь! – воскликнул господин д'Эмблеваль.

Она так и не заговорила.

Он настаивал:

– Одно только слово оправдания... одно только слово протеста – и я вам поверю.

Она так и не произнесла этого слова.

Барон пересек комнату и снова заговорил, обращаясь к Шолмсу:

– Да нет же, мсье Шолмс! Я не могу поверить, что это правда! Бывают невозможные преступления! И это преступление противоречит всему, что я знаю, всему, что я видел в течение целого года. – Он положил руку на плечо англичанина. – А вы сами, мсье... Вы абсолютно и бесповоротно уверены, что не ошибаетесь?

Шолмс колебался, как человек, которого застали врасплох и он не готов моментально ответить. Однако он улыбнулся и сказал:

– Только человек, которого я обвиняю, мог благодаря занимаемому в вашей семье положению знать, что в еврейской лампе находится это великолепное украшение.

– Я не хочу в это верить, – прошептал барон.

– Спросите сами.

Действительно, это было единственное, чего он не попытался сделать, испытывая безоговорочное доверие к девушке. Однако нельзя было и дальше не замечать очевидного.

Барон подошел к Алисе Демэн и спросил, глядя ей в глаза:

– Это вы, мадемуазель? Это вы взяли драгоценность? Это вы переписывались с Арсеном Люпенем и организовали кражу?

Она ответила:

– Да, господин барон, это я.

Она не опустила головы. На ее лице не было заметно ни стыда, ни стеснения.

– Возможно ли это? – прошептал господин д'Эмблеваль. – Я никогда бы не подумал... вы – последний человек, которого я стал бы подозревать... Как вы осуществили это, несчастная?

Она ответила:

– Я сделала то, о чем рассказал господин Шолмс. В ночь с субботы на воскресенье я спустилась в будуар и взяла лампу, а на следующее утро отнесла ее... этому человеку.

– Да нет же, – возразил барон, – то, о чем вы говорите, невозможно!

– Невозможно? Почему?

– Потому что утром я нашел дверь будуара закрытой на засов.

Она покраснела, потеряла самообладание и взглянула на Шолмса, как будто просила у него совета.

Шолмс выглядел пораженным смущением Алисы Демэн едва ли не больше, чем замечанием барона. Так ей нечего ответить? Признания, на которых основывались объяснения Шолмса о краже еврейской лампы, маскировали ложь, немедленно разрушавшую весь анализ событий?

Барон снова заговорил:

– Эта дверь была закрыта. Я подтверждаю, что нашел засов, как он был оставлен накануне вечером. Если бы вы прошли через эту дверь, как говорите, то требовалось, чтобы кто-то открыл ее изнутри, то есть из будуара или из нашей комнаты. Но в этих двух комнатах никого не было... никого, кроме моей жены и меня.

Шолмс наклонился и закрыл лицо руками, чтобы не было видно, как он покраснел. Он будто ослеп от резкой вспышки, был поражен и растерян. Все стало ясно, как если бы он увидел пейзаж в лучах восходящего солнца: Алиса Демэн невинна!

Алиса Демэн невинна. Это была непреложная, ослепительная правда, вместе с тем объясняющая неловкость, что он испытывал с первого дня своего расследования, целью которого было предъявить ужасное обвинение этой девушке. Теперь ему все стало ясно. Он знал. Одно движение – и внезапно перед ним предстало неопровержимое доказательство.

Он поднял голову и взглянул настолько естественно, насколько это было возможно, на мадам д'Эмблеваль.

Она была бледна той непривычной бледностью, которая появляется в моменты самых тяжелых жизненных испытаний. Она попыталась спрятать руки, которые едва заметно дрожали.

«Еще секунда, – подумал Шолмс, – и она выдаст себя».

Он встал между баронессой и ее мужем, ощущая настоящую потребность заслонить ее от страшной опасности, угрожавшей, по его вине, этим мужчине и женщине, но при виде барона он содрогнулся. То же внезапное прозрение, что озарило Шолмса, теперь случилось и у господина д'Эмблеваля. То же самое происходило и в его мозгу. Теперь и он понял! Он увидел!

Отчаявшись, Алиса Демэн восстала против очевидной правды.

– Вы правы, мсье, я ошиблась... Действительно, я откуда не заходила. Я прошла через вестибюль и сад и по лестнице...

Высшее проявление преданности... но бесполезное! Слова звучали неестественно, а голос неуверенно. Взгляд этого нежного существа больше не был ясным и искренним. Победенная, она опустила голову.

Наступила ужасающая тишина. Мадам д'Эмблеваль застыла, мертвенно-бедная, напряженная, испуганная и встревоженная. Барон, казалось, боролся с собой, не желая верить в то, что его счастье разрушено. Наконец он пробормотал:

– Говори же! Объясни мне!

– Мне нечего сказать тебе, бедный мой друг, – произнесла она совсем тихо, голосом, истерзанным болью.

– Тогда вы, мадемуазель...

– Мадемуазель спасла меня... из преданности... из участия... и обвинила себя...

– Спасла от чего? От кого?

– От этого человека.

– От Брессона?

– Да, это мне он угрожал... Я познакомилась с ним у подруги и имела глупость слушать его... О нет, ничего такого, что бы ты не мог простить... но я написала ему два письма... ты увидишь эти письма... Я их выкупила – ты знаешь как. О, сжался надо мной! Я пролила столько слез!

– Ты... Сюзанна!

Барон занес над ней сжатые кулаки, готовый ударить, готовый убить. Но руки его опустились, и он прошептал:

– Ты, Сюзанна! Ты! Возможно ли это?

Короткими отрывистыми фразами его жена рассказала о горестном и банальном приключении, о своей растерянности и прозрении при виде подлости этого человека, об угрызениях совести и своем ужасе. Рассказала она и о замечательном поведении Алисы, догадавшейся об отчаянии своей хозяйки, написавшей Люпену и организовавшей эту историю с кражей, чтобы выволить баронессу из лап Брессона.

– Ты, Сюзанна, ты... – повторял господин д'Эмблеваль, сторбившийся, подавленный. – Как ты могла?

Вечером того же дня пароход «Виль де Лондр», курсировавший между Кале и Дувром, медленно скользил по глади вод. Ночь была темной и спокойной. Над пароходом лениво проплывали облака, легкие клочья тумана отделяли его от бесконечного пространства, где разливался белый свет луны и звезд.

Большая часть пассажиров поднялись в свои каюты и в салоны, но некоторые, самые отважные, прогуливались по палубе или же дремали в шезлонгах под толстыми пледами. То тут, то там вспыхивали огоньки сигар, слышался тихий шепот голосов, смешивавшийся с нежным дыханием бриза и не нарушавший величественную тишину.

Один из пассажиров, размеренным шагом гулявший вдоль леерных ограждений, остановился рядом с фигурой на скамейке и, увидев, что человек пошевелился, сказал:

– А я думал, вы спите, мадемуазель Алиса.

– Нет, нет, господин Шолмс, я не хочу спать. Я думаю.

– О чем? Не будет ли с моей стороны нескромным спросить?

– Я думаю о госпоже д'Эмблеваль. Она, наверное, страдает. Ее жизнь погублена.

– Да нет же, нет, – торопливо ответил он, – ее ошибка не из тех, которые нельзя простить. Когда мы уезжали, барон смотрел на нее уже не так сурово.

– Может быть... но быстро забыть будет нелегко... и она страдает.

– Вы очень ее любите?

– Очень. Именно это давало мне силы улыбаться, когда я дрожала от страха, и смотреть вам в лицо, когда хотелось отвести глаза.

– Вы несчастны оттого, что покинули ее?

– Очень несчастна. У меня нет ни родителей, ни друзей... никого, кроме госпожи.

– У вас будут друзья, – сказал англичанин, которого потрясло это горе, – обещаю вам. У меня есть связи, влияние... Обещаю, что вам не придется ни о чем сожалеть.

– Возможно, но там не будет госпожи д'Эмблеваль...

Они не обменялись больше ни словом. Херлок Шолмс сделал еще два-три круга по палубе, вернулся и уселся рядом с Алисой.

Завеса тумана рассеивалась, облака, казалось, отделялись от неба. Сияли звезды.

Херлок Шолмс достал из глубин своей крылатки трубку, набил ее, попытался зажечь, одну за другой, четыре спички, но безуспешно. Других спичек у него не было, поэтому он встал и обратился к господину в нескольких шагах от них:

– Будьте так любезны, не найдется ли у вас прикурить?

Господин достал коробок и чиркнул спичкой. При свете огонька Шолмс увидел Арсена Люпена.

Если бы не едва заметный жест, не безотчетное желание англичанина отпрянуть, Люпен мог бы предположить, что Шолмс знал о его присутствии на борту. Насколько англичанин владел собой, настолько же естественным было расположение, с которым он протянул своему противнику руку.

– Как всегда, в добром здравии, господин Люпен?

– Браво! – воскликнул Люпен в ответ на столь великолепное самообладание.

– Браво? Почему?

– Почему? Вы видите, что я появляюсь перед вами подобно призраку, после того как вы были свидетелем моего погружения в воды Сены. Из гордости, из поразительной гордости, которую я назвал бы чисто британской, вы не проявляете ни малейшего недоумения, не издаете ни единого возгласа удивления. Честное слово, повторю: браво! Это великолепно!

– Ничего великолепного. Увидев, как вы падаете с лодки, я сразу понял, что вы падаете специально и пуля бригадира вас не задела.

– И вы уехали, не узнав, что со мной случилось?

– Что с вами случилось? Я знал. Пятьсот человек обследовали оба берега на протяжении километра. С того момента, как вы ускользнули из лап смерти, ваше задержание стало неизбежным.

– Однако же я перед вами.

– Господин Люпен, только два человека на этом свете не могут меня удивить: прежде всего – это я сам, а затем – вы.

Мир был заключен.

Если Херлоку Шолмсу ни разу не удавалось одержать верх над Арсеном Люпенем, если он оставался исключительным противником, от поимки которого следовало категорически отказаться, если во время схваток он всегда был первым, то англичанин, по крайней мере благодаря своему удивительному упорству, все-таки нашел еврейскую лампу, как нашел ранее и голубой бриллиант. Может быть, на сей раз результат не был таким блестящим, особенно с точки зрения общественности, потому что Шолмс был вынужден умолчать об обстоятельствах обнаружения еврейской лампы и сообщить, что не знает имени виновного. Однако в борьбе этих двух мужчин, Арсена Люпена и Херлока Шолмса, полицейского и вора, говоря по справедливости, не было ни победителя, ни побежденного. Каждый из них мог претендовать на звание победителя.

Поэтому они беседовали, как галантные противники, сложившие оружие и оценивающие друг друга по достоинству.

По просьбе Шолмса Арсен Люпен поведал ему о своем побеге.

– Не знаю, – сказал он, – можно ли назвать это побегом, настолько все просто. Мои друзья были наготове, потому что мы встретились, чтобы выловить еврейскую лампу. Кроме того, пробыв добрых полчаса под перевернутой лодкой, я воспользовался моментом, когда Фоланфан и его люди искали мой труп, и выбрался из-под лодки. Друзьям только и оставалось, что забрать меня в свой катер и вывезти прямо на глазах пятисот ошарашенных зевак, Ганимара и Фоланфана.

– Хорошенькое дело! – вскричал Шолмс. – Вам все удалось! И что вы теперь собираетесь делать в Англии?

– Да так, надо уладить кое-какие дела... Но я хотел спросить, как господин д'Эмблевалль?

– Он все знает.

– Ах, дорогой мэтр, я же вам говорил! Теперь случившееся зло непоправимо. Не лучше ли было дать мне действовать по своему разумению? Еще день-два – и я отобрал бы у Брессона еврейскую лампу и безделушки, отослал их д'Эмблевалям, а эти славные люди так и продолжали бы мирно жить вместе. А вы...

– А я, – усмехнулся Шолмс, – спутал карты и внес разлад в семью, которую вы защищали.

– Видит Бог, да, я ее защищал! Разве следует постоянно только воровать, жульничать и причинять зло?

– Значит, вы еще и творите добрые дела?

– Когда есть время. К тому же меня это забавляет. Я нахожу чрезвычайно забавным, что в нашем деле я выступаю в роли доброго гения, спасающего и приходящего на помощь, а вы – в роли гения злого, приносящего отчаяние и слезы.

– Слезы, слезы... – ответил англичанин.

- Конечно, семья д'Эмблевалей разрушена, а Алиса Демэн рыдает.
- Она больше не могла там оставаться. Ганимар рано или поздно изобличил бы ее, а через мадемуазель вышел бы на мадам д'Эмблеваль.
- И все же, мэтр, как по-вашему, кто совершил ошибку?

Перед ними прошли двое. Шолмс дрогнувшим голосом спросил Люпена:

- Вы знаете, кто эти джентльмены?
- Мне показалось, что один из них - капитан корабля.
- А другой?
- Не знаю.
- Это господин Остен Жилетт. А господин Остен Жилетт занимает в Англии ту же должность, что и господин Дюдуа, начальник французской сыскной полиции.
- О, какое счастье! Не будете ли вы так любезны представить меня ему? Господин Дюдуа - один из моих друзей. Я был бы счастлив сказать то же самое об Остене Жилетте.

Два джентльмена снова приближались.

- А если я поймаю вас на слове, господин Люпен? - спросил Шолмс, вставая, и сжал его запястье железной хваткой.
- Зачем же так хватать, мэтр? Я готов следовать за вами.

И он без сопротивления дал себя увести. Два джентльмена уже удалялись, и Шолмс ускорил шаг. Его ногти впивались в руку Люпена.

- Идем, идем... - глухо пробормотал он, безумно торопясь как можно скорее покончить со всем этим. - Идем! Быстрее, быстрее! - И вдруг остановился как вкопанный: за ними следовала Алиса Демэн. - Что вы делаете, мадемуазель! Не надо, не подходите!

На это ответил Люпен:

- Мэтр, прошу вас заметить, что мадемуазель идет не по доброй воле. Я сжал ее руку так же энергично, как вы мою.
- Зачем?
- Как это «зачем»? Я настаиваю, чтобы вы представили и ее. Роль мадемуазель в истории с еврейской лампой еще более значительна, чем моя. Сообщница Арсена Люпена, сообщница Брессона, она должна будет рассказать о приключении баронессы д'Эмблеваль, что чрезвычайно заинтересует полицию... И таким образом вы доведете свое доброжелательное вмешательство до конца, благородный мистер Шолмс.

Англичанин отпустил руку пленника. Люпен освободил руку мадемуазель.

Несколько мгновений они, не шевелясь, глядели друг на друга. Затем Шолмс подошел к скамейке и снова сел. Люпен и девушка заняли свои места.

Повисло длительное молчание. Затем Люпен сказал:

– Вот видите, мэтр, что бы мы ни делали, мы никогда не будем на одной стороне. Вы находитесь по одну сторону пропасти, а я – по другую. Мы можем приветствовать друг друга, можем какое-то время беседовать, но пропасть между нами остается. Вы всегда будете Херлоком Шолмсом, детективом, а я – Арсеном Люпенем, взломщиком. И всегда Херлок Шолмс будет подчиняться, более или менее спонтанно, кстати или некстати, своему инстинкту детектива, выражающемуся в том, что нужно бороться со взломщиком и посадить его, если получится. А Арсен Люпен всегда будет действовать согласно своему воровскому духу, выскальзывая из рук детектива и посмеиваясь над ним, если получится. На этот раз получилось! Ха-ха-ха!

Он рассмеялся. Смех этот был лукавым, жестоким и презрительным.

Потом, внезапно приняв торжественный вид, он наклонился к девушке.

– Будьте уверены, мадемуазель, что, даже дойдя до последней черты, я бы вас не предал. Арсен Люпен никогда не предает, особенно тех, кого любит и кем восхищается. И позвольте мне сказать, что я люблю и восхищаюсь таким отважным и милым созданием, как вы.

Он достал из своего портфеля визитную карточку, разорвал ее на две части, одну половинку протянул девушке. И тем же взволнованным и почтительным голосом продолжил:

– Если господин Шолмс не преуспееет в своих замыслах, мадемуазель, то представьтесь леди Стронгбороу (вы легко узнаете, где она сейчас проживает) и передайте ей эту половинку карточки, сказав два слова: «верная память». Леди Стронгбороу будет вам предана, как сестра.

– Спасибо, – сказала девушка, – я завтра же пойду к этой даме.

– А теперь, мэтр, – заявил Люпен удовлетворенным голосом человека, выполнившего свой долг, – желаю вам доброй ночи. Нам остается еще час пути. Воспользуюсь этим.

И, подложив руки под голову, он вытянулся на скамейке во весь рост.

Небо распахнулось, открывая дорогу лунному свету. Его блеск обволакивал звезды и гладь моря, растекался по воде. Казалось, луне принадлежат необъятные просторы, где терялись последние облака.

Береговая линия уже вырисовывалась на горизонте. Пассажиры вышли на палубу, и она заполнилась людьми. Господин Остен Жилетт прошел в сопровождении двух мужчин, в которых Шолмс узнал английских полицейских.

Люпен дремал на скамейке...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
Royallib.com: <http://royallib.com>

Оставить отзыв о книге:
http://royallib.com/comment/leblan_moris/arsen_lyupen__dgentlmengrabitel_sbornik.html

Все книги автора: http://royallib.com/author/leblan_moris.html

notes

Сноски

1

Название тюрьмы – Санте – в переводе означает «здоровье». – Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

2

По-французски название пишется Thibermesnil.

3

По-французски буква r и слово air (воздух) и буква l и слово aile (крыло) звучат одинаково.